

EESTI VABARIIGI TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETUSED

ACTA ET COMMENTATIONES
UNIVERSITATIS TARTUENSIS
(DORPATENSIS)

B

HUMANIORA

XVIII

TARTU 1930

EESTI VABARIIGI TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETUSED

ACTA ET COMMENTATIONES
UNIVERSITATIS TARTUENSIS
(DORPATENSIS)

B

HUMANIORA

XVIII

TARTU 1930

K. Mattieseni trükikoda O/Ü., Tartus.

Sisukord. — Contenta.

1. **Juhan Vasar.** Taani püüded Eestimaa taasvallutamiseks 1411—1422.
Referat: Dänemarks Bemühungen Estland zurückzugewinnen 1411—1422.
 2. **Leo Leesment.** Über die livländischen Gerichtssachen im Reichskammergericht und im Reichshofrat.
 3. **А. И. Стендер-Петерсен (Ad. Stender-Petersen).** О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском.
Referat: Über rudimentäre Reste des Aorists in den slavischen Sprachen, vorzüglich im Russischen.
 4. **М. Курчинский (M. Kourtehinsky).** Соединенные Штаты Европы. Экономические и политические перспективы этой идеи.
Résumé: Les États-Unis de l'Europe. Les perspectives économiques et politiques de cette idée.
 5. **К. Wilhelmson.** Zum römischen Fiskalkauf in Ägypten.
-

TAANI PÜÜDED EESTIMAA TAAS- VALLUTAMISEKS 1411—1422

JUHAN VASAR

MIT EINEM REFERAT:

DÄNEMARKS BEMÜHUNGEN ESTLAND
ZURÜCKZUGEWINNEN 1411—1422

TARTU 1930

K. Mattieseni trükikoda o/ü., Tartus.

Eessõna.

Alljärgneva töö teemat ei või nimetada eriti tänulikuks. Kroonikalised teated meid huvitavast sündmustikust puuduvad täiesti. Otsekoheseid ürikuid Pommeri Eeriku sepitsustest ordu vastu teistes riikides on säilinud väga vähe, nende arv ei ületa viit. Diplomaatilised sepitsused hoiti suures saladuses, sellepärast leidub ka muus säilinud üriklikus materjalis võrdlemisi väga vähe konkreetseid andmeid, mis oleksid meie teemale ära kasutatavad. Eriti tuleb teadete kasinuse üle kurta just Taani intrigeerimise uurimisel ordude alluvate vasalkondadega, samuti ka Liivi prelaatidega, milline teotsemine juba loomulikult ei jäta järele palju kirjalisi jälgi.

Käesolevas töös on katsutud kõike üriklikku materjali, mis enamikus leidub ordupoolseis ürikuis, liita suuremaks sündmusestõltumuseks. Senised uurimused, mis enamikus puudutavad Eeriku üritusi Eestimaa suhtes ainult mööda minnes, ei ole autorile olnud kuigi suureks abiks. Põhjalikku uurimust sel teemal ei ole. Autorid, kes Eeriku üritusi pikemalt jutu alla võtavad, näit. Mollerup, Ruuth, Erslev, piirduvad peamiselt ainult ürikliku materjali refereerimisega või jälle on oma pealiskaudsusega jõudnud tulemustele, mida ei või aktsepteerida (nii Seeliger, Prochaska, Nieborowski j. t.). Erandina tuleks nimetada L. Arbusow'it, kes oma „Akten und Rezesse der Livländischen Ständetage" I jaos üriklike teateid on kombineerinud vastastikusesse sõltumusse. Kahjuks aga on need kombinatsioonid, nagu Arbusow'i teose iseloomult teisiti ei tohigi oodata, ainult väiksemates spetsiaalküsimustes läbi viidud; üldise kokkuvõtte on Arbusow jätnud andmata; samuti käsitleb Arbusow peamiselt ainult Eeriku üritusi Liivi seisuste juures, sedagi mitte täielikult — Eeriku üritusi välisriikides ta ei puuduta. Enamikus on Arbusow'i tulemused meie töös ära kasutatud, osalt oleme pidanud neid revideerimise alla võtma.

Arvestades teemas ettenähtud sündmustiku iseloomu, osalt ka ürikmaterjali tõttu on ette võetud selle jagamine kolmeks pea-

tükiks. Eeriku orduvastalised üritused välisriikides ja Liivimaal hargnevad võrdlemisi iseseisvalt ja mõjustavad üksteist vähe, kuna üldine Eeriku vaenlik suhtumine ordu vastu 1422. aastani on täiesti pidev. Samuti olid Eeriku suhtumised välisriikidega oma arenemises mõjustatud hoopis teistest teguritest kui ta sise-liivimaalised üritused. See põhjustas ühti kui teisi vaatlema eripeatükis, kronoloogiline ülevaade oleks tekitanud asjata kordumusi. Taani orduvaenulise lakkamine on tingitud asjade arenemisest mõlemas suunas; selle põhjuseks on suurelt osalt ka mõlema Taani välispoliitilise suunduse vastastikune mõjustamata hakkamine 1422. Selle tõttu vaatleme seda küsimust omaette peatükis.

Vaadeldes Taani suhtumisi ordu asjus teiste valitsejatega, Liivi prelaatide ning vasalkondadega, ja lõpuks Pommeri Eeriku ordu vastu sihitud ürituste lakkamist, tuli ette võtta mitmeid ümberhinnanguid. Kolme tähtsama üriku dateerimise parandamise tagajärjel ei saanud muidugi püsima jääda endise dateerimise põhjal tehtud oletuste juurde. On püütud selgust luua Eeriku sellekohase poliitika üksikute faaside vahel, üksikult esinevaid teateid kokkukuuluvalt seletada. Samuti on katsutud leida sidet Eeriku Šlesvigi ning ordupoliitika vahel ja konstateerida nende vastastikust mõjustust. Otsekoheste teadete puudumisel tuli mitmeid oletusi teha teiste orduvaenuliste riikide seisukoha järele, mis sagedasti väga raske, kuna näit. Rooma Sigismundi suhtumine orduga on samuti pea täiesti läbi uurimata kui meiegi teema. Just viimases küsimuses tuli olla väga ettevaatlik ja mõneski küsimuses oletus ära jätta, sest autorile ei olnud kättesaadavad kõik teosed, mis oleksid materjali andnud Sigismundi ordupoliitika hindamiseks. Eriti tuleb kahjatseda Altmanni Sigismundi ürikukogu puudumist. Selles mõttes on käesolev töö eriti ta esimeses peatükis teatud määral ebatäielik. Ka mõnede teiste tööde tarvitamine, nagu Pommeri „Urkundenbuch“, Wehrmann'i Pommeri ajalugu, Voigt'i „Erwerbung der Neumark“, oleksid kättesaadavuse korral tööd võib-olla, kuigi mitte oluliselt, siiski täiendanud. Nimetamata võiks jääda Prochaska „Król Władysław Jagiello“ (1908), mis jäi tarvitamata poola keele mitteoskuse tõttu, sest Prochaska hilisema töö (1911) kaudu oleme ta vaadetega Taani-Poola suhtumise üle kahjuks tuttavad.

Käesolev uurimus on esitatud magistritööna 1927. aasta ke-

vadel Tartu Ülikooli Filosoofia-teaduskonnale. Siinkohal kasutab autor juhust t ä n u a v a l d a d a oma õpetajale professor A. R. C e d e r b e r g'ile, kes on osutanud talle alati lahket vastutulekut ja abi niihästi teemale juhtimisega kui ka pidevate nõuannetega.

Taani püüded Eestimaal taasvallutamiseks 1411—1422.

Saksa ordu ühes oma liivi haruga oli oma loomulikus laiene-
mises juba üsna varakult kokku puutunud skandinaavlastega põh-
jas, poolakatega ja leedulastega lõunas. Ära kasutades naabrite
sisemist nõrkust, omavahelisi hõõrumisi, teisale sihitud huvisid,
oli ordu neilt ostuteel omandanud ühelt poolt Eestimaa, teiselt
poolt Samogiitia ühes muude väiksemate maa-aladega, oli Poola
eest ära näpanud ta loomuliku merelepääsu — Danzigi Pommeri
ja ärakasutanud Kalmari uniooni eel käivaid riikide omavahelisi
võitlusi, et teha end Rootsile kuuluva Ojamaa saare peremeheks.
Laiutumine, eriti aga vägivaldne, naabrite kulul, pidi loomulikult
viimastel esile kutsuma pretensioone kaotatud maade tagasisaami-
seks. Niikaua aga kui naaberriigid püsisid üksikult ja omavahe-
lises tülis, ei olnud ordul eriliselt tarvis karta oma valduste alal-
hoidmise pärast.

See ordule võrdlemisi soodus poliitiline konjunktuur muutus
aga 14. ja 15. sajandi vahetusel. Ordu naabrite hulgas sündisid
jõudude ümbergrupeerumised, mis sisemiselt lagunevale orduriigile
võisid kergesti saada saatuslikuks.

Algust tegi Poola-Leedu ühinemine Krakovi pulmas 1386, mis
aga esialgu oli ainult nimeline ja samuti lõdvaks jäi Leedu läänis-
tamisega 1392 Vitautas'ele, kes esialgu pea täiesti iseseisvalt valit-
sedes, liidus olles orduga oma agressiivset politikat suundas pea-
asjalikult idasse. Vitautas'e suurejoonelised väljavaated, luua ene-
sele suurt idariiki iseseisvalt Poolast¹⁾, nurjusid otsustava kao-
tusega Vorskla ääres 1399. Vitautas oli nõrgenenuna sunnitud jälle
seljatuge otsima Poolalt, oma täieliku iseseisvuse lootused ja püü-
ded esialgu maha matma, ta agressiivne politika võttis paariks
kümneks aastaks ühiselt poolakatega suunduse läände — ordu

¹⁾ Osten-Sacken, lk. 194 jj.

vastu ²⁾). Seda Vitautas'e uut seisukohta manifesteerivad uniooni uuesti kokkutõmbavad Vilna ürikud 18. jaanuarist 1401. Sellest silmapilgust peale võime dateerida Poola-Leedu uniooni hädaohtrikuks saamist ordule.

Kuna Poola ja Leedu ühinemine ähvarduseks oli peajasjalikult ordu Preisi harule — Poola nõudles Danzigi Pommerit, Leedu Samogiitiat, kujunes vahetult Liivimaale hädaohtrikumaks teine unioon, mis toimus 1397. aastal Kalmaris. Kui Valdemar Atterdag müüs 1346. a. Eestimaa ordule, siis näis, nagu oleks Taani lõplikult loobunud sellest hertsogkonnast. Taani jõud olid koondunud esialgu iseenese riigi taaskoostamiseks, siis tulid sõjad hansalastega ja uniooni püüded, mis Taani huvid oma külge köitsid, ja vaevalt lasksid mõtet Eestimaa üle üles kerkida. Esialgu oli Skandinaavia riikidest Rootsi see, kes Eestimaa vallutamisest huvi tundis ja selleks 1348 ka läbikäimisse astus Eestimaa vasallidega, kes tõrkusid ordu alla minemast ³⁾). Kuid varsti köideti ka Rootsi jõud põhjariikide omavaheliste arvete õiendamistega, ainult võrdlemisi iseseisvat Soome droosti Boo Jooni poega näeme end mööda minnes segavat 1380-dail aastail Liivi sisemistesse asjadesse ⁴⁾). Ka Margaretha poolt ei astunud resolutsioone samme 1390. aastal end ärevasse seisukorda segamiseks, kuigi Riia peapiiskopp Johannes Sinten selleks katseid tegi ⁵⁾).

Kalmari uniooniga muutub seisukord Põhjas teiseks. Kui nõrgalt või tugevalt üksikud riigid selle läbi omavahel seotud ja kui täielikult nende vahel hõõrumispunktid kõrvaldatud olidki, ometi oli nüüd võimalik seda jõudu, mis seni ära kulus omavahelisteks võitlusteks, juhtida väljapoole. Kalmari uniooni teostumisega võime jälle rääkida nende riikide väljaspool Skandinaaviat asuvate eesmärkide saavutamise katsetest, mida seni oli takistanud nende omavaheline rivaalsus. Värske uniooni välispolitika pöördub nüüd peajasjalikult kahele poole. Nagu üldse unioonis domineerivaks riigiks oli Taani, on Taani huvid ka välispoliitikas esikohal.

Ühelt poolt on uniooni politika eesmärgiks saavutada tagasi Taanilt äravõõrdunud ja Holsteini krahvide kätte läinud Šlesvigi

²⁾ Osten-Sacken, lk. 200 j., Schieman I, lk. 521.

³⁾ Gernet I, lk. 46 j.

⁴⁾ Girgensohn, lk. 12.

⁵⁾ Girgensohn, lk. 35.

hertsogkond. Ida pool aga põrkab Taani kokku Saksa orduga. Esialgu oli idas Taani peapüüdeks Ojamaa taasvallutamine. Teame, et see Rootsile kuuluv saar oli Margaretha ja Meklenburi Albrecht'i vahelistes võitlustes saanud viimasega liidus olevate viitaaliavendade „operatsioonibaasiks”, kust meriröövlid terroriseerisid kogu idapoolset Balti merd. Kaubanduskaitse ettekäändel oli ordu 1398. a. saare okupeerinud, keeldus aga sõja lõppedes Margaretha ja Albrecht'i vahel seda mitmesuguste ettekäändete all esimesele välja andmast. Taani ja ordu vahekord oli 15. sajandi esimesel kümnel selle tõttu äärmiselt terav, 1403./4. aastal läks asi avaliku sõjani, milles aga Taani esialgu veel liiga nõrgaks osutus, et Ojamaad väevõimuga kätte saada. Asi lõppes kompromissiga 1408. aastal, kus ordu 9000 noobli eest Ojamaast loobus ⁶⁾. Ordule oli see summa liiga väike, Taanile, kes juba Meklenburi Albrecht'ile Ojamaa eest 8000 lüübeki marka oli maksnud, liiga suur. Loomulikult jäi selle järele ordu ja Taani vahekord vastastikuse antipaatiatähe alla ⁷⁾.

Vahepeal aga oli ordu ja Poola ning Leedu vahel lahti puhkenud n. n. suur sõda ja 15. juulil 1410 löödud võidukas Tannebergi lahing, mis ordu sisemise lagunemise ja ta nõrkuse kõigile silmanähtavaks tegi. Kuigi Poola ja Leedu mitmesugustel põhjustel olid sunnitud Thorni rahu 1411 loobuma suurest osast võiduviljast, leppides kõigest Samogiitia saamisega Vitautas'e ja Jagiello eluajaks, mõne muu vähema maa-ala ja võrdlemisi suure kontributsiooniga, siiski oli Saksa ordu seisukord niivõrt halatsemisväärioline, et ta ka teistel riikidel võis äratada tahet, ordu nõrkust oma huvides ära kasutada.

Loomulik on siis, et ka Taani Margarethal, kel niikuinii orduga halbu kogemusi oli olnud, võis kerkida mõte silmapilku ära

⁶⁾ Hea ülevaade Taani ja ordu suhtumisest Ojamaa küsimuses leidub Daenell'i Blütezeit, lk. 140 jj.

⁷⁾ Erslev, Erik, lk. 77 nimetab Taani orduvaenulisuse põhjusi loendes esijoones seda, et see olnud tingitud Taani kuninga päritolust Pommerist, kelle huvid mitmesugustel põhjustel käisid risti vastu ordu omadele. Kahjuks ei tea aga Erslev midagi Taani orduvaenulisest suhtumisest enne 1415/16; kui ta neid juba teaks alanuna enne Margaretha surma, ei teeks ta seda kindlasti, sest Margaretha eluajal oli Eerikul ja ta vaadatel võrdlemisi vähe mõju tegelikkuses. Kui palju Pommeri huvid ka hiljemalt, Eeriku üksinda valitsedes, mõju avaldasid Taani ordu politikale, näeme pärast. Igatahes tuleb hoiduda siin liialdusest.

kasutada ja ühtlasi kätte maksta. Eesti hertsogkonna endine Taanile kuuluvus pidi Valdemar Atterdagi tütrele teada olema. Ordu seisukord peale Tannenbergi lahingut oli aga niisugune, et nüüd võimalik oleks kadumaläinud provintsi jälle tagasi saada. Juba aprillis 1411 on liivi ordumeistril teateid, et Taani kuningas kavatsesvat ordu vaenlaseks saada ⁸⁾, ja arvestades hiljemini tõenduvat ordupoolsete ürikute head informeerutust, ei ole meil põhjust kahelda, et see nii ka on olnud. Käesoleva teatega algab terve aastakümne läbiminev rida ürikuid, mis kõnelevad Taani püüetest Eestimaa ordult ära kiskuda.

Loomulikuks liitlaseks Taanile ta püüete teostamisel olid Poola ja Leedu, ordu ägedamad vastased. Ka poolakad tarvitasid liitlasi, ja loomulikult pöördusid nende silmad hiljuti orduga teravas tülis olnud Põhja uniooni poole. Esimene üriklisult konstateeritav poolakate ühendusse astumine Taaniga oli juba 1412. a. algupoolel ⁹⁾. Sellest peale, mõningate kõikumistega, tiheneb mõlemate unioonide vahekord. 1415. aasta esimesel pooltel tekib mõlemate poolte vahel ründepeping ordu vastu, mida korratakse 1419. aastal. Ordu ahvardab mõlema peavaenlase ühinemine uueks suureks uniooniks juba kokkulepitud mõlema uniooni pärijate abiellumise teel, tema täielik jagamine nende kahe riigikomplekti vahel, kusjuures mõningate maa-alade kaassaaajaks oleks olnud Rooma kuningas Sigismund, kes ka eelmisest lepingust oli osa võtnud. Ordu viibis üle kümne aasta alalises sõja-hädaohus ja oli sunnitud üksteisele lähenevate unioonide vahel alaliselt laveerima, et end vee peal hoida. 1422. aastaks siiski läks ordul korda suuremast hädast üle saada, ehk küll osalt mitte enese vastuabinõude abil. 1422. aastal lakkab niihästi Taani kui ka Leedu orduvaenulisus — Poola jääb ordu suhtes isoleerituks. Lakkamise põhjusi vaatleme töö 3. peatükis, esialgu aga tutvume Eeriku katsetega ühendusse astuda välisriikidega ordu vastu, et sel viisil Eestimaa kätte saada.

⁸⁾ UB. 4, nr. 1878.

⁹⁾ Vt. I ekskurss.

1. p e a t ü k k.

Taani otsekohesed üritused Eestimaa kättesaamiseks ja ühendusse astumine teiste ordu välisvaenlastega.

Esiolgu katsus Taani oma eesmärgi saavutada rahulikumate abinõudega. Nendest püüetest teadasaamise võlgneme käesolevale tööle juurdelisatud ürikule ¹⁰⁾. 1412. aasta alul, kui päralt jõudis Rooma kuninga Sigismundi kiri Taani kuninga juurde manitsusega, olla ordu vastu heatahtlik, viibis viimase juures Poola saatkond, kes Eerikut ja Margarethat ordu asjus oma poole katsus tõmmata. „Sigismundile meeleheaks” saadetigi ordu juurde Taani saatkond, kes pakkus viimasele oma kuninga nõu ning abi. Ordu vastas lahke pakkumise peale samuti saatkonna läkitamisega Taanimaaale, mis koosnes ühest Danzigi vaimulikust ja rüütel Schillingsdorf’ist. Saatkond tänas kuningat lahkuse eest ja andis edasi kingitusena Eerikule ja Margarethale orduvenduse, mis viimaste poolt ka vastu võeti, sai aga hakkama ettevaatamatusega, viisakuse näol lubades kuningale ordu nimel „staden zu allem rechten”, kui ordu käes midagi peaks olema, mis kuulub õiguse järele kuningale.

Veel enne oktoobri lõppu 1412 läks välja Pommerisse ja ordu juurde Taani saatkond, koosnev riiginõunikudest (jren rad) Andreas Jakobs’ist, Hennung Kongsmark’ist ja Benedikt Pogwisse’st. 1413. aastal, arvatavasti küll septembri- või oktoobrikuul, viibis saatkond Marienburis ordu kõrgmeister Heinrich v. Plaueni juures, püüdes läbi viia Taani kuningat vahekohtunikuks ordu ja Poola vahelistes sekeldustes. Kõrgmeister lükkas ettepaneku tagasi ettekäändel, et ta püsib vahekohtus Rooma kuninga ja paavsti näol ¹¹⁾. Siis tõusetasid saadikud nõude, et kõrgmeister Eestimaa ¹²⁾ suhtes Taani kuningale peaks „czu rechte steden”, toetudes eelnimetatud ordusaadikute ettevaatamata vii-

¹⁰⁾ Üksikute sündmuste dateerimise kohta, mis selles dokumendis kirjeldatud, vaata Ekskurss 1, samuti teiste dokumentide juures üleskerkivate küsimuste suhtes.

¹¹⁾ Kõrgmeistri poolt ettepaneku tagasilükkamise motiiviks võis olla Taani kuninga notoorne orduvastatus.

¹²⁾ Kahtlemata tuleb ürikus nimetatud hertsogkonda Eyslant pidada Eestimaaks. Eyflant’i all esineb küll järjekorraliselt Liivimaa, kuid siin on dokumendi algtekstis f parandatud s’iks. Juba sõna „hertsogkond” ei luba selle all Nieborowski (lk. 208) eeskujul mõista Liivimaad.

sakuse sõnale. Kuna endised ordu saadikud Taani kuninga juures seda ütluse väljendamist kinnitasid, ei jäänud kõrgmeistril muud üle kui vastata, et ta ei olevat uskunud, et tema volitatud ütlust nii tõsiselt võetakse. Taani saatkond nõudis selle peale, et Eestimaa küsimus antaks vahekohtu alla, mis aga tagasi lükati. Taanlased lubasid, et hertsogkonna vahekohtu alla andmise korral on nende kuningas ühes Pommeri hertsogiga ordule abiks. Kõrgmeister ütles, et ta ei usaldavat ühtegi Pommeri hertsogit. Taani saadikud küsisid seepeale, kas nende kuningas on temale usaldamatuseks põhjust andnud, sest see olevat ka Pommeri hertsog. Meister seletas, et ta ei olevat kuninga vastu umbusaldust avaldanud. Saadikud vastasid, et Eerik olevat oma riikide kuningas, kuid sündimise poolest Pommeri hertsog. Kõrgmeister kinnitas uuesti, et ta ei ole Eerikut hulka arvanud. Siis küsisid saadikud, kas Pommer-Stolpi Boguslaw on kõrgmeistrile põhjust andnud umbusalduseks. Kui see nii, siis saavat Eerik, kes esimesega ühiselt valdab Stolpi hertsogkonda, Boguslavisse mõju avaldada. Selgus, et Boguslav VIII ei ole pidanud 1409. a. tehtud lepingut, ordule sõjaliselt abiks olla. Taanlaste nõude peale andis kõrgmeister neile oma saadikud Boguslavi juurde sõiduks kaasa, kes pidid veendumas selles, et viimane tahab ordule „õiguse juures olla”.

Pommeri Boguslav aga näitas saadikutele ette dokumentaalsed tõendused, et ta oma lepingu kohustused on täitnud, ja kaebas, et ordu on tema ja Eeriku maid rüüstanud keset rahuaega.

1414. a. alul tagasi sõites uue kõrgmeistriga läbirääkimisi pidama, seletas see, et dokumentaalsed tõendused selle üle, et Boguslav lepingut on täitnud, andnud endine kõrgmeister Plauen ilma ordu käsutajate teadmata. Saadikud esinesid uuesti pretensioonidega Eestimaa peale; meister vastas eitavalt. Seepeale nõudsid saadikud, et kõrgmeister annaks Eestimaa vahekohtu alla, missugusel korral ordule lubatakse Eeriku sõprust. Kõrgmeister vastas kategooriliselt eitavalt, ja lubas enda ennem üles puaa kui Eestimaa ära anda.

Refereeritud üriku vähegi tähelepaneliku läbilugemine näitab, et see ürik sugugi ei ole aluseks laialdasema orduvastase liiduse tekkimise konstateerimiseks, samuti ka mitte kokkuleppe leidmiseks sel ajal Poola ja Taani vahel, nagu seda ekslikult arvab Nieborowski¹³⁾. Muidugi konstateerib käesolev kiri Poola-Taani lä-

¹³⁾ Nieborowski, lk. 208 j. Selle eksimõtte tagajärjel nähtavasti ongi N.

bikäimist juba 1412. aastast saadik, ja ei ole sugugi võimatu, et eriti Eeriku onu Boguslavi kaudu, kes oli Poola liitlane, paralleelselt meie ürikus kirjeldatud aktsioonile igaks juhuks Taani poolt ka Poolaga orduvastalisi plaane sepitseti. Ürikus kirjeldatud Taani saatkonna teotsemist 1413./14. a. ordu suhtes tuleb võtta aga Taani täitsa iseseisva aktsioonina.

Esimesel pilgul on selge, et saadikute pea-ülesandeks oli ordu juures pretensioonide tõstmine Eestimaa hertsogkonna peale, mis aga sugugi ei olnud paljas tülinorimine, vaid tehtud nähtavasti lootuses, et ordult tõesti korda läheb hertsogkonda diplomaatilisel teel suurema vaevata kätte saada. Saatkonna argumentatsioonist ulatub sel puhul punase niidina läbi katse, näidata kõrgmeistrile, et vastutuleku puhul nende kuningale Eestimaa asjus garanteerib kõrgmeister enesele viimase poolehoidu ja abi ühes Pommeri hertsogite sõprusega. Eriti silmatorkavaks sellesuunaliseks näiteks on Taani saadikute püüd, ümber lükata kõrgmeistri umbusaldust Pommeri hertsogite vastu, minnes isegi niisugustele võtetele, et ka Eerik ise asetatakse viimaste hulka, et siis kõrgmeister ei saaks oma umbusaldust üldistada j. n. e. Püütakse ordule selgeks teha pommerlaste olenevust Taanist; selle otstarbega on ette võetud ka vahepealne saadikute matk ühes ordu esindajatega Pommerisse Boguslavi juurde. Viimaks ähvardatakse ordu eitava vastuse korral Eestimaa asjus Taani kuninga ja Pommeri hertsogite vaenlusega.

Üldiselt tuntud ordu rasket seisukorda Tannenbergi lahingu järel lootsid siis Eerik ja Margaretha ära kasutada ordult Eestimaa väljapressimiseks, kusjuures nad, seda diplomaatilisel teel kätte saades, võib-olla tõesti oleksid ordule poolakate vastu abi andnud. Kogu Taani teguviis selles asjas tuletab elavalt meelde Sigismundi samasuguseid katseid 1416. aasta alul ja pärast, millega allpool tutvume. Kuna on teada, et ordu siis Sigismundi sõpruse eest valmis oli ära andma Neumarki, mis temale kalli raha eest panditud, siis näeme, et Taani praegu kirjeldatavad püüded ei olnud sugugi arvestuseta tehtud ja oli vähemalt teataval määral lootust, et kõrgmeister ähvardavast Pomerelli ja Samogiitia kaotusest pääsemiseks, mis temale palju lähemal oli kui Eestimaa, on valmis viimase ohverdama.

asetanud need läbirääkimised 1415. aastasse, siis olnud Poola-Taani liiduse aega.

Näib, et ka enese vahekohtunikuks pakkumine ordu ja Poola vahel, kuna ju need mõlemad asjad tulid ühiselt kõne alla esimestel Taani saatkonna läbirääkimistel kõrgmeistriga, oli samuti subordineeritud ülalnimetatud eesmärgile. Kätte saades vahekohtuniku osa Poola ja ordu vahel oleks ülaltoodud argumentatsioonid osutunud palju mõjukamaiks. Post factum ülestõstetud pretensioonid Eestimaa peale oleksid asetanud ordu väga piinlikku seisukorda. Eeriku nõuete mitterahuldamise korral oleks temalt olnud oodata ebasoodsat vahekohtu otsust; siis aga oleks loobumine sellest vahekohtust ordu ilma ees samuti diskrediteerinud, nagu vahekohtu otsuse täitmatajätminegi.

Mõlemate ettepanekute peale olid niihästi Plauen kui ka Kuchmeister vastanud eitavalt. Kui Taani ei tahtnud loobuda oma eesmärgist Eestimaad taassaavutada ja mitte asjata kaotada neid väljavaateid, mis avanesid saavutatud Eesti vasallide poolehoidus¹⁴⁾, siis pidi Eerik endiste rahulikkude vahendite asemele võtma uued, katsuma teostada seda sõjaliselt, mis ei läinud korda diplomaatilisel teel. Siin oli loomulikuks järelduseks ühenduse otsimine teiste ordu vaenlastega. Arvesse tulid siin peaasjalikult Poola-Leedu ja Rooma kuningas Sigismund.

Šlesvigi hertsog Holsteini krahv Gerhard VI surmaga 1404 kerkisid Taani poolt jälle üles püüded, seda enne Taanile kuulunud hertsogkonda holstlastelt ära kiskuda ja uuesti riigi külge liita. Margarethal oli osavate vahendite abil korda läinud end mõne aasta jooksul rahulikult teha Šlesvigi faktiliseks peremeheks. Seisukord muutus holstlastele väljakannatamatuks ja 1410. a. arenes asi avaliku sõjani, mis märtsikuul 1411 lõppes 5-aastase Koldingi vaerahuga. Vaerahu nägi ette status quo jaluleseadmise enne sõda; tülipunktide lahendamise pidi sündima 2 vahekohtuniku kaudu, kui aga need ühisele otsusele ei tule, ja seda oli ette näha, pidi asi minema Rooma Sigismundi ette¹⁵⁾. Eerik oli vahekohtust esmalt küll loobunud ja danehofi poolt lasknud otsustada holstlastelt Šlesvig ära võtta feloonina pärast, oli aga Vendi linnade ähvardava oleku pärast sunnitud enesele seljatuge otsima¹⁶⁾. Seda võis pakkuda Rooma Sigismund vastava mõju-

¹⁴⁾ Vt. II peatükk.

¹⁵⁾ Rydberg III, nr. 441 j. Erslev, lk. 8 j.

¹⁶⁾ Daenell, Hansestädte, lk. 283; Seeliger, lk. 15.

avaldusega linnade peale, samuti tuues seisukorda selgitust Koldingi lepingus ettenähtud teel.

Neid asju Sigismundilt saavutama läksid Eeriku ülesandel Konstantsi 1414. a. suvel Ribe ja Šlesvigi piiskopid Peder Lykke ja Hans Skondelev¹⁷⁾). Saatkond on väga tõenäoliselt Sigismundiga jõudnud kokkuleppele, sest 14. juunil 1415, võimalikkude Eeriku soovidega kooskõlas, mõistis Sigismund Konstantsis Šlesvigi hertsogkonna Eerikule, Holsteini krahvide feloonia pärast¹⁸⁾), kuigi ka holstlased 1414. aastal oma saadikud tema juurde olid saatnud. Umbes samal ajal lahendas ka Sigismundi mõju all olev riigi-hoovikohus Lüübeki linna endise aristokraatliku ning taanisõbralise ja nüüdse demokraatliku taanivaenulise raadidevahelise tüliküsimuse esimese kasuks, mis oli Taani Šlesvigi politikale aina tuluks¹⁹⁾).

Niisuguse kokkuleppe eelduseks pidi loomulikult olema, et Taani saatkonna läbirääkimistel Sigismundiga kogu suhtumine Rooma kuninga ja Eeriku vahel pidi arutusele tulema. Üheks seesuguseks punktiks oli ka orduküsimus, millest mõlemad pooled olid huvitatud. Lisatõenduseks sellest võiks siin olla asjaolu, miks meie tööle lisana juurde paigutatud kiri Taani läbirääkimiste üle orduga, mille kirjutamise aeg peaks umbes kokku langema käesoleva läbirääkimise ajaga²⁰⁾), saadeti Sigismundile, miks Taani kuningal võis huvi olla avaldada Sigismundile oma toimetusi ordu juures, samuti Sigismundil huvi Eeriku ürituste vastu²¹⁾).

Tõsiasi, et Taani ja Rooma kuningas Šlesvigi asjus jõudsid kokkuleppele, toob lähedale oletuse, et kokkulepe on sündinud ka muis punktides, kus neil oli kokkupuuteid, nende hulgas eriti meid huvitavas orduküsimuses, seda enam, et 1414./15. aastal nende seisukohad ses suhtes palju ühtlasemaks olid muutunud.

Sigismund oli enne „suurt sõda” ordu ja Poola vahel olnud liiduses esimesega, teda, kuigi hiljaksjäänult, aidates teha Thorni rahu 1411. a. sissetungiga Poolamaale²²⁾). Thorni rahu järel oli

17) Erslev, Erik, lk. 12. Et ka Peder Lykke ühes sõitis, selle üle Seeliger, lk. 15. — Dansk Biograf. Lexikon X, lk. 521.

18) Erslev, lk. 42.

19) Seeliger, lk. 17, Lüb. UB. 5, nr. 530.

20) Vrd. 1. ekskurss.

21) Kiri oli ju „taanlaste v a s t u s R. kuningale”, nagu on öeldud pealkirjas.

22) Caro, lk. 357 j.

ta ordusõbralisus endisest palju jahtunud, peaasjalikult küll ordu raske rahalise seisukorra ilmsikstuleku pärast, mille enese kasuks tarvitada saamine oli Sigismundi ordu toetamise peapõhjuseks ²³⁾. 1412. a. alguses oli ta aga jällegi lähenenud ordule ja temaga sõlminud liiduse Poola vastu, mis oli kantud võrdlemisi fantastilisest Poola jagamiskavatsusest ²⁴⁾; selle lepingu tagajärjeks oli siis ka ülalkäsiteldud kiri 8. jaan. 1412 Eerikule ordu toetamise nõudega. Kuid juba augustis 1412 teeb Sigismund vahekohtunikuna ordu ja Poola vahel otsuse viimase kasuks, ka enese rahakotti mitte unustades ordu kulul paisutamast ²⁵⁾. 1414. a. augustikuul tegi Sigismund Ofenis ordule uuesti kahjuliku otsuse; samuti võimaldas 1414. a. sügisel ordu ja Poola vahel tehtud Strassburgi vahe- rahu, mis tülküsimused andis kontsiili ja Rooma kuninga otsus- tada, Sigismundile 1414. a. lõpul või 1415. a. alul teenida ordult 4000 ²⁶⁾ kuldnat lubaduse eest asja ordu kasuks korraldada.

Me näeme, et 1414./15. aastaks ei olnud ordu ja Sigismundi va- hekord kuigi hiilgav. Ordu oli Sigismundile peaasjalikult finantsi- lise ekspluateerimise objektiks. Ta oli ordule panditud Neumargi peale aja jooksul ordult üle poole miljoni kuldna välja pigista- nud ²⁷⁾. Suure sõja järel oli aga ordu rahaliselt ruineeritud, — sellest oli ka Sigismund veendunud. Kui Sigismund nüüd ordu ha- letsemisväärilist seisukorda siiski tahtis ära kasutada, siis pidi ta katsuma ordult saavutada profiiti maade näol. Vist sellest seisu- kohast välja minnes oli Sigismund 20. aprillil 1415 sõlminud kahtlemata ordu vastu sihitud liiduse Vitautas'ega ²⁸⁾ ja muidugi siis ka Poolaga.

Vahepeal ei olnud ka Eerik jätnud kasutamata loomulikku teed, mis tal jäi üle Eestimaa kättesaamiseks, peale katsete nur- jumist seda diplomaatilisel teel täide viia. Eespool pidasime või- malikuks, et Eerik paralleelselt ka nende katsetega pidas igaks ju- huks alal läbikäimist Poolaga. Nüüd oli aga kõige loomulikum, mõeldes Eestimaad saavutada sõjateel, liituda ordu kõige ägeda- mate vaenlastega. Kahjuks puuduvad meil esialgu teated seesu- gusest läbikäimisest, kuigi on väga tõenäoline, et neid on aset leid- nud. 1415. aasta alult aga on meil sellised konstateeritavad. 4. ap-

²³⁾ Caro, lk. 359 j.

²⁴⁾ Caro, lk. 362 j.

²⁵⁾ Caro, lk. 396.

²⁶⁾ Nieborowski, lk. 146.

²⁷⁾ Caro, lk. 461 j.

²⁸⁾ Cod. Epist. Vitoldi, lk. 1000.

rillil 1415 teatab kõrgemeister Sigismundile, et peale seda, kui Poola kuninga saatkond on viibinud Taani kuninga juures, on ta hiljuti saatnud oma rüütli Viczenz von Viczen'i ja ühe õpetatud mehe Poola kuninga juurde, kes hiljemini on läinud Vitautas'e juurde Leedusse ja kirja kirjutamise ajal arvatavasti seal juba viibivadki ²⁹⁾). Voigt lisab sellele teatele juurde, et räägiti liidusest ordu vastu ³⁰⁾). 18. jaanuariks 1416 on kõrgemeister igatahes täiesti kindel liiduses Eeriku ja Poola-Leedu vahel; ta laseb oma saadikutel Rooma kuningale seda ette kanda täiesti enesest mõistetavalt „als ir auch vor wol habet vornomen" ³¹⁾). Ka edaspidised ordu kartused 1416. a. jooksul, millega allpool tutvume, teevad meile väga tõenäoliseks, et niisugune liidus tõepoolest on sündinud, pealegi kui arvestame ordu võrdlemisi head informeerutust Poola ja Taani suhtumisest, mida pärast, kus 1419. a. liiduse eel võrdlemiseks andmeid rohkem käepärast, mõnigi kord konstateerida võime. Kuna niihästi Sigismund kui ka Eerik 1415. aasta jooksul olid üksikult kokku leppinud Poola-Leeduga ordu vastu, kuna väga tõenäoline on, et ordu küsimus 1414./15. aastal Sigismundi ja Eeriku vahel sõelumisele tuli ja seal, nagu Šlesvigi küsimuseski, tõenäoliselt jõuti ühisele kokkuleppele, on kõigest sellest loomulik tulemus, et ka nende kahe vahel on ordu vastu mingisugune liidus või tulevase tegevuse mahategemine aset leidnud, läbirääkimiste tagajärjel 1414/15 ³²⁾).

²⁹⁾ Cod. Epist. Vitoldi, lk. 315.

³⁰⁾ Vt. Voigt, lk. 261; sisult käivad peale viimase lisandi Voigti ja Cod. Ep. Vit. teated kokku, peale viimase lause. Võimalik, et siin tõesti on tegemist sama kirja kahe ära kirjaga, millest Cod. Ep. Vit. on toonud ainult osa, sest Cod. Ep. Vit. nimetab ürikud võetud olevat Registrant 9 p. 100—101, Voigt aga Registr. IVb, p. 50. Viimane asjaolu oleks meie arvamisele lisatõenduseks.

Mis puutub järgnevasse ürikusse, mille avaldab Voigt (kõrgmeistri kiri Taani kuningale) ja millest Voigt välja loeb, et ordu eelmises kirjas avaldatud kartused olid üleliigsed, et Taani kuningas ordu vastu sõbralikum on, kui kõrgemeister seda oli arvanud, siis on meile see kirja sisu olukorra otsustamisel tähtsuseta, kuna ta oma otstarbe poolest pidi sisaldama viisakust, ajaliselt aga väga hästi võis olla tingitud Sigismundi „rahustavast vastusest" eelmisele kirjale (me eeldame S:i osavõtet Eerik-Jagiello liidusest).

Eerik, kes aprillis 1415 ja jaanuaris 1416 oli orduvaenuline ja seda pidevalt enne ja pärast seda, ei saanud olla vahepeal ordu sõbraline.

³¹⁾ UB. 5, nr. 2050.

³²⁾ Soe vahekord Eeriku ja Sigismundi vahel ei jäänud nähtavasti ka kõrgmeistrile tundmatuks. 1416. a. jaanuaris tahab kõrgemeister Eeriku peale

See tulemus võimaldab meile aga uue oletuse. Juba see asjaolu, et Eeriku saadikud aprilli alul 1415 peale asjaajamist Jagiello juures sõitsid Vitautase juurde, lubas kahelda, kas siin tegemist pole lepingu sõlmimisega, kuna, nagu 1418. aasta samasihilised läbirääkimised näitavad, ainult eelläbirääkimisteks küllalt jätkus Jagielloga kõnelemisest, sest Jagiello ja Vitautase ordupolitika ei näita neil aastatel mingisugust differentsi. Väga võimalikuks aga osutub Taani-Poola-Leedu lepingu sõlmimine nende saadikute kaudu nende Poolas viibimise ajal märtsi lõpust aprilli aluni 1415, kui me arvestame asjaolu, et umbes samal ajal³³⁾ sündis ka eelnimetatud Leedu(-Poola) liidus Sigismundiga, kelle kokkulepet Taaniga ordu asjus tõenäoliseks pidasime.

On võimalik, et 1415. aastal toimunud orduvastaline riikide ühend peale Eeriku, Jagiello-Vitautase ja Sigismundi sisaldas veel teisi vähemaid liikmeid. Sellistena võiks arvesse tulla Brandenburgi markkrahv Friedrich, kes oma teotsemises sel ajal oli väga sõltuv Sigismundist, samuti aga ka Eeriku onu Pommer-Stolpi hertsog Boguslav VIII, kelle osavõtet liidusest teeb tõenäoliseks lähema ühenduse kõrval Taaniga ka ta pidev orduvaenulikus Tannenbergi lahingust saadik³⁴⁾. Ka mõne teise Pommeri hertsogi osavõtte sellest lepingust on võimalik.

Mis käesoleva ühendi lähemaks eesmärgiks oli, on meil andmete puudusel kahjuks võimatu kindlaks teha. Üldiselt aga võib oletada, et liiduse otstarbeks oli rahuldada osavõtvate riikide pre-

mõjumiseks Sigismundi juures saavutada seda, et viimane nagu omalt poolt saadaks Eerikule manitsuskirja, et see ordu rahule jäta. Sealjuures käsib kõrgmeister oma saadikutel teatada Sigismundile Eeriku liitumisest Poola-Leeduga, kuid seda tuleb teha „in einer bequemen weise, nicht in einer klage“ (UB. 5, nr. 2050). Nähtavasti on ordule siin Rooma kuninga kahepaikne seisukoht, kes end ordule sõbralikuna püüdis näidata (v. Nieborowski, lk. 154), siiski ta lähedase vahekorra tõttu Eerikuga kahtlane paistnud.

Paistab, et see katse, Sigismundilt saavutada sellist kirja, on ordu poolt tehtud lootuses, et heal juhul teda saavutada, kui S. on ordusõbraline, ja kui mitte, siis vähemalt selgusele jõuda Sigismundi õige seisukoha üle. — Sellest ei tohi aga järeldada ordu ja Sigismundi sõprust. 1419. a. alul pöördus ordu samase soovivaaldusega Eeriku poole, et see mõjaks Jagiellole, et viimane ei algaks sõda orduga. Eerikul olid siis orduvastased läbirääkimised Jagielloga lõpule jõudmas ja ordule kindlasti teatavad (Cod. Ep. Vitoldi Reg. 830).

³³⁾ Sigismund-Vitautase liiduse Sigismundi poolne tekst (Cod. Ep. Vitoldi, lk. 1000) on alla kirjutatud ja välja antud Konstantsis 20. apr.

³⁴⁾ Caro, lk. 510.

tensioone üksikute ordu maa-alade peale. Seejuures nõudlesid arvatavasti Poola-Leedu Pomerellit ja Kulmimaad ning Samogiitiat, Sigismund Neumarki ja võib-olla ka muude maa-alade tagasisaamist, Eerik loomulikult Eestimaad. Mõningad andmed lubavad oletada, et seda eesmärki püüti saavutada sõjalisel teel ja et kokku lepiti selle läbiviimise viisis.

11. juulis 1417 ütleb Vitautas Ascheradeni komtuurile, et juhul, kui sel aastal sõda oleks lahti puhkenud, oleks Sigismund saatnud talle 20 000 meest³⁵). Kahtlemata oli see lubadus seotud 1415. a. lepinguga. Ka Eerikul oli kavatsusi 1415./16. aastal sõjaliselt ordu vastu välja astuda. Roeskilde piiskopp Peder'i sõnadest, et „Taani kuningal on uus nõu Lüübekile kallale tungida; oleks parem, kui ta kinni peaks vanast nõust ja Eestimaale kallale lähaks”³⁶), järgneb, et Eerikul 1415. aastal säärased kavatsused tõesti on olnud. Samuti on teada, et Eerik, 1416. aasta keskel alates sõda holstlastega, lootis selle õnnelikul lõppemisel venelastele kallale mineku ettekäändel ordu kallal jõudu katsuda³⁷). Sõjalise aktsiooni ettevõtmiseks oli määratud nähtavasti 1416. aasta, sest siin on ordu kartused vähemalt Taani suhtes kõige suuremad³⁸). Seda põhjustasid peale otsekoheste eespool-toodud teadete Taani hädaohust ka Taani kuninga tülinoriv ülesastumine ordu vastu. 1416. a. kevadesse kuulub meil esimene Eeriku süüdistus ordu vastu, et Liivi ordumeister teda laimanud Johann v. Dolen'i tapmise

³⁵) UB. 5, nr. 2150, Beilage 2.

³⁶) 1415. a. liidusega seletuvad paremini Roeskilde piiskopi Peder'i sõnad 1415. a. lõpus (Hermann Litel oli „korzlich” enne 1. jaanuari 1416 olnud Taanis!) ühele Harju vasallile: „unser herre der koning hat nuwen rad und volget den; volgete her sime alten rate, das were besser, und liesse diese stede unvorworwen, und griffe an Haryen und Wirland, da her mer recht zu hot” UB. 5, nr. 2047. — Parem kui Erslevi eeskujul seletada Eeriku „nuwen rad” ta Holsteini nõunikudega ja „alten rad” piiskopp Peetri enesega oleks „rad” seletatav lihtsalt „nõuga”. — Eerikul on enne kavatsus olnud asuda Eestimaal kallale, mida paremaks peab Peder Lodehat, kui tema uut nõu asuda Hansa linnade kallale. Võrdle Erslev, lk. 77 j.

Arvatavasti oli juba ka Eerikule 1415. a. lõpus tuttav, nagu edaspidi näeme, sõja edasilükkamise tarvidus. Eerik püüdis vahepeal korraldada omi Holsteini asju.

³⁷) UB. 5, nr. 2073.

³⁸) Ordu kartus Taani eest peegeldub ka ta seisukohas Harju-Viru vasallide sõttakutse asjus 1416. a. suvel. (Arbusow-Stavenhagen, lk. 184.) Vrdl. ka hiljemalt meie käsitlust Eeriku ürituste üle Harju-Viru vasallide juures.

asjus³⁹⁾. Samuti protsessib Eerik oma kaplani käes olevate kirjade lahtivõtmise pärast Danzigis, millise fakti ordu küll maha salgab⁴⁰⁾. Mujalt on meil aga teada, et see kaplan Jagiello kirjadega oli teele minemas Danzigist Eeriku juurde ja kirja avamises süüdistas Eerik kohalikku komtuuri⁴¹⁾. Kuna ordul juba ennegi kahtlustusi oli Taani ja Poola läbikäimise kohta, võib arvata, et ordu, kirjavahetuse vastu loomulikku huvi tundes, tõesti süüdi on nende lahtimurdmises. Oleks imelik, kuidas Eerik säherduse süüdistuse peale põhjusetult oleks tulnud. Me näeme, et ordu kartus sõja eest 1416 väga võimalikult baseerus ka Poola-Taani otsese kirjavahetuse tundmisel ja polnud seega asjatu. Lõpuks juhib tähelepanu seisukorra tõsidusele 1416. aastal Thorni komtuuri kiri kõrgmeistrile, kus teatatakse, et Eerik esitab pretensioone Eestimaa kohta Ribe piiskopi Peder'i kontsiililt tagasijõudmise ajaks, mis kirja sisu ja daatumi järele otsustades käib 1416. a. esimesesse kuudesse⁴²⁾.

Orduvastase koalitsiooni kavatsused, sõjaliselt ordu vastu välja astuda, ei teostunud. Nii jäi tulemata ka ordu poolt kardeatud sõda taanlastega.

Põhjusi selleks peame otsima kõige pealt ordu ägedamate ning alaliste vaenlaste Poola ja Leedu loobumisest sõda alustada juba 1416. aastal. See oli tingitud peaaesjalikult 1415. aasta lõpul alanud⁴³⁾ Vitautase sekeldustest tatarlastega Lõuna-Venemaal⁴⁴⁾, mis Leedut hädaoahu möödumiseni ühelt poolt ei lubanud alata agressiivset väljaastumist teisel. Poola-Leedu oli seepärast nõus

³⁹⁾ UB. 5, nr. 2072 ja 2080. Doleni asjast pikemalt II peatükis.

⁴⁰⁾ UB. 5, nr. 2080.

⁴¹⁾ Cod. Epist. Vitoldi, lk. 445, Reg. nr. 830.

⁴²⁾ Voigt, lk. 275, märkus 2, Arbusow-Stavenhagen, lk. 177. 1416 on ürikule õigeks daatumiks, sest siis viibis Thorni komtuur Konstantsis (UB. 5, nr. 2058 ja mujal). Erslevi järele, lk. 19, on Peder Lykke juba suvel 1415 Taanimaale tagasi tulnud. Võimalik siis, et käesolev kiri eeldab Lykke'lt uut Konstantsi sõitu. Igatahes on Lykke nimetamine üheskoos Eeriku orduvastase tegevusega, viimase olenevus Lykke tagasitulekust, selgeks tõendusks meie arvamisele, et saatkond, millest Peder Lykke osa võttis, sobitas orduvastase liiduse Eeriku ja Sigismundi vahel. Lykke pidi Eerikut vist uuesti seisukorrast informeerima, enne kui see esineb pretensioonidega. Arvatavasti oli Lykkel ka nüüd ülesandeks Konstantsis poliitilist olukorda järele kuulata.

⁴³⁾ Ilmselt neist räägitakse UB., nr. 2025, v. 79.

⁴⁴⁾ Vrdl. Nieborowski, lk. 208. Caro, lk. 458.

vaerahu pikendamisega aprillikuul 1416 Pariisis, muu seas ka Sigismundi vaheltsobitusel, järgmise aasta 13. juulini ⁴⁵⁾).

Võib-olla ette ära nähes Poola-Leedu loobumist tulevase aasta sõjakäigust — ajaliselt on see võimalik ⁴⁶⁾ — muutis ka Sigismund oma vahendeid ordu suunas 1414. ja 1415. aasta murrangul; võib-olla tegid teda vähem sõjakaks ka muud poliitilised komplikatsioonid, näit. türklastega ⁴⁷⁾ ja neil aegadel tema huvi esijoones köitvad toimetused shisma lahendamisel. Aasta vahetusel reisis Riia peapiiskopp Konstantsi kaudu ordumeistri juurde Marienburgi, kus ta 8. aprillil 1416 ühes Brandenburgi Friedrichiga esitab kõrgmeistrile Sigismundi volitusel ettepaneku, pigemini küll nõude, et ordu tunnistaks end ainult Rooma riigi alla kuuluvaks, annaks Sigismundile pandisummat tagasi nõudmata tagasi Neumargi ja ostaks Poolale 36 tuhande šokk-krossi eest panditud Ungari Zipsi maakonna Sigismundi jaoks välja, mille eest Rooma kuningas omalt poolt lubab muretseda ordule kindlat rahu heaga või jõuga ⁴⁸⁾. Me näeme, et Sigismund on omaks võtnud samad võtted oma soovide läbisurumisel ordu juures, nagu seda Eerik mõni aasta varemalt oli teinud. Ordu poolik vastutulek Neumargi asjus ⁴⁹⁾ andis Sigismundile lootusi sel teel eesmärgi saavutamiseks ja ta püsis mõni aeg sellisel šantaaži-politikal ⁵⁰⁾.

⁴⁵⁾ Caro, lk. 455 jj.

⁴⁶⁾ Leedu raskused tatarlastega olid ordul teatavad juba novembris 1415, võisid seda olla ka Sigismundil. Wallenrode algas aga oma teekonda Pariisist varemalt detsembri lõpul; võrdle Nieborowski Reg. 64, ka lk. 185 ja 210.

⁴⁷⁾ Aschbach I, 2, lk. 405 j.

⁴⁸⁾ Arbusow-Stavenhagen, lk. 181 j. Cod. Ep. Vitoldi, nr. 667.

⁴⁹⁾ Ordu lubas Sigismundile välja anda Neumargi, kuid mitte teisi nõudeid täita. Cod. Ep. Vitoldi, nr. 667.

⁵⁰⁾ Sigismundi šantaažipolitika ordu vastu selle läänialluvuse ja Neumargi jne. saavutamise kohta on tõestatav veel 1417. a. alul, kestis aga arvatavasti veel kauemini; v. Nieborowski Reg. 95 j.; Oleme siin teadlikus vastulus Brandenburg'iga, kes näeb (vt. lk. 77) selles sammus veel teatavat ordu pooldamist, eriti aga Seeliger'iga (lk. 34 j.), kes pearõhu paneb Sigismundi lubadusele, ordu ta nõudmiste rahuldamisel toetada, ja näeb läänialluvuse nõudes Sigismundi katset ordu päästa poolakate käest. Me ei taha sugugi eitada, et võib-olla Sigismundi seisukohalt parem oleks olnud, kui ta oma ordult kätte oleks saanud ja pealekauba veel viimane tulevikus oleks püsinud vastukaaluks Poolale. Kuid arvestades niihästi Sigismundi eelnevat kui ka järgnevat politikat ordu vastu, ta otsekohe saadava kasu peale suundatud iseloomu, peame küll Sigismundi peaeesmärgiks pidama oma nõuete saavu-

Mõlemate pealiitlaste ajutine loobumine liiduse sõjalisest teostamisest võttis ka Eerikult võimaluse seda kohe teha. Poola-Leedu taandumine ettevõttest tähendas ta liitlasele Taanile ainult ajutist ootamajäämist, kuni Poola oma asjad korraldab. Sigismundi loobumine sõjakavatsusest mõjustas rohkem aga Taani ordupolitikat. Sigismundi tagasiastumine koalitsioonist tõi enesega kaasa selle nõrgenemise ja mõjus selle tõttu ka otsekohe jahutavalt innule, millega Eerik pidi teostama 1415. a. liiduse kavatsusi. Palju suurem on Sigismundi tagasiastumise mõju Eerikule aga kaudselt — taani välispolitika valusama punkti Šlesvigi küsimuse kaudu.

Eerikule 1415. aastal Šlesvigi küsimuses vastu tulles ei olnud Sigismund Slesvigi saatusest iseenesest huvitatud. Tõenäoliselt oli Sigismundi otsus Konstantsis tingitud ka arvestusest, et selle abil poliitilist komplikatsiooni Lõuna-Jüütimaal kiiremale lahendusele viia ja sellega Taani agressiivsust juhtida tugevama jõuga ta välispolitika teise suundusesse — ordu vastu⁵¹). Muutes aga tulevaseks aastaks oma kursi ordu suhtes ei olnud Sigismundil enam otsekohest tõekehjõudu Eeriku edaspidiseks toetamiseks ja tema poolt Konstantsis 1415. a. tehtud otsuse läbi viia aitamiseks; pealegi võis kaasaaitamine võõrale kuningale ühe riigi osa võõrandamiseks diskrediteerida Sigismundi Konstanti kontsiili ees, kus tal olid oma seisukohad läbi viia⁵²). Selle tagajärjel jättis Sigismund Eeriku Šlesvigi omapead, mille mõju ei jäänud asjade kujunemisel avaldumata.

Eerik oli oma senised edusammud Šlesvigi küsimuses — pretensioonide tunnustamise ja sõbralikumate aristokraatsete raadide sisseseadmise Vendi linnadesse — suurelt osalt võlgnenud Sigismundi abile. 1416. a. juunis algas ta oma legaliseeritud nõuete läbiviimist holstlaste vastu ettevõetud sõjaga, mis oli alguses Eerikule õnnelik, kuid juba juulikuus muutus kaotuseks.

tamist ordu juures. Sigismundi käsitusel olev samm oli ette võetud peaaesjalikult läänialluvuse, Neumargi jne. saavutamiseks, mitte ordu päästmiseks.— Sellest järgneb, et me ei tohi järeldada Nieborowski Reg. 85-st 1417. a. äklist Sigismundi seisukoha muutmist ordu vastu ta soovide tagasilükkamise tagajärjel, nagu seda teeb Nieborowski, lk. 208 ja ta järele Arbusow (Arbusow-Stavenhagen, lk. 181, märk. 1).

⁵¹) Seega oleks seletatud Sigismundi senini teadmata sammu põhjused. Vrdl. Seeliger, lk. 28.

⁵²) Seeliger, lk. 30.

Eerik pööras liiduseotsinguga Vendi linnade poole; need aga lubasid olukorda osavalt kasutades asja lõpliku otsustamise enese kätte kiskumiseks astuda liidusesse selle poolega, kes tunnustab vahekohut Šlesvigi saatuse otsustamiseks Vendi linnade eesistumisel. Sigismund ei teinud vähematki katset oma autoriteedi abil sundida linnu Eerikuga paremasse vahekorda astuma ja Konstantsi otsust alal hoida. Nähes linnade järeleandmatust oli Eerik sõda edasi pidanud, oli aga holstlaste edu pärast siiski sunnitud 1417. a. aprillis linnadelt uuesti liidust otsima, mille ta saavutaski, kuid kõike eelmist annulleeriva klausiga, et liidus ainult siis jõusse astub, kui vastaspool ei kavatse õigust otsida. Seepeale palusid Holsteini krahvid otsekohe läänistust ja jätsid otsustamise linnade hooleks. 1417. a. novembriks oli ka Eerik sunnitud holstlastega vaherahu tegema ja tüliasja linnade lahendada andma, mille tähtpäev määrati 1418. a. 24. juuni peale⁵³). Me näeme, et Eeriku raskused Šlesvigi kättesaamisel väga suurel määral olenesid Vendi linnadest, kes asja algusest peale tertium gaudens'ina oma kätte kiskusid. Sigismund oleks oma autoriteediga võinud muuta linnade seisukohta, nagu ta tegi seda 1422. aastal⁵⁴), kuid muutunud vahendid ordu vastu tegid Sigismundile ülearuseks Eeriku toetamise Šlesvigi asjus, mille tõttu viimane 1416./1417. aasta jooksul ikka sügavamale sattus sõjalistesse sekkedustesse.

Eeriku välispoliitikas oli aga Šlesvigi tagasisaamine peasihiks. Kui Lõuna-Jüütis asjaolud nõudsid kogu jõudude pingutamist, siis pidi Eerik loobuma oma muude agressiivsete kavatsuste teostamisest, jättes selle paremate aegade jaoks. Niikaua kui Eerikul olid Šlesvigi küsimuse peatseks lahendamiseks head väljavaated nagu 1415. a. ja 1416. a. esimesel poolel, oli ta ordu vastu end väga ähvardavalt üles pidanud. 1416. a. teisel poolel ja 1417. aastal ei kuule me aga midagi Eeriku orduvaenulisusest. Et aga Eerik Taani huvide seisukohalt loomulikult ei loobunud kavatsusest Eestimaad siiski kätte saada, seda näeme järgmisest.

1418. aasta alguses hakkame jälle kuulma Taani tüliküsimustest orduga. Viiburi pealik Krister Nilsson tõstis kaebuse Tallinna linna peale Rootsi alamatele kahju tegemises kaubablokaadi tõttu venelastega⁵⁵); aprillikuul segas end ka Eerik asjasse.

⁵³) Seeliger, lk. 28 jj. Erslev, lk. 24 jj. Daenell, Hansestäde, lk. 286 jj.

⁵⁴) Erslev, lk. 85 jj. Seeliger, lk. 51 j.

⁵⁵) Arbusow-Stavenhagen, lk. 197.

nõudes selle aja kohta Liivi orumeistrilt võrdlemisi teraval toonil, et see mõjustaks Tallinna linna, et edaspidised tema alamatele liigategemised ära jääksid ja endised heaks tehtaks⁵⁶⁾. Kuigi ordumeister seda Tallinnale soovitas⁵⁷⁾, venis asi pikale. Krister Nilsson kaebas Tallinna peale Lüübekis, kus aga Tallinnale õigus anti⁵⁸⁾. 24. juunil 1419. a. peeti Viiburis päev, kus Krister Nilsson uute nõuetega esines: Novgorodi Gooti hoov pidi ka kõigile Eeriku alamatele olema vabalt tarvitada, ja muud⁵⁹⁾. Sellest on näha, et Krister Nilssoni tüli orduga ei piirdu ainult asja enesega, vaid et siin esineb ka teadlik tülinorimine⁶⁰⁾. Arvatavasti 1418. aastal on Eerik loobunud ka temale 1412. a. kingitud orduvendusest⁶¹⁾. 1419. aastal ilmub jälle päevakorrale Eeriku kaplani kirjade asi Danzigis⁶²⁾. Kõik need nähtused on sümptomiteks, et Eerikul oli ordu vastu jälle mingi kavatsus küpsemas.

Tõepoolest leiame 1418. a. algupoolest ja keskpaigast kaks ürikut⁶³⁾, mis näitavad meile, et läbirääkimised uue liiduse sõlmimiseks Poola ja Taani vahel on juba täies hoos. Arvatavasti ei olnud läbirääkimine ordu asjus kahe kuninga vahel kunagi katkenud, nagu ei olnud ka Eerik oma kavatsustest ordu suhtes loobunud. Seda näitab alljärgnevate läbirääkimiste toon, mis ühist väljaastumist ordu vastu täitsa enesestmõistetavaks peab, kusjuures jutt keerleb peaasjalikult ainult lähemate kokkuleppepunktide ümber.

Neist kirjadest selgub, et läbirääkimiste toimetajaks ja vahtalitajaks on 1418. a. olnud Jagiello ja Eeriku ühise usaldusmehena Taani rüütel Swancz Desnicz. Eerik oli ühes eelmises saatkonnas palunud Jagiellot, et see teda täielikult informeeriks sellest, missuguseks kujuneks nende ühine väljaastumine Poola ku-

⁵⁶⁾ UB. 5, nr. 2215.

⁵⁷⁾ UB. 5, nr. 2248.

⁵⁸⁾ Arbusow-Stavenhagen, lk. 203, märkus 4.

⁵⁹⁾ Arbusow-Stavenhagen, lk. 206, märk. 5. Tüli suhtes v. ka Ruuth, lk. 53 jj.

⁶⁰⁾ Pealegi oli 1419. aastal asja viibimine olenenud Kristerist; vrld. UB. 5, nr. 2304, 2305. Tüli lõppes täielikult alles 1425 (v. Arbusow-Stavenh., loc. cit.), kuid kaotas ühes Eeriku poolt Eestimaa vallutamiseks ettevõetud ürituste lõppemisega oma teravuse.

⁶¹⁾ Voigt, lk. 332.

⁶²⁾ Cod. Ep. Vitoldi Reg. nr. 830.

⁶³⁾ Cod. Epist. Vitoldi, nr. 832 ja 833. Nende dateerimise üle vt. 2. ekskurss.

ninga vaenlaste ⁶⁴⁾ vastu, mida teades siis tema cmakorda ei viivitavat teatamast Jagiellole tema osa holstlaste vastu ⁶⁵⁾. Nähtavasti on sellised teated Jagiellolt vahepeal Swanczi kaudu päralt jõudnud, sest nüüd (1418. a. algupoolel) vabandab Eerik Jagiello ees, et ta Swanczi mitte otsekohe Jagiello juurde ei lase tagasi pöörduda ⁶⁶⁾. Kuna Eerikul olevat tulevasel jaanipäeval päev holstlastega ja ka ta onu Pommer-Stolpi Boguslav VIII on surnud, tahtvat ta ära oodata oma vasallide ja linnade esindajate tuleku, kellel temaga asju ajada, kusjuures ta nõupidamistel nende asjade üle ka Swanczi tahab näha ⁶⁷⁾. Asjaolude selgumisel pöörduvat siis Swancz otsekohe Jagiello juurde tagasi ja informeerivat seda Eeriku tahtmisest Šlesvigi asjus paremini, kui Eerikul enesel see praegu võimalik ⁶⁸⁾.

Vahepeal oli Eerik nähtavasti nimetatud asjas nõu pidanud, ja siis läks Swancz lähemate teadetega Jagiello juurde tagasi. Eerik teatab, et komplikatsioonid Šlesvigi asjus on lahenedud ⁶⁹⁾,

⁶⁴⁾ Nende all tuleb peaausjalikult mõista Poola peamist vaenlast — ordu.

⁶⁵⁾ Cod. Ep. Vit., nr. 832. Et jaanipäeval ärapeetava päeva all tuleb mõista vahekohtu-päeva Šlesvigis 24. juunil 1418 Eeriku ja Holsteini krahvide vahel Vendi linnade eesistumisel, v. 2. ekskurss... quo scito renunciare V. S. extunc non tardabimus qualitatem et modum cause vestre de hiis, cum quibus et nos sufferimus accionem. Et mainitavate „hiis” all tuleb mõista Holsteini krahve, selgub järgnevast lausest: „Porro cum eisdem (hiis eelmises lauses) diem celebraturi sumus”.

⁶⁶⁾ Cod. Ep. Vit., nr. 832 ... quod d. Slawez iam non statim continuatis gressibus ad C. V. revertitur.

⁶⁷⁾ Käesolev üriku osa on süntaktiliselt võrdlemisi segane. Otsekohe tõlkides kõlaks see koht umbes järgmiselt: Eerikul on päev holstlastega jaanipäeval, mispärast S:i tagasitulek viibib, ja seda sellepärast, et Boguslav on surnud. Seepärast tahab Eerik ära oodata oma alamate tuleku, kel midagi muud temaga toimetada ja kelle hulgas Eerik soovib Slawczi näha. Kui need asjad korras, siis läheb S. tagasi J. juurde.

Eeriku ootamajäämise väljendatud kausaalne suhtumine 24. VI 18 päeva ja Boguslavi surmaga teeb meile selgeks, et käesoleval kokkutulekul pidi nõu peetama eelmaintud asjade üle.

⁶⁸⁾ Kuna kogu kiri nr. 832 keerleb Eeriku vastuse ümber, mis Jagiellole pidi selgeks tegema ta nõutava talitusviisi Holsteini suhtes, siis tuleks ka siin „eandem parte” all seda mõista.

⁶⁹⁾ Nr. 833 ... hactenus F. V. ad nos dilata agenda ... cum hostibus occasionem praebuere sunt deducta... „Occasionem praebuere” võiks ka sõja mõttes aru saada. Siis on Eerikul enamalt olnud nähtavasti kavatsus sõda holstlastega alustada.

ning mainib oma heatahtlikkust Jagiello vastu. Samuti teatab ta oma kavatsusest sõita üle mere Pommerisse, ja kui takistusi ei ole, siis isiklikult Jagiellot kohata; kui aga isiklikuks kokkusaamiseks tuleb takistusi, siis mõtleb ta viimase juurde läkitada täisvolilised saadikud. Jagiello vastab jälle Swanczi kaudu: ta lootvat, et isiklik kokkusaamine Taani kuningaga kannab head vilja, ja lubab, hoolimata toimetust mujal, harilikust kauemini viibida Pommeri läheduses Suur-Poolas. Kui aga isiklik kohtamine saatuse kiuste ära jääb, jätab Jagiello sinna maha oma „concilii barones“, kellega tehtud kokkulepet ta tahab juba ette lubades kindlasti pidada.

2. oktoobriks 1418 leiame Eeriku juba Pommerist. Neumargi foogt on teada saanud Poola kuninga salajasist innukaist püüdeist Eerikut oma nõusse saada. Arvatavasti on need katsed samad, millega eespool tutvusime. Nüüd olevat Eerik Pommeris ja Jagiello olevat kutsunud ta salajasele nõupidamisele, missuguse kutse vastuvõtmist Neumargi foogt Eeriku kohta võimalikuks peab, arvestades selle notoorset orduvaenulisust. Poola kuningas kavatsevat Eeriku ja Sigismundi abiga Preisi ordu Küprosele üle viia. Selle plaani läbiarutamiseks kavatsevat ta peale nimetatud kuningate ja paljude vürstide kokku kutsuda ka Moskva suurvürsti. Oma kavast olevat Poola kuningas Eerikule kirjalikult teatanud, paludes teda selle üle isiklikult nõu pidama. Ent Eerik saatnud esialgu ainult kolm vannutatud nõunikku, kellele Jagiello oma kavatsusi aga mitte ei ole avaldanud ⁷⁰⁾.

Kas soovitud kokkusaamine kahe monarhi vahel aset on leidnud, ei tea me mitte. Arvatavasti ei olnud see nii, sest 1419. a. toimunud liiduse ürikud nimetavad, et käesolev sobing tekkinud Poola poolt Rosbergi kastellaani Sbigneus de Altomonte ja

⁷⁰⁾ Voigt, lk. 322. Neumargi foogti kiri kõrgmeistrile. Väga võimalik, et saadetud 3 nõunikku tuleb identifitseerida nende kolmega, kes hiljemalt olid tegevad Taani ja Poola vahelise liiduse sõlmimisel: Matzke Borken, Gerhard Dewitz ja Swancz Desnicz. Vaevalt võivad käesolevasse sõltumusse käia Caro, Lib. Canc. II, nr. 9 ja 10, kus räägitakse tundmata vürsti kokkusaamise kavatsusest Vladislav Jagielloga Poosenis 23. juunil ? aastal. Paigutada seda 1418. aastasse oleks liiga vara, sest siis oli Eerik veel Taanis, 1419. aastasse aga liiga hilja, sest siis oli Eerik juba Taanis tagasi ja kirjutas samal päeval alla liiduseürikule Kopenhaagenis. Caro sellekohasele oletusele (Caro, Lib. Canc. II, lk. 56, märk 2) tuleks olemasolevale kolmele küsimärgile veel teist kolm juurde lisada.

Kališi subkameraariuse Jaroslaus de Ivno ⁷¹⁾ ning Taani poolt Pommeri Boguslav IX nõuniku Matzke Borkeni, Gerhard Dewitzki ja meile juba tuttava Swancz Desniczi vahel ⁷²⁾. Igatahes mõjus aga Eeriku viibimine Pommeris kiirendavalt läbirääkimiste käigusse.

Nagu juba puudutatud, tekkis 1419. a. suvel liidus kahe uni-ooni vahel. Taanipoolne liiduseürik on dateeritud 23. juuniga Koppenhaagenis, poolapoolne 15. juuniga Tšervinski kloostri juures ⁷³⁾. Liiduse ürikute tekst läheb lahku oma olulises osas peasjalikult stiililiselt ja üksikute kokkuleppe-punktide järjekorras. Suuremaks erinevuseks on see, et taanipoolne ürik ainult umbmääraselt ära määrab objekti, kelle vastu liidus sihitud — „contra gentiles, paganos et infideles” ⁷⁴⁾, kuna poola tekst eriti lepingu ordu vastu sihitavuse esile tõstab — „contra magistros et Ordinem Cruciferorum de Prussia et Livonia... ac paganos, scismaticos et infideles” ⁷⁵⁾. Peale selle puudub taanipoolses dokumendis järgnevas viimasena mainitud punkt Jagiello lepingute üle Sigismundiga. Selle juurde tuleme aga pärast tagasi. Leping Eeriku ja Jagiello vahel koosneb ise järgmisest, kusjuures alljärgneva lühikese ülevaate aluseks on võetud Jagiello ja Vitautase poolt välja-

⁷¹⁾ Iseenesest võrdlemisi sisutu Eeriku kiri Jagiellole, Caro, Lib. Canc. II, lk. 152, mis teatab Jagiellolt mingisuguse teatise kättesaamisest ja seejuures kinnitab oma sõprust, kuulub väga tõenäoliselt 1419. a. liiduse sõlmimise eelaega, peale läbirääkimisi Swanczi kaudu, kuna teatise kättoimetajatena Eerik nimetab ...domini J. et S. (arvatavasti ümberkirjutaja lühendus), keda aga ilmselt tuleb identifitseerida Jaroslaus de Ivno ja Sbigneus de Altomontega.

⁷²⁾ See selgub liiduse ürikute tekstist.

⁷³⁾ Taanipoolse üriku tekst leidub Rydberg, lk. 37 jj. ja Dogiel, lk. 352. Poolapoolse üriku tekstid, mis ära trükitud Rydbergil, lk. 41 jj. ja Cod. Ep. Vitoldi, lk. 454 jj., ei lähe kokku. Järelduste tegemisel võtame aluseks Rydbergis leiduva äratrüki, mis on tehtud Taani salaarhiivis leiduva originaali järele. Cod. Ep. Vit. on selle ammutanud ära kirjana Kornicki raamatukogust.

Peale lahkuminekute alguses ja lõpus, mis liiduse enese tekstis kõrvalised, on pärisliiduse 2. punktis Rydbergi tekstis ära jäänud, et pooled ei tohi kokku leppimata sõda alata peale ordu ka „dumtaxat aliis christianibus”. Oletusi selle ärajäämise kohta Rydbergi tekstist on andmete puudusel raske teha.

Cod. Ep. Vitoldi tekst on nähtavasti hiljuti enne dokumendi pitseerimist tehtud visand, sest ta kannab ka daatumi 15. juulil Tšervinski all.

⁷⁴⁾ Rydberg, lk. 38.

⁷⁵⁾ Rydberg, lk. 44.

antud ürik, mis üksikuid punkte selgemini üksteisest eraldab. Vastavad punktid peale viimase leiduvad ka Eeriku ürikus, nii et nad on vastastikused kohustused ⁷⁶).

1. Pooled kohustuvad kogu oma jõuga üksteisele Preisi ja Liivi ordu ning paganate, uskmatute ja shismaatikute vastu abiks olema ja abi (subsidia) andma, niipalju kui tarvilik ja siis, kui seda teine pool nõuab.

2. Kumbki pool ei alga orduga sõda teise poole nõusolekuta ja sõja läbiviimise viisi kohta kokku leppimata.

3. Sõja korral kohustuvad pooled mitte tegema separaatrahu ega lepingut.

4. Appikutsutu eelnimetatud vaenlaste vastu on kohustatud abi tooma omal kulul.

5. Sõjasaak jagatakse pooleks. Äravõetud maad kuuluvad sellele, kel on seks õigusi või pretensioone ja kellele nad enne kuulunud. Kahtluse korral läheb asi vahekohtu alla. Kui mingil viisil võidetakse maid, mis kunagi ei ole kuulunud pooltele, langeb see ühisesse ossa.

6. Pooled lubavad vastastikku üksteise huvisid (honorem, commodum et profectum) kustahes ja alati kõige võimaluse ning jõuga kaitsta ja kõrvaldada, mis nende vastu käib.

Lepingule järgnevad harilikud töötused, et ka lepingu tegijate surma korral see maksma jääb ja et kuningaga koos allapitsee-rijad vasallid prelaadid jne. kohustuvad lepingust ka siis kinni pidama, kui monarhid sellest loobuksid. Jagiello poolsele lepingule on juurde lisatud punkt, et ta käesoleva liidusega ei taha vastupidiselt talitada kohustustele, mis ta oma peale võtnud Rooma Sigismundi ja Böömi Venzeli vastu.

Selgemini kui umbmäärasem taanipoolne liiduse ürik, mis neid, kelle vastu leping sihitud, ainult üldiselt paganateks nimetab, näitab poolapoolne liiduse tekst, et 1419. aastal toimunud liidus ei ole mitte ainult ordu vastu sihitud, vaid on laialdasem kaitse-ründe leping kahe riigikompleksi vahel ⁷⁷). Selle otsuse põhjendamiseks eriti mõõduandva tähendusega on lepingu kuues

⁷⁶) Üksikute lepingu punktide nummerdamine on autori poolt tehtud lepingu pärastise käsitluse hõlbustamiseks.

⁷⁷) Poola liiduse teksti järele on see sõlmitud contra... Ordinem Cruciferorum, paganos, schismaticos et infideles.

punkt, kus liitlased kohustuvad kogu jõuga teineteise huvisid kaitsema igal pool ja alati ⁷⁸⁾.

Selle punktiga võitis liiduses peaasjalikult Eerik. Kuna Poola-Leedu välispoliitika raskusepunkt kaldus ordule, kuna see suundus oli neile peamiseks, siis oli Eerikul tulevikus ette näha võrdlemisi vähe juhtumeid, et tal tuleks abi anda oma liitlastele, välja arvatud ordu vastu, mis oli Eeriku politikaga aga täiesti kooskõlas. Ent Eerikul oli, peale ordu tegemist veel Šlesvigi asjus Holsteini krahvidega, ja need huvid olid Eerikul seni püsinud esirinnas. Poolal leidus siin küllaldaselt võimalusi Eeriku avitamiseks.

Et selle lepingupunktiga muu seas on mõeldud Poola poolt ka lubadust appi tulla Šlesvigi asjus, on tõenäoline, kui meelde tuleb, et 1418. aastal peetud läbirääkimistel oli arutusel ka Poola osa Holsteini krahvide vastu, kus Eerik selle järele, kui Jagiello oli selgitanud, kuidas nad üheskoos Poola vaenlaste (nende hulgas edendas peaosa muidugi ordu) vastu hakkavad toimima, viimast informeeris selle ülesannetest ka Šlesvigi politikas ⁷⁹⁾. Kahjuks aga ei tea me, kui palju Eerik Šlesvigi asjus Jagiellolt on saanud konkreetseid lubadusi, mis tõenäoliselt peituvad 1419. a. lepingu üldistes lausetes väljendatud 6. punktis. Igatahes tohiks aga selge olla, et liiduse laiem olek kitsapiirilisesest sihitavusest ainult ordu vastu oli peaasjalikult Eeriku huvides.

Poola ja Taani huvid puutusid kokku õieti ainult ordu küsimuses, lepingu laiendamine teiste punktide peale, liiduse üldistamine töid kasu peaasjalikult Eerikule. Seepärast peame käesoleva liiduse ulatuslikkusest, mis ei ole, nagu nägime, paljas fraas, nägema peaasjalikult Poola kontsessiooni, vastutulekut Eerikule. Millest oli see siis tingitud?

Juba eespool nimetasime, et Sigismundi tagasiastumine 1415. a. orduvastasest koalitsioonist oli mässinud Eeriku võitlusesse Šlesvigi pärast pikemaks ajaks. Eeriku võimalused 1415. a. liiduse kohaselt ordu vastu sõjaliselt välja astuda olid Šlesvigi sõja tõttu ka siis veel köidetud, kui Poola ja Leedu, vabanenud

⁷⁸⁾ Selle punkti sissevõtmine lepingusse ei ole paljas fraas, sest et ta esineb mõlemas liiduse ürikus. Et poolakad oma liitlaste huvisid tahtsid toetada, näitab nende appitulek pommerlastele 1420 Brandeburgi vastases sõjas (Brandenburg, lk. 97 jj.). Ka Eerik oli Pommeri hertsogina asjast huvitatud.

⁷⁹⁾ Vt. eespool lk. 24.

tatarlastega sekeldustest, sõda juba ordu vastu soovisid. Eeriku välispoliitika pearaskus oli sihitud aga holstlaste vastu; ta püüded Eestimaa järele olid küll täiesti iseseisvaks Taani poliitiliseks ettevõtteks, kuid jäid varju seal, kus Šlesvigi küsimus päevakorraks kerkis. Eerik oli valmis ordu vastu sõjaliselt siis välja astuma, kui tal oli kindel lootus Šlesvigi probleemi oma kasuks lahendada. Selles lootuses oligi siis Eerik 1415. aastal sõlminud liiduse ordu vastu Poola-Leedu ja Sigismundiga. Šlesvigi probleem jäi aga peale 1416. a. lahendamatuks ja Eerikul tuli esialgselt kõrvale jätta mõtted, Eestimaa tagasivaldamise kavatsusi otsekohe teostada.

Kui Poola seesuguses olukorras siiski tahtis Eerikus enesele liitlast leida, kes kohe valmis oleks ordu vastu välja astuma, siis pidi ta leidma teid, kuidas muuta Eesti hertsogkonna kättesaamist Eerikule ihaldatavamaks Šlesvigi omast. Pidi püütama Eeriku seni Šlesvil peatuvat peahuvi koondada Eestimaa peale. Üheks selliseks vahendiks oli siis nähtavasti ka abipakkumine Šlesvigi asjus. See võimaldas Eerikule lootusi, Eestimaad kätte saades ka olevikus halvas seisukorras olevat aktsiooni holstlaste vastu Poola abiga tagajärjekalt lõpule viia.

Kaalutlustel, Eeriku huvi idasse juhtida ja seal kinni pidada, võeti Poola pool tõenäoliselt tarvitamisele ka teine, palju mõjukam abinõu. Jagiellol oli kolmest abielust ainult üks tütar Hedwig, ja et juba 70-aastaselt vanamehelt ei olnud oodata, et tal poeg sünniks, siis näis, et Hedwig saab kogu riigi pärijaks. Ühenduses 1419. a. liiduse tekkimisega tõusis päevakorraks abielu projekt selle ja lasteta Eeriku onupoja, presumptiivse Põhja uniooni pärija, meie tuttava Stolpi Boguslav VIII poja Boguslav IX-ga. Vastandiks Erslevile väidame ühes Brandenburg'iga, et noorte riigipärijate abielu kohta on vastav kontraht teostatud Jagiello ja Eeriku saadikute vahel⁸⁰). Et meil teated kõne all olevast abieluprojektist ainult hilisemast ajast on säilinud, siis ei ole meil täpsalt teada, millal selline kokkulepe on aset leidnud. Arvatavasti küll üheskoos 1419. a. lepinguga, igatahes mitte hiljemalt, aga ka mitte 1415. a. lepinguga üheskoos, sest siis jääks meile arusaamatuks, miks abielukontrahiga kõvendatud liiduse-

⁸⁰) Erslev, lk. 79, Brandenburg, lk. 108, märk. 2. Otsustava tähendusega on siin ürik Caro, Lib. Canc. I, nr. 1. Caro arvamise Lib. Canc. I, lk. 334, märk. 2, et Jagiello seda fakti, mis muide üriklilikult tõestamata, eitab, lükkab ümber Brandenburg loc. cit.

sidemeid Eeriku ja Jagiello vahel tuli uuendada. Et abielu-kavatsus tõusetati poolakate poolt ülalmainitud eesmärgiga, tõendab üriklilikult kindlakstehtud asjaolu, et mõni aasta hiljemini osa Poola magnaate vastandiks abieluprojektile Brandenburi Friedrichi teise poja ja Hedwigi vahel pooldasid endise lepingu alalhoidmist, sest sellega saadavat Eerikult abi ordu vastu ⁸¹⁾.

Abielu-kavatsusega Boguslavi ja Hedwigi vahel avanesid Pommeri dünastiaal suurepäraseid väljavaated. Eeriku järeletulija kätte oleks koondunud suur riikide kompleks Põhjamerest Musta mereni. Ka reaalsemalt arvestajale valitsejale, kui seda oli Eerik, ei oleks sääraseid sihid oma mõju avaldamata jätnud. Mida kindlakujulisemaks muutusid Eeriku väljavaated idas, seda enam pidi Eerikus esile tungima püüe Eestimaad kätte saada ta Šlesvigi peale sihitud huvide kulul. Mida kindlamaks sai Eerikule, et ta esijoones Eestimaale kallale minnes mitte ainult seda ei saavuta, vaid lisaks ka veel oma järeletulijale Poola-Leedu riigi, ja et tal pärastiseks niikuinii Šlesvigi tagasivallutamiseks abi kindlustatud, seda tugevama jõuga pidi tas kerkima mõte Šlesvigi asja esialgu seista lasta, nii kui ta on, ja enne ordu kallal õnne katsuda.

Vaadeldes järgnevas Eeriku ülespidamist 1418. a. suvest saadik Šlesvigi küsimuses, ei saa me tõesti mööda minna oletusest, et sellele on ta suhtumine Poolaga tugevasti mõjunud, ja et siis kui ka järgnevail aastail seisab Eeriku välispoliitikas esikohal endise Šlesvigi küsimuse asemel orduküsimus.

Nägime, et 1417. aasta novembris oli Eerik teinud vaherahu holstlastega kuni 29. septembrini 1418 ja andnud Šlesvigi õigusliku kuuluvuse otsustamise 24. juunil 1418 Šlesvigi linnas ära pidada kavatsetava vahekohtu kätte, kus jäme ots oli 4 hansalinnu esindaja käes. Esialgu oli Eerik lootnud linnade kasuliku otsuse ning sellele siis loomulikult järgneva liiduse peale ja selles mõttes seisukoha võtnud ⁸²⁾. Veel veebruaris oli ta Preisi ja Liivi linna kutsunud Šlesvigi päevast osa võtma ⁸³⁾ ja ka veel 2 nädalat enne määratud päeva — 10. juunil — hansalinnu tungivalt päevale kutsunud ⁸⁴⁾; 24. juunil aga jättis Eerik lihtsalt

⁸¹⁾ Długosz XI, lk. 437. Ka siin oleme teadlikus vastuolus Ersleviga, v. lk. 79, kes enesele käesolevat probleemi selgelt ette kujutamata kirjeldab abieluprojekti, Eerikut aktiivsena näidates.

⁸²⁾ Erslev, lk. 45 jj. Daenell, Hansestädte, lk. 295.

⁸³⁾ UB. 5, nr. 2199.

⁸⁴⁾ HR. VI, nr. 558.

päevale ilmumata, mis tähendas loobumist katsest linnu enesele abiks saada. Peale kuninga seisukoha muutmise seletusega ta nõunikude mõjul, millisel arvamisel oldi tol ajal ka Vendi linnades⁸⁵), ei ole selleks senini antud rahuldavat seletust⁸⁶). Appi tuleb meile pisut enne 24. juunit 1418 Vladislav Jagiellole saadetud Eeriku kiri⁸⁷), kus ta teatab, et ta ei saavat veel selgesti ära määrata viimase tulevast osa Šlesvigi küsimuses, millest järgneb, et ta veel kahevahel on ka oma tulevaste sammude kohta. Asi selguvat aga peale asja läbiarutamist oma vasallide ja linnade esindajatega. Selleks nõupidamiseks tarvitab Eerik ka Taani ja Poola vahelise usaldusmehe Swancz Desniczi juuresolekut, ilmelt küll selleks, et koosolijaid tutvustada Poolaga peetavate läbirääkimiste asjus. Kahtlemata mõjusid nüüd Šlesvigi päeva arutamise asjus kaasa ka Eeriku ja Jagiello vaheliste suhete edenemine ja väljavaated idas. Viimaste esiletoomine pidi Šlesvigi küsimuses mõjuma aga kahesuguselt. Esiteks Jagiello lubadus, Šlesvigi asjas Eerikule appi tulla, pidi vähendama taanlaste silmis liiduse väärtust linnadega, mille saavutamisel oli veel palju riskeerida; jäi ju võimalus lahtiseks, et vahekohtunikudena otsustavad linnad Eeriku kahjuks, millega 1415. a. Konstantsis saadud legalisatsioon Šlesvigi püüetes oleks oma mõju kaotanud. Teiseks aga pidi ühenduses Jagiello lubadustega esilekerkiv kavatsus, ordu vastu minna, kaasa mõjuma, et Taani Šlesvigris võimaluse järele püüaks ära pidada sõjajuhtumeid, mis oleksid takistanud operatsioone ordu vastu ja asja vaherahu jne. näol tuleviku peale edasi lükata. Loobumine linnade liidusest Šlesvigi päevale mitteminekuga tähendas aga ka Eeriku agressiivsete kavatsuste edasilükkamist. Me näeme, et Poola-Taani suhetega on võimalik rahuloldavalt põhjendada muude asjaoludega seletamatut Eeriku loobumist linnadelt liiduse otsimisest, ja seepärast peame käesolevat põhjendust pidama tõenäoliseks⁸⁸).

⁸⁵) Daenell, Hansestädte, lk. 295 jj. HR. VI, nr. 591, 593.

⁸⁶) Seeligeri seletus, nagu ei olevat Eerik end mitte alandada tahtnud Sigismundi saadikute ees, on otsitud ja võimatu. Vt. Ekskurs 3.

⁸⁷) Cod. Ep. Vitoldi, nr. 832.

⁸⁸) Šlesvigi küsimuse ühendust Poola-Taani suhetega näitab ka Cod. Ep. Vit., nr. 833. Nagu Jagiello ütleb, refereerides Eeriku teatist, teatanud viimane, et Eeriku Šlesvigi asi on lahendatud ja Eeriku heatahtlikkus ning head lootused Jagiellole avaldatud. Näib lause mõttest, et nende asjade vahel on põhjuslik seos.

Sellest asjaolust võiksime siis juba 1418. a. keskel tõenäoliselt järeldada ordu politika ülekaaluvõtmist Eeriku juures. Kindlasti võib seda väita 1418. a. sügise kohta, mil muidu nii kannatamatu Eerik ilma mingi muu lähedalseisva põhjusega laseb Vendi linnade esindajaid pikendada vaherahu holstlastega terveni kaheks aastaks — 29. septembrini 1420⁸⁹⁾. Arusaadav on see aga siis, kui silmas peame Eeriku tahtmist end vabastada ordu vastu kavatsetava sõjakäigu jaoks⁹⁰⁾.

Nägime, et 1419. aastal toimunud liidus Poola ja Taani vahel ei olnud sihitud mitte ainult ordu vastu, vaid oli laiem kaitseründeleping. Sellega oleks seletatav ka asjaolu, et üldse tarvis oli veel uut liidust pärast 1415. a., kuigi Taani ja Poola vahel ei olnud vahepeal tekkinud mingisuguseid lahkkelisid. Peame eeldama, et 1415. aasta leping oli kitsapiirilisem — sihitud ainult ordu vastu; Eeriku politika suundamiseks itta oli aga muutunud asjaoludel Poola poolt tarvilik liidust laiendada.

Muidugi oli Jagiello poolt lubatud abi Šlesvigi küsimuses palju kahtlasem kui kokkuleppe teostamine ordu vastu. Lepingu ordu vastu sihitavus oli siiski peasjaks, mitte ainult sellepärast, et poolapoolne lepingu ürik vaenlaste seas ordu eraldi nimetab, vaid siin oli punkt, kus kokku käisid mõlema uniooni alguslikud poliitilised huvid. — Enne aga, kui vaatleme üksikasjalisi konkreetseid kavatsusi, mis peitusid liiduse ürikute üldiste lausete taga, peame vaatlema ka Eeriku suhtumist kolmandasse suuremasse jõusse, kes samuti osa võttis koalitsioonist ordu vastu, — Rooma kuningas Sigismundisse.

Sigismundi šantaazipolitika ordu vastu ei olnud esialgsetest lootustest hoolimata andnud mingisuguseid tagajärgi. Vارا või hilja pidi Sigismund mõtlema sõjalise väljaastumise peale, kui ta tahtis ordult saavutada nõutavat Neumarki jne. Mida kangekaelsemalt ordu ta nõuetele vastu seisis, seda rohkem surveabinõusid võttis ta ordu vastu tarvitusele. 1417. ja 1418. aastal oli tal mõjuvaks vahendiks Brandenburgi markkrahv Friedrich, kes seni oli osutunud Sigismundi truuks käsilaseks. Selle kaudu laskis viimane takistada abivägede ja palgasõdurite ordu juurde minekut. Brandenburgi Friedrich aga oli oma maa huvide pärast sunnitud 1419. aasta esimesteks päevadeks asuma orduga heale

⁸⁹⁾ Daenell, Hansestädte, lk. 296.

⁹⁰⁾ Vt. ka 3. ekskurss, lõpp.

jalale ⁹¹⁾. Seega oli Sigismundi šantaažipolitikalt ordu vastu võetud viimane tugi, kuna tal enesel ei olnud mingit reaalset jõudu ordu läheduses. Me ei tea kindlasti, kas Sigismundil juba oli kavatsus ordu vastu sõjaliselt välja astuda ja liituda ordu jagamise mõttega, kui ta Taani kuninga juurde saatis rüütel Trulle, kes sinna jõudis umbes aprillikuul 1419 ⁹²⁾; igatahes aga pidi ka ta väljapressimis-politika seisukohalt kasulik olema uue jõu juurdeast ordu vastaste hulka.

Trulle näol Sigismundilt Eeriku juurde läkitatud saatkond ei äratanud asjata tähelepanu. Ta suurus kui ka Eerikule saadetud mitmesugused kingitused lubavad oletada, et see on Sigismundi poolt esimene samm üles võtta vahepeal katkenud suhtumisi Taani kuningaga. Ei ole sugugi tingimata kindel, et käesolev saatkond pidi õhutama Eeriku kallaletungi ordule ja selle eest temale lubama Rooma kuninga toetust Šlesvigi asjus, nagu seda arvab Seeliger ⁹³⁾, kuid on usutav, et Trulle saatkonna otsarbeks oli ka ordu küsimuses jõuda kokkuleppele Eerikuga. Igatahes juurde astudes tekkivale koalitsioonile ordu vastu ja 8. mail 1419 sõlmides ordu vastu liiduse Poolaga isiklikul kokusaamisel Jagielloga, pidi siis Sigismund ka Eerikuga selles punktis läbikäimisse astuma.

Poola ja Taani vaheline liidus näeb ette, peale nende äravõidetavate maa-alade saatuse, mille peale osavõtvatel riikidel on pretensioone, ka nende maade langemist ühisesse ossa, mis kunagi liiduriikidele ei olnud kuulunud. Niisugust punkti liiduses arvestades peab oletama, et mõnesugusel määral on liiduse tegemisel tõesti aluseks olnud Neumargi foogti poolt 1418. a. sügisel Jagiello pähe pandud kavatsus, orduriik kui niisugune üldse ära kaotada ja ordu ise Küpros'ele üle viia ⁹⁴⁾. Peab arvama, et orduvastase koalitsiooni eesmärgiks oli asja õnnestamisel ordu maid omavahel jagada.

Kuigi leping ette näeb võimalusi ordult maid ka muul teel kätte saada, siiski on juba ettenähtavalt selge, et kavatseti ordult saaki saavutada sõjaliselt. Sõja lahtipäästmise tähtpäeva me otsekohe antuna ei tea. Siiski on teada, et Jagiello ja Vitautas alustasid sõjakäiku ordu vastu 1419. aasta suvel, kusjuures poolapoolne

⁹¹⁾ Brandenburg, lk. 78 j. Nieborowski, Reg. 95 j.

⁹²⁾ Lüb. UB. 6, nr. 85, vrd. ka Ekskurss 3.

⁹³⁾ Seeliger, lk. 37, vrd. Ekskurss 3.

⁹⁴⁾ Voigt, lk. 332.

liiduse ürikki välja anti Tšervinskis, kus Jagiello ja Vitautase sõjaväed ühinesid, et edasi minna ordu kallale ⁹⁵). Sõjategevuse avamise ajaks oodati päralt ka Sigismundi isiklikult abiväe eesotsas ⁹⁶). Meid huvitab muidugi kõige enam Eeriku seisukoht, kas ta oli valmis ordu vastu sõjaliselt välja astuma. Kuna liiduses Poolaga oli ette nähtud, et pooled vastastikku teatavad enne tegelikuks saamist oma vaenlaste vastu sõja alata tahtmist ja saades teise poole käest nõusoleku peavad kokku leppima selle läbiviimise kohta, siis on arvata, et ka Eerik sõlmides liidust mõtles sõda alata 1419. a. suvel. Sellekohane kokkulepe pidi saavutatud olema arvatavasti veel enne ametlikkude liiduse ürikute vahetamist, sest Poola relvastumine algas kindlasti enne 23. juunit 1419, millega on dateeritud ajaliselt eelnev Eeriku poolne liiduse dokument. Kõige selle pärast peame väga tõenäoliseks, et 1419. a. mai keskel ordule tulnud teated taanlaste ja rootslaste kõvast relvastumisest laevadel ⁹⁷) on tõesti olnud sihitud ordu vastu, kuna teist põhjust neile on väga raske leida.

Ordu seisukord koalitsiooni vastu, kuhu peale Pommeri Boguslavi kuulusid Vitautase kaudu veel Moskva ja Novgorod ⁹⁸), oli äärmiselt raske. Peale Brandenburgi ja kaugete ordusõbraliste vaimulikkude kuurvürstide ei olnud ordul vastukaaluks midagi välja panna ja kahtlane oli, kas hädaohu korral oleks sealt tulnud tegelikku abi ⁹⁹).

Lahti puhkemas olev sõda ei teostunud siiski. Ordu päästingliks osutus jällegi Sigismund. Juba 1. juulil 1419 palus ta oma saatkonna kaudu Jagiellot, et sõda edasi lükataks ¹⁰⁰). Milano peapiiskopi vaheltsobitusel tunnistas siis ka äärmises hädaohus viibiv ordu vahekohtunikuks Poola-ordu tülis ainult Sigismundi ¹⁰¹). Viimastel tingimustel pikendati vaherahu veel üheks aastaks: 13. juulini 1420 ¹⁰²).

⁹⁵) Brandenburg, lk. 86. Tõenäoline on, et Poola-Leedu poolse liiduse üriku hiline mine võrreldes Taani omaga on tingitud just Vitautase ja Jagiello kokkusaamise kavatsusest, dokumendi allapitserdamise kergendusest mõlema riigi magnaatide koosolemise tagajärjel jne.

⁹⁶) Caro, Lib. canc., nr. 81. Brandenburg, lk. 86.

⁹⁷) UB. 5, nr. 2317.

⁹⁸) Osten-Sacken, lk. 267 j.

⁹⁹) Brandenburg, lk. 86.

¹⁰⁰) Długosz XI, lk. 402.

¹⁰¹) Dogiel IV, lk. 103 j. v. Brandenburg, lk. 87.

¹⁰²) Raczyński, lk. 248. Väga võimalik on, et Sigismundi loobumine

Erikul ei olnud üksinda muidugi midagi peale hakata; ta oli sunnitud loobuma kavatsetud sõjaretkest ja asja edasi lükkama. Poola poolt sõjakavatsuste esialgne katkestamine ei sündinud nähtavasti mitte täiesti ignoreerides Eerikut, vaid see sai asjast kahtlemata informatsiooni, sest ajalisel langeb kokku Poola-Taani poolapoolne liiduseüriku aeg, 15. juuli 1419, juba käsil oleva vaheerahu pikendamise läbirääkimistega ordu ning Sigismundiga. Arvatavasti jõuti sõja edasilükkamises mingisugusele kokkuleppele sel puhul Poola kuninga juures viibivate taani saadikutega.

Juuli alul 1420 kordus samane lugu. Kuigi sõda osalt Poola ja ordu vahel oli lahti puhkenud, siiski algasid läbirääkimised Vitautasega vaheerahu pikendamiseks ning konverentsi pidamiseks (Vileny's) hiljemalt mais 1420, mis eitab Poola-Leedu tõsist kavatsust alata sel suvel õiget sõda ¹⁰³). Kas olid ka Eeriku relvas-tumised 1420. a. kevadel, nagu kardeti, sihitud ordu vastu ¹⁰⁴), ei või kindlasti öelda. Küll algas Eerik juuli alguses Fehmarni saarele äkki kallale tungides veel enne vaheerahu lõppemist sõda holsteinlastega ¹⁰⁵). Võimalik on aga, et juhul, kui Poolaga 1419.

sõjaväelisest aktsioonist põhjenes just nimelt selles, et ordu tunnistas teda nüüd ainukeseks vahekohtunikuks, mida Sigismund Kaschus nõudis just enne lepingu sõlmimist Jagielloga. Vladislav aga oli Kaschus lubanud aluda ainuüksi Sigismundi vahekohtule, kui aga ordu seda tunnistab. Raczynski, lk. 242. Sel tingimusel oli Sigismund sõlminud temaga liiduse. Vist selleks, et Sigismundilt saada legalisatsiooni oma püüetele ja siis sõjalist abi, oli Vladislav Jagiello loobunud nii heal hetkel oma sõjakäigust, mis Poolas suure rahulolematuse esile tõi. Arvatavasti selles ühenduses on ka Jagiello-Vitautas'e poolses liiduseürikus (Taani-Poola leping 1419) märkus, et ta ei tahtvat käesoleva liidusega rikkuda neid lubadusi, mis ta andnud Sigismundile. Teissuguste arvamistega on esinenud Seeliger, lk. 39 j., ja Caro, lk. 503. Et siin tegemist on reservatsiooniga Jagiello poolt, näitab „volumus” ja üldse kõnes oleva lause stiil, nii et tohiks ära jääda Seeligeri arvamine, nagu laskvat Eerik enesele Jagiello poolt kinnitada, et Sigismundi mitte ei petetaks. Rääkimata Seeligeri vaate konstruktiivsusest, tohiks viimasel korral küll oodata kas „obligavimus” rõhutustega mitmes variatsioonis. Caro arvamine, et sellest võiks järeldada Sigismundi ja Eeriku nõuete vastuolu, on, nagu nägime, üldiselt õige; lähem äramääramine aga, et Sigismund ei olevat tahtnud Eerikule lubada Eestimaad, on tuulest võetud.

¹⁰³) UB. 5, nr. 2477. Põhjuste kohta v. Osten-Sacken, lk. 259.

¹⁰⁴) UB. 5, nr. 2467. Ordu poolt võeti asja väga tõsiselt, mindi isegi nii kaugele, et anti käsk losside kordaseadmiseks oodatava Taani kallal tungi puhul.

¹⁰⁵) Daenell, Hansestädte, lk. 300.

aastal sõjakäiku edasi lükates uue retke asjus kokku lepiti 1420 suve peale, siis võis Eerik järjekordse edasilükkamise tõttu kasutada holsteinlaste vastu algslikult ordu vastu kogutud jõudusid. Igal juhul aga on võimatu konstrueerida kallaletungist Fehmarnile Eeriku mittealistumist oma liiduse kohustustele ordu vastu. 1421. aasta aprilli alguses liidust sõlmides Brandenburiga oli Poola jällegi kohustatud pidama rahu ordu vastu veel ühe aasta¹⁰⁶⁾, nii et Eerikul kõige paremagi tahtmise korral ei olnud mingit mõtet minna sel suvel omalt poolt üksinda ordu vastu, kuigi tal novembri lõpus 1420 oli tehtud vaherahu holsteinlastega 1421. a. mihkclipäevani¹⁰⁷⁾. Üksinda ordu vastu minnes oleks Eerik riskeerinud niihästi seal lüüasaamisega kui ka tema käes oleva Šlesvigi osa võimaliku kaotusega Holsteini krahvide pealetungiga ta peaväe äraolekul. — Me näeme, et 1419. aastal Poola ja Taani otsustatud ühine aktsioon ordu vastu lükkus aasta-aastalt edasi peaasjalikult Poola süü läbi. Eerik aga püsis kogu aja orduvaenulisena. Kõik ordu katsed temaga paremasse vahekorda saada lükkas ta tagasi. Ordu sobitused 1419. a. otsekohe, 1420. a. lõpul Lüübeki piiskopi, 1421. a. suvel Riia peapiiskopi kaudu ei andnud mingisuguseid tagajärgi.

¹⁰⁶⁾ v. Brandenburg, lk. 117 jj.

¹⁰⁷⁾ Daenell, Hansestädte, lk. 302.

II p e a t ü k k.

Eeriku suhtumine orduvaenuliste elementidega Liivimaal.

Eespool vaatlesime Pommeri Eeriku katseid, astuda kontakti teiste orduvaenuliste valitsejatega. Eeriku üritused ei piirunud aga ainult sellega; ta otsib omale liitlasi ka Liivimaalt enesest, kus prelaatide ja vasalkondade opositsioon ordu stiftide inkorporeerimispoliitikale oli avanud soodsa pinna selliseks suhtumiseks.

14. ja 15. sajandi vahetuseks oli ordu enda stiftide inkorporeerimise püüdes saavutanud tähelepandavaid edusamme. Kõik kolm suuremat ja iseseisvalt ülesastunud piiskopkonda Liivimaal olid sattunud, kui mitte täiesti ordu käsilaste, siis ometi kahjutute isikute kätte. Saare-Lääne piiskopkonda oli ordu 1380. a. upitanud oma mehe — Winrich v. Kniprode, samanimelise kõrgmeistri vennapoja; Riia peapiiskopiks jäi orduvend Johann v. Wallenrode, ja ka Riia kapiitel oli paavst Bonifacius IX bullade tagajärjel nii hästi kui inkorporeeritud. 1400. a. läks lõpuks ordul korda lahti saada oma hädaohtlikumast vastasest, Tartu piiskopp Dietrich Damerow'ist. Tartu piiskopkonda täitsid nüüdsest peale mehed, kes ei teinud ordu ülemvalitsusele mingit tähelepandavat opositsiooni. — Nii möödus Liivimaal ka aastakümme enne Tannebergi lahingut. Wallenrode oli küll hakanud avaldama oma iseseisvuse instinkte, ta sõltumus ordust oli aga ikkagi nii suur, et ta oma pentsikust seisukorrast pääsemiseks 1405. a. välismaale sõites „rentis” oma stifti 12 aastaks ordule. Faktiliselt oli vähemalt selle aja kestel, kui ordu vikaarina valitses Riia peapiiskopkonda, ta võim selles Liivimaa osas kõige suurem.

Olles tegelikult esiagseks jagu saanud piiskoppide opositsioonist Liivimaal ühtlusriigi loomise vastu orduga eesotsas, oli aga ordu esile kutsunud opositsiooni teisalt, mida raskem oli maha suruda aina diplomaatiliste ja rahaliste vahenditega. Need olid üksikud vasalkonnad.

Liivi stiftide vasalkonnad olid oma poliitilise tähtsuse kiire

tõusu võlgnenud peaaasjalikult alalistele tülidele oma maahärrade ja ordu vahel, mille tõttu mõlemad pooled otsisid endile abi vasallidelt kui tegelikult sageli otsustavalt sõjaliselt jõult. Maaomanikkudena pidi vasallidel soovitav olema Liivimaa konsolideerumine, kuid ainult niipalju, kui see vastu ei käinud nende poliitilistele huvidele. Vasallide poliitilise tähtsuse ähvardas aga kaotada ordu tingimatu ülekaal piiskoppide üle, mis samuti oleks lõpu teinud poolte vastastikustele ülepakkumistele lubadustes vasalkondadele ¹⁰⁸). Seetõttu näeme vasalkondi ordu vastastena, kui see ähvardas lõpule jõuda oma inkorporeerimiskavatsustega. Sellel seisukohal olid vasalkonnad asunud Dietrich Damerow'i poolt juhitud võitluses Riia peapiiskopkonna inkorporeerimise vastu 1394—1397 ¹⁰⁹). Sama opositsioon pidi vara või hilja jälle ilmuma, sest nagu öeldud, oli ordu uue sajandi esimesel aastakümnel Liivimaal absoluutselt ülekaalus.

Sellise hea juhuse kokkupõrkeks vasalkondade ja ordu vahel avas Tartu piiskopp Bernhard Bulowe surm, nähtavasti 1413. aasta alguses ¹¹⁰). Vakantssele piiskopitoolile püüdis ordu paavsti juures läbi suruda loomulikult omameelset meest; seekord osutus ordu kandidaadiks kõrgmeistri sugulane Günther v. Schwarzburg. Seega oli ordu sattunud vastuollu Tartu kapiitliga, kellel oli oma, meile nimepidi tundmatu, elekt. Mõlemad pooled pöördusid paavsti poole. Ordu tõi ette, et Tartu piiskopkond on asutatud ordu poolt ja temale alluv, sellepärast peaks paavst piiskopitooli täitmisel arvestama ka ordu huvisid. Tartu kapiitli saadikud tegid aga omalt poolt selgeks, et stift ei kuulu ordule ja asub tulevikus Rootsi riigis ¹¹¹). Selle peale andis

¹⁰⁸) Girgensohn, lk. 3 ja 42.

¹⁰⁹) Girgensohn, lk. 49.

¹¹⁰) Bulowe täpne surmadaatum ei ole teada. Ta suri hiljemalt 28. veebruaril 1413.

¹¹¹) UB. 4, nr. 1937. Ordu poolt äraostetud kardinaaldiakoni Petrus de Angeli teade kõrgmeistrile. Selle järele olevat paavst ütelnud „ecclesiam fore in regno Sveciae sitam, nec ad vestrum ordinem pertinere. Nieborowski Reg. 31 saame teada, et sellise seisukohaga on välja tulnud Tartu saadikud. Nieborowski on küll: „sie hatten dem Papst gesagt, die Kirche liege in Schweden, darum hat er sie heimlich einem seiner Kämmerer verliehen“. „Fore“ tarvitatakse keskaegses ladina keeles tihti ka preesensi edasiandmiseks (vrd. Ducange III, lk. 548). Nähtavasti siis selleski ürikus, mis tarvitatud Nieborowski, on seisnud „fore“. On ju võimalik, et paavstilt tõepoolest lonkasid geograafilised teadmised niivõrt kauge maa kohta. Kuid

paavst, mööda minnes mõlemast kandidaadist, stifti oma kubikulaariusele Dietrich Resler'ile.

Ühenduses Tartu piiskopitooli vakantsiga on olnud, nagu kõik märgid näitavad, suuremad hõõrumised. Väga võimalik on, et samasesse aega langeb hiljemalt 1413. a. sõlmitud Tartu stifti liidus Vitautasega, igatahes näib see sündinud olevat enne Resleri päralejõudmist Liivimaale¹¹²). Ordu pidas liidust oma vastu sõlmituks, mis järgneb orduprokuraatori arvamisest, et Liivi ordumeister peab Reslerilt nõudma stifti liiduse lahutamist Vitautasega. On täiesti loomulik, et Tartu kapiitel püüdis kaitsta oma elekti võimaliku ordukandidaadi läbimineku vastu ja otsis selleks omale seljatuge ordu välisvaenlaste juurest.

tõenäolisem on see, et kapiitli saadikud vaevalt riskeerisid niisuguse avaliku valega esineda, et Tartu stift a sub Roots. Küll aga võisid saadikud paavstile teada anda mingit kavatsust, mille teostumisel Tartu saab asuma Roots. Angelil olid läbirääkimistest otsesemad andmed kui prokuraatoril. Ta ütleb „fore”, mille juurde ka meie peatuma jääme.

¹¹²) Nieborowski, Reg. 35. Orduprokuraatori kiri kõrgmeistrile või kes ta aset täidab, 15. jaan. 1414. Juba sõnad „Dietrich Resler, ernanther Bischof von Dorpat, soll auf Verlangen des M. v. Livland das Bündnis d. Domstiftes mit Witold auflösen” näitaksid tõenäolisena, et Resler ise ei ole liidust sõlminud. Kahjuks aga on need Nieborowski sõnad.

Siiski peaks liidus tehtud olema enne R-i Liivimaale tulekut. Resler viibis veel 27. juulil 1413 Roomas. 11. juuliga on dateeritud paavsti soovituskiri Reslerile piiskoppide jne. juures, kuna saadab tema ülesandega „ad Alamanie ac nonnullas alias partes”. (Arbusow, Geistlichkeit, lk. 169.) Ka siis, kui Resler juba kohe 27. juulil Roomast teele asus, on vaheaeg selle ja 1414. a. 15. jaanuari vahel väga väike, et sellesse saaks paigutada Resleri reisuaia, paavsti ülesannete täitmise teel, tutvumise olukorraga Tartus, läbirääkimised Vitautas'ega, teate jõudmise prokuraatorile Veneziasse.

Kui aga stift omapead, ilma piiskopita selle liiduse sõlmis, siis arvatavasti pidi selle aeg kokku langema piiskopkonna vakantsiga.

Võimalik on, et Resler alles hiljemini jõudis oma residentsi, kas 1414. või koguni 1415. a. esipoolel. UB. 5, nr. 2030 peab olema neist aastaist. Kiri äratub oma tänuga Tallinnale au ja heateo eest, millest ka ordumeistrile teatatud, mulje, nagu oleks see reageerimine kas läbisõidul avaldatud lahkusele, või tervitustele, või kingitustele saabumise puhul. See on muidugi oletus kolme küsimärgiga, kuid ta seletaks asjaolu, miks Tartu piiskopi protestatsioonid ja kahjutasunõuded Doleni pärast esinevad alles 1415—1416, kuna Dolen tapeti 1413. Liivi ordumeistrikoha vakants 1415. a. sügisel seletaks omalt poolt ka asja viibimist. Peale UB. 5, nr. 2030, ei ole Tartu piiskopilt Reslerilt säilinud ühtegi ürikut mulle kättesaadavas literatuuris, mis oleks dateeritud enne 1416. a.

Samuti umbes samasesse aega langeb ka teine juhtum, mis tõendab, et Tartu vasallidest olid mõned astunud ühendusse Pommeri Eerikuga. Enne oktoobrit 1413, arvatavasti aga aprilli lõpus või mai esimestel päevadel 1413, surmati Preisimaal Braunsbergis kõrgmeistri Plaueni käsul ja mõnede ordu käsutajate kaasteadmisel „nach überstürztem Gerichtsverfahren” üks mõjukamasse ja vanemasse Tartu piiskopkonna vasallisooesse kuuluv Tartu vasall Johann von Dolen¹¹³). Seesugune omavoliline kõrgmeistri samm, nagu vöõra vasalli hukkamõistmine, äratas muidugi kogu maal meelepaha. Ühel Harju-Viru vasallide koosolekul, 21. mail 1414, selgitas pärastine Liivi ordumeister, siis Viljandi komtuur Siegfried Lander von Spannheim Liivi ordumeistri käsul, nähtavasti meelte rahustamiseks, põhjusi, miks Dolen hukati. Sellel koosolekul tarvitanud S. Lander von Spannheim Taani kuninga kohta haavavaid sõnu, olevat teda „beruchtet und bedasset”, missuguse asjaolu Eerik pärast kasutas oma norimisteks ordu vastu. Et kahtlustus Doleni kohta pidi olema väga raskes „eksituses” ordu vastu ja kindlasti põhjendatud, et tema vastu võeti tarvitusele säärane vastutusrikas samm, ja et temaga ühenduses laimatakse ka Taani kuningat, siis tohiks selge olla, et Dolen on seisnud ordu suhtes äraandlikus ühenduses Eerikuga¹¹⁴).

Doleni juhtumit tuleb võtta sümptomaatilise nähtusena vähemalt osa Tartu stifti vasallide kohta, sest harilikult järgneb ühele suuremale mehele hulk väiksemaid. Ka tuleb mõjukamate Tartu ja Riia stifti vasallide Tiesenhausenite vahekorda Eerikuga vaadelda samuti kui sümptomit nimetatud Tartu vasallide konspiratsioonist ordu vastu.

3. oktoobril 1413. a. andis Eerik teada, et ta oma teenijate hulka on võtnud Johann (Hans) ja Peter Tiesenhauseni ja lubab

¹¹³) Doleni surmamise daatumi kohta on Arbusow arvamisel, et see on olnud vähe aega enne 6. maid 1413; see on kõrgmeistri kirja daatum, kus ta kahtlustab Harju-Viru vasalle Eerikuga ühenduses olemises; arvatavasti olevat Doleni surmamine kõrgmeistrile materjali andnud Harju-Viru vasallide läbikäimisest Eerikuga. Arbusow-Stavenhagen, lk. 167, märk. 1. Ka muidu on tõenäoline, et Doleni surmamine on olnud Plaueni viimasel valitsemisaastal, sest muidu oleks imekspandav, miks see asi uuesti päevakorraile tuli alles mais 1414. Käesoleval juhul aga seletuks viibimine kõrgmeistri sedisvakantsi tõttu oktoobrist jaanuarini.

¹¹⁴) Arbusow-Stavenhagen, nr. 246. UR. 5, nr. 2080.

neile oma kaitset ¹¹⁵⁾. See kiri iseenesest tundub imelikuna juba selle poolest, mislaadi teenistust võisid küll Taani kuningale pakkuda kaks Liivimaa vasalli. Kirja pearõhk aga peitub kindlasti Tiesenhausenite kaitse alla võtmises, ja seda oli Tiesenhausenitel vaja, kui nad osa võtsid konspiratsioonist ordu vastu. Mõni aeg enne seda, arvatavasti aprilli- või maikuus, toimus Doleni hukkamine. Kui Tiesenhausenid osa võtsid samast konspiratsioonist, siis tohiks selge olla, et nad kartuses, et nende enesetega võiks korduda samasugune lugu, muretsesid enestele Eerikult kaitsekirja. Ka nõudis seda nende maade kaitse, mis suurelt osalt asusid ordu vikariaadi all olevas Riia stiftis, osalt aga ka ordualal.

Igatahes teeb Tiesenhausenite perekondlik traditsioon meile tõenäoliseks, et nende teenistus Eeriku juures võis olla sellise iseloomuga. Peter ja Hans olid selle Bartholomäus Tiesenhauseni pojad, kes Damerow'i võitlustes ordu vastu oli ühes oma onupojaga Damerow'i poole üleläänud Riia vasallide juhtivamaks jõuks. Danzigi rahu 1397 olid Tiesenhausenid sunnitud, küll väikse vastutuse eest, ordule jätma oma osa Kokenhuseni lossist. Riia peapiiskopkonna minekuga ordu vikariaati pidi see rahutu suguvõsa selgemini kui muidu tundma ordu ülevõimu ¹¹⁶⁾.

Meil on liiga vähe ürikulist materjali selleks, et kindlaks teha, millised eesmärgid peitusid selle nähtavasti 1413. aasta esimesel poolel aset leidnud Tartu ja võib-olla ka Riia ¹¹⁷⁾ vasallide konspiratsiooni taga. Ajaline kokkulange Tartu piiskopkonna vakantsiga lubab meil teha oletuse, kuigi siin väga ettevaatlik tuleb olla, et on püütud ühendusse astuda niihästi Eerikuga kui ka Vitautas'ega, et Tartu kirik jääks ordust sõltumatuks. Et aga, nagu pärast näeme, ka Eestimaa vasallid samuti ühenduses olid Eerikuga ja võib-olla olid Tartu (ja Riia) vasallidega ühise konspiratsiooni liikmed, siis vahest oli selle eesmärgiks Eestimaa Taani kätte mängimine, mis oleks Liivimaale juurde toonud uue toe opositsioonile; võimalikult aga taheti ka Tartu piiskopkonda asetada min-

¹¹⁵⁾ UB. 6, nr. 2999. Kirja mõttest saab Bruiningk nähtavasti aru nagu meiegi. Ta regist käesolevast ürikust nimetab kaitse alla võtmist kõige pealt. Bruiningk, lk. 201.

¹¹⁶⁾ Girgensohn, lk. 80 j.

¹¹⁷⁾ Tiesenhausenid olid Tartu, kuid ühtlasi ka ordu ja Riia stifti vasallid; võimalik, et nad osa võttes orduvastasest konspiratsioonist kaasa tõmbasid ka Riia vasalle.

gisugusesse sõltumusse Taanist, nagu ütlesid paavstile Tartu kaapiitli saadikud „ecclesiam fore in regno Sveciae sitam”. Viimane oletus ei olegi nii ebatõenäoline, kui meeles peame seda, et 1451. a., piiskopp Bartholomäus Savijärve ajal, kordus samasugune katse ¹¹⁸).

Nagu öeldud, langeb samuti 1413. aastasse Eeriku ja Eestimaa vasallide sidemete avalikukstulek kõrgmeistrile. 6. mail 1413 kirjutab viimane Harju-Viru vasallidele, et kuigi temale on ette toodud ühte-teist viimaste asjadest ja tegevusest, ei tahtvat ta seda siiski uskuda, sest senini on rüütlitel olnud hea nimi, mis pärast nad senini on ära teeninud kõrgmeistri usalduse ja heatahtlikkuse. Kui vasallidel peaks olema midagi ordu vastu, siis peaksid need sellest teatama kõrgmeistrile, kes siis asja püüab korda seada. Vasallid läkitagu kõrgmeistri juurde 2 oma saadikut; nad pidagu seda meeles, et nad „die unsirn seit”; see lubab neid hädakorral aidata, ja loodab, et vasallid oma head nime au sees hoiavad. Ja kui vasallidele keegi troostlikke ja valesõnu ette kannab, siis ärgu pangu nad seda tähele ¹¹⁹).

Käesoleva kirja sisust tohiks selge olla, et kõrgmeistril on kahtlustusi Harju-Viru vasallide loiaalsuses, ja et isik, kes ette toob vasallidele troostlikke ja valesõnu, on Eerik. Viimase oletuse poolt räägib peale samaaegsete Eeriku suhtumiste arvestamise stifti vasallidega ka järgmine asjaolu.

Üheaegselt kahtlustamisega Harju-Viru vasallide vastu kahtlustas kõrgmeister ka Tallinna linna, kellelt samuti enese juurde tsiteeris kaks saadikut. Tõenäoliselt oli Tallinna sel ajal ordule loiaalne, nagu üldse siis enamik linnu sai orduga esialgu võrdlemisi hästi läbi, ja hiljemini jõudis ka Liivi ordumeister sellele otsusele ¹²⁰). Tallinna püüdis ära hoida seda häbistavat kõrgmeistri juurde läkitatavat saatkonda, ja tõenäoliselt selleks, et anda paremat tunnistust oma ordupoolsusest, puhus ta üles kartused, et 1407. a. asutatud Pirita klooster, kus käis palju palverändajaid Põhjamaadelt, võib oma mereäärse asendiga saada Taani kallaletungi baasiks, kust võib linna sõjariistus vallutada. Nõuti, et Pirita klooster paigutataks ümber — merest kaugemale.

¹¹⁸) Schiemann, II, lk. 136.

¹¹⁹) UB. 4, nr. 1939.

¹²⁰) UB. 4, nr. 1942, 1945; UB. 5, nr. 2015. Vrd. Arbusow-Stavenhagen, lk. 165 ja 170.

Need kartused indulgentsi saajate sõjalise väljaastumise pärast on kaunis otsitud; seda tõendabki ordumeistrite lõplik külmaksjäämine kloostri ümberpaigutamise mõtte vastu, ja see teeb täiesti tõenäoliseks Arbusow'i oletuse, et nende kahtlustuste ülespuhumine Tallinna poolt on toodud sellega kaasuvate oma loaalsuse tõestuste kõvendamiseks¹²¹). Sel juhul järgneb aga kindel oletus, et Tallinnat kahtlustati konspireerimises Taaniga; sellest peaks siis ka selge olema, et samaaegsed kahtlustamised Harju-Viru vasallide vastu põhjenesid samal alusel.

Tallinlaste loaalsusest on ordumeister veendunud ja palub omalt poolt kõrgmeistrilt nõutud saatkonna ärajäämist. Samas kirjas ei ole aga midagi nimetatud Harju-Viru saadikute kohta, samuti ei ole meil säilinud mingit ürikut viimaste kahtlustustest vabastamise kohta. See toob lähedale oletuse, et Liivi ordumeister omalt poolt täiesti nõus oli kõrgmeistri sammudega vasallide vastu. Ka on võimalik, et Tallinna näis uskuvat harju-virulaste suhtumisse Eerikuga, sest nii raskelt usutav kui on Piritale soodustav võimalus sõjaliseks aktsiooniks, sama tõenäoline on, et Piritale „ablassleute” kaudu võis sündida ühendus Taani ja orduvaenuliste elementide vahel Liivimaal. Võib-olla tahtis Tallinna oma kahtlustustest vabanemiseks ka just ära tähendada, et vähemad laevad merelt võivad maanduda ka otse Piritale¹²²), et vasallide ühendus Taaniga ei tarvitse toimuda mitte Tallinna kaudu, kelle kodanikkude peale võis kergesti langeda selline kahtlus, sest et kaupmehed olid liikuvamaks rahvakihiks. Lõpuks teeb usutavaks, et kõrgmeistri kahtlustused on põhjendatud Harju-Viru vasallide vastu, nende lähedane ajaline suhtumine Doleni, Tartu kapiitli, Tiesenhausenite teotsemisega ja viimaks ka see, et 1421. aastast on meil nende Taani pooldamine nii hästi kui ürikuliselt kinnitatud¹²³).

Eeriku oletatav ühenduses seismine Harju-Viru vasallidega ei piirdunud nähtavasti ainult üksikute avantüristidega, nagu seda oli mingi kriminaalsüüteo eest hukkamõistetud Friedrich Wrangel. Wrangeli kohta on 1421. ja 1422. aastast teateid, et ta on Eeriku riikides kaitset leidnud ja esimese kaudu nähtavasti ühen-

¹²¹) Arbusow-Stavenhagen, lk. 165. Üks tallinlaste kiri nimetab kartuse objektina otsekohe vagu mehi: „hir over ut Sweden van vogeden und andern luden”. UB, 4, nr. 1945.

¹²²) UB, 4, 1945.

¹²³) UB, 5, nr. 2528; vt. ka allpool.

duses olnud Friedrich ja Hans Parembeke'ga, kes tulid Rootsist ja Soomest laevadega Eesti randa, põletasid isiklikkude vaenude tõttu Eestimaa maha Otto v. Brakel'i mõisad ja viisid ära Soome ühe vasalli Arndt von Vietinghoff'i ¹²⁴).

Nagu juba oletada võib sellest, et kõrgmeister oma juurde tsiteeris Harju-Viru vasalkonna esindaja, oli nähtavasti konspiratiivses ühenduses Eerikuga vähemalt suur osa vasalkonnast.

Eestimaa oli vaevalt 70 aastat tagasi tulnud Taani alt ordu alla. Taani aeg oli Eestimaa vasallidele olnud kuldseks ajajärguks. Niikuinii kauguse pärast nõrgana esinev Taani keskvoim oli halvatud veel Taani riikliku nõrkusega sel perioodil, kui ta valduses oli Eestimaa. See asjaolu lubas Harju-Viru vasalkonnal palju varemalt kui teistel Liivimaal tõusta iseseisvaks korporatsiooniks, mis end oma teotsemises tundis pea sõltumatusena Taanist. Harju-Viru vasallid teadsid väga hästi, missuguste asjaoludele nad võlgnesid faktiliselt suured poliitilised vabadused. Kui Taani poolt hakati katseid tegema Eesti hertsogkonna läänistamiseks või riigist võõrutamiseks, siis olid Eesti vasallid need, kes ihu ja hingega sellele vastu seisid, katsudes äärmisel juhul oma maad anda kas või Rootsi alla. See oli loomulik, sest kui peremees kodus ning lähedal, siis ei olnud vasallidel nii vabu käsi oma asjade ajamisel kui enne. Nii olid ka Harju-Viru vasallid põigelnud ordu alla sattumise eest 1346. aastal. Veel 1348. a. olid nad ühendusse astunud Rootsi kuninga Magnus Eeriku pojaga, et hertsogkonda Rootsi kätte mängida ¹²⁵). Sellest ajast peale aga tuli paratamatult alluda saatusele, ja me näeme hiljemalt vasalle mitmeski küsimuses orduga käsikäes käivat.

Teadvus suurema osa oma privileegide päritolu kohta jäi aga Eestimaa vasallidele kauaks ajaks. Ka meie poolt käsitletava ajajärgu kohta on konstateeritav seda sisaldava ajaloolise legendi olemasolu Harju-Viru vasallide juures. Kui Saare piiskopp Kaspar Schuwenpflug oli 1421. a. tsiteerinud vaimuliku kohtu ette oma (ja Harju) vasalli W. Fahrensbach'i, siis protesteerisid selle vastu Harju ja Viru vasallid, misjuures esile tulevad ka nende ajaloo-

¹²⁴) Vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 245 j.; UB. 5, nr. 2490, 2546, 2634. Ka muidu on Eerik nähtavasti protektsiooni andnud üksikuile orduga tülli läinud isikuile. Nii viibib umbes sel ajajärgul Kalmaris orduvend Eerik Ovelacker, keda olevat mustatud Liivi ordumeistri ees ja kes nüüd kõrgmeistrilt palub luba teise ordusse üle minna. Vt. UB. 4, nr. 1856.

¹²⁵) Vt. Grandinson, lk. 36 jj. Höhlbaum, lk. 72 jj.

lised vaated oma privileegide ja õiguste saavutamise kohta. Harju-Viru vasallid arvavad, et vanasti üks Taani kuningas on Liivimaa sõjaliselt alla heitnud, rüütlid, sulased ja meeskonna sinna paigutanud ja andnud neile õiguse, mida nad omavahel tarvitasid¹²⁶); nad tahavad jääda „bei irer alden rechticheit, friheit und gnade“, mis neile vanast ajast saadik on andnud Taani kuningas¹²⁷). Kindlast assotsiatsioonist oma õiguste ning privileegide ja Taani kuningakrooni vahel võis aga nende kitsendamise puhul kergesti järgneda pöördumine nende kuningate järeltulija poole, kes need privileegid andnud. Tüüpiline näide sellest on Wilhelm Fahrensbach'i pöördumine Eeriku poole palvega, et see teda kaitseks Saare piiskopi vastu ja hoiaks teda ta mõisatega selle õiguse valdamises, mida omavad tema eelkäijate käest teised rüütlid ja sulased Liivimaal¹²⁸).

Teadvus oma endisest kuuluvusest Taani alla ja oma õiguste päritolekust Taani kuningatelt lõi soodsa pinna ühenduse tekkimiseks Eestimaa vasallide ja Pommeri Eeriku vahel. Meile pole tuttavad lähemad põhjused, miks hakkasid Harju-Viru vasallid Eerikuga konspireerima. Kõrgmeister peab võimalikuks, et neil oli „enigerlei widerstos, gedrang adir gebrechen“ ordu vastu¹²⁹). Arvestades seda, et niisugusel iseseisval ning jõuküllasel korporatsioonil, kui seda oli Harju-Viru vasalkond, väga võimalikult võisid tekkida konfliktid oma maaisanda — orduga, eriti raskel ajal — peale Tannenbergi lahingut, kus ka Liivi ordu haru eriti pidi oma jõudu pingutama, ja osaliselt sündis see ta vasallide kulul¹³⁰), on väga tõenäoline, et kõrgmeistri kahtlustused osutusid tõeks.

¹²⁶) UB. 5, nr. 2709, vt. 995.

¹²⁷) UB. 5, nr. 2522.

¹²⁸) UB. 5, nr. 2709, v. 998.

¹²⁹) UB. 4, nr. 1939.

¹³⁰) Näiteks 1414. a. taheti ära keelata vilja väljavedu Liivimaalt, et võiks näljahäda ära hoida Preisis, kuhu aga võis müüa võrdlemisi madalate taksihindadega, millest eelmisel aastal paljud kahju saanud. Liivimaal tekitanud asi suurt rahulolematust. 1415. a. lõpul teatab Liivi ordumeister kõrgmeistrile, et ta ei või seda ette kirjutada stiftidele, rüütelitele, sulastele ja linnadele, „went sie y und y frei gewesen sint“ (nähtavasti viimaste vastuargument!). UB. 5, nr. 2025; vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 172. Selliseid raskusi võis sõjaseisukord ka enamalt tuua. Thorni rahu ette nähtud kontributsiooni maksmine pingutas neil aastail ka Liivimaa. Arbusow-Stavenhagen, lk. 157 j.

Samuti jääb tumedaks, kumma poole poolt sündis algatus sidemete loomiseks; loomulikumana tundub küll see, et vasallid pöördusid Taani poole, kelle orduvaenulisuus ja soov Eestimaad tagasi saada olid teada juba 1411. aastal¹³¹⁾). Eerikule oli aga ühendusse astumine vasallidega Eestimaa taasvallutamise püüetes suure tähendusega. Vaevalt võis oodata Harju-Viru vasallide poolt salajast läbikäimist isikuga, kes nõudles Eestimaad, muus mõttes kui katsudes oma hertsogkonda Taani kätte mängida. 1413. aastaks oli ta ühenduses ka osa Liivi stiftide vasalkondadega, mis oli kuninga plaanide läbiviimisele aina tuluks.

Ühendus, mille Eerik oli loonud Harju-Viru ja stifti vasalkondadega, kestis nähtavasti pikemat aega ja ei katkenud arvata-vasti kunagi, kuigi meil alles 1421. a. alguses jälle leidub selle kohta ürikuiline otsekohene teade. Liivi ordumeister teatab võib-olla küll veidi mustemates värvides, kui õigus kõrgmeistrile, keda ta tahab viia liiduse sõlmimiseni hanseaatidega, et „niihästi ordu kui ka stiftide vägevamatest suguvõsadest rüütlid ja sulased kannavad Taani kuninga märki”¹³²⁾). Ordu rüütlitest ja sulastest peaksid siia esijoones kuuluma Harju-Viru vasallid, kuna muil ordu aladel asuvad vasallid olid võrdlemisi väiksed ja poliitiliselt tähtsusetad. —

Vahepeal oli niihästi Tartu kui ka Harju-Viru vassalle ärevuses hoidnud Johann von Dolen'i surmamise tagajärjel

¹³¹⁾ UB. 4, nr. 1878; kas 1411. või 1412. aastasse peab kuuluma ka Cod. Ep. Vitoldi nr. 668, mis Prochaska poolt dateeritud 1416. a. Kirjas nimetatud Taani kuninganna võib olla aga ainult Margaretha. Prochaska on kirja dateerimiseks leidnud pidepunkte ainult Taani ürikuist, mis avaldusid temale 1416. a. saadik. Muud andmed kirjas ei luba hästi aega täpsamalt dateerida. Kirjas öeldakse, et „vortmer so lopt hir echter ein ruchte im lande von der kōninghinne van Denemarke, dat wi uns der ok sullen vruchten”, ja palub kõrgmeistrilt lähemaid teateid, et siis võiks „darna bestellen must mit den sloten to Hargien unde to Wyrlande”. Nähtavasti siis juba hoolitseti losside korrashoiu eest võimaliku Taani peale-tungi puhuks.

Enam tõenäoline on, et kiri on kirjutatud 21. aprillil 1411 (teisipäev peale quasimodogeniti't), sest siin kirjeldab ta alles kuulujuttu Taani vaenlikkusest, 23. aprillil aga on tal juba kindlad teated (UB. 4, nr. 1878).

¹³²⁾ UB. 5, nr. 2528. Et gesellschaft = märk, mitte nagu Bungel: Gesellschaft tragen = Partei nehmen (UB. 5, lk. 1056), vaata Lüb. UB. 6, nr. 85 — Trulle toob Eerikule „des Romschen konings geselschop, ale den lyntworm yn gold”. Ka Arbusow-Stavenhagen, lk. 242, on selles mõttes aru saadud. Sigismundi „Lohe ordu” üle vt. Aschbach, lk. 263.

ta omaste poolt ülestõstetud kahjutasunõudmine, millises asjas tagajärjetult peeti orduga päevi 1416.—1419. aastani¹³³). Võimalik on, kuigi mitte otsekohe tõestatud, et Eerik 1416 oma kaebustega, nagu oleks teda Doleni asjus laimatud, just mõjustada tahtis heakstegemise läbirääkimiste käiku. Raske oleks muidu seletada, miks Eerik oma kaebustega esines alles 1416. aastal, kuna „laimamine” sündis, nagu ülal nägime, 1414. a. kevadel. Kindel on, et Eeriku poolt välja paista lastud haavumine raskendas ordu positsiooni Doleni heakstegemise nõudjate vastu, sest ta võttis ordult võimaluse Joh. v. Dolenit süüdistada äraandmises, kuna sellest Taani kuningas kindlasti oleks uut haavamist välja lugenud.

Arvatavasti tulevikus ettenähtava Taani-Poola liiduse kartusel, osalt võib-olla ka Eeriku süüdistusel aluse võtmiseks ja kindlasti kartuses Tartu stifti jne. vasalkonna meeolelu eest tulevikus oodata oleva sõja korral, leppis ordu 1419. aasta alul Doleni omastega, makstes neile kahjutasuks 1600 Riia marka, kusjuures kahjutasu maksis Liivi ordu. Viimane tingimus paistab ehk imelikuna, sest Doleni surmas oli süüdi kõige pealt kõrgmeister, kuid ta on kooskõlas sellega, et vasallide rahunemine oli kasulik kõige pealt ordu Liivi harule ja et Liivi ordumeister oli see, kes alatasa oli peale käinud kõrgmeistrile, kes asja venitada püüdis, et see hoolitseks asja kiire lõpetamise eest, s. o. tuleks vastu Doleni perekonna nõuetele¹³⁴). Päris asjata need kartused Tartu vasalkonna eest ei võinud olla, kui maksti nii suur summa, ja sellest järeldades on põhjust arvata, et vasalkonna ärevus ning orduvaenulikus oli kaunis suur. Kuna niihästi enne kui ka pärast on ürikuliselt tõestatav vasallide ühenduses-seisimine Eerikuga, siis on sellise ärevuse juures vahepeal see ka väga usutav. Tartu vasallid olid poliitilisest seisukorrast pealegi hästi informeeritud. Johann v. Doleni lesk Gertrud v. Dolen oli varsti peale kokkulepet orduga öelnud oma vennale, Ascherade komtuurile Schwarzhof'ile: ta arvavat, et liidusest, mille tegid omavahel Vitautas ja Jagiello

¹³³) Bergengrün annab päevapidamiste kohta halvasti läbitöötatud ülevaate. Selle kohta vt. Arbusow-Stavenhagen, nr. 201, 213, 219, 239.

¹³⁴) UB. 5, nr. 2326. Lepitusraha maksmine Doleni perekonnale ei teinud teda arvatavasti ordusõbraliseks, sest Doleni poeg Hans oli üks neist, kes hiljemini mais 1421 läksid Taani kuninga juurde kaitsekirja tooma Tartu piiskopile. Seda aga vist arvab küll ordumeister, andes edasi Gertrud Doleni teadet, et ta olevat „ein erlich, klug, weise frowe”.

1419. a. suvel, osa võtavad ka Taani ja Rooma kuningas ¹³⁵); seda oli ta teadnud enne 24. juunit 1419, siis kui vahest veel pitserdamata oli liidus Taani ja Poola vahel. Võimalik on, nagu hiljemini näeme, et Resler'i päralejõudmisest alates Tartu vasallid teotsesid nüüd oma piiskopiga eesotsas.

Umbes sama, mis öeldud Tartu stifti vasallidest, maksab ka Harju-Viru omade kohta. Ka siin on meil 1413.—1421. a. suhtumine Eerikuga ürikuliselt tõestamata; arvatavasti ei ole aga seegi vahepeal katkenud. Doleni kahjutasunõude puhul ulatus ärevus siiagi. Mõningal määral näikse Eesti vasallide suhtumisest orduga võimalik olevat järeldada ka nende suhtumist Eerikuga.

Kui kõrgmeister 1416. a. suvel nõudis Harju-Viru vasallide appitulekut Preisimaale, lubasid viimased küll tulla, kuid jätsid lõpliku otsuse Liivi ordumeistri teha, sest vasallide äraolekul olevat karta pihkvalaste sissetungi Eestimaaale. Peale nõupidamist käskijatega jõuab Liivi ordumeister otsusele, et Harju-Viru vasallid olevat „nicht gar willich dar to”. Pihkvalaste sissetungi korral vasallide äraolekul ei saavat aga ordu meile kahju tasuda, ja võib tõusta ordu ja vasallide vahel „ewiger haat und twi-dracht” ¹³⁶). Paistab, et käesolevas kirjas ei karda ordumeister mitte niivõrt pihkvalaste rüüsteretke Liivimaale kui just viimaste tülisattumist sel korral Harju-Viru vasallidega.

Järgmisel päeval kirjutab ordumeister kõrgmeistrile, kui oli saabunud hoiatus Tallinna piiskopilt, et Eerik peale sõja lõpetamist holsteinlastega kavatseb Liivimaale kallale tungida, ja seletab, et sääraseid teateid saades hästi on tehtud Harju-Viru vasallidega, et neilt ei nõuta sõjakäiku Preisimaale ¹³⁷). Ordumeistri viimaseid sõnu võib seletada kahte viisi. Kõige pealt, et ordumeister soovis hoida Harju-Viru vasalle kodus Eestimaa kaitseks kartaoleva Taani pealetungi vastu. Teiseks aga, arvestades tulevikus varitsevat sõda Taani vastu, et püüti hoida soodsana Eestimaa vasallide meeoleolu, ja kardeti pihkvalaste rüüsteretkest, et see võiks vasallid orduga lõplikult tülli ajada. Viimane võimalus näib olevat tõenäolisem, sest Eeriku pealetungi ei olnud kohe oodata, vaid peale Holsteini sõja lõppu oli pealetungiks vaja teha veel varustisi jne.; nii et vahepeal oleksid Harju-Viru vasallid julgesti võinud Preisis ära käia. Ka 1418. a. ei olnud Harju ja Viru

¹³⁵) UB. 5, nr. 2326.

¹³⁶) UB. 5, nr. 2074.

¹³⁷) UB. 5, nr. 2075.

vasallid kuigi suure heameelega valmis andma ordule nõutavat sõjalist abi, vaid tegid selleks mitmesuguseid harilikkudest raamidest väljas olevaid tingimusi¹³⁸). Võrreldes vasallide muutunud seisukoha juures ordule abiandmisega 1422, kus nad lubasid oma abi juba enne kõrgmeistrilt ametliku nõude saamist¹³⁹), torkab see kontrast vasallide ülespidamises eriti teravalt silma.

Välja arvatud Kura piiskopkond, mis algusest saadik orduisse inkorporeeritud, ja riikliku maaomandi puudusel ordust sõltuv Tallinna piiskopkond, oli Liivi prelaatide traditsiooniline vaenlikkus ordu vastu. See oli tingitud peaaesjalikult ordu katsetest luua Liivimaal ühist liitriiki, muidugi enesega eesotsas, ja teha kohalikke prelaate enestest sõltuvaks, nagu see oli ordu Preisi osas. Tannenbergi lahingu eelkäivaks aastakümneks oli ordu sel alal saavutanud, nagu nägime, tähelepandavaid resultate. Pika-peale aga suri välja või läks Liivimaalt ära ordust olenev generatsioon piiskoppe. Kõige pealt vabanes 1413. a. Tartu piiskopitool. Sellele kohale ei suutnud ordu läbi viia oma kandidaati. Uus piiskopp Resler võttis oma seisukoha iseseisvalt, sattus opositsiooni orduga peamiselt oma terava politika tõttu naaber Pihkva vastu, mida ordu ei võinud toetada, alalise sõja ähvardusel mujalt. Resler, kes jäi isoleerituks, võttis omaks stifti kaitselepingu ordu vaenlase Vitautas'ega¹⁴⁰). Resler surus ordu juures läbi kahjutasu nõudmise oma vasalli Doleni surmamise pärast, tarvitades seejuures repressiiv-abinõusid ordu alamate vastu oma piiskopkonnas¹⁴¹), ja tõstis hiljemalt ordu vastu üles Damerow'i aegadest saadik ununenud läänivande nõude¹⁴²).

1418. a. vabanes Wallenrode nimetamisega Lüttichi piiskopiks ka Riia peapiiskopkond. Kuigi Wallenrode eriti viimasel ajal ikka enam ja enam ordu vastu kaldus, jäi ta välismaal oleku ja stifti ordule rentimise tagajärjel konflikti mõju Liivi sisemistele asjadele võrdlemisi väikseks. Uus peapiiskopp Johannes Ambundii (Habundi) keeldus vastu võtmast ordurüüd, s. o. astuma orduvennaks ning sellega peapiiskopkonda ordust sõltuvaks tegemast. Habundi asumisega Liivimaale tuli opositsioonile ordu vastu juurde uus tegur; samuti süvenes opositsioon uute sihtide, näit.

¹³⁸) Arbusow-Stavenhagen, lk. 200.

¹³⁹) Arbusow-Stavenhagen, lk. 270 j.

¹⁴⁰) UB. 5, nr. 2063. Osten-Sacken, lk. 245 j.

¹⁴¹) UB. 5, nr. 2102.

¹⁴²) Vt. Schiemann, lk. 113.

habiidi ja sellega ühenduses oleva visitatsiooni küsimuse juurde-toomisega ja eriti selle läbi, et nüüd oli opositsioonil Riia peapiiskopis jälle oma loomulik juht¹⁴³).

Lõpuks läks ordule kaduma ka viimane — Saare-Lääne piiskopkond, mis küll alguses sai ordusõbralisele Kaspar Schuwentpflug'ile, kes aga, nagu pärast näeme, konflikti sattudes mõne oma mõjukama vasalliga, 1421. a. ordust ära võõrdus¹⁴⁴).

Eeriku seisukohast, kes ordu vastu kavatses Eestimaal pärast sõjaliselt välja astuda, oli opositsiooni kasvamine Liivimaal muidugi kasulik. Uued orduga vastuolus olevad prelaadid pidid samuti Eeriku üritustele vaatama heatahtlikult. Eeriku näol oli ordul juures üks vaenlane; ta sundis ordu enda tähelepanu pöörama sisemistelt asjadelt väljapoole, andes seega piiskoppidele võimaluse rohkem omapead talitada; ordu aga pidi rohkem kui muidu arvestama prelaatide heatahtlikkust, ja seda rohkem oli temalt oodata viimastele kontsessioone.

Teiselt poolt aga ei võinud prelaatidel ka midagi olla Eeriku tõelise sissepesitamise vastu Eestimaal, sest see oleks tähendanud Liivi ordu püsivat nõrgenemist, oleks iseenesest vähendanud ordu ülevõimu piiskoppide suhtes. Edasi aga oleks Eeriku püsimajäämisel Eestimaal prelaatidel teatav lootus alati võimalikude tulevaste komplikatsioonide puhul orduga leida enesele liitlast ning seljatagust põhja pool, nagu seda oli olnud väga tihti lõunas Leedu. Eriti tähtis oli see muidugi Tartu ja Saare piiskopkonnale, mis külgnesisid Eestimaaga.

Loomulikult pidid mõlemad pooled vara või hilja astuma ühendusse. Esimesena pidi aga päevakorra tulema läbikäimine Eeriku ja Tartu piiskopp Resleri vahel, kes oli esimeseks opositiivseks piiskopiks, kes tuli Liivimaale.

Dietrich Resler ei olnud Tartu kapiitli elektiks, aga kui ta tuli Liivimaale, kas 1414. või 1415. aastal¹⁴⁵), ei ole nähtavasti temale tartlaste poolt piiskopitooli kättesaamisel mingit takistust tehtud. Ürikutes ei leidu selle üle midagi, ja vastupidi, me näeme Reslerit 1416. aastast alates, mil meil tema tegevuse kohta jälle on ürikulist materjali, töötamast käsikäes oma vasallidega ja kapiitliga, niihästi kahjutasu nõudmises Doleni eest kui ka Pihkva ja

¹⁴³) Vt. Hildebrandt; UB. 7, sissejuhatus, lk. XIII j.

¹⁴⁴) Vt. Ekskurss 4 ja 5.

¹⁴⁵) Resleri Liivimaale tuleku aja üle vaata eespool lk. 39, märk. 112.

ordu vastu, kus ta omaks võttis arvatavasti enne tema päralejõudmist tehtud liiduse Vitautas'ega, lastes enesele Konstantsi kontsiili poolt kinnitada selle kaitset Tartu stifti üle ¹⁴⁶⁾.

Viibides kogu aeg oma vasallide ja nõuandjate hulgas, kes olid 1413. a. konspireerinud Eerikuga, võttis Resler omaks nende politika ordu vastu. Sellest on meile usutav, et ta ka juba varemalt suhtumisse on astunud Eerikuga, kuigi ürikulised teated meile selle üle otsest järeldest lubavad teha alles 1419. a. kohta.

Kui 1419. a. vabanes Saare-Lääne piiskopkond, valis selle kaapiitel piiskopiks Johannes Schutte (Schütz), kes oli vastukandidaadiks ordu kaitsealusele Kasper Schuwenpflug'ile, kelle paavst ka kinnitas. Schutte seletas kõrgmeistrile, välja reisis (paavsti juurde), et ta apelleerib tulevase kirikukontsiili poole (kui paavst teda ei kinnita) ja tahab vallutada oma stifti Taani ning Poola kuninga ja Vitautas'e abiga. Kõrgmeister avaldab kirjas ordu prokuraatorile, kust ka ülaloodud andmed võetud, kartust, et Schutte piiskopiks saades samuti kui Resler oleks „sie ouch entwant haben von der einunge des landes Lyffland und unsirs ordens“, mis nähtavasti viitab Tartu piiskopi suhetele Vitautas'ega. Seda võivat järeldest sellest, et Schutte on esitanud paavstile ülalnimetatud kuningate kirjad. Edasi saadab kõrgmeister ühes käesoleva kirjaga ühe ka paavstile ja käsib prokuraatorit paavstile seletada, kuigi tal Kasperi kinnitamine juba teada oli ¹⁴⁷⁾, kui hädaohtlik Liivimaale olevat piiskopkondade äraandmine, kui seejuures ei arvestata ordu huvisid. Edasi peab prokuraator paavsti paluma, et tulevikus ei täidetaks vabanenud piiskopkondi, ilma et ordu soovi tähele pandaks, „zuforderst und vor allen andern“ Tartu piiskopkonda ¹⁴⁸⁾.

Põhjus, miks kõrgmeister kirjas, kus ta teatab Johannes Schutte ühendusseastumist Jagiello ja Eerikuga, paavsti eriti palub Tartu piiskopkonda mitte ordu nõusolekuta täita, on selge siis, kui arvestame ka samas kirjas esinevat teadet, et Schutte oli Tartu piiskopkonna dekaan. Ilmselt kahtlustab kõrgmeister just Tartu piiskoppi selles, et see on süüdi Schutte protektsiooni saamisel Jagiellolt ja Eerikult. Tõesti oleks imeks pandav asjade are-

¹⁴⁶⁾ UB. 5, nr. 2063.

¹⁴⁷⁾ Kaspar kinnitati 8. jaanuaril 1420; UB. 5, nr. 2451. Sellest peaks prokuraatorid ka kõrgmeistrile teatanud olema. Juba 3. mail võtsid Kasperi prokuraatorid stifti üle; UB. 5, nr. 2467. Arbusow-Stavenhagen, nr. 254.

¹⁴⁸⁾ UB. 5, nr. 2469.

nemise kiirus 5./6. novembrist 1419, kus piiskopp Winrich suri ¹⁴⁹⁾, kuni 5. maini 1420, mil eelolev kiri kirjutatud, kui mitte Schuttel ei oleks olnud eestkostjat Taani ja Poola kuninga juures, kes juba varema suhtumise korral viimastega oleks võinud kiirustada mainitud kirjade saatmist paavstile. Muidugi võis see sündida ka Tartu kapiitli või vasallide kaudu, ja võib-olla oli ka Schutte ise enamalt ühenduses olnud Eerikuga, kuid me peame arvestama ka kõrgmeistri kahtlustust, et ka siis, kui Resler ei aidanud Schuttel Eerikult kaitsekirja saada, oli kõrgmeistril ikkagi põhjust Reslerit selles kahtlustada.

Kuidas ka ei oleks järelduste tegemisega Resleri tegevuse kohta, eespool-toodud kiri näitab, kuivõrt oli Eerik valmis end vahele segama Liivi sisemistesse asjadesse ja kuivõrt kahjulik oli ordule, et ta sisemised vastased alati võisid loota välise abi peale. Schutte ühendus Eerikuga oli möödamineva tähendusega. Juba 22. augustiks 1420 on viimane, nähtavasti vastava tasu eest, ära leppinud Schuwenpflug'iga ¹⁵⁰⁾.

Tähtsam oli Eeriku ühenduseastumine Liivi kolme iseseisvama prelaadiga 1421. a. 1420. a. oli paavst Martin V määranud Riia peapiiskopi Johannes Habundi lahendama tüli Upsala peapiiskopi Johannes Gerekesön'i ja Eerik Pommer'i vahel ¹⁵¹⁾. Kuivõrt loodeti sõitu, mis 1421. aastal, nähtavasti juuni alul ¹⁵²⁾, Habundi sel otstarbel Rootsi ette võttis, ordu poolt ära kasutada parimate suhete loomiseks Taani kuningaga, ei ole kindlasti teada; igatahes oli ordumeister veel sama aasta veebruarikuus kahelnud, kas sõja korral Taaniga temal abi võiks olla maa prelaatidest ¹⁵³⁾. Igaks juhuks valmistati selleks otstarbeks Valgas 1421. a. veebruarikuus ärapeetud maapäeval Tartu ning Riia piiskoppide poolt ühiselt ja Tallinna piiskopi poolt eraldi ühiselised kirjad, mis pidid tõendama Siegfried Lander v. Spanheimi süütust Taani kuninga laimamises Doleni asjus ¹⁵⁴⁾, ja lisaks neile transsumpt Eestimaa müügilepingust 1346. a., et Eerikule selgeks teha Eestimaa õiguslikku kuuluvust ordule ¹⁵⁵⁾. Nähtavasti soovitas Riia

¹⁴⁹⁾ UB. 5, nr. 2348.

¹⁵⁰⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 261.

¹⁵¹⁾ Vt. Erslev, lk. 306 jj.

¹⁵²⁾ Vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 247.

¹⁵³⁾ UB. 5, nr. 2528.

¹⁵⁴⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 277, 278.

¹⁵⁵⁾ UB. 5, nr. 2548, 2549.

peapiiskopp küll ordu poolt tehtud ülesandeid, kuid kasutas oma kokkusaamise Eerikuga selleks, et saada Eerikult kaitsekirja oma stifti kohta, mis ei võinud oma otstarbelt käia muu kui ordu vastu ¹⁵⁶).

On täiesti tõenäoline, et Habundi mõtles astuda Eerikuga orduvastalisse ühendusse juba enne oma väljasõitu Liivimaalt, ja ei teinud seda mitte ainult inspireeritult Eeriku poolt. Neis asjus oli ta Dietrich Resleriga kokku leppinud nähtavasti juba nimetatud Valga maapäeva ajal, sest see oli viimane kindlaksteh-tav isiklik kohtamine nende vahel. Selle tõenduseks tohiks olla as-jaolu, et Habundiga ühes sõitsid Eeriku juurde ka neli Tartu stifti vasalli, osa piiskopi „obirsten rathtes” — Dietrich v. Rope, Engelbrecht ja Peter v. Tiesenhausen'id ja Hans von Dolen ¹⁵⁷) (tapetud Joh. v. Doleni poeg), kaks viimast vanad veteraanid suh-tumises Eerikuga. Tartu vasallide kaasaminek Rootsi ei ole sele-tatav Eeriku ja Johannes Gerekesön'i vahekohtust osavõtte tar-vilikkusega, küll aga sellega, et neid tarvitati läbirääkimisteks Eerikuga, mis käisid ühenduses Riia ja Saare stifti kaitsekirja saamisega. Asjaga ühines ka Kaspar Schuwenpflug, nähtavasti kas oma saadikute kaudu või volitades Riia peapiiskoppi. Et Kas-par ei algatanud läbirääkimisi mitte nende vikaaride saadikute kaudu, kes augusti lõpul või septembri alul Eerikult abi otsima läinud Fahrensbach'ile järgi sõitsid, näitab see asjaolu, et Kas-paril oli paavsti käest Eerikule palve, et see ta stifti oma kaitse alla võtaks, — palve, mis liiga palju aega oleks võtnud, et pärale jõuda veel õigeaks ajaks ¹⁵⁸).

Läbirääkimiste tagajärjeks Johannes Habundi, Tartu ning arvatavasti ka Saare piiskopi volinikkude ja Eeriku vahel olid 24. septembril 1421 väljaantud kaitsekirjad, sisult ühtlased ¹⁵⁹) niihästi Saare kui ka Riia stiftile. Arbusow oletab, et nende kõr-val anti ka Tartu stiftile samasisuline kaitsekiri, kuigi see meile ei ole alal hoidunud ¹⁶⁰). See on võimalik, kuigi sama võimalik on, et Tartul oli juba ennemaltki selline kaitsekiri olemas. Sisuliselt aga see asja ei muuda. Kaitsekirjade võrdlemisi väheütleva

¹⁵⁶) Arbusow-Stavenhagen nr. 277 ja 278 asuvad Kopenhageni arhiivis, seega adressaadile üle antud; vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 247.

¹⁵⁷) Arbusow-Stavenhagen, nr. 286.

¹⁵⁸) Vt. Ekskurss 4 ja 5.

¹⁵⁹) UB. 5, nr. 2503; vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 247, märk. 3.

¹⁶⁰) Arbusow-Stavenhagen, lk. 247.

sisu taga, et Eerik oma eelkäijate eeskujul, paavsti palvel ja omast armust võtab selle ja selle piiskopi ning ta alamad oma kaitse alla ja palub kõiki temale kaasa aidata ja mitte ülekohut teha, peitub kahtlemata mingi konkreetne kokkulepe, mida aga kahjuks ei saa lähemalt kindlaks määrata. Kui Saare piiskopi kaitsekiri veel annab võimaluse oletada, et ta on sihitud Fahrensbach'i vastu, sisaldab Riia piiskopi oma kahtlemata orduvastast sihti. Nähtavasti, järeldades poolte huvidest, käsitles kokkulepe küll Eeriku appitulekut tarviduse korral Liivi prelaatidele ja viimaste kohustusi Taani sissetungimise puhul Eestimaale. Milles need aga lähemalt seisid, ei ole meil, nagu öeldud, andmete puudusel võimalik kindlaks teha. Ühte aga võime kindlasti konstateerida: Johannes Gerekesön'i ja Eeriku konflikti lahendas Habundi Eeriku kasuks ¹⁶¹⁾, mis, samuti kui kaitsekirjad, tunnistab heast kokkuleppes Taani kuninga ja Riia peapiiskopi vahel.

Kokku leppides 1421. a. septembris Liivi prelaatidega oli Eerik koondanud enese ümber kõik Liivimaal olevad ordule opositsioonis olevad elemendid, sest stiftide ja Harju-Viru vasalkonnaga olid tal juba kaua enne suhted loodud, mis edasi kestsid ka 1421. a. Ordumeister kirjutab kõrgmeistrile 25. veebruaril 1421: „Auch so tragen ritter und knechte von den mechtigesten und hohesten schlechten zu Lyfflande, so woll unses ordins, als der stichte manne in Lyfflande, des koninges geselschaft von Dene-marken” ¹⁶²⁾. Septembri lepingud olid Eeriku ürituste tipuks, saavutada omale liitlasi Liivimaal, kuid olid ühtlasi ka osa endiste liitlaste temast ärapöördumise põhjuseks.

Vast-tsiteeritud ürik on viimane, mis näitab Harju-Viru vasalle Eerikule sõbralikkudena. Edaspidised teated vasallidest räägivad hoopis teist keelt nende suhtumisest orduga ning seega ka Eerikuga. Harju-Viru vasallid reageerivad edaspidi kõrgmeistri sõttakutsele hoopis teisiti kui senini. Senise ettekäänemise asemel lubavad Harju-Viru vasallid kõrgmeistrile 24. juunil 1422 sõjaväelist abi veel enne, kui kõrgmeistri ametlik kutse pärale jõudis ¹⁶³⁾. Sõjas poolakate vastu on kõrgmeistri sõnade järele Harju-Viru kui ka teised Liivi orduvasallid „do gehorsam

¹⁶¹⁾ Erslev, lk. 307. Johannes Gerekesön loobus oma peapiiskopitoolist.

¹⁶²⁾ UB. 5, nr. 2528.

¹⁶³⁾ UB. 5, nr. 2622, 2627; Arbusow-Stavenhagen, lk. 270.

so gutwillig sein gewest, und sulchen fleis, truwe und ernst bei uns gethan haben" ¹⁶⁴).

Harju-Viru vasallide meele muutust võib meile rahuldavalt ära seletada ainult järgmine asjaolu. Ainukeseks punktiks, kus Harju-Viru vasalkond võis 1421. a. lõpul või 1422. a. alul kokku pörgata Eerikuga ja läheneda ordule; oli Saare-Lääne piiskopi Kaspar Schuwenpflug'i tüli Wilhelm Fahrensbach'i ning Heinrich Scherenbeke'ga ¹⁶⁵). Mõlemad viimased oli Saare stifti, ent ühtlasi ka Harju-Viru vasallid ¹⁶⁶). Nende tülis Schuwenpflug'iga oli Eestimaa vasalkond kindla seisukoha võtnud oma liikmete kasuks ¹⁶⁷). Et nüüd Eerik tagasi lükkas Fahrensbach'i palve, teda kaitse alla võtta, ja tegi seda ta vastase Schuwenpflug'iga, siis on selge, et Harju-Viru vasalkond, kes asjaga Fahrensbach'i kaudu võis tuttavaks saada, enam Eerikut ei võinud toetada. Eestimaa vasallide senist kaldumist Taani poole võis seletada lootusega, et selle kuninga alla kuulumise korral oleksid vasallide õigused ning privileegid olnud rohkem kaitstud. Eeriku asumine Saare piiskopi poole näitas aga vastupidist. Teate Eeriku komploteerimisest piiskoppidega said vasallid arvatavasti Fahrensbach'i kaudu, kes Eeriku politika murrangupunkti aegu viibis viimase juures.

Peale kokkuleppe tekkimist Kaspar Schuwenpflug'i ja Eeriku vahel jäi ka ordu, kes viimasel minutil oli katsunud sellest mööda pääseda, riskeerides teha Fahrensbach'i oma vaenuliseks, üksikuks. Ordu oli aga pääsenud piinlikust seisukorrast, edendada vahemehe osa, mis ähvardas mõlemaid pooli teha temale vaenuliseks. Ordul jäi nüüd üle loomulik tee kaitsta Fahrensbachi temale vaenuliseks saanud prelaadi vastu. Ühes sellega kindlustas ta endale Harju-Viru vasallide poolehoidu. See seisukorra selgimine tuleb asetada küll 1421. a. viimasesse veerandisse, mil kokkulepe, nähtavasti ülevälvendatud teel, sai teatavaks Harju-Viru vasallidele ja ordule ¹⁶⁸). Vormiline leppimine

¹⁶⁴) UB. 5, nr. 2640.

¹⁶⁵) Vt. 4. ja 5. ekskurss.

¹⁶⁶) Vt. Gernet II, lk. 99, UB. 5, nr. 2610.

¹⁶⁷) Nähtavasti tuleb seda mõista ürikus 4. jaanuarist 1412 „dar sich de ritterschaft der lande zumole sere in settet" all. UB. 5, nr. 2522. Selle kohta vt. Ekskurss 5.

¹⁶⁸) Gernet asetab vasallide meele muutuse ordu suhtes 1420. aastasse (II, lk. 97 ja 101 j.). Lahkarvamine tuleb ürik UB. 5, nr. 2522, 1421. a.

ordu ja Eestimaa vasallide vahel sündis tõenäoliselt 24. juunil 1422 ärapeetud ordu seisustepäeval¹⁶⁹). Vasallid lubasid ordule sõjaretkele kaasatulemise veel enne kõrgmeistri ametliku kutse päralejõudmist, ordu aga võttis vasallide asja energilisemalt käsile¹⁷⁰).

Eeriku loomulikeks liitlasiks ordu vastu Liivimaal olid Harju-Viru ning stiftide vasallid ja kohalikud mõjukamad prelaadid. Nende ordu „tsentralisatsiooni” vastu tõrkuvate elementide sekka oli Schuwenpflug-Fahrensbach’i tüli toonud lahkeliid. Vaenlikkudena seisid üksteise vastas ühelt poolt Harju-Viru vasallid ja osa Saare vasalle, teiselt poolt Schuwenpflug’i loomulikult toetavad prelaadid ja suuremalt jaolt nähtavasti nende poole kalduvad stiftide vasalkonnad¹⁷¹). Sellest peale ei saanud Eerik nendega koos enam kompleteerida.

Eeriku seisukorda kergendas see asjaolu, et tõenäoliselt ei olnud seni kumbki pool asja kriitilises punktis orduga veel liitunud¹⁷²). Mõlemad pooled kandsid oma asjad Eeriku ette, ja Eerikule jäi valimisvabadus, kumba poolt enesele liitlaseks võtta. Ordu kartliku politika tagajärjeks oli see, et ta pooli lepitada katsudes istus kahe tooli vahele.

Eerik valis oma liitlasteks prelaadid, — kas arvestades võimalikku Harju-Viru vasallide poolduse kaotamist, ei tea. Arvatavasti pidi Eerikul vähemalt umbkaudnegi ülevaade olema asjade seisukorrast ja valiku tagajärgedest, sest kindel on, et Fahrensbach pidi, otsides Eeriku pooldust, oma väidete mõjuvamaks tegemiseks Eeriku ees enesest olenevana kujutama ka Harju-Viru vasalkonna seisukohta. Teadmatus, kuivõrra selgesti Eerik enesele ette kujutas poliitilist situatsiooni, ei võimalda lähemalt ära määrata Eeriku valikumotiivisid. Mida selgemini aga ta pilk hindas seisukorda, seda rohkem pidid need vastama tegelik-

4. jaan. lahkuminevast tõlgendamisest ja dogmaatilisest seisukohast, et ordu algusest saadik võttis seisukoha Fahrensbachi poolt. Ürik UB. 5, nr. 2528 räägib asjale kategooriliselt vastu. 25. veebr. 1421 olid vasallid orduvaenulised. Muud vastulaused 4. ja 5. ekskursis.

¹⁶⁹) Ekskurss 5.

¹⁷⁰) Vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 270. Ordu energilisem tegevus peegeldub Kaspari kirjades 30. dets. 1422 ja 1. maist 1423. UB. 5, nr. 2573, 2709.

¹⁷¹) Ekskurss 5.

¹⁷²) Ekskurss 5.

kudele resultaatile, millele viis ta valik. Paari kõrvalmõju Eeriku otsuse tekkimisele, mis ei olnud tingitud poliitilisest seisukorrast, võib aga kohe konstateerida. Prelaatide partei oli esindatud Eeriku juures oma loomuliku pea ja volituslike esindajate kaudu, Fahrensbach aga oli eraisik, teotses omis asjus, ja vaevalt võis tal olla volitust esineda Harju-Viru vasalkonna nimel. See asjaolu pidi andma Eeriku silmis prelaatide kõnele suurema mõju, vähendas aga Fahrensbachi poolt ettetoodud väidete tähendust. Ka Riia piiskopi tulevane otsus Johannes Gerekesön'i vastu langes prelaatide vaekausi.

Oma valikuga kaotas Eerik Harju-Viru vasallide poolehoiu. Vastutasuks sai ta liiduse kolme Liivi prelaadiga, kes Eeriku vastu arvatavasti mõningaid kohustusi enda peale võtsid. Ühtlasi saavutas Eerik paavsti nõudega, piiskopkondi oma kaitse alla võtta, teatava legalisatsiooni oma orduvaenususele, mille peale sel ajal ka oma jagu rõhku pandi. Pealtnäha paistab asi lihtsa vahetusena liitlaste suhtes; paistab, nagu oleks Eerik selle sammuga võitnudki, sest Liivi 3 prelaadi tegelik jõud ühes nende vasallidega oli kaugelt suurem Harju-Viru vasalkonna omast.

Siiski oli Schuwenpflug-Fahrensbachi tüli Eeriku üritustele raskeks hooiks. Tegelikult ei olnud piiskoppidega liidus kuigi suureks kõvenduseks Eeriku senisele positsioonile Liivimaal. Tartu piiskoppi, Tartu (ja Riia) vasalkonna toetust võis Eerik oma sissetungil Liivimaale juba enne liidustki kindlasti arvestada. Ordumeistri kiri 25. veebruarist 1421 nimetab stifti ja ordu vasallide taanisõbralikkuse kõrval ka seda, et sõja korral Taaniga kohalikud prelaadid vaevalt avitavad ordu Eeriku vastu. Vitautas'ega liiduses olevalt Johannes Habundi'lt oleks vara või hilja samuti olnud oodata liitumist Eerikuga. Prelaatide konstantne opositsioon ordu vastu oleks Eeriku endistele saavutistele loomulikult arengul niikuinii juurde lisanud liiduse Liivi piiskoppidega.

Eeriku valiku positiivne saavutis — kokkulepe Liivi prelaatidega — on seega ainult tegelikult juba ennaksaavutatu paljas manifesteerimine, millele juurde tuleb kokkuleppe konkreetne tulemus, mis tulevikus niikuinii oleks teostunud ilma ohvriteta.

Nii tõi 1421. a. september Eerikule pea puhta miinuse Harju-Viru vasallide ülemineku näol. Eeriku üritustele Eestimaa suhtes oli see suureks kaotuseks. Vasallid, kes tahtsid oma maad

Eerikule üle anda, oleksid selle sissetungi korral Eerikule konsekventselt oma tegelikku abi andnud. Püsimajäämisel Eestimaa hertsogkonnas aga tähendas vasallide poolehoid Taani kuningale veel enam. Nüüd tuli Eerikul arvestada vasalkonna vaenlikkust.

Kaspar Schuwenpflugi ja Fahrensbachi tüli oli toonud Eeriku püüetesse, Liivi opositiivseid tegureid ordu vastu koondada, osalise, kuid valusa fiasko. Prelaatide poolehoidu tõttu oli aga Eeriku positsioon Liivimaal siiski küllalt tugev selleks, et mitte loobuda oma üritustest Eestimaa suhtes.

III p e a t ü k k.

Eeriku loobumine püüetest Eestimaad vallutada.

Nägime üle aastakümne kestvaid Eeriku üritusi Eestimaa omandamiseks. Eerik tegi kõik, mis võis, et leida ordule uusi vastaseid ja liituda endistega niihästi sees- kui ka väljaspool Liivimaad. Nüüd näeme 1422. a. keskel Eeriku suhtumises orduga järsku murrangut. Taani kuningas mitte ainult ei loobu oma pretensioonidest ordu vastu, vaid 1423. a. septembrikuul tekib endiste vaenlaste vahel koguni vastastikune defensiivleping.

Senini ei ole küsimus, millega Eeriku säärast järsku seisukoha vahetust seletada, küllaldaselt selgitatud. Mollerup lepib oma pealiskaudses ülevaates ainult asjaolu nimetamisega, et Eeriku orduvastased üritused olid ta tõsiste püüete kõrval Šlesvigi kohta ainult subordineeritud tähendusega, ja arvab, ühes Riedel'iga, et käesolev liidus oli sõlmitud Brandenburgi vastu ¹⁷³⁾. Ka Erslev on umbes samal seisukohal: ta ütleb, et 1421. a. toimunud abieluleping Brandenburgi Friedrichi noorema poja ja Poola Hedvigi vahel oli Eerikule hoobiks näkku, tegi ta vankuvaks senises vaenlikus seisukohas ordu vastu ja avas ta silmad hädaohule, mida oli oodata kuurvürst Friedrichi suurenevalt võimult ¹⁷⁴⁾. Muidu möödub ta üksikutest faktidest kirjeldades. Brandenburg oletab Sigismundi kätt Friedrichi seisukorra halvenemises ja leiab samuti, et 1423. a. liidus oli sõlmitud Brandenburgi vastu ¹⁷⁵⁾.

Kõik need seletamiskatsed sisaldavad oma jao tõtt ja on ehk küllaldaselt, kui me kogu Eeriku üritusis ordu vastu näeme ainult möödaminevat episoodi. Vaadeldes eespool

¹⁷³⁾ Mollerup, lk. 11 j.; Riedel, lk. 273. Vt. ka Hildebrand UB. 7, sissejuhatus, lk. X j.

¹⁷⁴⁾ Erslev, lk. 82 j.

¹⁷⁵⁾ Brandenburg, lk. 167 j.

aga Eeriku kümmeaastad kestnud püüdeid Eestimaa tagasivallutamiseks, jõudsimise otsusele, et meil on siin tegemist tõsiselt pideva ja poliitiliselt läbikaalutud tegevusega. Selle lakkamise seletamiseks on aga vähe eeltoodud põhjendamis- katsetest. Me nägime, et Eeriku huvi, minna ordu vastu, oli jõudnud oma tipule 1418. a. lõpupoolel ja 1419. a., kusjuures Eestimaa kättesaamine oli selleks ajaks saanud domineerivaks eesmärgiks Eeriku välispoliitikas. Üheks selle põhjuseks olid Eerikule ta suurejoonelised väljavaated idas, tingitud abielu- lepingu sõlmimisest noore Boguslavi ja Poola-Leedu pärijanna Hedwigi vahel. Seda hoogu, millega Eerik asus 1419. a. ordu vastu väljaastumisele, pidi aga suurelt jahutama 1419 ja 1420 peajasjalikult Poola-Leedust ja Sigismundist sõltuva sõjakäigu edasilükkamine. Seisukorra lahendamise Šlesvigi oli Eerik edasi lükanud heas lootuses, orduga vahepeal toime saada; asi venis aga aasta-aastalt edasi, ilma et lootustest mingit tegelikku resultaati oleks tulnud. Pealesunnitud tegevusetus ordu vastu iseenesest pidi kannatamata iseloomuga monarhi ikka enam ja enam mõtlema panema, kuidas poolelijäänud Šlesvigi küsimust uuesti lahendada.

Lõplikult kaotas orduküsimus oma esikoha Eeriku välis- poliitikas siis, kui talt ära võeti peamine põhjus. Umbes aasta kestnud läbirääkimiste järele sõlmis Poola kuningas 8. aprillil 1421 Brandenburgi Friedrichiga Krakovis liiduse ordu vastu ja ühes sellega enne juba Boguslavile äralubatud Hedwigi abielu- paktid Friedrichi noorema pojaga ¹⁷⁶). Eerikule pidi see sündmus varsti teatavaks saama, sest asja lõplik järelekaalumine Poola poolt sündis mitmete magnaatide arvamise järelekuulamise teel ¹⁷⁷); see võis kergesti tekitada kuulujutte, mille tõele vasta-

¹⁷⁶) Cod. dipl. Brand. II, 3, lk. 396 j.; vt. Brandenburg, lk. 106 jj. ja 208 jj., ja Caro, lk. 521 j.

¹⁷⁷) Długosz XI, lk. 437. Nõupidamisest sel puhul selgub ka, et Poola poolt oldi kindlal arvamisel, et Eerikult abi saamine oleneb abielust Hedwigi ja Boguslavi vahel. Liitu Brandenburgiga eelistati sellepärast, et Brandenburi abi on lähedam ning kindlam, Eeriku poolt pakutav aga — mari- tiimne. Et Boguslaviga abielu pooldajate vastu ei toonud Poola magnaadid sugugi Eeriku liidusest mittekindlusepidamist, mis oleks kõige tugevamaks argumendiks, see asjaolu tõendab, et senine sõja edasilükkamine ei olnud tingitud Eerikust ja et Eerik võttis oma liidusekohustusi nähtavasti tõsi- selt, mis täiesti vastab meie seisukohale.

vust Eerikul võimalik oli kontrollida Poola muutunud ülespidamisega tema vastu ¹⁷⁸⁾). Käesolev sündmus ei olnud küllaldane, et oleks põhjustanud Eeriku ürituste lakkamise, Eestimaad kätte saada, küll aga aetas ta nad sinna kohta Taani välispoliitikas, kus nad olid olnud enne Boguslavi abielu projekti üleskerkimist. Taani välispoliitika peaesmärgiks osutub jälle Šlesvigi kättesaamine, Eestimaat taasvaldamiseks tehakse tööd siis, kui seda lubab olukord Lõuna-Jüütis, nende abinõudega, mis sealt üle jäävad, niipalju kui see takistuseks ei ole Šlesvigi küsimuse lahendamisel.

Senini oli ordu Taani üritustele hädasunnil võrdlemisi loiult reageerinud. Püüti kõrvaldada üksikuid hõõrumispunkte Taani ja ordu vahelt ja ümber lükata Eeriku poolt tõstetud süüdistusi ordu vastu ja ta pretensioonide õigust Eestimaale peale. Kõigist ordusammudest Eeriku juures ei ole meil säilinud üriklikke teateid. On väga võimalik, et ka eelmistel aastatel on Taani kuninga juures ta vaenluse tõttu käinud ordu saadikud ¹⁷⁹⁾. 1416. aasta suvel õiendab kõrgmeister kirjalikult Taani kuninga juures selle süüdistusi, et Liivi ordumeister olevat teda laimanud Johann v. Doleni asjus ja et Danzigi komtuur olevat avanud ühe Jagiello poolt Eerikule saadetud kirja, lubades juhul, kui Eerik viibib kättesaadavas kauguses, tema juurde saata saatkonna, kes peab tõendama kõrgmeistri süütust ¹⁸⁰⁾. 1418. a., kui Eerik oli manitsenud ordumeistrit, et see mõjuks Tallinna linna peale, et viimane loobuks ta alamatele edaspidi liiga tegemast ja en-

¹⁷⁸⁾ Igatahes 1424. a., kui Eerik samme astus abielulepingu uuesti jaluleseadmiseks, oli tal asi tuttav. Ka Sigismundil oli juba 1421. a. teada Brandenburi-Poola liidusest (Brandenburg, lk. 117). Kui see õige peaks olema, et ordu kõrgmeister mõtles Brandenburg-Poola abielu välja Taani ja Poola lahutamiseks ja andis selle võimaluse kohta märku kuurvürst Friedrichile (Kotzebue III, lk. 369, 443; Caro, lk. 504), siis on küll üsna tõenäoline, et liiduse teostumisel Poola-Brandenburi vahel Kuchmeister ruttas abielulepingust teatama Eerikule.

¹⁷⁹⁾ Toeppen I, lk. 244; 1413. a. jaanipäeval reisis Johannis Grolow Taanisse, ka Peter Tiergartil oli varemalt kavatsus sinna sõita. Siis on välja antud 17¹/₃ marka „4 merkuhe“ Kopenhaageni saatmiseks kõrgmeistri kingitusena Eerikule. Võib-olla on see kingitus ühenduses Eeriku saatkonna poolt esitatud pretensioonidega Eestimaale suhtes. 1415. a. on „Pfundgeldi“ arve järele käinud Taanis Peeter Tiergart ja Johannes Czani. — Toeppen, lk. 372.

¹⁸⁰⁾ UB. 5, nr. 2072, 2080.

dised kahjud heaks teeks, oli Liivi ordumeister ka selle tülipunkti kõrvaldamiseks samme astunud¹⁸¹⁾. Selles asjas oli suvel 1418 Taani kuninga juurde ja Hansapäevale Lüübekisse saadetud 3 Tallinna saadikut, kes siis ka arvatavasti ordu suhteid Taaniga kõne alla pidid võtma¹⁸²⁾. Sel puhul kasutati ka Turu foogti Klaus Lüdeken'i poja sobitust, et Eeriku nõunikudes Tallinna linna vastu paremat meeolu luua¹⁸³⁾. 1419. aasta hilisügisel käis jällegi uus ordu saatkond, muu seas ka Narva foogt Johann v. Lexsten, Eeriku juures. Saadikute ülesandeks oli kõige pealt Liivi ordumeistri õiendamine Taani kuninga ees jälle üleskerkinud Doleni küsimuses, võimalikult aga ka Taani pretensioonide tagasilükkamine Eestimaa kohta. Saatkond pääsis küll Eeriku jutule, kuid ei saavutanud oma eesmärki; Eerik ei võtnud vastu ka kingitusi (2 täkku), mis ordumeister talle saatis¹⁸⁴⁾. — 1421. a. suvel pidi ka Riia peapiiskopp, nagu nägime, Eerikule selgitama, et Eestimaa kuulub seadusepäraselt ordudule¹⁸⁵⁾. Muidugi jäid kõik need katsed, Eeriku pahameelt ära pöörata, tagajärjetuks, sest see ei olnud põhjustatud mitte neist punktidest, mille vastu ordu tõi õiendusi, vaid tahtmisest, Eesti hertsogkonda uuesti Taani riigi külge liita. Samal põhjusel jäid tagajärjeta ordu poolt palutud vaheltsobitused kolmandate isikute poolt, nagu Lüübeki piiskopp Johannese oma 1420. a. novembris¹⁸⁶⁾.

Eerik oli seni täiesti julgelt võinud välja tulla oma orduvaenulisusega ning urgitsemistööga ordu vasallide ja Liivi piiskoppide juures. Ordu jõud olid kinni alalise äharduse tagajärjel lõunast, samuti ei olnud terav vahekord orduga senini takistuseks olnud ta muudele poliitilistele eesmärkidele. Eerikul oli kaks vaenlast: Holsteini krahvid ja ordu. Kummagi vastu võis ta täiesti oma äranägemise järele pöörduda; kumbki vaenlane ei

¹⁸¹⁾ UB. 5, nr. 2215, 2248.

¹⁸²⁾ UB. 5, nr. 2249, 2251, 2254.

¹⁸³⁾ UB. 5, nr. 2255; Forström, lk. 271.

¹⁸⁴⁾ Arbusow-Stavenhagen, lk. 209 j.; UB. 5, nr. 2355, 2456.

¹⁸⁵⁾ UB. 5, nr. 2548, 2549. Võib-olla oli saadikute ülesandeks selgitada ka veel Danzigi komtuuri vastu tõstetud süüdistust Eeriku kirjavahetuse lahtimurdmises, mille kohta läks kõrgmeistri poolt eriline saatkond aprillis 1419 Eeriku juurde, paludes ühtlasi mõjuda Eerikut, et Jagiello ei astuks välja ordu vastu. Cod. Ep. Vitoldi, lk. 445.

¹⁸⁶⁾ UB. 5, nr. 2520.

mõjustanud, vähemalt järelejäänud teadete järele, teineteise seisukorda Taani vastu. Ordu nõrk reageerimine Taani vastu võis viimase politikat ordu vastu ainult tagantjärele aidata. 1421. aasta lõpul aga tuleb siingi murrang.

Kui ordu 1398. a. okupeeris Ojamaa saare, Preisi linnades sisse seadis n. n. „naelatolli” (Pfundzoll), siis olid Preisi linnad sellega esialgu rahul olnud. Ojamaa okupeerimisega ordu poolt vabanes Balti meri kardetavatest mereröövlitest — vitaaliavendadest. Naelatolli sisseseadmine ordu poolt oli esialgu mõeldud Ojamaa ekspeditsiooni kulude katteks. Seni kui naelatoll kaudselts maksti kaubanduse kaitseks, ei olnud ka hansalinnadel erilist põhjust tema vastu nuriseda¹⁸⁷). Ojamaa ekspeditsiooni lõppemisega aga oli kõrgmeister jätkanud naelatolli sissenõudmist linnadelt ja teinud sellest korraliku sissetuleku allika. See põhjustas lõpmata hõõrumusi hansalinnade ja ordu vahel. 1421. aasta alul olid Liivi linnad, nõudes naelatolli kaotamist, ordumeistrile mõista andnud, et kui kõrgmeister valmis oleks loobuma naelatollist, siis saaks võimalikuks liidus nende, ordu ja kogu hansalinnade vahel. Liivi ordumeister pöördus soovitusena kõrgmeistri poole, linnade nõudele vastu tulla, nagu ta seda enneminigi oli teinud, argumenteerides asjaoluga, et lepingu korral hansalinnadega oleks kõrvaldatud võimalus, et Taani kuningas, kelle lakkamatust orduvaenulisusest ta alles teate saanud, võiks Liivi või Preisi- maale hädaohtlikuks saada¹⁸⁸). Sellised argumendid pidid mõjunud olema ka kõrgmeistrisse, kes naelatollist senini kangekaelselt kinni oli pidanud, — tuli ju sellest kasu peaaesjalikult Saksa ordu Preisi harule. Augusti lõpust peale algasid läbirääkimised Danzigis, siis Marienburgis Vendi linnade esindajate ja kõrgmeistri vahel, mis lõppesid 1. septembril 1421 nende vahelise liidusega, peale seda kui kõrgmeister oli andnud lubaduse naelatolli kaotamiseks ja teinud linnadele veel teisi järeleandeid. Lepinguga, mis sõlmiti 10 aastaks, kindlustasid linnad ordule 2000 mehe appisaatmise sõja korral; arvatavasti oli ka ordu andnud samase lubaduse¹⁸⁹).

¹⁸⁷) Arbusow-Stavenhagen, lk. 239.

¹⁸⁸) UB. 5, nr. 2528; vrd. ka nr. 2527 ja 2524 (26. apr. 1421) (Arbusow-Stavenhagen, lk. 243, m. 1).

¹⁸⁹) HR I, VII, lk. 218 j., nr. 374, 376, 377. Ära trükitud on siin kahjuks ainult linnadepoolne liiduse ürik, kuigi ordupoolne, nagu nr. 376 seletusest selgub, on alal hoidunud. Kuna sealsamas on öeldud, et

Liivi ordumeistri juba refereeritud kiri on tõenduseks, et käesolev liidus, kuigi üldisem, oli sõlmitud peaaesjalikult Taani vastu. Eespool nägime, kuivõrt Eeriku suhtumiste edenemine Šlesvigi tagasisaamiseks oli sõltunud Vendi linnade seisukohast. Kuigi vahest linnad juba liidust sõlmides ei mõelnudki end kõita ordu territoriaalpolitikaga ega temale seljatagust Taani vastu kindlustada, vaid esijoones lihtsalt ära kasutasid ordu häda endale kasu saamiseks, siiski olid nad teataval määral ka omade kasude seisukohalt sunnitud liidust pidama: liidusekohustuse täielikult ignoreerimisel oleks võidud ka naelatolli uuesti sisse seada ja oleksid kadunud ka teised liiduse saavutised ¹⁹⁰). Loomulik oli, et linnad püüdsid hoiduda sõjalist abi saatmast; aga et sellest kergemini pääseda, pidid nad diplomaatilisel teel juba eneste kasude pärast vahele astuma ordu kasuks, kus see võimalik. Oma mõju abil Šlesvigi politikas oli neil kerge Eeriku juures ordu küsimuses oma autoriteeti mõjukalt esile tõsta. Kas Vendi linnade poolt Eerikule selles mõttes märku on antud, seda me ei tea, kuigi see pole võimatu. Aga Eerikul, kes teadis, et ordu ja hansalinnade vahel on toimunud liidus, pidi olema seisukorrast vähemalt umbkaudnegi arusaamine. Senikui kuningas soovis enesele Šlesvigi asjus hansalinnade abi, tuli tal oma suhtumistes orduga olla ettevaatlikum. Ordu oli saavutanud suure võidu sellega, et 1421. a. 1. septembrist saadik oli Eerik oma ordupolitikas sunnitud arvestama ka ordu mõju olukorra kujunemisse Šlesvigris, mida enamalt ei olnud vaja.

Aga veel teist viisi — otsekoheselt ja palju tugevamalt — mõjustas ordu ja hansalinnade vaheline liidus Eeriku suhtumist orduga. Vendi linnade politika Šlesvigi asjus oli seni käinud põhimõtte järele: asja venitada ja Taani kuningat mitte lasta hertsogkonda enda kätte saada. Vendi linnad olid jämeda otsa Šlesvigi asjus endi käes pidanud ja kõigisse Eeriku katsetesse, Šlesvigi jäädavalt vallutada, olid linnad end vahele seganud. Eerik oli kogu aeg katsunud võita linnade liitlust, need aga olid alati kõrvale põigelnud. Alalise sõja tõttu Šlesvigi pärast kannatas merel kaubandus; mõlemad pooled võtsid vitaaliavendi

abiandmine pidi olema vastastikune, siis on see sama hästi kui ürikklikult tõestatud.

¹⁹⁰) Daenell, Hansestädte, lk. 306. Kui häda oli möödunud, oligi uus kõrgmeister 1423. a. kevadel naelatolli jälle sisse seadnud; ibidem, lk. 315.

oma teenistusse. Seepärast hakkas osa Vendi linnu, Stralsund ja Rostock, juba 1420. a. soovima, et sõda lõpetataks Šlesvigi pärast Taani kuninga kasuks, ja sattusid sellega vastuollu Lüübeki viivitamispoliitkaga, kuna viimasele oli Taani tugev-
nemise hädaoht kõige suurem¹⁹¹). Võib-olla lootuses, hansa kaubandusele avaldatava survega sundida ka 3 teist Vendi linna astuma temaga tegelikku liidusesse Holsteini vastu, uuendas Eerik 1422 juba enne tarvitusel olnud keelu, mille põhjal ei tohtud kaupa oma riikidest välja vedada¹⁹²), ja kitsendas, muidugi ka oma linnade huvides, Hansa privileege¹⁹³). Pärast seda kui linnad olid eitavale seisukohale asunud Eeriku nõudmise suhtes, et need sunniksid holstlasi tunnustama Šlesvigi asjus vahekohtunikuna temale soovitatavat Sigismundi ja eitava vastuse korral temale liiduseabi annaksid¹⁹⁴), Eerik aga vaherahu-sobituse tagasi lükkas¹⁹⁵), lepiti differentside lahendamiseks Taani ja hansalinnade vahel kokku, pidada päev Wordingborgis 5. juulil 1422.

Eeriku arvestused osutusid aga nõrgaks¹⁹⁶). Surve linnade kaubandusele mitte ainult ei muutnud Taanile soodsamaks eba-sõbralise Lüübeki seisukohta, vaid tegi talle vaenuliseks ka seni sõbralikumad linnad. Võib-olla tegi linnade vahekorra Taani vastu veel teravamaks hiljutine mündihalvendus Taanis sunnikursiga, millest kannatasid kaupmehed suurt kahju¹⁹⁷).

Wordingborgi päeval esinesid hansalinnad väga terava nõudega, et kuningas kaotagu kaubaväljaveo keeld ja seadku jalule hanseaatide privileegid¹⁹⁸). Oma nõudmist katsusid lin-nade saadikud mõjuvamaks teha sellega, et nad rääkisid ka võimalikust liidusest Eerikuga holstlaste vastu, samal ajal aga

¹⁹¹) v. Daenell, Hansestädte, lk. 301, 307; HR. VII, nr. 465 ja 466.

¹⁹²) Stralsund ja Rostock ei võtnud aprillis osa protestist väljaveo-keelu pärast, seal esinesid Lüübek ja Wismar vaherahu pikendamise pärast Holsteini ja Taani vahel. Daenell, Hansestädte, lk. 307.

¹⁹³) Erslev, lk. 69; järeldatav ka hansalinnade poolt Wordingborgis ülestõstetud kaebustest. HR. VII, nr. 517, § 1.

¹⁹⁴) HR. VII, nr. 441, § 2; v. Seeliger, lk. 48.

¹⁹⁵) Daenell, Hansestädte, lk. 307.

¹⁹⁶) Eeriku kavatsustest, hansalinnadega liidust saavutada, teatab ka Sigismund 1422 alul ordule. Sigismund, keda Eerik tahtis endale vahe-kohtunikuks, oli Eerikuga läbikäimises. UB. 5, nr. 2581.

¹⁹⁷) Daenell, Hansestädte, lk. 307 j.

¹⁹⁸) HR. VII, nr. 517, § 1.

ähvardasid kuningat 1. septembril 1421 tehtud ordu ja linnade vahelise lepinguga ¹⁹⁹).

Wordingborgi päev lõppes tagajärjetult. Eerik ei rahuldanud hanseatide nõudmisi, arvatavasti sellepärast, et linnad ei olnud nõus temaga minema holstlaste vastu. Juuli lõpus kuulutasid linnad Eeriku riikide vastu välja kaubablokaadi, ja sellest ajast peale valitses tema ja linnade vahel avalik sõjaseisukord ²⁰⁰).

Et linnad olid Eerikut ähvardanud oma liiduse abil orduga, siis tekkis Eerikul arvamine, et kogu Wordingborgi päeva nurjumises on süüdi ordu.

Wordingborgi päeva ajal oli kõrgmeistri ülesandel Eeriku juurde tulnud paremaid suhteid sobitama Siegfried Stegelitz. Sellele avaldas ta ka siis arvamist, et see „widerdris der hansesteten” ei olevat tulnud muust kui ordumeistrite süü läbi — liiduse pärast nende ja hansalinnade vahel, ja ähvardas ordu saadikut, et ta ühineb Poola kuningaga ja igauhega, kelle ta muidu kätte saab, ordu vastu ²⁰¹).

Pommeri Boguslavi nõunik Matzke Borken, kes oli Stegelitziga kaasas ta era-asjus, püüab kuningale seletada, et ordul ei olevat siin süüdi. Ta ei arvavat, et Eerik asuks liidusesse hussiite toetava Poolaga. Seepeale vastab Eerik, et tal muidugi armsam olevat, kui kõneldakse, et Taani kuningas käib käsikäes kristlusega, kui see, et ta on selle vastu. Edasi lubab Eerik Stegelitzile sel juhul, kui kõrgmeister räägib veel linnadega, siis „sal der meister und orden obir uns wol rathen”. Lõpuks tähendab Eerik, et kui keegi saadik tuleb kõrgmeistri juurest

¹⁹⁹) HR. VII, nr. 487, § 27; Daenell, Hansestädte, lk. 307.

²⁰⁰) Daenell, Hansestädte, lk. 308 j. Meie kogu eelnev ülevaade Eeriku suhtumisest järgneb paratamatult oletusest, et Eerik ei tahtnud hansalinnadega tülli minna. Eeriku vihastumine ordu peale, et see päeva nurjumises süüdi, näitab selgesti, et me oletus on õige.

²⁰¹) Et Eerik ütleb, ta ühinevat Poolaga, mida ta ennemalt ei olevat tahtnud, näitab äärmisel juhtumil seda, et ta Brandenburi-Poola abielupaktide tõttu oli loobunud Poola liidusest. Kuid Eeriku püüded Riia peapiiskopiga ordu vastu kompleteerida, kasutades sealjuures Riia linna tüli orduga, on veel tõestatud 1422. a. algusest (UB. 5, nr. 2581), kus 8. aprilli liidus oli Eerikule tuttav, nii et ei või öelda, et Brandenburi-Poola liidus oleks Eeriku orduvaenulisuse katkemise põhjuseks. UB. 5, nr. 2576.

tulevikus vastuvõetava ettepanekuga, siis kuningas omalt poolt tahab teha paremat, mis ta võib ²⁰²).

On selge, et siin on meil esimest korda tegemist Eeriku lähenema hakkamisega ordule. Kui õige või vale oli Eeriku arvamine, et hansalinnade vastasus temale, mis väga nõrgestas ta Šlesvigi politikat, oli põhjustatud ordu ja linnade vahelisest liidusest, jäägu lahtiseks. Kindel aga on see, et kuningal oli ja jäi Wordingborgi läbirääkimistel ordu saadikuga see veendumus, ja selle veendumuse seisukohalt pidi, arvestades kuninga tahtmist linnadega leppida, võimalikult vara jõutama ka orduga heasse vahekorda ²⁰³).

Ordu talitas — ei ole teada, kas teadlikult — väga targalt, kui ta edaspidise rahu sobituse Eerikuga usaldas Stralsundi bürgermeistri Konrad Bischof'i hooleks, kes 1422. a. novembri alul oli rahu sobitamas Eeriku ja hansalinnade vahel, kelle keskel jälle ülekaalu võttis tahtmine asja rahulisel teel toimetada ²⁰⁴). Vahetalitus hansalinnade esindaja kaudu võis ainult kinnitada Eeriku veendumust, et viimaste ja ordu vahel valitseb tegevuse ühtlus, ja oli kohane tekitama arvamust, et ka linnade politika teravuse kaotamist võiks ordu arvele kirjutada. Olgu kuidas on, Konrad Bischof'i katsetel, ordu ja Taani kuningat paremasse vahekorda asetada, oli tagajärge. Eerik oli nõus astuma orduga sõbralikumaise suhteisse ²⁰⁵).

Vahepeal selgus Šlesvigi ümber tekkinud poliitiline seisukord. Peaasjalikult Sigismundi toetusel, kes tahtis vabastada Eerikut hussiitide vastu abi saamiseks, sobitati tema voliniku Sileesia hertsogi Heinrich Rumpoldi kaudu Holsteini krahvidega 1. jaanuaril 1423 vaherahu status quo alusel kuni 1424. a. jaanipäevani. Selle aja sees pidi lõpliku otsuse Šlesvigi kuuluvuse üle tegema üks mõlemate poolte poolt tunnustatud vahekohtunik ja nimelt Rumpold ise, kusjuures viimane võis asja edasi anda Sigis-

²⁰²) HR. VII, nr. 512.

²⁰³) Oleme siin vastupidisel arvamisel Arbusowiga, kes neis läbirääkimistes näeb ainult Eeriku ähvardusi ja ta „Gereiztheit'i" (Arb.-Stavenhagen, lk. 258, m. 2); on see nii, siis muidugi ei olnud ka ordu ja linnade vahelisest liidusest mingit kasu (Arbusow-Stavenhagen, lk. 254).

²⁰⁴) Daenell, Hansestädte, lk. 310.

²⁰⁵) UB. 5, nr. 2680, Konrad Bischof kiri kõrgmeistrile: ...und handelte mit sinen gnaden welke sake von juwes ordens wegen, umme sate und vruntscop, dar sine gnade gans sere to geneget wart, und noch also is.

mundile, kes siis vaba valiku järele vürste juurde tõmmates otsuse võis teha ²⁰⁶). 6. jaanuaril saavutas Eerik, lubades hanseaatide kaebusi rahuldada ²⁰⁷), ammuoodatud liiduse Vendi linnadega Holsteini vastu; liiduses oli küll klausel, et ta hakkab siis maksma, kui vastane ei anna asja 6 kuu jooksul vahekohtusse; et aga vahekohus oli Sigismundi käes, kust Eerik ainult head lootis, siis kaotas see oma teravuse ²⁰⁸).

Šlesvigi politikas olid need lepingud Eerikule suureks edusammuks. Edaspidine Eeriku tegevus koondub peamiselt sellele, et nüüd holstlasi täielikult isoleerida. Selleks oli vaja Vendi linnadega sõlmitud liidust laiendada ka teiste hansalinnade peale. Ülejäänud linnu kutsuti ühinema liidusega: kes ligi tulevad, need saavat sellest kasu, mittetulijaid ootab kahju. Seda tegid Liivi linnad ka varsti ²⁰⁹). Selle isoleerimispolitiika seisukohalt pidi Eerikule ka soovitav olema orduga liidusesse astuda. Tõepoolest leidub 15. septembril ordu ja Taani liiduses punkt, et kokkulepitud liiduseabi kuningale pidi ka mere teel saadeta ²¹⁰); on selge, kuhu see sihtis, — Šlesvigi peale.

Ka teiselt poolt nõudis Šlesvigi politika Eerikult orduga heale jalale asumist. Sest saadik, kui 1419. a. keskel lahti puhkes hussiitide mäss, oli Sigismund, kes oli saanud samal ajal Böömi kuningaks, asunud heasse vahekorda orduga. Ordu oli Sigismundil vaja vastukaaluks Poolale, kus rahvas avalikult sümpatiseeris hussiitidega, ja eriti Vitautas'ele, kes vastu oli võtnud hussiitidelt pakutud kuningakrooni ja Sigismund Korybut'iga saatnud böömlastele abiväge ²¹¹). Me näeme aga, kuivõrt sõltuvaks sai 1423. aasta alguseks Šlesvigi küsimuse lahendamine Sigismundi heast tahtmisest. Ka selleks, et viimast hoida oma pool, pidi Eerik orduga katsuma heale jalale asuda.

Lõpuks oli võimalus ordu kasutada igaks juhuks ka Vendi linnade vastu, kui seda tarvis läks. Üheks linnade mõjukamaks

²⁰⁶) Vt. Seeliger, lk. 51 j.

²⁰⁷) Hanseaatide kaebused olid üldjoontes samad, mis esitati Wordingborgis.

²⁰⁸) Daenell, Hansestäde, lk. 312.

²⁰⁹) Erslev, lk. 92; Daenell, Hansestäde, lk. 313.

²¹⁰) ...Weres ouch das die heisschunge der hulffe czu der vorge-schrebenen dreyer reiche behuff geschege, so sal die hulffe czu schiffe und czu fusze gescheen. Rydberg, lk. 76.

²¹¹) Caro, lk. 511 jj.

vahendiks Eeriku vastu oli olnud keeld kaubandada tema riikidega; seda aga oli võimalik linnadele enestele raskeks teha selle läbi, et ka ordu oleks boikoti korral Põhjariikide vastu keelanud hanseaatide kauplemise omas riigis. Niisugune punkt on ette nähtud ordu ja Taani vahelises liiduses 1423²¹²⁾, ja see oli mõeldud peale vastastikuse kaubamaksustamise võimaluse kindlustamise Eeriku poolt²¹³⁾ tarviduse korral kindlasti ka Vendi linnade ohjeldamiseks Šlesvigi küsimuses.

Ordu küsimus, mis senini ei olnud olukordade kujunemisele Šlesvigi asjades avaldanud mingit tähelepandavamat mõju, oli 1422. aasta suvest saadik vähemalt Eeriku arvates astunud lähedasse ühendusse viimasega. Eeriku seisukohalt hakkas enne Šlesvigi asjus täiesti mõjuta olnud orduvaenulisus nüüd temale enesele kahju tegema Lõuna-Jüütimaal, kus peale Poola-Brandenburgi liidust asus jälle Eeriku politika pearaskus. Kasude kõrval, mida võis tuua orduga jälle heale jalale asumine, oli see, mis kaotati, võrdlemisi tähtsuseta. Oli ju 1421. aasta sügisel seisukord Liivimaal kujunenud halvemaks, kui ta seda oli ennemalt olnud; lootustes, kiires korras midagi ordu käest saavutada, oli Eerik pettunud, nähes asja edasilükkamist 1419. ja 1420. aastal; ka Melno järve rahuga 1422. a. sügisel oli Vitautas loobunud edaspidiseks oma orduvastasusest, mis edaspidiseid lootusi Eestimaa kättesaamises tublisti vähendas. Eestimaa suhtes ei olnud Eerikul just midagi eriliselt positiivset saavutatud, et sellest oleks olnud raske loobuda. Pealegi oli ju võimalik peale Šlesvigi küsimuse õnneliku lahendust oma tööd jälle uuesti alata. Orduga leppimine ei lõpetanud aga ainult vastasel korral tekkivaid raskusi Šlesvigi probleemis, vaid töötas anda ka tegelikku abi selle lahendamiseks.

Peamotiiviks orduga liitumises olid Eerikul Taani riigi huvid, mis käisid peaasjalikult Šlesvigi hertsogkonna tagasi-vallutamise peale. Kasulik oli Eerikule ordu sõprus aga ka kui Pommeri hertsogile. Sellest ajast peale, kui Brandenburgi markkrahviks sai Nürnbergi Friedrich (1415), olid Pommeri hertsogid sattunud viimasega ikka enam ja enam teravasse vahekorda. Esiialgu olid Pommer-Stettiini vürstid need, kes Fried-

²¹²⁾ Rydberg, lk. 77 j.

²¹³⁾ Daenell, Hansestädte, lk. 315 j. Seal pikemalt ka Eeriku kaubanduse- ja rahandusepoliitilistest kavatsustest.

richiga tülli sattusid, hiljemini, 1417. aastast peale, kui Sigismund oli välja kuulutanud kogu Pommeri läänialluvuse Brandenburgile, oli ähvardatud ka Eeriku lähemale sugulaste — Pommer-Wolgasti hertsogite iseseisvus²¹⁴). 1419. a. oli tekkinud laiutava Brandenburgi vastu suur „madalmaa härrade” koalitsioon, millest osa võtsid kõik Pommeri hertsogid²¹⁵). Sama aasta juunis pääsis lahti sõjategevus; 1420. a. sai koalitsioon, kel oli abiks 5000 poolakat, Angermünde juures lüüa. Pommerlased aga saavutasid vaherahu, kuna Friedrichil oli korraldada tüliasju ka Frankimaal²¹⁶).

Brandenburgi liidus Poolaga (aprillis 1421) halvendas märksa pommerlaste seisukorda, sest nüüd tuli arvestada endise Poola sõbralikkuse asemel ta vastasust. Oli mõttetu hoida enesel ordu näol vaenlast selja taga, kui kogu omad maad olid Brandenburgi tõttu hädaohus. Loomulik, et pommerlased hakkasid lähenevama ordule, kellega seni vastuolus olid olnud idapoolsed hertsogid ja kelle vastu käis Krakovis sõlmitud liidus.

Pommeri hertsogid püüdsid, lähenedes ordule, muidugi ka oma „suurt onupoega Eerikut” juurde tõmmata, millest võib-olla ka ordu tegi olenevaks oma sõpruse. Selles mõttes on arusaadav Wordingborgi päeval Eeriku juures ühes ordu saadiku Stegelitziga viibiva Pommeri Boguslavi nõuniku Matzke Borken'i nõuanne, aidata ordut poolakate vastu²¹⁷), samas mõttes tuleb aru saada Eeriku onunaise (surnud Boguslav VIII lese) Sophia sobituskatsetest Eeriku juures kõrgmeistri ülesandel²¹⁸).

Kahtlemata mõjusid Eerikusse ka Pommeri hertsogite pealekäimised, sest Eerikul oli alati väga tihe ühendus olnud oma sugulastega, ja Pommeri asjad pidid ka teda huvitama, sest et temale kuulus ka osa Pommer-Stolpi hertsogkonnast, mis asus just ordu piiril. Kuid otsustandva tähendusega Eeriku ürituste lakkamises, Eestimaad kätte saada, mis olid Taani riigi huvides ette võetud, ei võinud ta olemine Pommeri hertsogina olla. Selle tunnistuseks on kogu Eeriku suhtumine pommerlasi huvitava

²¹⁴) Brandenburg, lk. 61.

²¹⁵) Barthold IV, I, lk. 37; Brandenburg, lk. 83.

²¹⁶) Brandenburg, lk. 106.

²¹⁷) HR. VII, nr. 512. Et Matzke Borken oli Pommeri Boguslavi nõunik, selle üle v. Rydberg, lk. 79; nähtavasti on see samane, kes 1419. a. sobitas liidust Eeriku ja Poola vahel.

²¹⁸) Voigt, lk. 434.

probleemiga eelmisel aastail. Eerik ei olnud 1419./20. aastal osa võtnud koalitsioonist Brandenburi vastu; kui pommerlaste häda oli kõige suurem, oli ta jäänud Friedrichiga heasse vahekorda, ja oli teda 1421. a. kevadel koguni vahekohtunikuks tahtnud oma Šlesvigi asjus²¹⁹⁾. Friedrichi üleminek ordu poole sündis kaua aega enne Eeriku orduvaenususe lõplikku lakkamist, nii et vaevalt kuninga isiklik haavuminegi oleks teda üksinda sundinud hakkama ordu pooldajaks²²⁰⁾; ka ei olnud hertsoginna Sophia üritustel, Eerikut muuta ordusõbraliseks, 1422. a. kevadel olnud tagajärge²²¹⁾.

Peale selle kui Eerik oli Wordingborgis 1422. a. suvel mõista andnud, et nüüdsest peale temaga teisiti võib rääkida, ja Konrad Bischof oli saanud kuningalt tõenduse, et see valmis on orduga asuma sõbralikku vahekorda, edenesid läbirääkimised riikide vahel kiiresti hea suhtumise suunas. 1423. aasta alul või eelmise lõpul oli käinud üks kõrgmeistri usaldusmees Eeriku juures, kes oma heatahtlikkust ordule oli avaldanud²²²⁾. Kuningas oli oma sõpruse täheks saatnud kõrgmeistrile kingituseks heeringaid²²³⁾. Märtsi lõpus kavatseti ordu poolt saata Eeriku juurde üks ordu käskija kingituste ja tõendustega Eestimaa omandusõiguse üle. Liivi ordumeistri soovil aga lükati see saatkond nähtavasti seniseks edasi, kui Vileny's saavutati kindel rahu poolakatega²²⁴⁾, arvatavasti selleks, et siis Eeriku vastu võiks kindlamalt üles astuda.

Sügisel tuli Eerik, kes kavatses pikema välismaareisu ette võtta Pommerisse, kus siis Uus-Stettiinis enne kõrgmeistri saadikutega, pärast selle enesega läbirääkimistel valmis 15. septembriks ordu ja Taani vaheline defensiivliidus. Liidus pidi Eerikule abi tooma Holsteini krahvide vastu, seljatuge andma Vendi linnade muutumise korral ta vaenlasteks, pidi ka Pommeri hertsogeid,

²¹⁹⁾ Erslev, lk. 81.

²²⁰⁾ Erslevil nähtavasti on selline arvamine; vt. lk. 81 jj.

²²¹⁾ Voigt, lk. 434. Eeriku ettekäane, veel mitte leppimise üle läbi rääkida, sest et tal tegemist on holstlastega, on tõenäoliselt kuju, millega ta oma sugulastele püüdis mitte järsku vastust anda, või mis oli valitud Pommeri Sophia poolt ordule öeldud lootuse andmiseks.

²²²⁾ UB. 5, nr. 2696.

²²³⁾ UB. 5, nr. 2697.

²²⁴⁾ UB. 5, nr. 2696, 2697, 2706.

kellega Eerik 1423. a. alul oli teinud defensiivliiduse, aitama Brandenburgi ekspansioonipüüdeid tagasi tõrjuda ²²⁵).

1423. a. Uus-Stettiini liidus manifesteerib kümmeaastad kestnud Eeriku ürituste lõppemist Eestimaa kättesaamiseks. Sellest mõttest ei ole Eerik võib-olla kunagi loobunud ²²⁶), oma pärastisel valitsemisajal aga ei saanud ta seda tegudeks muuta. Peale tagasipöördumist välismaateekonnalt sattus ta ikka rohkem Šlesvigi asjade keerdu, nii et ei jäänudki võimalust mõtelda teostada sõjalist väljaastumist ordu vastu. Eestimaa kättesaamiseks.

²²⁵) Liiduse tekst: Rydberg, lk. 74 jj. UB. 7, nr. 33. Eeriku liiduse üle pommerlastega vt. Erslev lk. 95.

²²⁶) Veel 1429. a. kuuleme Saare piiskopi läbikäimisest Eerikuga. UB. 8, Sissejuh., lk. XXX j., nr. 30. Samuti 1424. a. töötab Eerik jälle samme astuda Boguslavi abielu jaluleseadmiseks Hedvigiga, vt. Erslev lk. 100 mujal tsiteeritud ürikud.

1. e k s k u r s s.

Saksa ordu keskarhiivi sirvik 122, leht 154—156 leiduva dokumendi üle.

Kõne all oleva töö lõpus lisana toodud üriku tähtsusest varasemate Taani ja ordu suhtumiste kohta veendusime peatöös. Kuigi üriku tekst leidub trükituna A. Prochaska brošüüris „Z archiwum Zakonu Niemieckiego”, on ometi selle äratrükkimine lisana tarvilik, sest et Prochaska raamat ei ole meie kogudes kättesaadav, ja pealegi on Prochaska publikatsiooni sattunud, rääkimata eksitustest transkriptsioonis, mõningad olulised vead, mis dokumendi interpretatsioonil võivad valetulemustele viia. Lisana toodud ürikutekst on täppis ärakiri minule dr. P. Nieborowski lahkel kaasabil Viini Saksa ordu keskarhiivi poolt kättetoi-metatud koopias.

Käesolevas kirjas kõige tähtsamaks osutub loomulikult selles kirjeldatud sündmuste ajaline fikseerimine.

Üriku öeldakse, et sel ajal, kui Taani kuninga juurde päralt joudis Rooma kuninga Sigismundi manitsus „als von des konges wegen von Polan und des ordens zu Pruszen, das das musz czu gudem flehe kommen”, viibisid Taani kuninga juures Poola saadikud. Selle järele läheb Taani saatkond Sigismundile mee-leheaks ordu kõrgmeistri juurde, pakkudes sellele nõu ja abi. Seepeale tänas ordu kuningat erilise saatkonna kaudu (Schillings-dorf j. t.) lubaduse eest, ja lubas Taani kuningale viisakusena, kui neil (ordul) juhtub midagi, mille peale sel õigusi, selles asjas „czu allem rechte staden”. Ühtlasi andis kirjeldatud saatkond kuningale ja õndsale kuningannale²²⁷) kingitusena edasi orduvenduse. Et võimatu on õndsana kuninganna all muud mõista kui Margarethat, kes suri teatavasti 28. oktoobril 1412, siis on

²²⁷) „unserm gnedigen herren konge und unser gnedigen frauwen der gott gnade”. Vt. lisa.

see daatum terminus ante quem'iks kogu kirjeldatud sündmustele ²²⁸).

Raske on neile sündmusile määrata eelnevat piiri. Pidepunktiks võiks meile olla kirjeldatud Sigismundi kirja saabumine Taani kuninga juurde. Me näeme kogu käesoleva kirja toonist, mis Taani orduõbralisemaid samme nimetab Sigismundile „czu liebe willen” tehtuna, et Sigismundi kiri pidi sisaldama Eerikule nõuet, olla ordule poolustuv; samuti teame, et 1412. aasta esimestel päevadel oli Sigismund ordule jälle lähenenud, sõlmides temaga liiduse. Sel puhul esines Sigismund ringkirjalise üleskutsega ordu toetamiseks paljude valitsejate juures. Viimaste hulgas oli ka Eerik ²²⁹). Kirja daatumiks on 8. jaanuar 1412. Kuigi kirjas nimetatakse ka veel teisi samasisulisi enneolnud läkitusi Eerikule Sigismundilt, siiski näib, et ürikus sirvik 122 on jutt selle kirja saabumisest, sest siin määratakse kirja tuleku ajaga Poola saatkonna olemise aeg Taanis. See on arusaadav, kui jutt on Sigismundi viimasest läkitusest; eelmiste kohta oleks aga oodata lähemat äramääramist. Arvatavasti tuleb käesolevat kirja 8. I. 1412 pidada üheks kõige viimastest orduõbralistest üleskutsetest Sigismundi poolt, kuna ta varsti peale selle augustikuul 1412 oli juba ordu suhtes oma seisukoha muutnud ²³⁰). Käesolev kiri saabus Eerikule umbes veebruarikuus, mis oleks siis ka Poola saatkonna viibimise ajaks Taanis. Palju hiljemini ei saanud see olla, sest siis vaevalt sai lühikese aja jooksul kuni Margaretha surmani hargneda kirjeldatud sündmustik, ja ka varem aeg ei sobiks samadel põhjustel.

Edasi kirjeldab meie ürik Taani saatkonna läbirääkimisi kõrgmeistriga ja Pommeri Boguslav VIII-ga. Hoolimata lahkuminekutest saadikute äratähendamises (kord nimetatakse neid kolmandas, kord jälle esimeses isikus), pakub terve saatkonna kirjeldus meile tervikliku pildi, nii et peame arvestama asjaolu, et meil kogu aeg tegemist on ühe ja sama saatkonnaga. Selle asja juurde tuleme pärast pikemalt tagasi.

Käesoleva saatkonna läkitamine langes veel kindlasti 1412. aastasse, sest nende saatjatena nimetatakse jällegi „unser gnediger herre und frauwe” ²³¹); sõltumusest eelmisega ei või olla siin

²²⁸) Samal seisukohal on ka Nieborowski, lk. 208.

²²⁹) Monum. Poloniae XII, nr. 44, Reg.

²³⁰) Caro, lk. 396.

²³¹) Vt. lisa.

kahtlust, et viimase all jällegi mõistetakse 28. okt. 1412 surnud Margarethat. Pärastised tulemused näitavad, et see väljasaatmine ei võinud olla palju aega enne nimetatud tähtpäeva.

Nimetatud saatkonna läbirääkimised langevad kolme täiesti kindlalt eraldatavasse osasse. Need oleksid:

- 1) Läbirääkimised kõrgmeistriga Marienburis;
- 2) Saadikute ärasõit ja läbirääkimised Boguslav VIII-ga;
- 3) Uued läbirääkimised kõrgmeistriga.

Esimestest läbirääkimistest kõrgmeistriga saame aru, nagu oleks see olnud veel Heinrich v. Plauen, kes teatavasti tagandati ametist oktoobris 1413. Kui saadikud nõudsid kõrgmeistrilt Eestimaa andmist oma kuningale, kõrgmeistri lubaduse tõttu oma saadikute (Schillingsdorf j. t.) läbi 1412, et kui ordul on midagi, mille peale Eerikul õigusi, siis ta tahab viimasele „czu rechte steten“²³²), ja teate kättevijjad (Schillingsdorf j. t.) seda lubadust tõestasid, siis kõrgmeister „stund es czu, dar e r sy hatte heszen werben an unsern herren, und e r sprach, e r wuste nichte, das unser herre das werbe also ernstlich czu ym wolte genommen haben“²³³). Siin tsiteeritud tekstist järgneb, muidugi eeldades kirja küllaldast täpsust, et kõrgmeister, kes läbirääkimisi peab Taani saatkonnaga, on identne selle kõrgmeistriga, kes on läkitanud 1412. a. saatkonna Taanimaale, s. o. 13. oktoobril 1413 tagandatud Heinrich v. Plauen'iga. Läbirääkimised kõrgmeistriga olid siis 1412. a. 28. oktoobri ja 1413. a. 13. oktoobri vahel. Pärastised tulemused sunnivad meid oletama, et nad aset leidsid enam selle tähtaja lõpu poole²³⁴). Kuna me aga teame, et saadikud välja sõitsid juba enne Margaretha surma, siis peame selgusele jõudma, millest võis tekkida säärane ülesande täitmise viibimine. Arvatavasti oli siin põhjuseks küll see asjaolu, et saadiku-

²³²) Vt. lisa.

²³³) Vt. lisa.

²³⁴) Et kohtamine sündis Marienburis, sellest on kahjuks võimata järeldada täpsamat daatumit läbirääkimistele, sest Voigt'i tsitaatide järele viibis Plauen 1413 kogu aeg vähemate vaheaegadega Marienburis. Hennung Kongsmark esineb 20. detsembril 1413 ürikus, mille kohta ei ole antud väljandmise asukohta. Meie seisukohale see vastu ei käi, ka siis mitte, kui ürik oleks antud Taanis, sest selle aja peale langeb meil vaheaeg läbirääkimistel kõrgmeistri ja Taani vahel. Kongsmark võis mitmel põhjusel siis Taanis olla jne. Vt. Rep. D. III, nr. 5311, lk. 182.

tel oli asjaajamise kõrval orduga ka veel teisi ülesandeid. Tõepoolest leiame ühes Makra Benedikt'iga, kes oli saadetud kuningas Sigismundi Ofeni vahekohtu otsust ordu ja Poola vahel koha peal läbi viima, ka „barones magnifici regis Daciae” 1413. a. maikuus Nakeli linnuse juurest, Pommer-Stolpi piiri lähedalt²³⁵); nad teetsesid seal arvatavasti Nakeli linnuse Pommeri-Stolpile saamise otstarbel²³⁶). Tuletame siinkohal meelde, et Eeriku Pommeri maad moodustasid just osa Stolpi hertsogkonnast, kus ta oli ühiselt valitsejaks oma onu Boguslav VIII-ga. On tõenäoline, et Taani saadikud Andreas Jakobs, Hennung Kongsmark, pärastine Raasepori läänimees²³⁷), ja Benedikt Pogwisse, Ahvenamaa pealik²³⁸), ongi, nagu käesolev dokument kinnitab, kõik kuninga nõunikud, keda Benedikt Makra mainib „barones regis Daciae” all. Käesoleva identifitseerimise poolt räägib iseenesest arusaadav asjaolu, et sel liikumisvahenditest kehval ajal ei saadetud välja ühel ajal eriotstarvetega kulukaid saatkondi, kuna siin ju ruumilise ligiduse tõttu väga võimalik oli läbi ajada ühega.

Uuendatud läbirääkimised orduga näivad toimunud olevat aga juba uue kõrgmeistri ajal. Kui Taani saadikud kõrgmeistrile seletasid, et Boguslavil on kõrgmeistrilt selle kohta tunnistused, et ta vastavalt (1409)²³⁹ sõlmitud lepingule ordu heaks sõjareisu teinud, ütles kõrgmeister, „das der meister vor ym was hette die bryffe usz gegeben sunder siner gebieteger rad”²⁴⁰). See eelkäija võis olla ainult Heinrich v. Plauen, kes ka muidu sai sarnaste numbritega hakkama. Ulrich v. Juningen, kes langes Tanenbergi lahingus, ei võinud Boguslavile sääraseid tunnistusi anda. Michael Kuchmeister sai kõrgmeistriks 1414. a. jaanuari

²³⁵) Monum. Poloniae II, nr. 47.

²³⁶) Selle üle Caro III, lk. 298 j.; Barthold III, lk. 519, 551, 571. Vrd. Seeliger, lk. 11.

²³⁷) Forsström, lk. 274.

²³⁸) Ibid., lk. 276.

²³⁹) Voigt, lk. 71.

²⁴⁰) Vt. lisa. Et siin tegemist on teise ordu-kõrgmeistriga, kui eelmises saatkonna käigus Marienburgi, aitab kinnitada veel see, et saadikud nüüd uue sti esitavad ettekäände, mille põhjal nad enamalt üles tõstsid pretensioonid Eestimaa kohta. „Nu vermanten wir den meister und den orden das sie unsern gnedigen herren umb das herczothumb czu Eyslanden czu rechte steden wolten, als sie ym czu enboten hatten und denckten dar an, das sie unserm herren ire bruderschaft daruff gesant haben.”

alul; see ajamäär oleks siis ka meie läbirääkimiste terminus post quem'iks.

Tõenäolise terminus ante quem'i saame järgmisest asjaolust. Heinrich Plaueni valitsemisaja viimastel kuudel oli Danzigi komtuur, kõrgmeistri vend, ette võtnud Pommer-Stolpi rüüste-rette²⁴¹). Pommeri Boguslav esines loomulikult kaebustega, samuti ka meie saadikute ja nendel kaasas olevate ordusaadikute ees (asjaolu, mis ülihästi sobib meie arutustest iseenesest järelduva saadikute Boguslavi juures viibimise aja piiritlemisega vähemalt 1413. a. 13. oktoobri ja 1414. a. jaanuari alguse vahel). Käsiteldavais läbirääkimisis tuli Pommeri rüüstamise küsimus uuesti kõne alla, ja siin seletab kõrgmeister, et ta selles asjas ei tahtvat „zu rechte stehen“²⁴²). On selge, et seega oli Plaueni sissetungi asi sel ajal veel lahendamata. 1414. a. märtsi alguseks (Laetare) aga oli ordu ja Boguslavi vahel neis asjus (Taani mõjul?!) saavutatud kokkulepe²⁴³). Seega on meil küllaldaselt põhjust paigutada eelnimetatud läbirääkimisi enne seda tähtaega. Boguslaviga oli ordu vastastikusel tülis ka veel 1414. a. lõpus²⁴⁴) ja võib-olla tõsteti samas asjas kaebusi ka veel hiljemini. Aga arvestades eelnimetatud saatkonna ja läbirääkimiste terviklikkust, on mõttetu seda Taani saadikute missiooni venitada pikemale, kui asjaolud seda sugugi ei nõua. Hiljemalt järgnev seletus, kuis kiri võis Sigismundi kätte sattuda, teeb meie oletuse veel usutavamaks.

Võrdlemisi pikk vaheaeg ja saadikute Boguslavi juures viibimine on seletatav kõrgmeistrite vahetusest tingitud umbes kolme-kuulise kõrgmeistri sedisvakantsiga.

Ülaltoodu põhjal võisid siis käesolevas ürikus kirjeldatud sündmused järgmiselt kujuneda.

Esimene saatkonna käik kõrgmeistri juurde sündis 1412. a. 28. oktoobri ja 1413. a. 13. oktoobri vahel, tõenäoliselt selle tähtaja lõpu poole.

Saadikud viibisid Boguslavi juures vähemalt 1413. a. 13. oktoobri ja 1414. a. jaanuari alguse vahel.

²⁴¹) Voigt, lk. 213 jj. Ka Nieborowski seob Boguslavi kaebuse „Plaueni sissetungiga“, aga vastavalt oma hilisemale saatkonna dateerimisele on ta sunnitud juurde lisama, et Boguslav ikka veel selle pärast kahjutasu nõudis. Nieborowski, lk. 208.

²⁴²) Vt. lisa.

²⁴³) Voigt, lk. 230 j.

²⁴⁴) Voigt, lk. 257 j.

Teine saatkond läks kõrgmeistri juurde 1414. a. alguse ja märtsi alguse vahel.

Kirja autorit ei ole sugugi raske kindlaks määrata, ja paneb tõepoolest imestama, millise pealiskaudsusega siit mööda on läinud kaks uurijat, kellele see dokument on tuttav. Kirja tiitliks on tema sirvikusse ümberkirjutaja (Peter Wormdith)²⁴⁵) pannud: „Disz ist der bryff, den die von Dennemarck myn herren konge geantwurt haben”. Nieborowski järeldab sellest kohe: „also eine dänische Gesandtschaft überreichte dem Kaiser in Paris diesen Brief”²⁴⁶). Prochaska jälle konstateerib, et pealkiri, mis tema poolt samas ürikus valesti publitseeritud („... den der konge von Dennemark... geantwurt haben”), on vale, ja jääb sellega rahule²⁴⁷).

Ometigi oleks piisanud pealiskaudsestki lugemisest konstateerimiseks, et Taani saatkonnast kirjutatakse kõrgmeistrile 1412—1414 väga sageli esimeses isikus. Kuigi kõige pealt saadikuist, näit. nende läkitamisest, kirjutatakse kolmandas isikus ja kolmandat isikupronoomenit ka pärast mitmes kohas saadikute äramärkimisel on tarvitatud, siiski ei või meie järeldust teha, et siin läbirääkimistel oleks tegemist rohkem kui ühe isikugrupiga, sest „meie” ja „nemad” esinevad kõrvuti mitmeski kohas, kus võimata on oletada kahesuguste tegurite esinemist²⁴⁸). On võimatu, „meie” all käesolevas kirjas mõelda kas figuraalset kõnekäändu, mis asendaks mõistet „taanipoolsed” või koguni „taani kuningat”, kes räägib oma saadikute suu läbi, sest kirjas esinevad kohad „rydden wir”²⁴⁹), „quamen wir”²⁵⁰). Peame arvama, et kirjas esineva „meie” all tuleb mõista läbirääkimisi pidavaid saadikuid endid. Sellest aga tekib otsene järeldus, et kirja Sigismundile saatjaks on nimetatud saatkond ise. Võimaluse, et kirja oleks saatnud üks neist isikuist, hävitab tõenäoliselt käesoleva üriku pealkiri, mis selle saatjaiks nimetab paljusid: die von Dennemarck.

²⁴⁵) Niipalju võib usaldada Nieborowskit, kes Wormdithi käekirja tunneb; vt. Nieborowski, lk. 208.

²⁴⁶) Nieborowski, lk. 208.

²⁴⁷) Prochaska, lk. 22.

²⁴⁸) Vt. Lisa. „Da funden sie den meister”. „Da antwurt uns der meister” ja mujal.

²⁴⁹) Lisa.

²⁵⁰) Lisa.

Edasi tuleb väita, et Sigismundi informeerimine Taani saadikute poolt ei olnud omavoliline ega ka kuritahtlik nähtus, näit. spionaaž. Seda võib järeldada kirja enese sisust, kus Eerikut käideldakse väga austavalt, püütakse teda heana hoida Rooma kuninga ees, katsudes Eeriku samme ordu vastu näidata kooskõlas Sigismundi manitsuskirjaga 8. jaanuarist 1412, seletades kogu Eeriku tegevust sündinuna „umb euwer gnade und umb euwrer liebe willen“²⁵¹). Kõike arvestades peame oletama, et kirja saatmine on sündinud Eeriku enese tahtmisel, tema või ta usaldusmeeste käsul.

Kuna kiri kirjeldab sündmusi, mis hiljemalt veebruaris 1414 aset leidsid, peame arvama, et ta ise ka mitte palju hiljemini ei ole kirjutatud. Et Eerik 1414. a. suvel oma saadikute kaudu viibis tihedas läbikäimises Sigismundiga, siis on tõenäoline, et kiri nende läbirääkimiste puhul Sigismundile saadetigi.

Käesolev ürik või selle ärakiri on sattunud ordu prokuraatori Peeter Wormdithi kätte, kelle käega ta on ümber kirjutatud sirvikusse, mille kaudu ta on tuttav meilegi. Usutav ei ole Prochaska arvamine, et Sigismund kahe otsaga mängu mängides ta ise ordulaste kätte on toimetanud, et anda ordule dokumentaalset tõendust oma ordupoolustumisest²⁵²). Ordul ei võinud olla erilist huvi teada saada neist Taani saatkonna läbirääkimistest orduga, mis ordul eneselgi tuttavad pidid olema. Sigismundi ordupoolustumine avaldub dokumendis aga ainult 1412. a. kohta, kus ordul see isegi pidi teada olema, sest Sigismund oli sel ajal temaga liiduses. Pärast halvenesid Sigismundi ja ordu suhted, ja kirja kirjutamine Taani saadikute poolt Sigismundile annab just vastupidise järelduse. Nii ei võinud kiri ka selles mõttes olla ordule dokumentaalseks tõenduseks Sigismundi ordupoolustumisest. Lõpuks — miks üldse läks vaja säärast tõendust? Prochaska viga tuleb varest üriku dateerimisest. Küll aga dokumenteerib taani-poolne teade neis asjus Sigismundile orduvaenulist suhtumist nende kahe vahel, millest teada saamine pidi olema ordule äärmise tähtsusega. Seepärast on tõenäolisem Nieborowski oletus, et kirja sisu on Peeter Wormdithile tuttavaks saanud Sigismundi ordusöbralise nõuniku Nikolaus Bunzlau kaudu²⁵³), kuigi me

²⁵¹) Lisa.

²⁵²) Prochaska, lk. 24.

²⁵³) Nieborowski, lk. 208, 209 j.

kõigi muude Nieborowski tulemuste kohta neis asjus asume eitava seisukohale.

Saadud tulemustega oleme sattunud vastuollu käesoleva üriku kahe teise sisulise ja ajalise interpretatsiooniga. Nieborowski, kelle seisukohti me mööda minnes juba mitmeti oleme puudutanud, paigutab üriku kirjeldatud saatkonna pikema jututa 1415. aasta hilissügisele, toetudes siin nähtavasti kõrgmeistri instruktsioonkirjale 18. jaanuarist 1416, milles räägitakse, et liidus Poola ja Taani vahel on juba sõlmitud, oletades, et Taani pretensioonid, mis avalduvad käsiteldavas üriku, langevad just selle eelsesse aega. Üriku alguses nimetatud Poola saatkonna asetab Nieborowski küll õieti 1412. aastasse, kuna seal nimetatakse Margarethat elusana, ta ei ole aga tähele pannud seda, et ka Taani saatkonna väljasaatmisel, mis tema arvates oli 1415, Margaretha veel elas. Dokumendi sündmustiku ekslik dateerimine annab ühenduses usutava arvamisega, et see on Bunzlau kaudu sattunud ordu kätte, valeoletuse, et taanlaste kiri toimetati Sigismundile kätte Pariisis, kus viibis Bunzlau ühes Sigismundiga. Nieborowski on aga oma eksioletused väljendanud niisuguse kategoorilisusega, et isegi säärane uuriija, nagu L. Arbusow, on langenud lõksu ja hakanud dokumendi edasiandmise tähtpäeva kindlaksmääramiseks lähemalt piiritlema Sigismundi Pariisis viibimise aega ²⁵⁴).

Hoopis teissuguse argumentatsiooniga esineb A. Prochaska ²⁵⁵), kes on tutvunud peaasjalikult poolakatele tuntud materjaliga. Prochaska tunneb Eeriku üritusi Eestimaa kättesaamiseks ainult Voigt'i järele 1415./16. aastast peale. Et kõrgmeister tähendab üriku, et Poola ja ordu vaheline asi on ajada paavsti ja Rooma kuninga käes, ja et paavst (Martin V) valiti 1415. aastast kestnud sedisvakantsi järele alles 11. novembril 1417, siis on see daatum Prochaskale dokumendi dateerimisel terminus post quem'iks. Et aga Pommeri Boguslavi mainitakse veel elusana, ei olevat kirjeldatud sündmused aset leidnud enam 1419. aastal ²⁵⁶). Prochaska ei ole aga selle peale tulnud, et otsida ürikule paika enne 1415. a., kui oli ju ka olemas paavst, kui Poola-ordu asi sa-

²⁵⁴) Arbusow-Stavenhagen, lk. 180, märk. 3. Nieborowski käsitleb dokumenti lk. 208 j.

²⁵⁵) Prochaska, lk. 22 jj.

²⁵⁶) Pommeri Boguslavi surmaga opereerib Prochaska teist korda liiga julgelt. Pikemalt 2. ekskursis.

muti oli lahendada Sigismundi ja paavsti käes ²⁵⁷), ja et meil ka endise aja kohta on küllaldaselt teateid Eeriku orduvaenulisusest ja üritustest, Eestimaad kätte saada. Lõpuks ei ole Prochaska sugugi tähele pannud Margaretha mainimist kirjas eneses.

Paaritatult vale dateerimisega on Prochaskal ka vale arusamine dokumendi sisust. Oleks ülearune ette tuua seda arvamist, kui Prochaska vead oleneksid ainult dateerimisest. Prochaska on aga ka puhtas dokumendi interpretatsioonis tulnud tulemusetele, mis meie peatöös esinevatest oluliselt erinevad ja vastu käivad. Vähemate viperuste kõrval on Prochaska oluliselt teisiti aru saanud läbirääkimiste episoodist Pommeri hertsogitega, milles punktis asub meie peaväide, et Eeriku saatkond, lubades enda ja Pommeri hertsogite abi ordule, tahtis vastutasuks ordult välja pressida Eestimaad.

Prochaska viga tuleb sellest, et meie ürikuks saadikute äratähendamiseks tarvitatakse kord „wir”, kord „sie”. Seda kahe silma vahele jättes muutub Prochaskal osa Taani saadikute jutust ordumeistri jutuks.

Ordumeister oli vastanud Eeriku nõudele Eestimaad kohta, et ta ei uskuvat, et kuningas ta viisakussõna nii tõsiselt on võtnud. Ordul olevat Eestimaad kohta dokumendid ja ta andvat selle parima meelega vahekohtu kätte ²⁵⁸). Järgmine lause on õieti kõrgmeistri eitus: „Da sprach er, er hette dheynen rechten gang mit unserm herren den konge”. Prochaska aga saab sellest nii aru, et Taani kuningas ei saavat hästi läbi Sigismundiga ²⁵⁹). Edasi paluvad Eeriku saadikud kõrgmeistrit, „das er unsers herren gnade nicht abwerfe etc.” ja vahekohtu vastu võtaks. Prochaskal on selle ütlejaks ordupool: ärgu olgu Eerik Sigismundi soovile vastu ja võtku Eestimaad suhtes vahekohus vastu ²⁶⁰). Järgmise lause on Prochaska jälle valesti ordu suhu pannud: kui Eerik oleks ordu poolt, siis ka Pommeri hertsogid, kes tahtvat ordule abiks olla. Eeriku saadikud olevat vastanud, et see ei uskuvat

²⁵⁷) Vrd. näit. 1414. aastal, kus Voigt, lk. 231 j. mainib, et asi seisvat paavsti käes. Sigismund oli sel ajal mitmel korral vahekohtunikuks. Vt. I peatükk.

²⁵⁸) Viimast nõuab tegelikult Taani saatkond.

²⁵⁹) Ometi on öeldud „unserm herre konge”, millega ürikuks alati tähendatakse Eerikut, ei iialgi aga Sigismundi, kelle märkimiseks on „euwre liebe” jne.

²⁶⁰) Vt. eelmine märkus.

Pommeri hertsogeid ²⁶¹). Ordu küsimuse peale, et kas Sigismund on halba teinud Eerikule, kes on ka Pommeri hertsog, vastab Taani saatkond, et nende kuningas olevat kuningas ja tal ei olevat tegemist Sigismundiga ²⁶²). Ordu: Eerik on kuningas, aga sünnilt Pommeri hertsog; kui aga Boguslav on temale milleski liiga teinud, siis Rooma kuningas võiks sellele survet avaldada ²⁶³). Taani saadikud: Boguslav on juba sõnamurdmise tõttu lahkunud lubadusest, mis ta on Eerikule andnud.

On küllalt näidatud, et Prochaska on ürikust valesti aru saanud. Boguslavi juurde võtavad rüütlid vahetalituse oma peale selle ja Eeriku vahel jne.

Prochaska jõuab dokumendist nii aru saades muidugi tulemustele, mille vastu tarbetu on vaielda: et Sigismund on seganud Poola-Taani tekkivat kokkulepet, on mänginud kahe otsaga mängu, et ordu on tahtnud Eeriku ja Pommeri hertsogite, eriti aga Boguslavi vahele ajada kiilu.

²⁶¹) Tegelikult ütleb seda ordu.

²⁶²) Vastupidi küsib Taani ja vastab ordu. Kuningas muutub Prochaskal rääkijate äravahetamise tõttu automaatselt Eeriku asemel Sigismundiks.

²⁶³) Sama, mis eelmine märkus. Kahtlemata käib surveavalduse võimalus Eeriku kohta, sest tema valitses ühiselt „in samenden gutten” Boguslaviga Stolpi hertsogkonda.

2. e k s k u r s s .

Codex Epistolaris Vitoldi ürikute nr. 832 ja 833 dateerimisest.

Käesolevad ürikud on meil ainukesed, mis vähegi otseselt kasutatavat materjali annavad Pommeri Eeriku läbikäimisest Poolaga; sellepärast on ka ülitähtis nende õige dateerimine. Cod. Ep. Vitoldi väljaandja A. Prochaska on need ürikud paigutanud 1419. aasta esimesse poolde. Kirjades mainitav Pommer-Stolpi Boguslav VIII surm ei saavat kirjade dateerimiseks küllaldest alust anda, sest Bartholdi Pommeri ajaloo järele olevat ainult umbkaudselt teada, et see sündinud 1417. a. lõpus või 1418. a. alguses. Et aga ürikus nr. 833, mis on vastuseks nr. 832-le, Jagiello kahtleb, tas ta saab isiklikult kohata Eerikut — ähvarduse tõttu mujalt²⁶⁴), mille all Prochaska mõistab võimalikku sõda Preisiga, edasi, et kirjas nr. 833 otseselt kõneldakse võimalikust liidusest nende kahe vahel, mis teostus 15. juulil 1419, ja lõpuks, et Eeriku kirjas nr. 832 on jutt jaanipäevast kui alles saabuvast, on Prochaskale selge, et kiri kuulub 1419. a. algupoolde. Meile mitte.

Kõige pealt eksib Prochaska, arvates, et ürik nr. 833 on Jagiello vastuseks Eeriku eelmisele kirjale. Jagiello vastab kirjale, mille on temale kätte toonud rüütel Swancz²⁶⁵) (= Slawcz, Swantz de Snicz, Swantz de Desnitz). Kirjas nr. 832 teatab aga Eerik, miks ta nimetatud Slawczi enda juures veel kinni peab.

²⁶⁴) Sic! Jagiello lubab viibida Suur-Poolas harilikult kauemini. ...quantiscumque alibi nobis imminentibus agendis... Kuigi „imminentibus” all tuleb mõista ähvardavat, kuid „agenda” võib tõlkida ainult „toimetusega”. Eelmisest sõnast tuleb aru saada figuraalselt; lause mõte oleks: kuigi Jagiellol ka mujal on toimetusi, siiski tahab ta Suur-Poolasse jääda üle hariliku aja.

²⁶⁵) Legaciones... scriptotenus ac... Swancz militis... relacione... expositas... suscepimus. Cod. Ep. Vit., nr. 833.

Loomulikult ei võinud siis S. olla selle kirja edasitoimetajaks, nii et ka nr. 833 ei ole sellele vastuseks.

Kuigi Pommeri Boguslavi surmadaatum ei ole täpsalt teada, paigutab Barthold ta, nagu juba öeldud, 1417. a. lõppu või 1418. a. algusesse ²⁶⁶), see ei takista meid ju ometi võtma seda aega käesolevatele dokumentidele terminus post quem'iks.

Kindla terminus ante quem'i annab meile ürikus nr. 833 avaldatud Eeriku kavatsus sõita Pommerisse ²⁶⁷). Seal oli aga Eerik juba 2. oktoobril 1418 ²⁶⁸). Mingist muust Eeriku käigust Pommeris ei tea me aga neil aastail midagi, ja vaevalt võis seda sündida.

Kiri nr. 832 on kirjutatud enne 24. juunit 1418, sest seal nimetatakse, et Eerik tahab nendega, kellega tal on tegemist, jaanipäeval päeva pidada. Ei ole raske seda identifitseerida tõepoolest 24. juunil 1418 pidada kavatsatud vahekohtu-päeva Šlesvigi hertsogkonna üle Šlesvigis Eeriku ja Holsteini krahvide vahel ²⁶⁹). Kuna ürik nr. 833 juba lahendatuna nimetab Eeriku raskusi ta vaenlastega ²⁷⁰) ja ka Swancz juba Šlesvigi päeva asjus kavatsatud nõupidamisest on vabanenud, peame arvama, et ürik nr. 833 on kirjutatud peale jaanipäeva 1418.

Nii siis tuleks ürik nr. 832 paigutada 1418. a. algupoolele, nr. 832 aga umbes 24. juuni ja 2. oktoobri vahele 1418.

²⁶⁶) Barthold IV, 1, lk. 32. Caro, Lib. Canc. I, lk. 331, märk. 2, asetab ta kategooriliselt 1417. aastasse. Bülowi järele on Boguslav surnud märtsis või aprillis 1418 (lk. 47).

²⁶⁷) Ainult seda sihti võib mõista sõnade all — F. V. trans mare disposuit declinare, visurus terras ac dominia successionis vestre post mortem ...Boguslai devoluta (v. nr. 833).

²⁶⁸) Voigt VII, lk. 332. Pühapäev miiklipäeva järele — 2. okt. Ka Barthold IV, lk. 51, ja Hvitfeld 3. P., lk. 667, ei räägi sellele vastu. Voigti dokumendi dateerimine peab õige olema, sest 1419. a. 2. okt. on liiga hiline teiste sündmuste kohta, mida seal kirjeldatakse.

²⁶⁹) 24. juunil 1419 oli Viiburis Tallinna linna ja Viiburi pealiku Krister Nilssoni vahel päev tülüküsimuste lahendamiseks. Selle päeva kohta käivaks ei saa me aga kõnealust kirja oletada, kuna muud faktid räägivad selle poolt, et kiri on dateeritud 1418. a. Pealegi ei viibinud Eerik seal isiklikult ega polnud kuulda seesugusest kavatsusest. Ürik nr. 832 aga ütleb „diem celebraturi sumus“.

²⁷⁰) ...hactenus F. V. ad nos sic dilata agenda eiusdem F. V. cum hostibus occasionem prebuere sunt deducta...

3. e k s k u r s s.

Sigismundi mõjust Eeriku suhtumistele orduga.

Eeriku ja Sigismundi suhtumist ordu küsimusse peaaasjalikult 1419 on käsitelnud pikemalt M. Seeliger, ja on saavutanud selles resultaate, mis ei ühti meie töös saavutatuga.

Et Seeliger võrdlemisi väga vähe teab Eeriku üritustest Eestimaa kohta, temal pea täielikult puuduvad teadmused Eeriku üritustest enne 1416. aastat ja ta ühendusse astumisest ordule oponeerivate elementidega Liivimaal eneses, siis on Eeriku vaenuline suhtumine ordu vastu jätnud Seeligerile nähtavasti mulje, nagu oleks see väga vähe tingitud Eeriku enese poliitilistest huvidest, vaid peab võimalikuks, et need on mõjustatud kõrvalt. Muidugi on Seeligerile juhtunud see äpardus, mis nii harilikult juhtub kahe isiku suhtumise kirjeldamisel: ka tema leiab, et Eeriku ordupoliitikat on mõjustanud Sigismund. Eeriku vaenuline suhtumine orduisse on Seeligeri arvamist mööda peaaasjalikult kompensatsioon Sigismundi abi eest Šlesvigi küsimuses. Lk. 39 ütleb ta, et Eeriku liiduse allakirjutamine Poolaga olevat sündinud Sigismundi uuendatud mõju all. 1419. aasta liidusest osavõtte olnud Eeriku poolt otsustav sekundeerimine Sigismundile, mille eest siis Eerik tasu ootas (lk. 46).

Näilikult toetab Seeligeri teooriat ka meie poolt esiletoodud seisukoht, et lisaks kolmikliidusele ordu vastu 1419 on aset leidnud ka enne seda, 1415. aastal, liidus Sigismundi, Eeriku ja Poola vahel ordu vastu. Ka sel puhul oli Sigismund abiks Eerikule Holsteini küsimuses. Seeligeri üldvaadet Eeriku ja Sigismundi suhtumise kohta üle kandes käesolevale ajajärgule saaksime pealtnäha üllatava tõenduse Seeligeri vaadete õigluse kohta.

Selle järele oleks Eerik 1415. aastal peaaasjalikult Sigismundi mõjul ordu vastu teravalt üles astunud ja Sigismund selle eest Eerikut Šlesvigris toetanud, kuna aga hiljemini, differentside tekkides Eeriku ja Sigismundi vahel, Eerik loobus oma kavatsus-

test ordu vastu ²⁷¹). 1419. a. otsib Sigismund jälle Eeriku poolehoidu ja mõjustab jälle ta ordupolitikat.

Samuti on Seeligeri teine seisukoht laiendatav pealtnäha ilma raskusteta. Ordu ja Poola vahelistes sekeldustes olevat Sigismund, kel endal läheduses puudus reaalne jõud, peaasjalikult opereerinud Brandenburgi ja Eeriku kaudu. Kui Brandenburg Sigismundi politikas peaosas etendas, jäi Eerik tagaplaanile (lk. 27). Kui Sigismund 1415. a. läänitas Brandenburgi markkrahvkonna Friedrichile, hakkab Sigismundi poolt Eerikule ülesnäidatud tähelepanu vähenema (lk. 33). Seega oleks siis omakorda näilikut seletatud, miks Sigismund peale 1415. a. enam ei toetanud Eerikut Šlesvigi küsimuses, mille tõttu omakorda Eerik loobus agressiivsusest ordu vastu. Brandenburgi sõnakuulmatuse tõttu 1419. a. alui võtab Seeligeri järele Sigismund uuesti üles suhtumise Eerikuga. „Da Brandenburg verzichtet hatte das Übergewicht Polens mit seiner Macht auszugleichen, versuchte Sigismund jetzt in die Lücke, die Friedrichs Rückzug in seine Kombinationen gerissen hatte, Erich von Dänemark als Ersatz hineinzubringen“ (lk. 36).

Tundes aga eriti 1413. ja 1414. a. peetud läbirääkimisi Eeriku ja ordu vahel, tundes ta püüdeid ühendusse astuda orduvastaste opositiivsete jõududega Liivimaal vähemalt 1413. a. saadik, teades Eeriku ja Margaretha orduvaenulisusest 1412. aastal, kui see Sigismundi seisukohale risti vastu käis, ja samuti Eeriku orduvastast suhtumist peale 1419. a., kui Sigismund oli ordu pooldaja, ei tohi me kahelda, nagu ei oleks Eeriku pidevad üritused Eestimaa kättesaamiseks aluslikult tema enese huvidest välja läinud poliitilised püüded. Sigismund võis ju neid positiivselt mõjustada 1415. ja 1419. a.; paljas Sigismundi juurdeast koalitsioonile tegi Eestimaa kättesaamise väljavaated tugevamaks, Šlesvigi asjus võis Sigismundi abi tulevikus või olevikus Eeriku tegevust ordu

²⁷¹) Seeligeri põhjendused, et vahekord Sigismundi ja Eeriku vahel 1415—1418 halvenes, on enamikus otsitud. 1415. a. vanne Pommeri-Stettiini hertsogite vastu ei puudutanud Eerikut pea sugugi. Eerik oli heas vahekorras peaasjalikult Pommer-Wolgasti hertsogitega, kes ka Brandenburgiga sel ajal hästi läbi said. Pommer-stettiinlased olid vahepeal liiduses isegi orduga, kui Eerik oli orduvastane (Seeliger, lk. 26; vrd. Brandenb., lk. 52).

Pommeri lääni alluvuse kuulutamine Brandenburgile 1417. a. ei olnud Eerikule muidugi sümpaatne, kuid Brandenburgiga ta suhteid ei katkestanud. Ordupolitika seisukohast ei näe me sellel mingit mõju olevat Eerikule. Isiklikkudest haavumistest Lüübeki asjus jne. ei maksa rääkida.

suhtes kiirendada ja radikaalsemaks muuta. Eerikut ei saa aga ordu suhtes iialgi pidada paljaks Sigismundi käsilaseks, nagu seda vahest oli Brandenburg. Eerik teotses ordu vastu omal initsiatiivil ja vaevalt oleks võinud Sigismund negatiivselt mõjustada Eeriku püüdeid. Vaevalt oleks Eerik maha jätnud mõtte Eestimaad vallutada ja ordule abi andnud Poola vastu, vaevalt oleks ta olnud Sigismundi politikas „vastukaaluks Poolale” (missugune Sigismundi poliitiline nõue on meil ja Seeligeril olevate andmete järele veel äärmiselt problemaatiline) Sigismundi lubaduste pärast teda tulevikus aidata Šlesvigis. Eeriku abi võis Sigismund saada ainult ordu vastu, mitte ordu poolt.

Ei ole sundivat põhjust eeldada Sigismundi mõju 1419. aasta liiduse tekkimises Eeriku ja Poola vahel. Liiduse tekkimist saab, peab seletama täiesti ilma Eeriku olemiseta Sigismundi „värske mõju all”. Poolaga olid läbirääkimised küpses staadiumis juba 1418. a. algupoolel, mil Sigismundi mõjust ei võinud juttugi olla ²⁷²). Liidus oleks vara või hilja toimunud ka Sigismundita. Senikui Seeliger kirjeldab faktisid, teab ta küll, et Taanil olid enne läbirääkimised Poolaga (lk. 37 j.). Niipea aga kui ta sellest kaugemal on, kui on tegemist seisukorra üldisema kirjeldamisega, muutub Eeriku politika Seeligeril Brandenburgi asetäiteks, Sigismundile sekundeerimiseks.

Trulle saatmine Sigismundi poolt Eeriku juurde kevadel 1419, millel on nii tsentraalne seisukoht Seeligeri töös, on Eeriku suhtumises orduga ainult väga kõrvalise tähtsusega. Ta langes ajajärku, kus Poola-Taani liidus oli peaaegu valmis.

Seeligeri oletused Trulle saatkonna otstarbe kohta, mille referimine viiks liiga pikale, põhjenevad väga hüpoteetilistel oletustel. Et Eerikule siin abi on pakutud Šlesvigi asjus kompensatsioonina abi eest ordu vastu, järeldab Seeliger sellest, et Eerik soovib 1420. a. Sigismundi vahekohtunikuks enese ja holstide vahel, siis kui Sigismund oli juba ordupoldaja ja Eerik ikka veel (Seeliger ei tunne seda fakti) orduvaenuline!

²⁷²) Daenell, Hansestädte, lk. 408, märk. 100, jätab lahtiseks võimaluse, et Trulle saatkond võiks olnud olla ka 1418. a., kuigi selle ise asetab 1419. aastasse. Lahtise võimaluse aga kaotab Lüüb. UB. 6, nr. 83 dateerimine lk. 122, mille järjeks on Trulle saatkonnast teatav Hageni kiri. Ka siis, kui Trulle saatkond langeks 1418. aastasse, ei saaks me talle samast tähtsust anda kui Seeliger.

Seeligeril on a priori selge, et Sigismund soovib Eerikult ordu vastu sõjalist abi; Caro järele aga on Sigismund alles Kaschaus mais 1419, kui ordu oli keeldunud teda ainsaks vahekohtunikuks tunnistamast, Poolaga orduvastase liiduse sõlminud ²⁷³). Trulle ei olnud määratud üksi Eeriku, vaid ka teiste alamsaksa vürstide juurde; teda jälgisid tähelepanelikult Lüübeklased, kes olid sel ajal Sigismundi riigivande all ja kellel oli asju õiendada viimasega. Kas ei käinud Trulle mitte Eeriku juures, et teostada surveavaldust Lüübeki vastu ²⁷⁴)? Lõpuks, kas oli 8. jaanuaril kiri punktiks, mis veenis Sigismundi, et ta Brandenburgi Friedrichi ei saa kasutada ordu vastu? E. Brandenburg leiab Friedrichi juba ennegi ordusõbralisena ²⁷⁵); kahtlaseks jääb siis ka Seeligeri ajaline argument Trulle saatkonna puutumise üle orduküsimusse.

Sigismundi ordupolitika 1417.—1419. a. keskpaigani nõuab veel läbitöötamist. Enne seda aga ei tohi kümnest hüpoteetilisest ning ülihüpoteetilisest faktist teha kindlat oletust.

Eeriku mitteilmumist Šlesvigi päevale 24. juunil 1418 püüab Seeliger seletada sellega, et seda muu seas põhjustas ta Sigismundi saadikute ilmumine 14. ja 21. juuni vahel Lüübekisse. „Es ist ja denkbar, dass Erichs Stolz sich dagegen auflehnte, dass vor den Gesandten Sigismunds sich das Trauerspiel vollzog“ etc.

Daenell, lk. 295, on aga arvamisel, et Lüübekis tunti juba enne 24. juuni päeva vastuolu kuninga ja Lüübeki vahel. Väga raske on uskuda, et kuuldus saadikute Lüübekisse jõudmisest võis nii kiiresti Eerikule teatavaks saada, ta otsus valmida ja lühida aja jooksul Lüübekisse pärale jõuda. Nii langeb siis ära ka see Seeligeri kasuistliku maiguga väide.

²⁷³) Caro, III, lk. 496 j.

²⁷⁴) Lüb. UB. 6, nr. 85, v. nr. 62, 63, 65; Seeliger lk. 43, nr. 1.

²⁷⁵) Brandenburg, lk. 78.

4. e k s k u r s s.

Saare piiskopi tüli oma vasallidega 1420—1421 ja selle suhtumine Eeriku üritustesse.

Peatöös näeme, kui suure tähtsusega oli Pommeri Eeriku suhete arenemisele ta läbikäimisse astumine Harju-Viru vasalkonnaga ja Liivi prelaatidega. Et Eeriku vahekorrast Saare piiskopiga saab õige pildi ainult tundes viimase tüli ta enda vasalli Fahrensbach'iga ja viimases küsimuses meil on lahkuminev seisukoht senini trükis avaldatuist, sai tarviliseks järgnev võrdlemisi pikk ekskurs.

Rüütel Wilhelm Fahrensbach, eelmise Saare-Lääne piiskopi Winrich v. Kniprode õepoeg, oli selle valitsuse ajal Liivimaale tulnud vaese mehena. Oma onu poolt määratud 3 lossiala stiftifoogiks, valitses ta neid 23 aastat, ilma et oleks teinud aruannet, ja oli sel teel kogunud enesele määratu vara maaomandi näol. Onuga kokku mängides oli ta omandanud rea piiskoplikke lauamõisaid, millise seadusevastase teo varjamiseks ta oli stifti maaraamatust välja löiganud 2 lehte, ühe lehe aga ära radeerinud ja hävitanud ²⁷⁶).

1420. a. keskel Saaremaale jõudes hakkas uus piiskopp Kaspar Schuwenpflug Fahrensbachilt õiguselt omandatud kirikuvarasid tagasi nõudma. Fahrensbach keeldus seda tegemast esmalt isiklikult, pärast mõne temale sõbraliku rüütli kaudu. Piiskopp Kaspar kutsus seepeale oma vasallid kokku, et Fahrensbachi üle kohut mõista; need aga jõudsid Kaspari enese teate järele otsusele, et asi ei kuulu nende kompetentsi, vaid vaimulikku kohusse ²⁷⁷). Seepeale otsustas piiskopp, läbi rääkides oma kapiitli ja vasallidega, asja kanda kuuria ette. Kaspar ise sõitis 1420. a.

²⁷⁶) UB. 5, nr. 2573.

²⁷⁷) Vt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 224.

lõpul Rooma, kust ta enam oma eluajal Liivimaale tagasi ei pöördunud.

Teel Rooma oli Kasparil kohtamine ordumeistriga, millest osa võttis ka Fahrensbach, kes ordumeistri juuresolekul andis piiskopile lubaduse vaidluse all olevad külad ning 500 Riia marka välja anda ja aruande koostada oma loskondade valitsemisest ²⁷⁸). Meil ei ole teada, miks Kaspar Schuwenpflug siiski ei loobunud oma kavatsusest, asja anda Roomas vaimuliku kohtu kätte; võimalik on aga, et Kaspar ei kinkinud täit usaldust Fahrensbachi lubadustele. Vähe tõenäoline on asjaolu, et Kaspari nõuded Fahrensbachi juures oleksid suuremad olnud lubadustest, mis andis talle viimane ²⁷⁹). Kutsele, Rooma kohtu ette tulla, Fahrensbach ei alistunud, mille eest sattus kirikuvande alla; tema vastu saavutas Kaspar aga tagaselja-otsused.

7. märtsil oli paavst Martin V andnud breve, milles käsib ordut kaitsta Saare kirikut. Muidugi oli selle kirja inspireerinud piiskopp Kaspar ²⁸⁰). 1421. a. sügisel sõlmis ordu Saare-Lääne piiskopkonna vikaaride, praosti, kapiitli ja vasallidega lepingu, mille tekst aga ei ole alal hoidunud ²⁸¹). Viimase asjaolu tõttu on

²⁷⁸) Vt. UB. 5, nr. 2678; „das her... Varensbech im gehalten hette, das her im geloubte in unser kegenwertikeit” — sellest järgneb lubaduse sisu. Arbusow-Stav., nr. 290, kõneleb nähtavasti samast lubadusest: „herr Willem... von syner wegen die dorffer... etc. weder geantwort hat, so als daz vor uns geredit wort und em her Willem vorhiess in seinem üsszoge”. Kõige kohta vt. samuti Arbusow-Stav., lk. 224.

²⁷⁹) Raske on teada saada Kaspari enese nõudeid Fahrensbachi vastu. Alguslikke nõudmisi kirjeldab Kaspar oma kirjas 30. dets. 1422; vt. UB. 5, nr. 2573, veerg 776; pealiskaudselt loendab ta Kariselja küla ja 500 marga tagasiandmist: „und was her des von anbeginne gebruchet hette und genossen”. Kuuria juures saavutatud tagajärgedest Fahrensbachi vastu ei tea me midagi otsustada; neist räägitakse UB. 5, v. 777 j. ja 780 j.: „und gebe uns widdir in unsir kirchen gutter, und was her der genossen hat, als uns und unsir kirchen die im rechte sein zugesprochen”. Et aga ordumeister püüab Kasparile selgeks teha, et Fahrensbach on täitnud oma eelnimetatud lubadused, et nähtavasti sellega Kasparit ära hoida kuuria juurest protsessimast, peab arvama, et need olidki nõuded, mida viimane seal Fahrensbachi vastu tahtis läbi viia. Vt. UB. 5, nr. 2678.

²⁸⁰) Vt. SB. Riga 1911, lk. 400, nr. 12.

²⁸¹) Schirren, Verzeichnis, lk. 160, nr. 45: „Eine voreninge vnd vrede tusschen dem Ordenn vnd dem stichte tho Ozell gemaketh tho viij Jaren, lanck bie Bisschop Caspars tiden mith ssinen vicarien proueste Capittell vnd gudemans A. 1421”, ja arvatavasti sellega identne lk. 138, nr. 359.

selle lepingu sisu kohta mitmesuguseid arvamusi avaldatud, mis kõik ühtivad peajoontes selles, et siin tuleb näha ordu väljaastumist Kaspari vastu Fahrensbachi kaitseks.

Gernet on seisukohal, et Lander v. Spanheim otsekohe asus vasalkonna poole, osates ka kõrgmeistrit oma huvide jaoks võita. 1421. a. leping olevat kahtlemata piiskopp Kaspari vastu sihitud, ja kõik edaspidised sobituskatsed ordu poolt seisavad ühenduses selle aktiga. 1421. a. lepinguga tulevat hiilgaval viisil ilmsiks huvide solidaarsus ordu ja lääniaadli vahel ²⁸²).

Arbusow on pea samal seisukohal, on aga ettevaatlikum. Ka temal võtab ordumeister otsekohe seisukoha vasallide poolt ²⁸³). 1421. a. olevat ordul ainukeseks võiduks oma mõju kõvendamine Saare stiftis. Paavsti brevet 7. märtsist oli ordu nähtavasti ära kasutanud kaitselepingu sõlmimiseks. Lepingu „eigentlicher Sinn” oli ilmselt see, et ordumeister juba selleks, et Taani mõju eemal hoida, Saare stiftivasallide õiguste kaitse oma vaimuliku maaisanda vastu oma peale võttis. Ühenduses stifti vikaaridega katsus ta tüli lahendada ²⁸⁴).

Ilma et me end laseksime esialgu mõjustada analogiast ordu ülalpidamisega Fahrensbachi ja peale Kasparit oleva Saare piiskopi Kristjan Kubandi tülis, kus ordu täielikult asus Fahrensbachi pool ²⁸⁵), katsume teha meie liiduse enese kontseptist mõningaid järeldusi ta sihitavuse suhtes.

Kahtlust selles, et üheks liiduse pooleks oli ordu, kuigi seda ei ole nimetatud, ei tohiks olla juba sel põhjusel, et ürik, millest tehud kontsept, asus ordu arhiivis, hoolimata veel sellest, et Schirren'i nimestikus, lk. 138, nr. 359, asuv kontsept, mida, nagu nägime, tuleb identifitseerida käesolevaga, nimetab teise poolena ordut ²⁸⁶). Teise lepingut sõlmiva poolena nimetab Schirreni nimistu „tusschen dem Ordenn vnd dem stichte tho Ozell gemaketh. . . mith ssinen vicarien proueste Capittell vnd gudemans”. Meil pole mingit põhjust iseenesest kahelda, et selle nimetuse all mõeldakse isikuid, kes Kaspari ja Fahrensbachi tülis olid esimese poolehoidjad.

²⁸²) Gernet II, lk. 104 j.

²⁸³) Arbusow-Stavenhagen, lk. 224, märk. 4.

²⁸⁴) Arbusow-Stavenhagen, lk. 248, märk. 5.

²⁸⁵) Gernet, lk. 107; UB. 7, sissejuhatus, lk. XVI jj.

²⁸⁶) Schirren, lk. 138, nr. 359.

Kaspar Schuwenpflug oli ise Roomas ja laskis piiskopkonda koha peal valitseda vikaaride kaudu. Need pidid juba iseenesest olema Kaspari usaldusmehed; see on ka üriklilikult tõestatud sellega, et nad Fahrensbachile, kui see Pommeri Eerikult läks tuge otsima, oma saatkonna otsekõhe järele saatsid ²⁸⁷). Samuti ei ole ka Saare piiskopkonna praostilt ja kapiitlilt oodata halba oma piiskopi vastu, sest kapiitel oli juba enne, kui Kaspar asja üles võttis, nõudnud Fahrensbachilt kirikuvara tagasiandmist ²⁸⁸). Jäävad järele „gudemannid” — vasallid, kes olid ainukesed, kes võisid kuuluda Kaspari vastaste Fahrensbachi ja H. Scherenbeke ²⁸⁹) kilda; kirjutab ju 1421. aasta alul ordumeister kõrgmeistrile, et Kaspar „seiner manschaft zumole herte lith in den sachen” ²⁹⁰). Teiselt poolt kõnelevad faktid sellele ordumeistri üldistusele vastu. Saatkonnas, mis vikaaride ülesandel läks Rootsi Fahrensbachi üritusi Pommeri Eeriku juures ümber lükkama, oli ka 2 vasalli ²⁹¹). Kui ordumeister teatab, et kogu maade vasallid on ärevuses Kaspari sammude pärast ja mõistavad seda hukka, ei usu viimane, et nende hulka kuulusid ka tema vasallid ²⁹²), samuti olid Saare stifti vasallid, kui piiskopp nad 1420. a. kokku kutsus Fahrensbachi üle kohtumõistmiseks, Kaspari jutu järele ise pidanud asja vaimuliku kohtu alla käivaks ²⁹³). Kui üks stifti vasall oli tülis maaisandaga, siis oleks olnud loomulik, et teised solidaarsuse pärast oma kaaslasega ühes käiksid. Fahrensbach oli aga stiftis teataval määral tõusik, oli ennast laiutanud tõenäoliselt ka teiste vasallide kulul ²⁹⁴), ja sellepärast ei ole sugugi võimatu, et vähemalt osa stifti vasalkonnast pooldas käsiteldavas

²⁸⁷) UB. 5, nr. 2573, v. 783, ütleb küll üldiselt, et Kaspar on läkitanud saadikud; nr. 2709, v. 999, aga pikemalt seletades ütleb ta, et seda on teinud vikaarid.

²⁸⁸) UB. 5, nr. 2573, v. 776.

²⁸⁹) Scherenbeke't süüdistas Kaspar, kuigi vähemas ulatuses, samas asjas kui Fahrensbachigi, v. UB. 5, nr. 2573 ja 2709.

²⁹⁰) UB. 5, nr. 2522.

²⁹¹) UB. 5, nr. 2709, v. 999.

²⁹²) UB. 5, nr. 2709, v. 997.

²⁹³) UB. 5, nr. 2573, v. 777. Arbusow-Stavenhagen, lk. 224, aktsepteerib ka selle fakti.

²⁹⁴) UB. 5, nr. 2573, v. 774: Ouch so haben uns wol gesaget etzliche von den unsern, dat her sie von iren gutern gebrocht hat, das sie selber nicht wissen, wie addir worumb.

tüülis oma piiskoppi ²⁹⁵). Igal juhul ei saa aga gudemannide osavõtt käsitledavast lepingust tõestada selle sihitavust Kaspari vastu. Kui meil aga korda läheb lepingu asjus muul viisil usutavaks teha vastupidist, siis saab just selle läbi tõenäolisemaks oletus, et kaugeltki mitte kõik Saare stifti vasallid ei pooldanud Fahrensbachi.

Kui ordu oleks tingimusteta pooldanud Fahrensbachi, nagu seda arvab Gernet, ja 1421. aasta sügisel lepingu Saare stiftiga sõlminud tema huvide kaitseks, nagu eeldab Arbusow, siis ei saa me kuidagi aru, miks Fahrensbach, nagu pärast näeme, varsti peale lepingu sõlmimist pöördus abi otsimisega Taani kuninga poole. Pidi ju selge olema, et Eerik ja ordu korruga ei võinud ühte poolt aidata; Eeriku vahelesegamine Fahrensbachi poolt oleks kindlasti teinud ordu temale vaenuliseks. Kui Fahrensbachile oleks kindlustatud ordu abi, miks tahtis ta seda vahetada ebakindlame kaugema Põhja uniooni kuninga oma vastu? Arusaadav aga oleks Fahrensbachi samm sel juhul, kui leping Saare stifti ja ordu vahel tema huvisid negatiivselt puudutas, et ta siis tõttas abi otsima Rootsist. Oli ju ta just enne seda sunnitud vikaaridele välja andma vaidluse all olevad külad ja 500 riia marka ²⁹⁶).

Lõpuks veel üks tõendus. 18. jaanuaril 1423, kui Kaspar oli kõrgmeistrile kätte saatnud paavsti bulla ärakirja, mis võidukalt lõpetas viimase protsessi Fahrensbachi vastu kuuria juures, instrueerib kõrgmeister Liivi ordumeistrit järgmiselt: Kui Fahrensbach tuleb appi hüüdma, siis tuleb seletada, et kõrgmeister tunneb temale kaasa; aga tal ei olevat veel vastust Kasparilt, mille varsti loodab saada. Rooma otsuse asjus tuleb Fahrensbachile seletada, et ordulased ei tunne vaimulikku õigust, ja tuleb soovitada pöörduda Tartu ja Riia piiskoppide poole (see ei ole Fahrensbachi tingimusteta pooldamine, vaid asja enda pealt äraveeretamine). Kui aga Saare stifti prokuraatorid ²⁹⁷) manitsevad bulladega ja ordumeistrit appi kutsuvad, ja kui seda heaga ära hoida ei saa, kuni tuleb vastus Kasparilt (see on nähtavasti samuti ettekääne, nagu Fahrensbachilegi; kõrgmeister ütleb ise, et ta Kasparilt kirja saanud),

²⁹⁵) Ka eelnenud ajast on tuttav Saare vasallide opositsioon kirikuarade raiskamise vastu ja üheskäimine piiskopiga; vt. Girgensohn, lk. 11.

²⁹⁶) Arbusow-Stavenhagen, nr. 290.

²⁹⁷) Nähtavasti on selle all mõeldud vikaare.

siis tuleb tarvitada oma „Schriftgelarten”²⁹⁸). Asjaolu, et Saare prokuraatoritelt oodatakse appikutset Fahrensbaichi vastu, tuleb nähtavasti sellest, et 1421. a. leping stiftiga ei olnud Fahrensbaichile positiivne.

Enne kui me vaatleme, miks ordu sõlmis 1421. a. lepingu Saare stiftiga tõenäoliselt Fahrensbaichi vastu, katsume lähemalt ära määrata selle sõlmimise aega. Arbusow oletab selle tekkimist 22. juuni ja 9. augusti vahel. Esimesel kuupäeval teatab Liivi ordumeister kõrgmeistrile paavsti bulla²⁹⁹) kättesaamisest, milles viimane nõuab ordumeistrilt kaitset Saare stiftile³⁰⁰). 9. augustil kirjutab Liivi ordumeister kõrgmeistrile, et ta olevat viimase näpunäitel kirjutanud Saare vikaaridele, nagu ta ennemalt pakkumise teinud, et kui stiftil midagi juhtub, milles nad ordumeistri abi vajavad, siis tahtvat viimane neile heal meelel nõuks ja abiks olla³⁰¹). Viimasest tsitaadist aga selgub pigemini, et leping ordu ja stifti vahel ei ole 9. augustiks veel tehtud, sest see on alles ordumeistri pakkumine. Käesolev kiri ei ole nähtavasti mitte teade kõrgmeistrile tehtud lepingust, vaid arvatavasti teade sellest, et on astunud samme vastavalt 22. juunil 1421. palutud kõrgmeistri nõuandele, mis arvatavasti vahepeal kohale jõudis³⁰²).

11. septembril aga talitavad ordumeister ja vikaarid käsi-käes³⁰³), nii et selleks ajaks, nagu peame arvama, leping juba oli sõlmitud. Nii siis sündis lepingu tegemine 9. augusti ja 11. septembri vahel 1421.

Katsume nüüd meile saadaval olevate andmete põhjal ära määrata ordu seisukohta Kaspar Schuwenpflugi ja Fahrensbaichi vahelises tülis. Ordule pidi see tüli olema ebasoovitavaks nähtu-

²⁹⁸) UB. 5, nr. 2672.

²⁹⁹) SB. Riga 1911, lk. 400, nr. 12.

³⁰⁰) Arbusow-Stavenhagen, nr. 286.

³⁰¹) UB. 5, nr. 2560: und mit namen so haben wir den vicariis des stichtes zu Ozele, nach ewir gnaden anewisunge, gescreben, als wir uns auch vor irboten haben; also were es sache das der kirchin und stichte zu Ozele icht anliggende wurde, dar sie unser bescherunge inne wurden sein bedurffen, dar wolden wir uns in gutwillig rades und hulfe inne beweisen.

³⁰²) UB. 5, nr. 2560. Arbusow-Stavenhagen, nr. 286. Kirjutatud on Saare vikaaridele vastuseks kõrgmeistri 30. juulist dateeritud kirja nõuandel (kolmap. enne Petri ad vincula); ei saa arvata, et nii lühikese ajaga oleks võinud sõlmida liidust. — Arbusowi liiduse dateerimise kohta vt. Arb.-Stavenhagen, lk. 248, m. 5.

³⁰³) Arbusow-Stavenhagen, nr. 290.

seks. Fahrensbachiga oli ordu enne selle tülliminekut olnud nähtavasti kaunis heas vahekorras³⁰⁴), samuti oli senini ordu inkorporatsioonipoliitika nendemaahärrade vastu sihitud³⁰⁵). Ometi peame meeles pidama, et Kaspar Schuwenpflug oli Saare piiskopkonnas olnud ordu kandidaat³⁰⁶), selle järele kui ei õnnestunud teda upitada Riia peapiiskopi toolile³⁰⁷). Ordu oli hoolitsenud selle eest, et Kaspar paavsti poolt kinnitatuna piiskopkonna rahulikult kätte saaks, hoolimata kapiitli elektist Joh. Schutte'st³⁰⁸). Stiftivasalle toetades oleks ordu, tehes Schuwenpflugi oma vaenlaseks, kaotanud selle võidu, mis ta saavutas omameelset meest Saaremaal läbi viies. Eriti sel raskel ajal, kus vaherahudega varjatud sõjaseisukord Poolaga ordut sundis kõiki oma jõude pingutama, oleks mõtetu olnud muuta enesele vaenuliseks seni sõbralikku prelaati, meest, kellelt oleks võib-olla isegi tegelikku abi sõja korral võinud saada, sundima ühendusse astuma oma vaenlastega. Teiselt poolt aga ei võinud ordumeister vahekorda ka Fahrensbachiga mitte lahkheliliseks muuta. Viimase selja taga seisis mõjukas Harju-Viru vasallide korporatsioon, kelle liikmeks olid niihästi Fahrensbach kui ka Scherenbeke³⁰⁹). Ainukeseks mõistlikuks teeks ordule pidi olema vastaste lepitamine, katse luua kompromissi, et eemaldada seda ordu seisukohast ebameeldivat konflikti.

Sellelt seisukohalt on meile arusaadavad Liivi ordumeistri hädaldamised kõrgmeistrile Saare konflikti pärast. 22. juunil 1421 kirjutab ordumeister kõrgmeistrile paavsti appinõude puhul Saare stiftile: „Sullen wir dem uns denne in alle sache stössin wedir und vort, was eyn yelichir anhebt, und uns denne selbest ein krig obir den hals vellet uns und unssen ordin antreffin...“³¹⁰) ja 6. septembril 1422: „Wir wissen nicht, von was anschundinge sulche sachen in dessen notten uns zukommen“, et Saare piiskopp on tülis oma alamate Fahrensbachi ja Scherenbeke'ga, kes on ka kõrgmeistri alamad³¹¹). Samuti on kinnituseks meie seisukohale or-

³⁰⁴) Arbusow-Stavenhagen, lk. 230.

³⁰⁵) Arbusow-Stavenhagen, lk. 224, m. 4, lk. 225.

³⁰⁶) UB. 5, nr. 2451. Arbusow-Stavenhagen, lk. 247.

³⁰⁷) UB. 5, nr. 2263, 2313 ja mujal.

³⁰⁸) UB. 5, nr. 2467. Stifti ülevõtjatele Kaspari prokuraatoritele anti ühes Dünamünde komtuur, mis pidi juhulistele vastuoludele vastu seadma ordu autoriteedi.

³⁰⁹) Vt. järgnev ekskurss.

³¹⁰) Arbusow-Stavenhagen, nr. 286.

³¹¹) UB. 5, nr. 2634, v. 874.

dumeistri katsed enne Kaspari ärasõitu kompromissi luua Fahrensbachi ja Kaspari vahel, mida võib järeldada Fahrensbachi lubadustest Kasparile ordumeistri ees, mida vaatlesime eespool. Oma südame põhjas võis ju ordumeister Fahrensbachile rohkem sümpatiseerida; võib-olla sai sellest ka Kaspar aru, kui ta asja viis, vaatamata Fahrensbachi lubadustele, siiski vaimuliku kohtu ette, nagu eespool nimetatud, arvatavasti mitte usaldades lubaduse teostamist. Nähtavasti tõsiselt püüdis ordu ära hoida ka asja minekut vaimuliku kohtu alla, arvatavasti kartes hädaohtlikku precedentsjuhu tekkimist, et piiskopid ajavad ilmlikke asju vaimuliku õiguse abil, ja ka seda, et see seisukorra üleliia teravaks ajab.

Ordu nõuded, et Kaspar asja kuuria juurest ära tooks³¹²⁾, ja liiga pikale veniv mittereageerimine appikutsele paavsti kaudu 7. märtsist, pidid viima Kaspari veendumusele, et tal ei olnud ordu toetust täiel määral loota, ja arvamisele, et ordu pooldab Fahrensbachi. Kaspar nägi end sunnitud olevat abi otsima teisalt, ja hea juhuse pakkusid siin Riia peapiiskopi läbirääkimised Eerikuga. Ta saavutas, nagu teisedki piiskopid, 24. septembriks Eerikult kaitsekirja³¹³⁾, milleks andis Eerikule ettekäände paavsti sellekohane sooviavaldu, mis küll dateerimata, kuid arvatavasti kuulub juuli- või augustikuusse 1421³¹⁴⁾. Saare piiskopi ühendusse astumisest Eerikuga sai ordu arvatavasti haisu ninna, kas otsekoheste teadete näol või jälle järeldades seda Riia peapiiskopi läbirääkimistest Eerikuga, milles kahtlustäratavana mõjus 4 Tartu stifti nõukogu liikme ühessõit Habundiga³¹⁵⁾.

³¹²⁾ Seda võib järeldada Liivi ordumeistri palvest, et kõrgmeister esineks sellise näpunäitega Kaspari juures; vt. UB. 5, nr. 2522.

³¹³⁾ UB. 5, nr. 2503. Daatumi suhtes vt. Mollerup, lk. 14 ja Arbusow-Stavenhagen.

³¹⁴⁾ Acta Pont. Dan. II, nr. 1359. Käesoleval ürikul puudub daatum. Väljaandja on selle dateerinud Kaspari valitsusajaga, mis ilmselt liiga lai. Kahtlemata on paavsti sellekohane kiri samane, millest räägitakse kaitsekirjas Saare piiskopile, nii et ta peab olema välja antud enne 24. sept. 1421. Paavsti käsitletav kiri ei ole üheskoos välja antud sama asja käsitleva kirjaga ordule 5. märtsist 1421 (SB. Riga, lk. 400, nr. 12), sest et tekst ja dateerimiskoht lahku lähevad. „Romae, apud St. Mariam maiorem” on sel aastal dateeritud paavsti kirju septembri ja oktoobri alguses (Cod. Ep. Vit., nr. 973, Mon. Pol. XII, nr. 98, Acta Pont. D. II, nr. 1371), s. o. peale paavsti suvist äraolekut Roomast. Veel 14. juulil oli paavsti kantselei Tiburis (Acta Pont. D. II, nr. 1370). Arvatavasti kuulub siis ka nimetatud kiri siia aega.

³¹⁵⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 286.

Tõenäoliselt sundis Saare piiskopi ähvardav ühendus maa vaenlasega ordu loobuma ta sinnamaalsest politikast, mis püüdis lõplikku vahekorra katkemist kummagi vastasega ära hoides nende vahel laveerida. Ordumeister tegi Saare vikaaridega lepingu, et muuta ülearuseks Kaspari läbirääkimisi Eerikuga. Milles leping seisis, ei ole meil teada. Kirjast, mis Liivi ordumeister augusti alguses saatis vikaaridele, võib üldiselt järeldada, et leping pidi stiftile pakkuma ordu abi, kui seda tarvis³¹⁶⁾. Arvatavasti lepingu tagajärjel hakkas ordu Fahrensbachile peale käima, et see teeks järeleandmisi, mille tagajärjeks siis ka oligi, et Fahrensbach vikaaridele üle andis vaidluse all olevad külad ja 500 riia marka ja esines arvatavasti muudegi lubadustega³¹⁷⁾. Ordumeister, nagu selgub, lubas nähtavasti ka edaspidi Fahrensbachi peale survet avaldada³¹⁸⁾, et asi lahenduks.

Kas vikaarid ja kapiitel ning Saare stifti vasalkond esinesid ka vastaslubadustega ordu juures, ei ole muidugi ürikliselt kindlaks tehtav. Vikaarid olid 11. septembriks 1421, pärast seda kui Fahrensbach neile oli üle andnud temalt nõutud külad ja 500 marka, ordumeistri sõnade järele pöördunud Kaspari poole palvega, et see nüüd loobuks asja hoidmisest vaimuliku kohtu käes, ja samuti palunud ordumeistrit, et see ka omalt poolt esineks Kaspari ees seesuguse palvega³¹⁹⁾. Sellest võib järeldada, et nähtavasti kohustusid vikaarid ordu abi korral Fahrensbachi vastu ka omalt poolt kaasa mõjuma selleks, et Kaspar oma tsitatsioonid kuuria juurde ära jäta, mis, arvestades asjaolu, et Kaspari nõuded Fahrensbachi vastu ordumeistri juures 1420. a. lõpul antud Fahrensbachi lubadustest vaevalt suuremad võisid olla, sugugi Kaspari seisukohale risti vastu ei käinud.

Nagu nägime, hakkas ordu tõenäoliselt 1421. aasta lepingu tagajärjel Fahrensbachile tugevamini peale käima. Fahrensbach veendus selles, et ordu ei taha temale täit kaitset pakkuda, vaid

³¹⁶⁾ UB. 5, nr. 2560.

³¹⁷⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 290.

³¹⁸⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 290. Liivi ordumeister palub kõrgmeistrit Kasparile kirjutada, et kuna Fahrensbach osa oma lubadustest on täitnud, siis esimene loobuks tsitatsioonidest kuuria juures ja tuleks tagasi Liivimaale. Edasi: „wir hoffin, ap God will, wor daz geschiet, wir wellen in die sache bas gryffen und hern Willem also undirweisen”, et asi sõbralikult lõpetataks.

³¹⁹⁾ Arbusow-Stavenhagen, nr. 290.

tema kulul pooli tahab lepitada, ja pöördus abi otsimisega Taani kuninga poole. See sündis tõenäoliselt varsti peale lepingu sõlmimist. Piiskopp Kaspari sõnadest selgub, et ta vikaarid saatsid Fahrensbachile järele oma saadikud, kes selle süüdistusi pidid tagasi tõrjuma, ja et ta paavsti palvel Eerikult on saavutanud kaitsekirja pärast Fahrensbachi käiku ³²⁰). Kuigi Kaspar siis arvatakse enese õigustamiseks tõsiasi on vähe võltsinud, on ometigi kahtluseta, et Fahrensbachi käiku tuleb paigutada umbes Eerikult kaitsekirja saamise aega. 11. septembril aga on Fahrensbach ordumeistri sõnade järele välismaal ³²¹), nii et tõenäoliselt tuleb seda välismaal-käiku identifitseerida Eeriku juures käimisega, nagu seda teeb ka Arbusow ³²²).

Kuigi Kasparile oleks olnud vastuvõetav leping ta enda vikaride ja ordu vahel, siiski olid juba käimas, nagu eespool nägime, läbirääkimised tema ja Eeriku vahel, ja lühida aja tõttu ei saanudki kaugel Itaalias viibiv piiskopp nende lõpulejõudmist enam takistada. Eeriku abi aga pidi muidugi ka Kasparile soovitamav olema ordu abist. Eerikult, kuigi kaugemalt jõult, oli oodata tingimusteta kaitset Fahrensbachi vastu, ordu huvides oli aga kõige pealt ainult konflikti lahendamine rahulikul teel. Pöördudes ordu poole oleks Kaspar sunnitud olnud lõpetama oma läbikäimise Eerikuga, Fahrensbachi käik kuninga juurde tegi aga võimalikuks, et ta tulevikus sellest võib-olla tuge leiab. Schuwenpflug jäi oma liiduse juurde Eerikuga.

³²⁰) UB. 5, nr. 2709, v. 999.

³²¹) Arbusow-Stavenhagen, nr. 290.

³²²) Arbusow-Stavenhagen, lk. 248, märk. 5.

5. e k s k u r s s.

Liivi stiftide vasallide suhtumisest Eeriku üritustesse 1421. aasta septembrist peale.

Eeriku löömine Schuwenpflug-Fahrensbachi tülis ühes liiduse sõlmimisega tema ja kolme Liivi stifti vahel peletas Taani kuningalt Harju-Viru vasallide poolehoidu. Niihästi Gernet kui ka Arbusow on arvamisel, et terve Liivimaa vasalkonnad võtsid selles tülis seisukoha Fahrensbachi poolt ³²³). Sellega oleks öeldud, et ka stiftide vasalkonnad läksid üle ordu poole ja loobusid Eerikut pooldamast. Eeriku kaotus 1421. a. septembris, liiduse sõlmimisel prelaatidega, oleks siis olnud absoluutne ja oleks antud rõõmustavalt kaaluv põhjendus Eeriku Eestimaa taasvallutamise katkestamise seletamisel. Kahjuks ei saa ühineda Gerneti, Arbusowi ja Hildebrandi arvamiselega.

Otsustava tähendusega asjaoluks Fahrensbachi pooldajate kindlaksmääramisel osutub see, kuidas aru saada alljärgnevaist üriklilikult antud lauseist. 4. jaanuaril 1421 teatab Liivi ordumeister kõrgmeistrile: Saare piiskopp mõtlevat vaimuliku õiguse ja põlusega vastu astuda oma vasallidele: „des ee nicht gewesen en ist in dessen landen, dar sich de ritterschaft der lande z u m o l e s e r e in settet und ungerne da ran wolden”... ³²⁴) etc.

Edasi refereerib Kaspar aasta keskel 1423 ordumeistri teadet, et „die manschaft der ganzen lande gemeinlich

³²³) Gernet, lk. 102 jj. Arbusow-Stavenhagen, lk. 270 j.; vrd. ka lk. 248. Hildebrand, UB. 7, sissejuhatus, lk. XXII. Polemiseerime järgnevas peajasjalikult Arbusowi kui tõsise uurija vastu. Ühes Arbusowi tagasihoidlikumate seisukohtadega langevad automaatselt ära Gerneti pateetiliselt teravaks aetud väidete kõrval ka Transehe seisukohad; vt. lk. 18, 90, 274.

³²⁴) UB. 5, nr. 2522.

besammelt eintrechtlich im (ordumeistrile) vorgegeben haben"... asjaolusid, millest selgub ettekandjate Fahrensbaichi pooldus ³²⁵).

„Ritterschaft der lande zu mole" ja „manschaft der ganzen lande" all mõistavad Arbusow, Gernet jne. kogu Liivimaa vasalkondi, ja on arvamisel, et neile ordumeistri sõnadele tuleb kinkida usaldust.

Kaheldavaks teeb asjaolu see, et Kaspar ise Fahrensbaichi pooldajate äramääramisel tõmbab piirid palju kitsamalt. Ta ütleb vaieldes vastu ordumeistrile: „Item wir hoffen, das bei den rittern und knechten, die sulche sachen unserm herren, dem gebietiger obgeschreiben (Liivi ordumeister) vorbracht haben, nicht gewest sin, noch dor ane beisteen die ganze manschaft aller unserer herren der praelaten des landes, noch die unsern die jo nicht das wenigeste teil der manschaft sin in den landen", kuna ju siis vale oleks nende väide, et nad Taani kuningalt olevat saanud oma eesõigused ³²⁶). Kas Kaspar ainult sellepärast kahtleb stifti vasallide poolehoius Fahrensbaichile, et need esinevad ordumeistri teate järele põhjendusega, mis võiks iseloomuline olla ainult Harju-Viru vasallidele, või on tal konkreetsemad andmed, ei saa sellest järeldada; Kaspari kahtlustus võib aga hästi olla ka meie kahtluseks. Et Kaspar edasi kahtleb, kas terve Harju-Viru vasalkond pooldab Fahrensbaichi või ainult ta sugulased naise kaudu Dietrich Vietinghoffiga eesotsas ³²⁷), nõrgendab muidugi Kaspari väidete usutavust; ometigi teeb järjekord, milles avaldatakse kahtlust, eelmise väite usutatavamaks viimasest, eriti aga ütlus, mis järgneb eelmisele lausele, et ta olevat kuulnud, et mõned Eestimaal asuvad seda täiesti on ütelnud.

Ühte võib aga pea täiesti kindlaks pidada: vaevalt andsid stiftivasallid ordumeistrile Kaspari teguviisi üle „ametliku" protestatsiooni. Ajaliselt paigutab Arbusow Harju-Viru vasallide protesteerimise ilmselt õigesse aega — 24. juunile 1422, aga et nimetatud koosolekul viibisid ka stifti vasalkonna esindajad, on ebausutav.

24. juuni koosolekut peab eeldama UB. 5, nr. 2610 ja 2611 väljaandmisest. Neil ürikutel esinevad tunnistajatena ainult Harju-Viru vasallid, nende seas Fahrensbaich ja Vietinghoff. Ai-

³²⁵) UB. 5, nr. 2709.

³²⁶) UB. 5, nr. 2709.

³²⁷) UB. 5, nr. 2709.

nult ordumeistri ütlusest „die manschaft der ganzen lande gemeinlich besammelt“ järeldab siis Arbusow, et koosolekust on osa võtnud ka stiftivasallide esindajad.

Me näeme küll, et stiftivasallid ühes Harju-Viru omadega osa võtavad sel ajal hoogu läinud maapäevadest. Kuid maapäeva eeltingimuseks oli ka nende piiskoppide sealolek (isiklik või representeeriv, kui osavõte oli takistatud; äraolija aset täitis, niipalju kui Arbusow-Stavenhageni retsessidest näha, harilikult mõni teine piiskopp või ta vasallid). 24. juuni päev ei ole maapäev; sellest ei võtnud meie teada osa ükski piiskopp, peale Tallinna piiskopi, seegi arvatavasti väljaspool päeva kui niisugust, lahendades selle päeva ajal tüli Mikaeli nunnakloostri ja Tallinna linna vahel. Tartu ja Riia prelaatide äraolek on ka Arbusowil teada ³²⁸).

Päev, kus harilikul Harju-Viru vasallide päevamise tähtajal ordu käsutajate ja ordu vasallide kõrval osa võtsid piiskopkonna vasallide esindajad, oleks unicum omal alal. Kogu Arbusow-Stavenhageni retsesside esimesest köitest ilmunud kolmes vihus on see monstrum ainuke omasugune. Arbusowil on ilmselt raskusi olnud sellele nimetuse leidmisega; pealkirjaks on pandud käesolevale jälle unicum'ina esinev „Ständetag“. Võib peaaegu kindlasti eitada sellest stifti saadikute osavõttu, — oma ordupoolsust võisid viimased palju kindlamini salaja tegelikult üles näidata kui avalikult orduseisuste-päeval oma seisukohti deklareerida — riisikol, oma maahärradega tülli minna. Asi näib küll kõige paremini lahendatav olevat, kui peame protestatsiooni ainult Harju-Viru vasallide tehtuks. Peale 27. septembrit 1422 (sõja lõpp) palusid sõjast osavõtnud orduvasallid kõrgmeistrit, et see mõjuks Fahrensbachi kasuks Kaspari juures. Sellele reageeris Kaspar kirjaga 30. detsembrist 1422 ³²⁹). Novembris 1422 kohtas Liivi ordumeister kõrgmeistrit ³³⁰), ja et teist kohtamist selle lühikese aja kohta ei saa konstateerida, siis arvatavasti seal esitas Liivi ordumeister asja uuesti kõrgmeistrile „von bete wegen ritter und knechte der lande“, millele reageerib Kaspari kiri 1. maist 1423, kuna eelmine (kaduma läinud) vastus olnud lühike ³³¹). Aja jooksul 27. sept. 1422 kuni novembrini ei ole ükski vasallide kokku-

³²⁸) Arbusow-Stavenhagen, lk. 272. Seal ka üriklikud andmed.

³²⁹) UB. 5, nr. 2573. Selle dateerimise üle vt. Brieflade III, lk. 242.

³³⁰) Arbusow-Stavenhagen, lk. 271, märk. 1.

³³¹) UB. 5, nr. 2709 algus. Liivi ordumeister on asja „vorbracht“, mis juhib tähelepanu suusõnalisele edasiandmisele.

saamine konstateeritav. Arvatavasti käsitleb Liivi ordumeistri ettekanne kõrgmeistrile sama protestatsiooni, mille andsid sõjast osavõtnud orduvasallid kõrgmeistrile, ja ordumeister üldistab neid, der „ganzen lande”, milles on oma jagu õigust, kui ta käib kõigi orduvasallide kohta. Muidugi on siis ka võimalik, et selline otsus tehti jaanipäeval.

Stiftivasallide osavõtte vastu räägib see, et kõige pealt, nagu nägime eelmises ekskursis, ei olnud Saareranaa omad vasallid suurelt osalt tõenäoliselt mitte Fahrensbachi poolt, vaid pooldasid oma piiskoppi. Tartu vasallidest olid neli mõjukamat tõenäoliselt sõlminud Eerikuga liiduse oma piiskopi nimel ühes Kaspariga. Saare vasallide eeskuju pidi mõjuma teiste stiftide omale samuti tugevasti.

Ka ei olnud Riia vasallid³³²⁾ oma enamuses ordu pooldajad, nagu see loomulik oleks olnud, kui nad oleksid seisnud Fahrensbachi pool. Kui ordumeister septembri alul 1422 palus Riia peapiiskoppi appi sõtta, siis vastas see, et paavst olevat talle ära keelanud appi minna, aga vasallidele jätab ta tegevusvabaduse. Ainult „eins theils”, nende hulgas Kokenhuseni foogt Georg Gutsleff, oli valmis minema, loobus aga pärast Habundi keelu peale³³³⁾. Teades oma vasallide ordupoolest, nagu see esineb Arbusowil, oleks peapiiskopp vaevalt riskeerinud vasallidele lubada tegevusvabadust. Stifti vasalkondade tõsisel ordupooldamisel oleksid üksikud katsed, nagu Tartu vasalli Claus Üxküll'i jagu³³⁴⁾, olnud sagedamad ja surve piiskoppidele tugevam.

Stiftivasallide antagonism ordu vastu avaldub ka Vileny rahu pitseerimise üle peetud kirjavahetuses. Nagu kõrgmeister Russdorf püüdis allapitseerimisega viivitades rahu nurja ajada³³⁵⁾, nii keeldusid arvatavasti ka Riia ja Tartu prelaadid andmast samal eesmärgil oma pitsateid. Ordu poolt ei saadud ega loodetudki saada pitsateid ülaltähendatud piiskoppidelt ja nende vasallidelt.

³³²⁾ Riia vasallide üle vt. ka UB. 5, nr. 2581, veerg 798.

³³³⁾ UB. 5, nr. 2634. Arbusow näeb siin nähtavasti eelmiste teooriate foonil ekslikult stiftivasallide ordupoolest ja üldistab liiga julgelt. Arbusow-Stavenhagen, lk. 274.

³³⁴⁾ UB. 5, nr. 2634.

³³⁵⁾ UB. 5, nr. 2040, Arbusow-Stavenhagen, nr. 322, UB. 5, nr. 2638.

L i s a.

**Ürik Saksa ordu keskarhiivist, sirvik 122,
leht 154—156.**

Deutschordensarchiv Wien.

Codex 122 cartularius, pag. 154—156.

Disz ist der bryff, den die von Dennemarck myn herren konge geantwurt haben.

Durchlutiger mechtiger konig czu allen geczyten merer des riches als euwrer gnade geschriben hatte euwrem lieben bruder unserm gnedigen herren dem konge von Denmarcke, Sweden und Norweygen etc. als von des konges wegen von Polan und des ordens von Pruszen, das das musz czu gudem ¹⁾ flehe kommen als euwer gnaden bryffe uszwysset, den euwrer gnade unserm gnedigen herren dem konge dar uff sante. Da euwrer gnaden bryffe quam an unsern herren den konig, da hatte der konig von Polan sinen volmechtigen boten by unserm herren dem konig gehatte und claget ubir den orden von Pruszen, das er eyn grosze unrecht gethan hette ²⁾ und enthilde ein lant und lute ym ³⁾ vor, das czu siner krone horet mit rechte und wolle nicht czu rechte mit ym kommen, und bot sich czu unserm herren dem konge, das er solte sin mechtig sin czu fruntschaft und czu rechte, als er auch vor dicke gethan ⁴⁾ hette. Da sante unser herre der konig sin boten an den meister und an den orden von Pruszen umb euwer gnade und umb euwrer liebe willen, als euwrer liebe ym czugeschriben hat, und bot sich fliszlich dem orden von Pruszen czu hilff und czu rad. Das nam der orden von Pruszen wol czu dang und sante iren mechtigen boten an unsern herren den konig als den pherrer von Dantzc, und den ritter her Schillingesdorff und hatten ⁵⁾ des

¹⁾ fleh durchgestrichen. ²⁾ hette am Rande nachgetragen. ³⁾ ym über der Zeile nachgetragen. ⁴⁾ hat durchgestrichen. ⁵⁾ nach hatten Rasur.

meisters und des ordens vol mechtig glauwes bryff mit, und sie danckten unserm herren dem konge fliszlich, das er sich dem orden also höhe erboten hette und sprachen das unser herre der konig solte ire mechtig sin, und enboten unserm herren dem konge, hetten sie ichte da sin gnade rechte czu hette, da wolten sie ym staden czu allem rechten und dar czu ym beholffen sin, und santen unserm gnedigen herren konge und unser gnedigen frauwen der gott gnade jre bruderschafft und lieszen sie bitten, das sie das daruff enphahen wolten. Das an namen sie unser gnediger herre und frauwe daruff, und santen⁶⁾ da jren rad an dem meister und orden, als hern Andres Jacobs, hern Hennugen Kongsmarck und hern Benedictus Pogwisse. Da funden sie den meister czu⁷⁾ Marienburg und sin gebieteger, die worben das myns herren⁸⁾ gnade⁹⁾ das gerne arbeyten wolte¹⁰⁾ umb euwrer gnade liebe willen¹¹⁾ als ir ym czugeschriben hette, und wolte sich des gerne kosten¹²⁾ laszen. Und auch als der konig von Polan unserm herren czugeschrieben hatte, das er sin mechtig wesen solte czu fruntschafft und czu rechte, und hoffte unser herre der konig¹³⁾ das er sie wol ver eynegen wolte, ob er sin mechtig were uff beyde syten, als obgeschriben steet, das czu dheyneym krige mer solte kommen. Da antwurt uns der meister, das sie des rechten bliben weren czwischen(!) dem konge von Polan und irem orden by unserm heiligen vatter dem babst, und by euwren konglichen gnaden, und wolten des rechten anders by dheyneym bliben. Da¹⁴⁾ antwurten sie wydder, wes sie nichte by ym bliben wolten, des konde er nichte entscheyden¹⁵⁾, wann sie besorgten, das unser heilger vatter der babst und euwrer gnade also vil czu werben hettet von der cristenheyd wegen¹⁶⁾, das das lange wurde, ee sie euwrer gnade gescheyden mochte. Und konde unser herre der konig ichts darczu haben gethan, als ym euwrer gnade czugeschriben hette, das hette er gerne gethan und wolte dhein koste noch arbeyt daran gesparet haben. Da antwurt uns der meister und der orden, das sie es¹⁷⁾ by¹⁸⁾ dheyneym bliben konden, dann by

⁶⁾ nach santen ein Tintenklecks. ⁷⁾ nach u eine Rasur. ⁸⁾ Tintenleck über drei Zeilen. ⁹⁾ gnade am Rande nachgetragen. ¹⁰⁾ und vor umb durchgestrichen. ¹¹⁾ willen am Rande. ¹²⁾ kosten am Rande. ¹³⁾ mit das beginnt pag. 155. ¹⁴⁾ am Rande Hinweisungszeichen. ¹⁵⁾ und vor wann durchgestrichen. ¹⁶⁾ wegen am Rande. ¹⁷⁾ mit durchgestrichen. ¹⁸⁾ by

unserm heiligen vatter dem babst und bey euwren gnaden als vorgeschriben steet. Das ist die antwort, die ¹⁹⁾ uns wart, die unser gnediger herre der konig hat gesant umb euwrer gnade czu liebe wyllen. Gnediger herre sinte mer so worben wir unsers herren des kongs und siner riche eygenwerbe, als unser herre der konig uns bevolen hat und als der meister und der orden an unsern herren den konig bracht hatte mit jren mechtigen boten vorgeschriben. Als ab der orden ichte hette, das unserm gnedigen herren dem konig horte, des wolten sie ym czu staden mit rechte ²⁰⁾ und ²¹⁾ darczu beholfflich sin. Des hat yn myn herre der konig gar fliszlich gedancket, und ire bruderschaft auch ²²⁾ dar uff enphanen hat. Und was sin begerde, das sie ym ²³⁾ czu rechte steten wolten umb das herczothum czu Eyslant, das czu siner cronen horet mit rechte czu Dennemarck. Da antwort ²⁴⁾ der meister wydder, das sie des nicht enhofften, das unser herre darnach stunde in solichen noten, als sie daweren. Da antwurten sie wydder, das unser herre ²⁵⁾ der konig nicht darumb gesprochen hette, nu czu czyten dysen hette er es ym nicht selbes angeboten mit sinen mechtigen ²⁶⁾ sende boten, und die sendeboten waren ²⁷⁾ da gegenwirtig, und bekanten, das sie es ²⁸⁾ an unsern herren den konig geworben hetten, und der meister ²⁹⁾ stund es czu, dar er sy hatte heszen werben an unsern herren, und er sprach, er wuste nichte, das unser herre das werbe also ernstlich czu ym wolte genommen haben, und sprach er hette bryffe daruff, und er lyesze sie die horen ³⁰⁾. Da antwurten sie wydder, das er es mit unserm herren dem konge uff das rechte seczte und neme sin bryffe czu hilffe. Da sprache er, er hette dheynen rechten gang mit unserm herren dem konge. Da baten wir, das er unsers herren gnade nicht abe werffen solte und solte ym czu rechte steden, wann er mochte ym und dem orden beholfflich sin, und dete es gerne, wann mann ym czu rechte steden wollte. Und wann er mynen herren den konig hette, so hette er alle Stetinschen herren, dye ym und sym orden ³¹⁾ mochten beholfflich sin. Da antwort er uns, er

über der Zeile. ¹⁹⁾ antwort die am Rande. ²⁰⁾ v durchgestrichen. ²¹⁾ und über der Zeile. ²²⁾ auch am Rande. ²³⁾ ym über der Zeile. ²⁴⁾ am Rande von späterer Hand: Denmarck hett gefordert das herzogthumb Eyßland. ²⁵⁾ herre über der Zeile. ²⁶⁾ vor sendeboten sed durchgestrichen. ²⁷⁾ nach waren wyder ausgestrichen, da am Rande. ²⁸⁾ sie es über der Zeile. ²⁹⁾ meister über der Zeile. ³⁰⁾ beginnt pag. 156. ³¹⁾ am Rande Hinweisungs-

glowbete dheyne Stetinschen herren. Da fragten wir yn ³²⁾, ob ym unser ³³⁾ herre der konig unglawen bewyset hette, er wer ein Stetinsche herre. Da sprach er, er wer ein konig, er hette ym dheyne unglawen czu gelegt. Da sprachen wir, er ist eyn konig siner riche, und ein Stetinsche herre von geburte. Da antwurte er uns wydder, er wer sin gnediger herre, er hette yn nichte gemeynet. Da fragten wir yn, ob herczog Bogesleyff ³⁴⁾ von Pommern ym unglawen bewyset hette, des wer myn herre konig wol mechtig czu rechte, wann sie sin geseszen in samenden gutten czu Pommern. Da sprach er ³⁵⁾ ia, er hat uns eynen bryff besigelt, und der wer nicht gehalten. Da sprachen wir, er gebe uns sinen boten mit, wir hoffen er solle euch wol czu rechte steen. Da gab er uns sinen botten, da quamen wir vor unsern herren von Pommern und berichten yn der clage, und das wir die bryffe gehoret hetten, die sin gnade het gegeben dem orden von Pruszen, uff ein reyse czu thun. Da liesz er uns gutte bryffe lesen, das er sin reyse gethan hette, und das der meister und der orden ym danckten, das er syn reyse wol gethan hette. Da clagte unser herre von Pommern ubir die Pruszen herren, das sie ym und unserm herren dem konge ire lant abgerryden, gebrant und gewappt hetten bynnen frydes. Da rydden wir an den meister von Pruszen wydder, und underrichten yn, das wir sin quitbryffe gehoret hetten. Da sprach er, das der meister ³⁶⁾ vor ym was hette die bryffe usz ³⁷⁾ gegeben sunder siner gebieteger rad. Und wir berichten yn der clage, als unser herre von Pommern clagt ubir yn, und gute bryff wydder sinen orden hette, uff myns herren lant und sin. Gnediger herre anders konde uns dhein antwort werden, und wir fonden nicht ³⁸⁾ das sie unsern herren dem konge czu rechte steden wolten. Nu vermanten wir den meister und den orden das sie unsern gnedigen herren umb das herczothum ³⁹⁾ czu Eyslanden czu rechte steden wolten, als sie ym ⁴⁰⁾ czu enboten hatten und denckten dar an, das sie unserm herren ire bruderschafft daruff gesant haben. Da antwort er uns wer es von ⁴¹⁾ dem orden haben wolte, er solte mer darzu thun. Das lieszen wir nicht abe. Wir vermanten yn aber und baden, das er unserm herren konge nit rechtes engynge, hette ⁴²⁾

zeichen. ³²⁾ v vor ob durchstrichen. ³³⁾ am Rande Hinweisungszeichen. ³⁴⁾ am Rande von späterer Hand Pommern. ³⁵⁾ vor ia g durchgestrichen. ³⁶⁾ vor v o r von durchgestrichen. ³⁷⁾ am Rande Hinweisungszeichen. ³⁸⁾ vor das s durchgestrichen. ³⁹⁾ beginnt pag. 157. ⁴⁰⁾ nach ym er durchgestrichen. ⁴¹⁾ vor dem v durchgestrichen. ⁴²⁾ vor unser ry durch-

unser herre der konig ⁴³⁾ rechte ⁴⁴⁾ darczu, er liesz yn darczu, er wolte sin gerne enberen, und wolte er es haben, er hette es oder mit rechte oder mit fruntschafft und quomen sie on fruntschafft czu hauss, so hofften wir des wol, unser herre hilte wol fruntschafft mit ym. Noch wolten wir nit abe lassen. Wir vermanten yn aber, das er unserm herren dem ⁴⁵⁾ konge nicht rechtes ver were. Da sprach er, er hette das herczothum by dem orden funden, und ee er ⁴⁶⁾ das wolte abelaszen by siner czyt, er wolte sich eer hencken laszen etc. ⁴⁷⁾.

gestrichen. ⁴³⁾ vor rechte nit durchgestrichen. ⁴⁴⁾ bei rechte s am Schlusse durchgestrichen. ⁴⁵⁾ vor konge ko durchgestrichen. ⁴⁶⁾ vor das ein Buchstabe durchgestrichen. ⁴⁷⁾ neben der Schlusszeile am Rande Hinweisungszeichen.

Referat.

Dänemarks Bemühungen Estland zurückzugewinnen 1411—1422.

Die politische Konstellation im Nordosten Europas hatte sich am Ende des 14. und Anfang des 15. Jahrhunderts zu Ungunsten des Deutschen Ordens verschoben. Im Süden und im Norden schlossen sich die bisher unter sich verfeindeten Nachbarstaaten zu grösseren Staatengebilden zusammen. Im Süden vereinigten sich Polen und Litauen im Jahre 1386, oder eigentlich erst 1401; im Norden entstand die Kalmarsche Union. Die beiden neuen Staatenkomplexe glaubten auf einige Ordensgebiete Ansprüche zu haben; der eine erhob Anspruch auf Pommerellen und Samogitien; der Expansionsdrang des anderen war direkt gegen den livländischen Zweig des Ordens, gegen Estland, gerichtet.

Dänemark, der leitende Staat der nordischen Union, war im ersten Jahrzehnt des 15. Jahrhunderts mit dem Deutschen Orden wegen Gotland in scharfem Konflikt gewesen. Kaum war es 1408 zu einem Kompromiss gekommen, der beide Parteien unbefriedigt liess, als der südliche Nachbar 1410 in der Schlacht bei Tannenberg die innere Kraft des Deutschen Ordens für immer brach. Die Notlage des Ordens bot für Dänemark eine günstige Gelegenheit, sich des Besitzes von Estland zu versichern; und dies blieb, neben den Bestrebungen zur Wiedererlangung Schlesiens, über ein Jahrzehnt lang ein festes Expansionsziel der äusseren Politik der skandinavischen Union.

Der Anfang der dänischen Bemühungen um Estland lässt sich schon bis vor Erichs des Pommern wirklichen Regierungsantritt verfolgen. Es war die Königin Margareta, von der man schon 1411 in Livland einen Überfall befürchtete, und die 1412 kurz vor ihrem Tode eine Aktion gegen den Orden einleitete, die vorläufig mit bloss diplomatischen Mitteln das Herzogtum Estland wieder unter Dänemark bringen sollte.

Diese Aktion wird in der dieser Arbeit beigelegten Urkunde beschrieben und fällt in die Zeit von 1412 bis 1414. Es handelte sich nämlich um mehrfache Versuche einer dänischen Gesandtschaft bei den Hochmeistern des Deutschen Ordens, Heinrich v. Plauen und Michael Kuchmeister, gegen Zusage der dänischen und der von den Dänen abhängigen pommerschen Hilfe gegen Polen, von dem Hochmeister zu erlangen, dass er die strittige Frage des Besitzes von Estland einem Schiedsgericht überliesse und dem Dänenkönig „zu Rechte zu stehen“ verspräche. Das Ansinnen sich so leicht Estlands zu entäussern wurde von den Hochmeistern abgewiesen, wie auch die dänischen Versuche Erich als Schiedsrichter zwischen dem Orden und Polen einzusetzen.

Da der Plan Estland auf friedlichem Wege zu gewinnen scheiterte, suchte sich Erich jetzt mit den anderen ordensfeindlichen Mächten zu verbinden, was er wahrscheinlich auch früher neben der besprochenen Stellungnahme dem Orden gegenüber getan hat. Hauptsächlich kamen dabei in Betracht die Hauptfeinde des Ordens: Polen, Litauen und der römische König Sigismund.

Im Frühjahr 1415 finden wir die Verhandlungen zwischen Erich und Polen-Litauen schon im vollen Gange. Spätestens zu Anfang 1416, wahrscheinlich aber Ende März oder Anfang April 1415, haben diese Verhandlungen zu einem gegen den Orden gerichteten Bündnis zwischen den beiden jungen Unionen geführt. Um dieselbe Zeit hat auch der auf die Neumark prästendierende Sigismund sich mit dem litauischen Grossfürsten Witold gegen den Orden verbunden.

Die im Laufe des Jahres 1414 zwischen Erich und Sigismund gepflogenen Verhandlungen über gemeinsame Stellungnahme gegen die holsteinischen Grafen und die wendischen Hansastädte hatten zur völligen Übereinstimmung zwischen den beiden Monarchen geführt. Es ist sehr wahrscheinlich, dass man dabei auch die Ordensfrage berührte, an der beide Teile stark interessiert waren. Die letztere Tatsache ist unter anderem auch durch die Absendung der dieser Arbeit beigelegten Urkunde an Sigismund bezeugt. Es ist also wahrscheinlich, dass zwischen Erich und Sigismund hinsichtlich des Ordens eine Verabredung oder ein Bündnis geschlossen worden ist, vermutlich um die Mitte des Jahres 1415. Zu der so zustande gekommenen Koalition gegen den Orden gehörten wahrscheinlich noch der von Sigismund abhängige Markgraf Friedrich von Branden-

burg und Erichs Onkel Herzog Boguslav VIII. von Pommern-Stolp.

Der Orden war völlig eingekreist. Vermutlich sollte die kriegerische Aktion gegen ihn im folgenden Jahre beginnen. Erich der Pommer scheint mit diesem Gedanken umgegangen zu sein. Die Pläne der ordensfeindlichen Koalition wurden aber nicht verwirklicht. Die Hauptschuld daran trägt die Tatsache, dass am Ende des Jahres 1415 Litauen von den Tataren angegriffen wurde, und um den Rücken frei zu haben, musste Polen-Litauen auf eine Verlängerung des Friedens mit dem Orden eingehen. Das gab auch Sigismund Anlass die Erfüllung seiner Forderungen bei dem Orden auf friedlichem Wege zu versuchen, wozu sich ihm gute Aussichten boten. Erich konnte jetzt natürlich nicht allein den Krieg beginnen. Durch Sigismunds Rücktritt von der Koalition war Erich, auch in der Schleswiger Frage im Stich gelassen, dort in einen Krieg verwickelt worden. An die Wiedererlangung Estlands war vorläufig nicht zu denken, obwohl in Litauen die Tatarengefahr bald vorüber war, und Polen wieder mit Erich Verbindungen anzuknüpfen suchte.

Es bedurfte weiterer Anstrengungen der Polen, um Erichs Augenmerk wieder auf die Gewinnung Estlands zu richten. Bisher hatte in der dänischen Aussenpolitik die Wiedererlangung Schleswigs die Hauptrolle gespielt. Estland stand an zweiter Stelle, und obwohl man nie unterliess eine Gelegenheit zur Wiedererlangung desselben auszunutzen, so operierte man doch nur mit den Mitteln, die der jeweilige Zustand in Südjütland zuließ. Um Estland auf den ersten Plan der dänischen Aussenpolitik zu rücken, bedurfte es eines grösseren Lockmittels.

Ein solches zu finden ist den Polen gelungen durch Abschluss der Ehepakten zwischen dem präsidenten dänischen Thronfolger Boguslav und der Erbin des polnisch-litauischen Reiches Hedwig, der Erichs Nachfolger glänzende Aussichten zum Gewinn eines neuen grossen Staatenkomplexes bot. Seit Mitte 1418 hören wir wieder von Unterhandlungen zwischen Dänemark und Polen, die durch Erichs Reise nach Pommern im Herbst 1418 beschleunigt wurden. Als Frucht dieser Verhandlungen unterzeichnete man im Sommer 1419 ein allgemeines Schutz- und Trutzbündnis zwischen den beiden Reichen, das besonders gegen den Orden gerichtet war, den Dänen aber auch polnische Hilfe in Schleswig zusagte. Die Koalition, der sich

didaten bezweckte, oder, wie aus einigen Andeutungen hervorzugehen scheint, das Stift unter Dänemark zu bringen zum Ziele hatte, muss unentschieden gelassen werden.

Jedenfalls stehen mit den Unruhen der Dorpater Vasallen im Zusammenhange die zur selben Zeit an den Tag getretenen Verbindungen der harrisch-wierischen Vasallen mit Erich. Nähere Gründe dazu sind ausser den schon oben genannten vielleicht in der auch für die Ordensvasallen schweren Kriegszeit zu suchen. Jedenfalls kann nicht bezweifelt werden, dass diese Verbindungen zum Ziele hatten, Harrien und Wierland unter Dänemark zu bringen. Die Erinnerungen an die goldene Zeit der Dänenherrschaft waren bei den Vasallen noch wach.

In betreff der späteren Zeit ist die Verbindung verschiedener livländischer Vasallen mit Erich nur für das Jahr 1421 urkundlich direkt bezeugt; es ist aber zu vermuten, dass auch in der Zwischenzeit der Verband zwischen ihnen und Dänemark sich nicht lockerte, da doch z. B. der Prozess zwischen dem Orden und den Angehörigen des genannten Joh. v. Dolen wegen Schadenersatzes die Gemüter von 1415 bis 1419 in ständiger Aufregung erhielt.

Eines nach dem anderen glitten auch die Bistümer aus ordensfreundlichen Händen. In Dorpat gelang es dem Orden 1413 nicht, seinen Kandidaten durchzubringen. Der Papst ernannte zum Bischof Dietrich Resler, der zwar nicht der Elekt des Kapitels war, aber bei seiner Ankunft in Livland gleich die ordensfeindliche Politik seines Kapitels sowie dessen Bündnis mit Witold, wahrscheinlich auch mit Erich, übernahm. Jedenfalls scheint Resler, als 1419 der Öselsche Elekt Johann Schutte sich gegen den Ordenskandidaten Kaspar Schuwenpflug bei Dänen und Polen Unterstützung verschaffte, seine Hände im Spiel gehabt zu haben.

Die Besetzung des Erzstifts im Jahre 1418 mit Johannes Habundi brachte der Opposition ein neues Glied. Die Opposition setzte sich neue Ziele; die Habitfrage wurde wieder aufgeworfen, und hatte in dem Rigaschen Erzbischof wieder ihren natürlichen Verfechter.

Im Mittsommer 1421 trat Habundi eine Reise nach Schweden an, wo er im Auftrage des Papstes als Schiedsrichter den Streit zwischen dem König Erich und dem Erzbischof von Upsala Johannes Gerekeson schlichten sollte. Wahrscheinlich wurde

von den livländischen Prälaten schon im Februar 1421, wo auf dem Landtag ihre letzte Zusammenkunft sich konstatieren lässt, der Entschluss gefasst, die bevorstehende Zusammenkunft zwischen dem Erzbischof und Erich gegen den Orden auszunutzen. Mit Habundi reisten 4 Dorpater Vasallen aus dem obersten Rat des Bischofs von Dorpat.

Die Folge der Zusammenkunft mit Erich war, dass dieser den 24. Sept. 1421 eine Urkunde ausstellte, durch die er das Rigasche Erzstift unter seinen Schutz nahm. Ein ebensolcher Brief ist dem Öselschen, vielleicht auch dem Dorpater Bistum ausgestellt worden. Es ist nicht zu bezweifeln, dass hinter den allgemeinen Sätzen der Schutzurkunden ein Bündnis der livländischen Prälaten mit Erich steckt.

Das Bündnis mit den livländischen Prälaten bezeichnet den Höhepunkt der dänischen Erfolge im Bestreben sich in Livland einen Anhang zu verschaffen. Abgesehen davon, dass die Stifts- und Ordensvasallen, wie es im Frühjahr 1421 bezeugt wird, öffentlich ein Abzeichen des dänischen Königs trugen, war es Erich gelungen, einen förmlichen Vertrag mit allen bedeutenden geistlichen Herren in Livland zu schliessen.

Doch eben dieser engere Zusammenschluss mit den Prälaten wirkte auf Erichs Bestrebungen auch stark negativ. Den Ausschlag gab hier der Zwist zwischen den Öselschen Stiftsvasallen Wilhelm Fahrensbach und Heinrich Scherenbeke mit dem neuen, 1419 ernannten Bischof Kaspar Schuwenpflug. Die direkte Folge davon war, dass Erich eines grossen Theiles seines Anhangs in Livland verlustig ging.

Mitte 1420 auf Ösel angelangt, versuchte der neue Bischof mehrere unrechtmässig in Fahrenbachs Besitz gekommene bischöfliche Tafelgüter zurückzugewinnen und wurde dabei von seinem Kapitel und, wie es scheint, wenigstens von einem Theile seiner Vasallen unterstützt. Der Orden war mit beiden Parteien in freundschaftlichem Verhältnis gewesen und suchte eine vermittelnde Stellung zwischen dem mit päpstlichem Interdikt belegten Fahrensbach und dem bei der Kurie verweilenden Bischof einzunehmen, um mit keinem von beiden zu brechen.

Doch gerade diese schwache Stellungnahme veranlasste beide Parteien, die bei dem Orden keine genügende Unterstützung fanden, sie bei Erich zu suchen, der sich gerne auf eine Intervention einliess, um seinen Anhang in Livland zu vergrössern.

Zuerst scheint Kaspar sich mit einem päpstlichen Brief an Erich gewandt zu haben. Der Orden, vermutlich um dem Abschluss eines Bündnisses zuvorzukommen, nahm jetzt in einem zwischen dem 9. August und dem 11. September mit den Vikarien des Kapitels und den Vasallen des Öselschen Stiftes geschlossenen Verträge Stellung für Kaspar. Jetzt, vom Orden ohne alle Unterstützung gelassen, wandte auch Fahrensbach sich an Erich. Schon den 11. September ist er im Auslande.

Fahrensbach war auch ein Mitglied der harrisch-wierischen Vasallenschaft und wurde von dieser moralisch unterstützt, während die livländischen Prälaten für Kaspar Stellung nahmen. Natürlich konnte Erich nicht auf die Anhängerschaft beider Parteien rechnen; er hatte zwischen der Freundschaft der Prälaten und derjenigen der harrisch-wierischen Vasallen zu wählen. Die schwache Stellungnahme des Ordens im Fahrensbachschen Konflikt hatte wenigstens die gute Folge für Erich, dass ihm die Möglichkeit zu wählen blieb. Erich verbündete sich im September 1421 mit den Prälaten, verlor aber die Anhängerschaft der harrisch-wierischen Vasallen, die sich mit dem Orden versöhnten, dem nur übrig blieb für Fahrensbach Stellung zu nehmen. Mit den Prälaten hätte sich Erich auch ohne den Fahrensbachschen Konflikt sowieso verbunden; der Konflikt brachte in seine Anhängerschaft einen reinen Verlust durch den Abfall der harrisch-wierischen Vasallen. Doch war Erichs Position in Livland noch stark genug, denn auch die Stiftsvasallen scheinen ihr gutes Verhältnis zu Erich gewahrt zu haben.

* *

*

Im Laufe eines Jahrzehnts hatte Erich, wie wir gesehen, alle möglichen Schritte getan, um Estland wiederzugewinnen. In der Mitte des Jahres 1422 aber nimmt Erichs Ordenspolitik eine auf den ersten Blick unerklärliche Wendung. Erich versöhnt sich nicht nur mit dem Orden, es wird sogar 1423 ein gegenseitiges Schutz- und Trutzbündnis zwischen den früheren Feinden abgeschlossen.

Ende 1418 und Anfang 1419 hatte die estländische Frage im Vordergrund der dänischen Aussenpolitik gestanden. Der hauptsächlich durch Polen und Litauen verursachte zweimalige Aufschub der kriegerischen Aktion in den Jahren 1419 und 1420 musste Erichs Begierde nach Estland einigermaßen abkühlen,

besonders als die Polen, um sicherere und nähere Hilfe zu gewinnen, die Ehepakten zwischen Erichs Thronfolger und der polnischen Prinzessin Hedwig aufhoben und neue mit Friedrich von Brandenburg, für dessen jüngeren Sohn abschlossen. Doch ist die letztere Tatsache kein genügender Grund für das Nachlassen von Erichs Bemühungen um Estland. Sie rückte nur die dänische Estlandpolitik von dem Vordergrund auf die Stelle, wo sie vor 1418 gewesen war. Erichs Augenmerk war wieder hauptsächlich auf Schleswig gerichtet, wo er in neue Verwicklungen geriet. Die Tatsache aber, dass Erich gänzlich auf die Wiedererlangung Estlands verzichtete und sogar ein Bündnis mit dem Orden einging, ist durch diese Motive nicht zu erklären. Die Ursachen dazu sind anderswo zu suchen.

Bisher hatte der Orden auf Erichs Intrigen nur schwach reagiert. Man versuchte mehrere Male dem König Erich klarzumachen, dass man rechtmässig im Besitze von Estland sei, und seine Beschuldigungen abzuweisen, was bei Erich nur geringen Erfolg haben konnte.

Bisher waren die estländische und die Schleswiger Frage ohne Wechselwirkung gewesen. Erich konnte gegen den Orden, dessen Kräfte durch die drohende Haltung der Polen paralytisch waren, wie er wollte, auftreten, ohne dass es ihm in Schleswig Schaden gebracht hätte. Ende 1421 ist aber hier eine Änderung zu spüren.

Den 1. September 1421 kamen die Verhandlungen zwischen dem Hochmeister des deutschen Ordens und den wendischen Hansastädten zum Abschluss. Gegen Aufhebung des Pfundzolls in den preussischen Städten sagten die wendischen Städte dem Orden eine Hilfe von 2000 Mann im Falle des Krieges zu. Der livländische Ordensmeister hoffte dadurch hauptsächlich gegen Dänemark geschützt zu sein.

In der Schleswiger Frage hing die Entscheidung, ob das Herzogtum dem König oder den holsteinischen Grafen gehören sollte, in sehr hohem Masse von den wendischen Städten ab, die von Anfang an die Sache in ihre Hände genommen hatten. Da der Orden und die Städte sich verbündet hatten, so war Erich jetzt in seiner Haltung gegen den Orden in hohem Masse durch seine Schleswiger Politik gebunden.

Als später das Verhältnis zwischen den wendischen Städten und Erich gespannt geworden war und ein Tag zur Schlichtung

der Streitigkeiten in Vordingborg den 5. Juli 1422 einen offenen Kriegszustand zwischen den beiden Parteien zur Folge hatte, hat auch Erich die neue Wendung der Dinge in Betracht gezogen. Dass ihm das Bündnis des Ordens mit den Hansastädten bekannt war, dass er dessen Gefahr vielleicht sogar überschätzte, bezeugt seine Äusserung in Vordingborg, dass der „Widerdris der Hanseaten“ von dem im September 1421 mit dem Orden geschlossenen Bündnis herrühre, mit dem die Hansastädte den König bedroht hatten.

In Vordingborg weilte damals auch ein Gesandter des Deutschen Ordens, Siegfried Stegelitz, um bessere Verhältnisse zwischen dem letzteren und Erich anzubahnen. Hier gab Erich zum ersten Mal ernstlich zu verstehen, dass er nichts gegen eine Stellungnahme für den Orden hätte, wenn nur der Hochmeister mit den Städten sprechen wollte. Der Orden hat sehr richtig getan, als er die weitere Vermittlung dem Stralsunder Bürgermeister Konrad Bischof anvertraute, der nur die Solidarität des Ordens mit den wendischen Städten betonen konnte.

Inzwischen war in die Schleswiger Frage Klarheit gekommen. Sigismund, der Erichs Kräfte gegen die Hussiten wenden wollte, griff mit seiner Autorität ein. Den 6. Januar kam das lange erwartete Bündnis zwischen Erich und den Hanseaten zustande. Als Schiedsrichter zwischen Erich und den Holsteinern war Sigismunds Bevollmächtigter Herzog Rumpold von Schlesien aufgestellt, von dem Erich nur ein günstiges Urteil erwarten konnte. Erichs weitere Politik besteht von nun an in dem Bestreben die Holsteiner möglichst zu isolieren. Er verband sich auch mit anderen Hansastädten; auch mit dem Orden konnte er wegen der Hansastädte nicht mehr in schlechtem Verhältnis stehen. Von diesem Standpunkt aus versteht man den Punkt in dem Bündnisse zwischen Erich und dem Orden, dass die Erich versprochene kriegerische Hilfe auch übers Meer gesandt werden sollte.

Da die Entscheidung der Schleswiger Frage jetzt wieder von Sigismund abhing, der den Orden als Gegengewicht gegen die hussitenfreundlichen Polen betrachtete, so musste auch Erich mit dem Orden schon Sigismunds halber ein besseres Einvernehmen suchen. Auch war die Freundschaft des Ordens für jeden Fall gegen die wendischen Städte zu verwerten, besonders im Falle einer hanseatischen Handelsblockade.

Wir sehen, dass das Bündnis vom 1. Sept. 1421 zwischen dem Orden und den Hansastädten die beiden Hauptprobleme der dänischen Aussenpolitik in gegenseitige Abhängigkeit gebracht hat. Schleswig bildete seit dem brandenburgisch-polnischen Bündnis von 1421 wieder ihr Hauptobjekt. Der Zustand in Schleswig forderte jetzt die Bemühungen um Estland aufzugeben. Das war für Erich nicht zu schwer. Durch das am 24. Sept. 1421 geschlossene Bündnis mit den livländischen Prälaten hatte er einen wichtigen Teil seines Anhangs in Livland verloren. Im Melnofrieden, im Herbst 1422, hatte auch Polen-Litauen vorläufig den Orden zur Ruhe kommen lassen, so dass es nicht mehr so leicht war, eine Allianz zustande zu bringen. Und die Hauptsache war: nachdem man sich Schlesiens versichert hatte, konnte man ja wieder an Estland denken.

Einige sekundäre Faktoren, z. B. der Einfluss der pommerischen Herzöge, der Verwandten Erichs, die von dem Bündnis zwischen Brandenburg und Polen bedroht waren, beschleunigten den Abschluss des Schutz- und Trutzbündnisses zwischen Dänemark und dem Deutschen Orden in Neustettin den 15. Sept. 1423. Der Vertrag von Neustettin bedeutet das Ende von Erichs Bemühungen um Estland, die also keinesfalls eine zufällige Erscheinung, sondern ein mit Zähigkeit verfolgtes Ziel der dänischen Aussenpolitik während eines Jahrzehnts gebildet hatten.

Tsiteeritud kirjandus.

a) Ürikute kogud.

- Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. 4., 5., 6. Band, herausgegeben von Friedrich Georg Bunge. 7. Band, hrsg. von H. Hildebrand. Reval 1859; Riga 1867, 1875; Riga u. Moskau 1881. Tsit. UB.
- Codex Epistolaris Vitoldi, collectus opera Antonii Prochaska. Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia, tomus VI. Cracoviae 1882. Tsit. Cod. Ep. Vitoldi.
- Sverges traktater med främmande magter utgifne af O. S. Rydberg, III. delen. Stockholm 1895. Tsit. Rydberg.
- Codex epistolaris saeculi decimi quinti, I jagu, collectus opera Augusti Sokolowski, Josephi Szujski. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tomus II, w Krakowie 1876. Tomus II collectus opera Anatolii Lewicki, ibidem tomus XII, w Krakowie 1891. Tsit. Monum. Pol. II & XII.
- Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Hrsg. v. M. Toeppen. Akten der Ständetage Ost- und Westpreussens I. Leipzig 1878. Tsit. Toeppen.
- Liber cancellariae Stanislai Ciolek. Hrsg. v. J. Caro. I--II. Archiv für österreichische Geschichte 45 u. 52. Wien 1871—1875. Tsit. Caro, Lib. canc.
- Urkundenbuch der Stadt Lübeck. 6. Theil, Lübeck 1881. Tsit. Lüb. UB.
- Codex diplomaticus Brandenburgensis. Des zweiten Haupttheiles III. Band. Hrsg. v. A. F. Riedel. Berlin 1846. Tsit. Cod. dipl. Br.
- Dogiel, Codex diplomaticus Regni Poloniae etc. Tomus I, Vilnae 1758. Tomus IV, Vilnae 1764. Tsit. Dogiel.
- Codex Diplomaticus Lithuaniae, edidit Eduardus Raszyński. Vratislaviae 1845. Tsit. Raszyński.
- Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Bd. VII, Leipzig 1893. Tsit. HR.

Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500). Hrsg. v. H. v. Bruiningk u. Nicolaus Busch, Riga 1908. Tsit. Bruiningk.

L. Arbusow jun., Analekten zur livländischen Kirchengeschichte nebst einem Brief des EBfs. Joh. Wallerode v. Riga. Sitzungsber. der Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde d. Ostseeprovinz Russlands aus d. Jahre 1911. Riga 1913. Tsit. S. b. Riga 1911.

C. Schirren, Verzeichnis livländischer Geschichtsquellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Ausbeute d. Jahres 1860. Dorpat 1861—68. Tsit. Schirren.

Acta Pontificum Danica. II. Bd. Udg. av Alfr. Krarup og Johs. Linbæk. København 1907. Tsit. Acta Pont. Dan.

Repertorium Diplomaticum Regni Daciae mediaevalis. III. Bind. Udg. ved Kr. Erslev. København 1906. Tsit. Rep. D.

b) Ürikute kogud ühenduses uurimustega ja vanemad uurimused, mis tulevad arvesse peamiselt materjali-kogudena.

Akten und Rezesse der Livländischen Ständetage. Bearbeitet v. O. Stavenhagen u. Leon. Arbusow jn. I. Band. Riga 1907—1926. Tsit. Arbusow-Stavenhagen.

Est- und Livländische Brieflade aus d. Nachlasse von Baron Robert Toll. Hrsg. v. Ph. Schwartz. Riga, Moskau, Odessa 1879. Tsit. Brieflade.

J. Voigt, Geschichte Preussens. VII. Band. Königsberg 1836. Tsit. Voigt.

Johannis Długossi seu Longini Historia Polonica. Leipzig 1711. Tsit. Długosz.

A. v. Kotzebue, Preussens ältere Geschichte. III. Band. Hamburg 1811. Tsit. Kotzebue.

A. Prochaska, Z Archiwum Zakonu Niemieckiego. Kraków 1911. Tsit. Prochaska.

A. Huitfeld, Danmarckis Rigis Krønike. Anno 1652. Tsit. Huitfeld.

c) Uurimused.

Kr. Erslev, Erik av Pommern, hans Kamp for Sønderjylland og Kalmarunionens Opløsning. København 1901. Tsit. Erslev.

W. Møllerup, Dänemarks Beziehungen zu Livland vom Verkauf Estlands bis z. Auflösung d. Ordensstaats (1346—1561). Übersetzt von W. Ruberg. Berlin 1884. Tsit. Møllerup.

- P. Nieborowski, Der Deutsche Orden und Polen in der Zeit des grössten Konfliktes. 2. Aufl. Breslau 1924. Tsit. Nieborowski.
- E. Brandenburg, König Sigmund und Kurfürst Friedrich I. von Brandenburg. Berlin 1891. Tsit. Brandenburg.
- J. Caro, Geschichte Polens. III. Teil. Geschichte d. europ. Staaten, hrsg. v. A. H. L. Heeren u. F. A. Ukert. Gotha 1869. Tsit. Caro III.
- M. Seeliger, Die politischen Beziehungen König Sigmunds zu Erich v. Dänemark bis z. Jahre 1422. Dissertation, Halle 1910. Tsit. Seeliger.
- E. Daenell, Die Blütezeit der Deutschen Hanse. I. Berlin 1905. Tsit. Daenell, Blütezeit.
- E. Daenell, Die Hansestädte und der Krieg um Schleswig. Zeitschrift d. Gesellschaft f. Schleswig-Holsteinsche Geschichte. Bd. 32. Kiel 1902. Tsit. Daenell, Hansestädte.
- O. Forsström, Suomen keskiajan historia. Kuvallinen Suomen historia, II osa. Jyväskylässä 1898. Tsit. Forsström.
- F. W. Barthold, Geschichte von Pommern und Rügen III. ja IV. Hamburg 1842, 1843. Tsit. Barthold.
- J. Aschbach, Geschichte Kaiser Sigmunds. I. Bd. Hamburg 1838. Tsit. Aschbach.
- v. Bülow, Bogislav VIII. Allgemeine Deutsche Biographie, III. Bd., lk. 47 j. Leipzig 1876. Tsit. Bülow.
- J. V. Ruuth, Tutkimuksia Suomen ja Hansan välisestä suhteista ennen vuotta 1435. Helsingissä 1882. Tsit. Ruuth.
- A. F. Riedel, Die letzten Jahre unmittelbarer Herrschaft des Kurfürsten Friedrich I. über d. Mark Brandenburg. Märkische Forschungen, V. Bd. Berlin 1857. Tsit. Riedel.
- Th. Schieman, Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Bd. I—II. Berlin 1885—1887. Tsit. Schieman.
- P. Girgensohn, Die Inkorporationspolitik des Deutschen Ordens in Livland 1378—1397. Mitteilungen a. d. livländischen Geschichte, XX. Bd. Riga 1907. Tsit. Girgensohn.
- P. v. d. Osten-Sacken, Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392—1430). Mitt. a. d. livl. Geschichte, XX. Bd. Riga 1908. Tsit. Osten-Sacken.
- A. v. Gernet, Forschungen zur Geschichte des Baltischen Adels. 1. Heft. Die Harrisch-Wierische Ritterschaft unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Reval 1892.—2. Heft. Die Anfänge der livländischen Ritterschaften. Reval 1895. Tsit. Gernet.
- A. Bergengrün, Der Process wegen der Hinrichtung Johannes von Dalen. Mitth. a. d. Geb. d. Geschichte Liv-, Est- u. Kurlands, Bd. XIV. Riga 1890. Tsit. Bergengrün.

- L. Arbusow sen., Livlands Geistlichkeit. Dritter Nachtrag. Mitau 1913. Tsit. Arbusow, Geistlichkeit.
- A. v. Transehe-Roseneck, Zur Geschichte des Lehnswesens in Livland. Mitteilungen a. d. Gebiet d. Geschichte Liv-, Est- u. Kurlands, XVIII. Band. Riga 1903. Tsit. Transehe.
- Dansk Biografisk Lexikon udgivet av C. F. Bricka. X. Bind. Kjøbenhavn 1896. Tsit. D. Biogr. Lexik.
- K. G. A. Grandinson, Studier i hanseatisk-svensk historia II. Stockholm 1885. Tsit. Grandinson.
- K. Höhlbaum, Zur deutsch-dänischen Geschichte der Jahre 1332—1346. Hansische Geschichtsblätter 1878. Tsit. Höhlbaum.
-

S i s u.

Eessõna	3
Taani püüded Eestimaa taasvallutamiseks 1411—1422	6
I peatükk: Taani otsekohesed üritused Eestimaa kättesaamiseks ja ühendusse astumine teiste ordu välisvaenlastega	10
II peatükk: Eeriku suhtumine orduvaenuliste elementidega Liivimaal .	37
III peatükk: Eeriku loobumine püüetest Eestimaad vallutada	59
1. ekskurss: Saksa ordu keskarhiivi sirvik 122, leht 154—156 leiduva dokumendi üle	73
2. ekskurss: Codex Epistolaris Vitoldi ürikute nr. 832 ja 833 dateerimisest	83
3. ekskurss: Sigismundi mõjust Eeriku suhtumistele orduga	85
4. ekskurss: Saare piiskopi tüli oma vasallidega 1420—1421 ja selle suhtumine Eeriku üritustesse	89
5. ekskurss: Liivi stiftide vasallide suhtumisest Eeriku üritustesse 1421. aasta septembrist peale	99
Lisa: Ürik Saksa ordu keskarhiivist, sirvik 122, leht 154—156	103
Referat: Dänemarks Bemühungen Estland zurückzugewinnen 1411— 1422	108
Tsiteeritud kirjandus	118

**ÜBER
DIE LIVLÄNDISCHEN GERICHTSSACHEN
IM REICHSKAMMERGERICHT UND IM
REICHSHOFRAT**

VON

MAG. JUR. LEO LEESMENT

TARTU 1929

C. Mattiesen, Tartu.

I. Einleitung.

In nachfolgender Einleitung werden die Institutionen des Reichskammergerichts und des Reichshofrates nur bis zur Mitte des XVI. Jahrhunderts behandelt, da zu dieser Zeit die Beziehungen zwischen Livland ¹⁾ und den beiden auswärtigen Gerichten aufhörten.

A. Das Reichskammergericht.

Im Jahre 1495 wurde auf dem Reichstage zu Worms das Reichskammergericht eingesetzt, das aus einem Kompromiss zwischen Kaiser und Ständen hervorgegangen war. Es war im wahren Sinne des Wortes eine Reichseinrichtung, weder ein Gericht des Kaisers noch ein Gericht der Stände, wiewohl Bestrebungen es zu dem einen oder anderen zu machen nicht fehlten. Nirgends kam der Reichsgedanke offensichtlicher zum Ausdruck als hier.

Bei seiner Gründung kam es hauptsächlich auf drei Dinge an, wie H a n s F e h r ²⁾ trefflich bemerkt: 1. Das Gericht der kaiserlichen Willkür zu entziehen und dem Forum eine feste Ordnung zu geben. 2. Es an einen dauernden Sitz zu binden. 3. Es mit d e u t s c h e n Männern zu besetzen.

Das Reichskammergericht stellte die stärkste Potenz im Reiche dar. Von ihm frei zu sein, wie die Schweiz, galt als wichtigste Errungenschaft.

Wie bekannt, war der Sitz des Reichskammergerichts anfangs Frankfurt am Main, später Speyer, Esslingen und andere Orte, schliesslich, seit 1693, Wetzlar.

Seine Hauptaufgaben waren: Aufrechterhaltung von Friede und Recht, Schutz des ewigen Landfriedens, Schlichtung der

¹⁾ „Livland“ wird hier und weiter im mittelalterlichen, also im weiteren Sinne dieses Ausdruckes gebraucht.

²⁾ Deutsche Rechtsgeschichte, Berlin und Leipzig 1925 (Grundrisse der Rechtswissenschaft, Bd. X), S. 229 fg.

Streitigkeiten unter den Reichsständen. Grundsätzlich bildete das Reichskammergericht die I. Instanz für die Sachen der Reichsunmittelbaren und der Reichsstädte, ebenso in fiskalischen Sachen und in Streitigkeiten um kaiserliche Vorrechte. Es war die II. Instanz für die mittelbaren Reichsglieder gegen die Urteile der landesherrlichen Gerichte, sofern der Landesherr kein *privilegium de non appellando* für seine Gerichte besass. In Strafsachen konnte nicht appelliert werden. Doch war die Zuständigkeit ziemlich schwankend und vieles blieb streitig. Das Verhältnis des Reichskammergerichts zum Reichshofrat, der Gerichtsbarkeit des Kaisers, war unklar und kennzeichnet sich durch ununterbrochenes Rivalisieren.

Der vom Kaiser ernannte Kammerrichter war der Träger der kaiserlichen Gerichtsbarkeit, nahm aber nicht an der Urteilsfindung teil³⁾. Er war der Richter im mittelalterlichen Sinne, er war der Träger der oberrichterlichen Gewalt, soweit sie vom Reichskammergericht geübt wurde, und repräsentierte insofern den König. Der Kammerrichter sollte „ein tapfer person, aus dem Reich Teutscher Nation gebohrn, derselben Herkommen, löblicher Gebrauch und guter Gewohnheit nicht allein wohlkündig und erfahren, sondern auch verständig, die rechtliche Proceß zu dirigieren“ sein⁴⁾. Damit war für ihn nicht — wie es auch seine Funktionen nicht notwendig erforderten — das Bedürfnis juristischer Bildung ausgesprochen⁵⁾.

Die Urteilsfinder stellten die *assessore*s dar, auf deren Wahl die Stände grossen Einfluss hatten. Anfangs musste die Hälfte der Beisitzer den juristischen Doktorgrad besitzen. Seit 1555 besaßen alle Beisitzer juristische Bildung. Der adelige Beisitzer brauchte nicht den Doktorgrad erworben zu haben.

Das im engeren Sinne sogenannte *Collegium camerale* bestand aus Kammerrichter und Beisitzern; aus letzteren sonderten sich im Lauf des XVI. Jahrhunderts die Präsidenten aus, die dem

³⁾ Nur im Falle der Stimmgleichheit der Urteilsfinder entschied der Kammerrichter.

⁴⁾ Reichskammergerichtsordnung von 1555, I³, § 1.

⁵⁾ H. Brunner, Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte, München und Leipzig 1923, S. 283 fgg., 296. — H. Fehr, op. cit., S. 174, 299 fgg. — R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Berlin und Leipzig 1922, S. 858, 914 fgg. — R. Smeid, Das Reichskammergericht, I, Weimar 1911 (K. Zeumer, Quellen und Studien, Bd. IV, Heft 3), S. 244, 251.

Kammerrichter zur Seite traten. Dazu kam das Personal der Kammergerichtskanzlei, ferner die Vertreter der Parteien: Fiskal, Advokaten und Prokuratoren, schliesslich die Unterbeamten des Gerichts und der Kanzlei, so z. B. die Kammerboten. Im Gegensatz zum Kanzleiverwalter, der sozial stets als zum eigentlichen Gerichtskolleg gehörig galt, bildeten die Protonotare, Notare und Leser zusammen mit den Advokaten und Prokuratoren die Klasse der sogenannten „Subalternen“ am Gericht.

Im Gegensatz zur Organisation des Gerichtskollegiums und der Kanzlei beruhte die Stellung der Parteivertreter, der Advokaten und Prokuratoren, durchaus auf dem jüngeren kanonischen Prozessrecht. Der bevollmächtigte Prokurator war der Parteivertreter vor Gericht, der nichtbevollmächtigte Advokat betriet die Parteien und verfasste die Schriftsätze. Den Advokaten war das Auftreten vor Gericht versagt, nicht aber umgekehrt den Prokuratoren die Advokatur. Der Reichshofrat, wovon später die Rede sein wird, schloss sich den kammergerichtlichen Verhältnissen an; da aber hier die Audienzen und die Tätigkeit, die die Prokurator äusserlich am Kammergericht noch vor der Advokatur auszeichnete, fortfielen, so bildete sich hier nur ein Stand der Reichshofratsagenten.

Bei der Eröffnung des Gerichts waren 8 Prokuratoren und 2 Advokaten zugegen. Bald aber wurde die Gesamtzahl grösser, und die Visitation vom Jahre 1531 stellte eine Höchstzahl, nämlich 24, für die Prokuratoren fest. Advokaten und Prokuratoren wurden vom Gericht nach bestandenen Examen angenommen. Voraussetzung der Zulassung war akedemisches Studium und Doktor- oder Lizentiatengrad. 1556 wurde den Prokuratoren von der Visitation auferlegt, nicht mehr als 200 laufende Sachen gleichzeitig anzunehmen. In der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts hatten zwei der meistbeschäftigten Prokuratoren des Gerichts, Reifstock und Engelhard, je über 400 laufende Sachen. In der Audienz konnte den Prokurator sein Bureauvorsteher, der sogenannte Substitut, vertreten. Überhaupt hielten die Prokuratoren und Advokaten ein mehr oder weniger zahlreiches Hilfspersonal.

Durch einzelne Vorrechte und das Verbot der Privatpraxis, wozu bald die Gewährung einer festen Besoldung hinzukam, erhielt der Fiskal am Reichskammergericht den Charakter eines königlichen Beamten.

Die Zustellungen wurden regelmässig durch Notarien oder Gerichtsboten bewirkt, die darüber ordnungsmässige Urkunden ausstellten. Die Boten waren ursprünglich sämtlich beritten; sie trugen als Abzeichen ein Metallschild mit dem Bildnis des Kaisers, die sogenannte Būchse.

Bei der Gründung des Reichskammergerichts 1495 schwuren die Beisitzer, die zur Hälfte Rechtsgelehrte sein sollten, zu richten „nach des Reichs gemainen Rechten, auch nach redlichen, erbern und leidlichen ordnungen, Statuten und Gewohnheiten der Fürstenthumb, Herrschaften und Gericht, die für sie bracht werden“, eine Formel, in der das römische Recht inbegriffen war ⁶⁾.

Der Reichskammergerichtsprozess wurde geschaffen hauptsächlich durch die einzelnen Reichskammergerichtsordnungen und enthielt wenig deutsches Recht. Aus Italien kam die *litiscontestatio*, als die *principalis negotii apud competentem iudicem facta narratio, et subsequuta responsio* (Damhouder), die in der Wissenschaft als ein Quasikontrakt galt. Mit der Erhebung der Klage und der Antwort des Beklagten war die *litiscontestatio* vollendet — die Streitabsicht der Parteien war erklärt ⁷⁾. Nach der *litiscontestatio* wurde der Gefährdeid — das *iuramentum calumniae* — geschworen. Wenn der Beklagte ausdrücklich oder stillschweigend sich nicht in den Streit einlassen wollte, so konnte der Kläger entweder sich mittels des „Einsatzes“ — *missio in bona* — in den Besitz der Güter des Beklagten setzen, oder er liess die Acht über ihn verhängen, oder aber er erwirkte einen eigentlichen Prozess, in dem er den Beweis erbringen und die Verurteilung des Ausgebliebenen erzielen konnte.

Der Verfahrensgrundsatz lag in dem schwerfälligen, sogenannten „artikulierten Verfahren“. Die Klagetatsachen des Klägers und die dagegen vorgebrachten Einredetatsachen des Beklagten wurden in Artikel oder Positionen aufgelöst. Der Kläger replizierte auf die Einreden, der Beklagte auf die Replik des Klägers, und so weiter. Diese Verhandlungsmethode dauerte eine Ewigkeit.

⁶⁾ H. Brunner, op. cit., S. 260, 283. — H. Fehr, op. cit., S. 230. — R. Schröder, op. cit., S. 870, 914 fg. — R. Smeind, op. cit., S. 243, 319, 322, 341 fgg., 345 fg., 350, 359, 364.

⁷⁾ So war das klassische Wesen der *litiscontestatio* völlig verkannt. H. Fehr, op. cit., S. 298.

Ursprünglich konnten die Parteien ihre Sachen in Schriften vorbringen, seit 1507 wurde es jedoch zur Pflicht gemacht: „Die Procuratores sollen alle ihre Materien und Handlung in Schrift fürwenden und nichts anderes dann also oder dergleichen Meynung reden: In der Sachen zwischen A. und B. gib ich diese Schrift, nemlich Libell, Exceptiones, Artikel, Replicas, Duplicas etc.“⁸⁾

Das Reichskammergericht hatte laut § 23 der Reichskammergerichtsordnung von 1495 das Recht im Namen des Königs die Acht zu verhängen. Sämtliche gerichtliche Ausfertigungen ergingen im Namen des Kaisers, nicht des Gerichts; die Unterfertigung bestand aus dem Vermerk *Ad mandatum Domini electi Imperatoris proprium* und zwei Unterschriften von Kanzleibeamten, nie von einem Gerichtsmitgliede.

Die schwächste Seite des Verfahrens war die Exekution — die Vollziehung der Gerichtsurteile, die öfters in der Tat unmöglich war⁹⁾.

B. Der Reichshofrat.

Im Gegensatz zum Reichskammergericht war der Reichshofrat ein dem ständischen Einfluss entzogenes, allein vom Kaiser abhängiges Forum, dabei aber kein Privatgericht des Kaisers, sondern ein Gericht des Reiches, auf das die Reichsgesetzgebung Einfluss hatte.

Der Reichshofrat, entstanden eigentlich schon im Jahre 1498, bildete ein geschlossenes Kollegium, als Regierungs- und Gerichtsbehörde. Vorsitzender war zunächst der Hofmarschall, bis erst 1559 vom Kaiser ein besonderer Hofratspräsident ernannt wurde. Seinen Sitz hatte der Reichshofrat am kaiserlichen Hoflager; er begleitete immer den Herrn des Reiches. Seine Tätigkeit ruhte, solange der Thron ledig war, worin der persönliche Charakter des Reichshofrates sich zeigte. Als Gerichtshof war der Reichshofrat kompetent in Strafsachen der Reichsunmittelbaren, in Reichslehnsachen, in Streitigkeiten über kaiserliche Privilegien und in Sachen der kaiserlichen Reservatrechte. Im übrigen kon-

⁸⁾ Kammergerichtsordnung von 1507, Tit. 5.

⁹⁾ H. Brunner, op. cit., S. 279, 307 fg. — H. Fehr, op. cit., S. 211, 233, 297 fgg. — R. Schröder, op. cit., S. 871. — R. Smend, op. cit., S. 330.

kurrierte seine Gerichtsbarkeit mit der des Reichskammergerichts.

Im Gegensatz zum Reichskammergericht, wo man zwei Stände der Parteivertreter unterschied, bildete sich hier nur ein Stand der Reichshofratsagenten, wovon schon oben die Rede war. Verschiedene negative Seiten, so vor allem grosse Bestechlichkeit, kennzeichnen den Reichshofrat. Doch arbeitete er im allgemeinen schneller als das Reichskammergericht, und das war ein grosser Vorzug¹⁰⁾.

¹⁰⁾ H. Brunner, op. cit., S. 284 fg. — H. Fehr, op. cit., S. 232. — A. Luschin von Ebengreuth, Grundriss der österreichischen Reichsgeschichte, Bamberg 1918, S. 123, 271. — R. Schröder, op. cit., S. 901 fgg., 917 fg. — R. Smend, op. cit., S. 343.

II. Livländische Gerichtssachen im Reichskammergericht.

Kapitel 128 des sogenannten Mittleren Ritterrechts lautet: „Bescheldet ein man ein ordel, dat schal men teen an den bischop unde an sine gemeine man, als wat em misvalt, also dat it em nicht recht gevunden si, unde annenen högern to söken“¹¹⁾. Wird also gegen ein Urteil appelliert, so geht die Sache an den Bischof und seine Männer. . . . und an keinen Höheren. Hierauf stützt sich R. von Helmersen in seiner Geschichte des livländischen Adelsrechts bis zum Jahre 1561, Dorpat und Leipzig 1836, Seite 289 fg. und behauptet, dass eine weitere Appellation ausgeschlossen war. Es sei aber erwähnt, dass im Livländischen Rechtsspiegel und im Umgearbeiteten Ritterrecht dieser letzterwähnte Zusatz nicht vorkommt. Wie bekannt, wurde das erstere Rechtsbuch vor dem Mittleren Ritterrecht, das letztere dagegen nach diesem verfasst, und so ergibt sich, dass der Zusatz des Mittleren Ritterrechts ein mehr oder weniger zufälliger ist, wie es in den damaligen privaten Aufzeichnungen des Rechts oft vorkommt. So kann nach den Ritterrechten Livlands nicht mit Sicherheit gesagt werden, ob eine Appellation an auswärtige Gerichte und in welchem Masse gestattet war.

Auch meint F. G. von Bunge, „Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Curland“, Reval 1874, Seite 21 fg., dass eine Berufung an auswärtige Gerichte der Regel nach ausgeschlossen war.

Wenden wir uns an das urkundliche Material. Hier erhalten wir schon deutlichere Belege zur Frage, ob die Berufung an auswärtige Gerichte gestattet war. So sei vor allem eine Urkunde aus dem Jahre 1403 angeführt, worin der römische König Ruprecht untersagt, die Untergebenen des Deutschen Ordens vor auswärtige Gerichte zu laden, ausgenommen in Fällen von arglistiger

¹¹⁾ Zitiert nach der Ausgabe von Bunge, *Altlivlands Rechtsbücher*, Leipzig 1879.

Rechtsverweigerung. Die betreffende Stelle der Urkunde lautet: „Darzu dun wir in und dem orden die besunder gnade, das niemand in dheinewise ader wege ire bruder, ir diener, ir manne, ader armenlute, ader gut, laden mege für unser hoffgerichte ader ander landgerichte, ader geistliche, sunder man wise dieselben für den meister ader für den comenthur, under dem sie gesessen sie, da recht zu nemen; es were dann, das den clagern rechts verzege wurde geverlichen, ader die sache geistlich were“¹²⁾. Dasselbe wird wiederholt im Jahre 1420 von König Sigismund¹³⁾. Aus diesen beiden Urkunden folgt noch nicht, dass eine Appellation — eine Berufung an die Gerichte des Römischen Reichs — nicht gestattet war. Vielmehr ergibt sich hieraus, dass es nicht erlaubt war, sich an die auswärtigen Gerichte zu wenden, ohne die Reihenfolge der Instanzen nach dem livländischen Prozessrechte zu beachten. Denn es heisst in der Urkunde: „sunder man wise dieselben für den meister ader für den comenthur, under dem sie gesessen sie, da recht zu nemen.“ Ähnliche Urkunden kommen im XV. Jahrhundert in Livland noch mehrfach vor¹⁴⁾. In allen wird die Wendung an auswärtige Gerichte in sehr allgemeinen und ungenauen Ausdrücken verboten, nirgends ist aber eine genauere Regelung und Spezifikation zu finden. Wie oben erwähnt wurde, begann das neu errichtete Reichskammergericht im Jahre 1495 seine Tätigkeit in Frankfurt a./M. Man könnte darnach erwarten, dass dieses Geschehnis eine Regelung der Appellationsverhältnisse der livländischen Gerichte entsprechend denjenigen des Reiches hervorgerufen hätte. Aber da damals überhaupt das staatsrechtliche Verhältnis Livlands zum Heiligen Römischen Reich sehr unklar und ganz unregelt war, so ist auch in dieser Hinsicht wahrscheinlich nichts geschehen, wenigstens nichts erhalten.

Eine Verordnung, erlassen von dem Ordensmeister Wolter von Plettenberg im Jahre 1510, lautet dagegen: „So jemand were, de dat recht buten landes wollte söken, up andere örden ofte en-

¹²⁾ F. G. von Bunge, Liv-, Est- u. Curländisches Urkundenbuch, IV, Urkunde Nr. 1633. — Siehe dazu auch Bunge, Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Curland, Reval 1874, S. 22.

¹³⁾ Bunge, Urkundenbuch, VI, Urkunde No. 3112.

¹⁴⁾ Vgl. auch Bunge, Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens, S. 22.

den, sik mit vrewel edder wedderwertigkeit jegen dat recht setende, sall man richten an dat höchste" ¹⁵⁾). Ebenso sagt 1523 der Rigasche Erzbischof Jasper, dass „men buten landes nein recht söken dorfe“, und auf einem ähnlichen Standpunkt steht 1543 die Ritterschaft im Vergleich zu Wolmar ¹⁶⁾). Auch hier ist das Verbot nur ganz allgemein ausgedrückt. Vielleicht wird auch hier nur gemeint, dass es nicht gestattet sei, sich an ein auswärtiges Gericht zu wenden, bevor nicht die Sache in den einheimischen Gerichten gemäss den Instanzen verhandelt worden ist.

Wie dies auch sein möge, es finden sich viele Belege, dass livländische Angelegenheiten im Reichskammergericht und im Reichshofrat verhandelt worden sind. Man muss nicht ausser Acht lassen, dass seit Beginn des XVI. Jahrhunderts der Zusammenhang zwischen Livland und dem Reiche enger und die gegenseitigen Beziehungen reger wurden. Und dieses ist für die Gerichtsbarkeit nicht ohne Erfolg geblieben.

Schon aus einzelnen Andeutungen in livländischen Urkunden ist zu ersehen, dass livländische Prozesse im Mittelalter wirklich an des Reichskammergericht gelangt sind. Viel deutlicher wird es jedoch, wenn man die Archivalien des Reichskammergerichtsarchivs, das sich seit einigen Jahren in Frankfurt am Main befindet, wohin es aus Wetzlar übergeführt worden ist, kennen gelernt hat. Hier hat schon in den achtziger Jahren des vorigen Jahrhunderts Professor R. Hausmann gearbeitet. Der Verfasser dieser Abhandlung hat dort im Dezember 1927 geforscht.

Bevor wir zu den Archivalien des Reichskammergerichtsarchivs übergehen, sei noch folgendes bemerkt. In der Est- und Livländischen Briefflade ¹⁷⁾ befindet sich eine Urkunde, in welcher der Römische Kaiser Karl V. der Familie von Tiesenhausen am 12. September 1528 ein Privilegium erteilte an das Reichskammergericht zu appellieren. Es heisst in der Urkunde: „...dass sie alsdann vermöge der Rechte sich dannen berufen und appelliren mögen, doch gradatim und ordentlich, bis an unser Kaiserl. Cam-

¹⁵⁾ Zitiert nach Bunge, Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens, S. 22.

¹⁶⁾ Siehe ¹⁵⁾ und R. Hausmann, Livländische Prozesse im Reichskammergerichts-Archive zu Wetzlar, Dorpat 1887, S. 7.

¹⁷⁾ Herausgegeben von F. G. von Bunge und R. von Toll, I, Reval 1856.

mergericht inclusive. . ." ¹⁸⁾). In dieser Urkunde wird die Appellation an das Reichskammergericht ausdrücklich gestattet, doch ohne die livländischen Gerichtsinstanzen zu übergehen. Nicht nur der Kaiser des Reiches, sondern auch livländische Machthaber haben dieses gestattet. So stellte der Öselsche Bischof Johannes IV. (Kyvel) den von dem Stiftsrath Verurtheilten die Wahl anheim, entweder an den Landtag oder an das Reichskammergericht zu appellieren ¹⁹⁾). Im Jahre 1543 bezeugt der livländische Ordensmeister Hermann von Brüggenei in einer Urkunde: wenn in Livland jemand seine Klage bis an den Landtag geführt hat „und so er an der irkantus und urtheil auch kein benugen hat, ists ihm ungeweigert, nach gelegenheit jeder sachen an bepstlicher heylichkeit oder hochgedachter keiserlicher maiestat gerichte und rechten zuvorweisen und zufurderen" ²⁰⁾). Es ist nicht ohne Interesse, an dieser Stelle noch zu erwähnen, dass nach den Reichsmatrikeln — den Anschlägen zur Unterhaltung des Reichskammergerichts — auch die livländischen Landesfürsten, Ordensmeister und Bischöfe zu jährlichen Zahlungen für das Reichskammergericht verpflichtet waren ²¹⁾).

Nun wenden wir uns wieder den Archivalien des Reichskammergerichtsarchivs zu. Im ganzen sind im Archiv bis jetzt 29 Prozesse entdeckt worden. Sie stammen alle aus den Jahren 1530—1564. Leider sind die meisten Prozessakten mangelhaft. Auch fehlen die Sentenzen — die Urteile des Reichskammergerichts, da die Urteilsbücher aus der betreffenden Periode nicht erhalten sind. Erst vom Jahre 1573 sind diese erhalten. Aus einzelnen Gerichtssachen ist zu ersehen, dass sie nicht zu Ende geführt worden sind, was, den damaligen Verhältnissen entsprechend, nicht selten vorkam. Die erhaltenen Akten sind im allgemeinen recht verschieden: von einigen ist sehr reichhaltiges Material vorhanden, von anderen dagegen nur einzelne Bruchstücke nachge-

¹⁸⁾ F. G. von Bunge und R. von Toll, Est- und Livländische Brieflade, I, Urkunde Nr. 958. — Dasselbe in den „Neuen Nordischen Miscellaneen“, herausgegeben von A. W. Hupel, Stück XVIII, Leipzig 1798, Seite 78.

¹⁹⁾ Bunge, Gerichtswesen, S. 22 und Hausmann, op. cit., S. 7.

²⁰⁾ Hausmann, op. cit., S. 7 fg.

²¹⁾ Hausmann, op. cit., S. 8. Bei Hausmann ist hier als Beleg Harpprecht, Kammer-Gerichts-Archiv, Bd. 6, 1785 angegeben. Leider konnte der Verfasser der vorliegenden Abhandlung dieses wichtige Buch nicht erhalten.

blieben. Aber diese 29 Gerichtssachen dürften nicht die einzigen aus Livland gewesen sein. Denn viele Hinweise deuten darauf, dass noch andere, bis jetzt nicht gefundene oder nicht erhaltene Prozesse aus Livland im Reichskammergericht verhandelt worden sind. So kommt vor allem in F. G. v. Bunge's Archiv, Band VII^{21*)}, eine Stelle vor, wo es heisst: „Erzbischoff Thomas Schöning wirkte zue Speyer am Cammergericht sub dato den 5. July 1529 ein mandatum gegen den Meister aus...“ Dasselbe wird erwähnt bei B u d d e n b r o c k in der Sammlung der livländischen Gesetze, Band I²²⁾, in den Anmerkungen zum 128. Kapitel des Ritterrechts. Ein zweiter Fall wird erwähnt in der Est- und Livländischen Brieflade, Band I²³⁾, Urkunde 1470. Dort heisst es in der Urkunde, in welcher der Bischof von Dorpat Hermann in Sachen des Heinrich Fethe wider den Rat Johann Taube erkennt, wegen Überschreitung seines Amtes als Mannrichter, den 1. Dezember 1557: „...Dieweil aber Kläger in die Kammer appelliert, ist solche Appellation zu Recht angenommen...“

Es folgen hier unten die 29 Gerichtssachen, welche bis jetzt im Reichskammergerichtsarchiv in Frankfurt a./M. gefunden worden sind. Es ist versucht worden, eine Übersicht über die einzelnen Akten zu geben, um den Charakter jeder Sache feststellen zu können. Da viele der erhaltenen Sachen nur in Bruchstücken vorhanden sind, so ist es nicht immer gelungen, die einzelnen Daten festzustellen, was vielleicht nur eine längere ausführliche Untersuchung erreichen könnte. Das Verzeichnis und der kurze Inhalt der Gerichtssachen ist nach der alphabetischen Reihenfolge der Kläger beim Reichskammergericht geordnet und enthält nur die wichtigsten Angaben.

Zum Schluss sei hier noch bemerkt, dass viele Kopien und Auszüge aus den livländischen Akten des Reichskammergerichts, die von Prof. R. H a u s m a n n seinerzeit angefertigt wurden, in den „Livländischen Güterurkunden“^{23*)} abgedruckt sind.

^{21*)} F. G. v. Bunge, Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands, Bd. VII, Reval 1854, Livländische Ordens-Chronik, S. 40.

²²⁾ G. I. von Buddenbrock, Sammlung der Gesetze, welche das heutige Livländische Landrecht enthalten, Bd. I, Mitau 1802, Das Ritterrecht, S. 166.

²³⁾ Bunge und Toll, Brieflade, I, Urkunde Nr. 1470.

^{23*)} Livländische Güterurkunden, Bd. I u. II, herausgegeben von H. v. Bruiningk (Bd. I zusammen mit N. Busch), Riga 1908 und 1923.

Verzeichnis der livländischen Gerichtssachen

Laufende Nr.	Laufende Nr. des Spezial-Repetitoriums über die untrennbaren reichskammergerichtlichen Prozess- usw. Akten *).	Nr. der Akte u. des Gefachs.	Exhibent oder Kläger beim Reichskammergericht.	Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Beklagter beim Reichskammergericht.
1.	112.	$\frac{1398}{18}$	Auerhof, Blasius für die Zunft der Sattelmacher.	Riga.	Verklagter.	Meyer, Stephan.
2.	593.	$\frac{6943}{114}$	Bruel, Bernhard, Sekretär.	Riga.	Verklagter.	Sturtz, Christoph, Kanzler des Erzbischofs zu Riga.
3.	1120.	$\frac{1975}{177}$	Dunker, Hans und Dietrich.	Riga.	Verklagte.	Stroier, Rotger, Müller, Caspar und die übrigen Erben des Johann Spenkhausen.
4.	1722.	$\frac{3203}{282}$	Gutzleff, Kerstge.	Riga.	Verklagter.	Massow, Johann, Erben des Bartholomäus von Patkul.
5.	2472.	$\frac{178}{403}$	Kalthove, Philipp.	Riga.	Verklagter.	Schrote, Gertrude, Witwe des Hermann Schrotman.
6.	2580.	$\frac{3067}{438}$	Kruedener, Jurgen, von Rosen, Jurgen, zur Nabben, Vogt zu Treiden und Gutzleff, Heinrich.	Rosenbeck, Nabben.	Kläger.	Massow, Johann.

*) Dieses Repetitorium ist 1853 in Wetzlar zusammengestellt worden und enthält

im Reichskammergerichtsarchiv.

Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Gericht, vor welchem die Sache in I. Instanz anhängig geworden ist.	Jahr der Einführung der Sache beim Reichskammergericht.	Gegenstand des Streites, Erläuterungen und Anmerkungen.
Riga.	Kläger.	Rat der Stadt Riga.	1564.	<p>Wegen unbefugter Bestrafung des Klägers und seines Gesellen für eine Zunft-Kontravention.</p> <p>Auerhof hatte anfangs vom Magistrate zu Riga an den Erzbischof Wilhelm appelliert. Da nach des letzteren Tode kein Successor ernannt und Livland grösstenteils unter die polnische Herrschaft gekommen war, so wandte sich Auerhof an das Reichskammergericht, weil Riga noch zum Reiche gerechnet wurde.</p> <p>Siehe auch Hausmann, op. cit., S. 6.</p>
Riga.	Kläger.	Rat der Stadt Riga.	1548.	<p>Kläger erhält ein auf Gefängnis lautendes Urteil gegen Verklagten, weil dieser, als sein Untergebener, an einer Injurienklage gegen ihn teilgenommen haben soll. Beklagter stellt nicht nur dieses in Abrede, sondern nimmt auch einen andern Gerichtsstand in Anspruch.</p> <p>Im allgemeinen wenig Material.</p>
Riga.	Kläger.	Kommissarien des Deutschordens von Livland zu Riga.	1562.	<p>Streit über ein vom Deutschorden relevierendes Lehnhaus in Riga, auf welches beide Teile die Investitur erhalten haben.</p> <p>Wenige Schriften.</p>
Riga.	Kläger.	Erzbischof zu Riga.	1541.	<p>Entwendung von Urkunden, insbesondere eines Schuldbriefes von 22000 Mark.</p> <p>Sehr reichhaltige Akten.</p>
Riga.	Klägerin.	Reichskammergericht.	1557.	<p>Wegen Vindikation eines Hauses in Riga.</p> <p>Wenige Akten.</p>
Schloss Lemsal(?) oder Kegel bei Reval.	Verklagter.	Erzbischof und Räte zu Riga, resp. Gericht zu Kokenhusen.	1545.	<p>Wegen Injurien.</p>

Laufende Nr.	Laufende Nr. des Spezial-Repetitoriums über die untrennbaren reichskammergerichtlichen Prozess- usw. Akten.	Nr. der Akte u. des Gefachs.	Exhibent oder Kläger beim Reichskammergericht.	Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Beklagter beim Reichskammergericht.
7.	2583.	3123 439	Krummesz, Bernd.	Nicht ersichtlich.	Nicht ersichtlich.	Heickhing, Hermann's Witwe.
8.	2947.	2426 471	Lohn (Loen), Heinrich.	Dorpat.	Kläger.	Bischof, Dekan, Domkapitel und Stiftsrat von Dorpat.
9.	2951.	2459 472	Lohn (Lohen), Heinrich.	Dorpat.	Kläger.	Stackelberg, Johann.
10.	3163.	1314 498	Massow, Johann (Hans).	Nicht ersichtlich.	Kläger.	Erzbischof Wilhelm, Ordensmeister Hermann von Brüggenei, Bischof Johann von Kurland, Manngericht zu Lemsal.
11.	3164.	1315 498	Massow, Johann.	Riga.	Kläger.	von Rosen, Reinhold und seine Brüder.
12.	3165.	1316 498	Massow, Johann.	Riga.	Kläger.	Holtzfer (Holstuer), Christian.
13.	3166.	1317 498	Massow, Johann.	Riga.	Verklagter.	Peysssel, Hans und Witwe des Heinrich Papendorf.
14.	3167.	1318 498	Massow, Johann.	Riga.	Nicht ersichtlich.	Gutzleff, Christian.
15.	3168.	1319 498	Massow, Johann.	Riga.	Nicht ersichtlich.	Hahne (Hane), Christians Witwe, Barbara geb. Stapel.

Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Gericht, vor welchem die Sache in I. Instanz anhängig geworden ist.	Jahr der Einführung der Sache beim Reichskammergericht.	Gegenstand des Streites, Erläuterungen und Anmerkungen.
Mitau.	Nicht ersichtlich.	Ordensmeister Heinrich von Galen.	1560.	Der Inhalt ist nicht ersichtlich. Unvollständig und wenig Material.
Dorpat.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1553.	Aussetzung aus dem Besitze von vier Bauerhöfen zu Unnatz im Stifte Dorpat; „vier gesindt oder Bawrn zu Vnnatz bei dem Hof Kordel seszhafft“. Wenige Schriften.
Dorpat.	Verklagter.	Bischof und Domkapitel zu Dorpat.	1553.	Aussetzung aus dem Besitze von 4 $\frac{1}{2}$ Haken Landes, gehörig zu dem Hofe Kordel im Stifte Dorpat und von dem Vater des Klägers auf 30 Jahre gepachtet. Erstattung der darauf verwendeten Meliorationen. Siehe Beilage I.
Lemsal. Wenden.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1543.	Vollstreckung eines Erkenntnisses des Manngerichts in Sachen Anna Wettebergerin gegen Kerstgen Holstuer im Stifte Osel resp. zu Heidelberg. 90 Blatt folio.
Lemsal. Pernigel.	Verklagte.	Erzbischof zu Riga.	1548.	Widerruf einer Schenkung von Kleinodien und 2000 Mark an die Schwestern der Verklagten und Teilung des Nachlasses des Bartholomäus Patkul.
Kokenhusen (?).	Verklagter.	Manngericht zu Lemsal.	1548.	Rückgabe einer Schuld- und Pfandverschreibung. Sehr ausführliche Akten. Vgl. auch Hausmann, op. cit., S. 8.
Papendorf.	Kläger.	Erzbischof zu Riga.	1548.	Lehngüter, lehnrührig von der Ehefrau des Verklagten, früheren Witwe Patkul.
Nicht ersichtlich.	Nicht ersichtlich.	Bischof zu Dorpat.	1549.	Kommission zu einer Beweisaufnahme. Näheres nicht ersichtlich. Überhaupt mangelhaft und wenig Schriften.
Nicht ersichtlich.	Nicht ersichtlich.	Nicht ersichtlich.	1548.	Sehr unvollständig und beinahe nichts ersichtlich.

Laufende Nr.	Laufende Nr. des Spezial-Repetitoriums über die untrennbaren reichskammergerichtlichen Prozess- usw. Akten.	Nr. der Akte u. des Gefachs.	Exhibent oder Kläger beim Reichskammergericht.	Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Beklagter beim Reichskammergericht.
16.	3189.	1709 505	von Meidheim (Medem), Gerhard und Christian (Kersten) Gutzleff's Erben.	Nicht ersichtlich.	Verklagte.	von Tiesenhausen, Heinrich.
17.	3613.	1228 557	Niederhofer (Niederhoff), Leonhard.	Dorpat.	Kläger.	Bürgermeister und Rat der Stadt Dorpat.
18.	3715.	1159 581	Reinhold, Bischof zu Ösel.	Ösel.	Kläger.	Wilhelm, Koadjutor des Erzstiftes Riga u. a.
19.	4134.	2360 640	Riga, Bürgermeister und Rat der Stadt.	Riga.	Nicht ersichtlich.	Cleffmann, Gerhard und Stere, Hans.

Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Gericht, vor welchem die Sache in I. Instanz anhängig geworden ist.	Jahr der Einführung der Sache beim Reichskammergericht.	Gegenstand des Streites, Erklärungen und Anmerkungen.
Odsee (Odsee).	Kläger.	Gericht zu Kokenhusen, resp. zu Lemsal.	1545.	Rückständiger Kaufpreis für „Lymmeyschen vnd Ruschen Dörfchen Hoff vnd guter“, welches Kläger dem Gerd Linde verkauft haben. An einer anderen Stelle heisst es: „wegen des hoffes vnde gudere thor Limmeneyn, vnde des russchendorpes haluen“. Auch „Lemmenen“.
Dorpat.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1530.	Landfriedensbrüchige Bestürmung und Beraubung des klägerischen domkapitularen Hofes zu Dorpat. Siehe auch Hausmann, op. cit., S. 5. 19 Bl. fol.
Riga.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1535.	Landfriedensbrüchige Besitznahme des Stifts Ösel und Vertreibung des dortigen Bischofs. Siehe: Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. XII, Riga 1880; Mitteilungen über Archivforschungen im Sommer 1861, von C. Schirren, S. 465 fg. Auch Hausmann, op. cit., S. 5. Bartholomäus Grefenthal's livl. Chronik, herausgeg. v. F. G. von Bunge, Monumenta Livoniae Antiquae, Bd. V, Riga u. Leipzig 1847, S. 87 u. a. Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des letzten Erzbischofs von Riga, Markgrafen Wilhelm von Brandenburg, und seiner Zeit, Mon. Liv. Ant., Bd. V, S. 427 fgg. 60 Bl. fol. Siehe Beilage II.
Nicht ersichtlich.	Nicht ersichtlich.	Deutschordens- und erzbischöfliches Gericht zu Riga.	1557.	Der Inhalt ist nicht ersichtlich. Unvollständig.

Laufende Nr.	Laufende Nr. des Spezial-Repetitoriums über die untrennbaren reichskammergerichtlichen Prozess- usw. Akten.	Nr. der Akte u. des Gefachs.	Exhibent oder Kläger beim Reichskammergericht.	Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Beklagter beim Reichskammergericht.
20.	4135.	$\frac{2361}{640}$	Riga, Bürgermeister und Rat der Stadt.	Riga.	Kläger.	Sauerlender, Hans und Menninger, Dietrich.
21.	4136.	$\frac{2362}{640}$	Riga, Bürgermeister und Rat der Stadt.	Riga.	Kläger.	Wilhelm, Erzbischof zu Riga und Fürstenberg Wilhelm, Ordensmeister
22.	4219.	$\frac{3305}{652}$	von Rosen, Reinhold.	Pernigel.	Kläger.	Vitingshoff, Reinhold.
23.	4967.	$\frac{1089}{763}$	Theurkauff, Conrad und Geisler, Johann's Erben.	Riga.	Kläger.	Deutschordens-Kommende in Kurland.
24.	4132.	$\frac{2357}{640}$	Thomas, Erzbischof zu Riga.	Riga.	Kläger.	Bürgermeister und Rat der Stadt Riga.
25.	5008.	$\frac{1319}{765}$	Tyssenhausen, Engelbrecht.	Sausser.	Kläger.	Tyssenhausen, Heinrich.
26.	5009.	$\frac{1320}{765}$	Tyssenhausen, Reinhold u. Georg.	Randen, Weissen-see.	Verklagte.	Tolck, genannt Engelkenn, Christoph und Georg.

Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Gericht, vor welchem die Sache in I. Instanz anhängig geworden ist.	Jahr der Einführung der Sache beim Reichskammergericht.	Gegenstand des Streites, Erläuterungen und Anmerkungen.
Nicht ersichtlich.	Verklagte.	Deutschordens- und erzbischöfliches Gericht zu Riga.	1557.	Der Inhalt ist nicht ersichtlich. Unvollständig.
Riga.	Verklagte.	Deutschordens- und erzbischöfliches Gericht zu Riga.	1560.	Wegen unbefugten Gerichtszwanges der Appellaten in mehreren Prozessen Rigascher Bürger. Unvollständig.
Sussikas.	Verklagter.	Erzbischöflich-Rigasches Gericht zu Lemsal.	1557.	Holzungsrecht in einem dem Verklagten gehörigen Walde und Wildnis. Siehe auch J. Mynsinger, Singularium observationum Judicii Imperialis Camerae centuriae VI, 1599, S. 279. Auch Buddenbrock, op. cit., I, S. 166.
Kurland.	Verklagter.	Reichskammergericht.	1551.	Wegen Realinjurien. Eigentlich: „Chunrath Theurkauff Burgermeister vnd Johan Geisler Secretarn zu Riga nachgelassene erben, contra weylant hern Herman Bruggenaie gnant Hasenkamp Meistern Teutschen Ordens in Lifflandt vnd derselben Orden vnd Successorn &c.“ Im allgemeinen wenige Akten vorhanden.
Riga.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1532.	Oberherrlichkeit über die Stadt Riga und Verjagung des Bischofs und der ganzen Geistlichkeit aus der Stadt sowie andere gewalttätige Handlungen. Siehe Hausmann, op. cit., S. 5. 119 Bl. fol.
Odsee (Odsee.)	Verklagter.	Erzbischof zu Riga.	1551.	Grenzstreitigkeiten zwischen Saussen und Odsee [eigentlich Odensee].
Lemsal.	Kläger.	Erzbischof zu Riga.	1554.	Wegen des Besitzes des Gutes Grosslubben (Lubben).

Laufende Nr.	Laufende Nr. des Spezial-Repetitoriums über die untrennbaren reichskammergerichtlichen Prozess- usw. Akten.	Nr. der Akte u. des Gefachs.	Exhibent oder Kläger beim Reichskammergericht.	Wohnort.	Parteiverhältnis in I. Instanz.	Beklagter beim Reichskammergericht.
27.	5122.	$\frac{248}{774}$	von Ungern, Georg und Witwe und Kinder Heinrichs von Ungern.	Vistel [Fistehl], Kalzenau.	Kläger.	Plater, Johann.
28.	5125.	$\frac{284}{774}$	Unverferth, Matthias, Dompropst und das Kapitel zu Riga.	Riga.	Kläger.	Notke (Noytkhe), Georg.
29.	4133.	$\frac{2359}{640}$	Wilhelm, Erzbischof zu Riga.	Lemsal.	Kläger.	Neiln (Neyln), Gotthard und die 12 Landräte zu Riga.

Wohnort.	Parteiverhältnis in 1. Instanz.	Gericht, vor welchem die Sache in 1. Instanz anhängig geworden ist.	Jahr der Einführung der Sache beim Reichskammergericht.	Gegenstand des Streites, Erläuterungen und Anmerkungen.
Wittensehe [Weissensee].	Verklagter.	Erzbischof zu Riga in Lemsal.	1550.	<p>Streit über den Besitz der Dörfer Nadsen und Madditen, angeblich von Heinrich von Ungern dem Verklagten verkauft.</p> <p>Bei H. von Hagemeister, Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands, T. I, Riga 1836, S. 70 unter Weissensee steht: „Maditten und Naszen“.</p> <p>Siehe auch Bunge und Toll, Brieflade, I, Urkunde Nr. 1508: Christoph von Ungern verkauft Johann Plater und Barbara Ungern einige Streuländereien usw. im Nov. 1561. Dort wird auch erwähnt, dass die Sache im Reichskammergericht verhandelt worden ist. Die Dörfer heißen dort: „Nadsem, Maditen“.</p> <p>Vgl. noch Bunge, Gerichtswesen, S. 22.</p>
Ronneburg.	Verklagter.	Erzbischöflich Rigasches Gericht zu Lemsal.	1550.	<p>Rechnungslage über die Verwaltung eines Stückes vom Hofe „zur Merve“ (Nerve) nebst 30 Haken Landes, im Gebiete „zur Schuyen“ unter der Herrschaft des Deutschordensmeisters zu Livland gelegen.</p> <p>58 Bl. fol.</p>
Schloss Wenden.	Verklagte.	Reichskammergericht.	1549.	<p>Wegen Jurisdiktionen.</p> <p>Siehe auch Hausmann, op. cit., S. 5 fg.</p> <p>95 Bl. fol.</p>

III. Livländische Gerichtssachen im Reichshofrat.

In einem gewissen Zusammenhange mit den livländischen Gerichtssachen im Reichskammergericht stehen die Akten der livländischen Prozesse im Reichshofrat. Stand es doch dem Kläger frei, an welches oberste Gericht er appellieren wollte, an das Forum des Reiches — das Reichskammergericht, oder an dasjenige des Kaisers, an den Reichshofrat. Die Archivalien der livländischen Prozesse im Reichshofrat befinden sich im Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien. Dort hat der Verfasser dieser Abhandlung im Frühjahr 1927 gearbeitet. Das dort sich befindende Archiv des Reichshofrates zerfällt in zwei Teile: in die nach den Namen der Kläger geordneten Prozessakten — Judicialia — und in die verschiedenen Verleihungen von Gnaden und Berechtigungen mannigfacher Art — Gratialia, denn zur Kompetenz des Reichshofrates gehörte nicht nur die Gerichtsbarkeit, sondern teilweise auch die Regierung²⁴⁾. Auf Grund der Untersuchung kann jetzt festgestellt werden, dass livländische Sachen auch an den Reichshofrat gelangt und dort verhandelt worden sind²⁵⁾.

Einige von den livländischen Gerichtssachen, der Zahl nach sechs, sind im sogenannten „Index Actorum Judicialium Miscellaneorum“ zu suchen, andere dagegen stehen im sogenannten „Register der im Jahre 1772 von Prag nach Wien überbrachten sogenannten alten Prager und anderer Akten“ verzeichnet. Im letzteren sind fünf Prozesse zu finden. Endlich gehört eigentlich noch eine Sache dazu, die in den Akten „Kleinere Reichsstände“ zu suchen ist^{25*)}.

Das hier unten abgedruckte Verzeichnis erhebt keinen Anspruch auf Vollständigkeit, sondern ist nur das Ergebnis eines mehr oder weniger flüchtigen Studiums im obengenannten Archiv. Demgemäss enthält das Verzeichnis auch nur die wichtigsten Angaben und Daten über die einzelnen Akten der Gerichtssachen.

²⁴⁾ Näheres über das betreffende Archiv siehe bei L. G r o ß, Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien, Archivalische Zeitschrift, Band 35 (III. Folge, 2. Bd.), München 1925, S. 134 fgg., insb. S. 137.

²⁵⁾ Vgl. auch H a u s m a n n, op. cit., S. 8.

^{25*)} Vgl. dazu die Urkunden 592, 775 u. 1135 des II. Bandes der Livländischen Güterurkunden.

Index Actorum Judicialium Miscellaneorum.

Lau- fende Nr.	Blatt des Index.	Kläger.	Beklagter.	Datum.	Gegenstand des Streites und Anmerkungen.
1.	81.	Livl. Ordens- meister.	König von Polen.	1557.	Wegen der Grenzen in Li- tauen.
2.	425.	Deutschorden zu Livland.	Bedieken, Christoph.	1555.	—
3.	537.	Deutschorden zu Livland.	—	1549.	Wegen eines Credentials für Philipp von der Bruggen.
4.	543.	Dompropst zu Riga.	—	1545.	Wegen eines alienierten Propsteigutes.
5.	550.	Bischof von Kurland.	Güntersperg.	1549.	Rescripta an den Herzog von Pommern.
6.	561.	von Ungern, Georg.	Bischof zu Ösel.	1554.	Wegen einer Domherrn- pfründe.

**Register der im Jahre 1772 von Prag nach Wien überbrachten sogenannten
alten Prager und anderer Akten.**

Lau- fende Nr.	Blatt des Index.	Kläger.	Beklagter.	Datum.	Gegenstand des Streites und Anmerkungen.
1.	42.	Bischof von Kurland.	Komtur zu Goldingen.	1545.	Commissionis in puncto dif- ferentionis.
2.	231.	Erzbischof zu Riga.	Stadt Riga.	1549.	Wegen Wegnahme der Dom- kirche, deren Kleinodien u. s. w.
3.	314.	Deutschorden zu Livland.	Christian III., König von Dänemark.	1549.	Avocationis seiner Unter- tanen in Harrien und Wierland. Gehört zu den Akten „Klei- nere Reichsstände“.
4.	315.	Deutschorden zu Livland.	—	1559.	Intercessional ratione Erhar- ten Nollen.
5.	315.	Deutschorden zu Livland.	Herzog Magnus.	1561.	Relaxationis des gegebenen Gelübdes. Gehört zu den Akten „Klei- nere Reichsstände“.

Kleinere Reichsstände. 83.

Bitte des Bischofs zu Kurland und Administrators zu Ösel Johannes um Erteilung eines Mandates. Erteilung desselben. Vom Jahre 1555. Näheres siehe Beilage III u. IV.

IV. Schlussfolgerungen.

Wie aus dem geschilderten Material zu ersehen, stammen fast alle livländischen Prozesse, wie im Reichskammergericht, so auch im Reichshofrate, aus dem zweiten Viertel und der Mitte des XVI. Jahrhunderts. Denn damals waren die Beziehungen zwischen Livland und dem Reiche viel reger geworden, und erst seit jener Zeit fühlte man in Livland viel stärker die Zugehörigkeit zum Heiligen Römischen Reiche Deutscher Nation. Es ist nicht ohne Interesse, zum Schluss die Frage zu stellen, ob nicht livländische Gerichtssachen im Reiche im fünfzehnten Jahrhundert — vor der Errichtung der beiden obengenannten obersten Gerichtshöfe — verhandelt worden sind. Denn im Reiche waren auch schon vor 1495 oberste Gerichtshöfe vorhanden, obwohl in anderer Form und Wirksamkeit als das damals errichtete Reichskammergericht und seit 1498 der Reichshofrat. Und wenn man auch ganz übereinstimmend mit R u d o l f S m e n d ²⁶⁾ anerkennt, dass die Geschichte des königlichen Hof- und Kammergerichts vor 1495 nur die Geschichte eines in mittelalterlicher Weise je nach den Umständen sporadisch ausgeübten königlichen Hoheitsrechts ist und die oberste Gerichtsbarkeit im Reich sich in keiner dauernden Institution verkörpert hat, so gab es doch ein oberstes Forum, an das man im Falle der Notwendigkeit appellieren konnte.

Hierauf kann man antworten, dass wirklich auch schon vor 1495 livländische Gerichtssachen im Reiche verhandelt worden sind. So wird in einer Urkunde vom kaiserlichen Kammergericht im Jahre 1473, gegeben zu Baden, das Erkenntnis des Bischofs von Dorpat bestätigt in der Sache betreffend die Morgengabe der Witwe des Johann Morrien ²⁷⁾.

Ebenso wird zitiert von C. H. D r e y e r in seinem Werk „Specimen Juris Publici Lubecensis, etc.“ 1761, auf Seite 150:

²⁶⁾ R. S m e n d, op. cit., S. 2.

²⁷⁾ B u n g e und T o l l, Brieflade, I, Urkunde Nr. 301. — Livländische Güterurkunden, I, 494.

„Acta in causa Henvard von der Linden contra Revalienses in aula Caesarea et coram duce Pomeraniae, quem commissarium voluerat Imperator, agitata 1483”²⁸⁾). In diesem Fall wurde die Sache geführt beim Kaiserhofe im Jahre 1483.

Zum Schluss sei noch bemerkt, dass ein eingehenderes Studium im Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien in den Akten des Reichshofrats und insbesondere seiner Vorgänger noch viel Neues über die Beziehungen zwischen Livland und dem Reiche ergeben müsste.

²⁸⁾ Karl Heinrich Dreyer, *Specimen Juris Publici Lübecensis etc.*, Lübeck 1761, S. 150. — Buddenbrock, *op. cit.*, S. 166.

V. Beilagen.

Zum Schluss seien einige charakteristische Urkunden aus den livländischen Prozessen im Reichskammergericht und Reichshofrate beigefügt. Diese Urkunden sind von Interesse nicht allein vom prozessualrechtlichen Standpunkte, sondern bringen auch einige neue Tatsachen über die livländische Geschichte, weil sie, mit einer Ausnahme, noch nicht im Druck veröffentlicht worden sind.

A. Urkunden in Bezug auf reichskammergerichtliche Sachen.

1) Der livländische Ordensmeister Johann von der Recke bezeugt in der Sache Heinrich Lohn gegen Johann Stackelberg, dass ersterer appelliert hat und seine Appellation angenommen ist. [Reichskammergerichtsarchiv Nr. 2459/472, 1 Blatt, folio. Handschriftlich.]

Zu Nr. 9 der reichskammergerichtlichen Sachen.

Wy Johann vann der Recke Meister Duitschs Ordens tho Liflant, doen kumndt, bekennen vnd betugen in vnd mit diesem vnserm apen versegelden breuv vor alleßweme. Nachdem vns der ersam vnser leue besonder Hinrich van Loen vnderdenigst thoerkennen gegeben, welcher gestalt in iungest gehaltenem Derbtischen Mandage, in saken twischen ihme vnd dem erwerdig vnserm leuen andechtigen hern Probst tho Dorpt ein sententh vnd ordeil ergangen. Van welchen ehr an vnd vor vns vnd andere hern vnd stende diese lande als beschweret appelliret vnd standes votes beropen²⁹⁾, vnss demnach vnderdenich biddend, solliche appellation gnediglich anthonemen. Dieweilen wy nun sollicher appellation jungsamen(?) vnd glofwirdigen bericht hebben wy ihme solliche vnderthenige bede nicht

²⁹⁾ „Stehenden Fusses berufen“ — charakteristischer Ausdruck bei der Appellation, womit bezeugt wird, dass sofort nach dem Gerichtsurteil appelliert worden ist.

afschlan mogen, vnd demnach mehr gemelte appellation erffenst den es geboret angeneamen, jedoch eines jedoch(?) hoch vnd herlicht vnafbrocklich vnd vnferfenglich in vrkund mit vnserm vorgedruckttem ingesigel, dat. Ouerpall, dingstags nha Pauli bekerung anno — vofftich ³⁰).

Die grossen und kleinen Anfangsbuchstaben sind teilweise verändert worden, auch die Interpunktion, dagegen ist die Orthographie unverändert gelassen.

II) Mandat des Reichskammergerichts in der Sache des Öselschen Bischofs Reinhold gegen den Koadjutor des Erzstiftes Riga, Wilhelm, u. a. aus dem Jahre 1534, worin der letztere gemahnt wird, dem ersteren das Entzogene zu restituieren. Zugleich eine Zitation vor das Reichskammergericht. [Reichskammergerichtsarchiv Nr. 1159/581, 1 Blatt, gr. folio. Gedruckt.]

Zu Nr. 18 der reichskammergerichtlichen Sachen.

Dasselbe Mandat ist ausserdem abgedruckt nach einer gleichzeitigen Abschrift im königlichen Preussischen geheimen Archiv zu Königsberg in „Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Markgrafen Wilhelm von Brandenburg“, Mon. Liv. Ant., Band V, Seite 427 fgg. Der Text der letztgenannten handschriftlichen Urkunde unterscheidet sich von der gedruckten Urkunde des Reichskammergerichtsarchivs an vielen Stellen, was auf Nachlässigkeit des Abschreibers beruht. Einige von den wichtigsten Abweichungen sind nach dem Texte der Urkunde in den Anmerkungen a) — ζ) angegeben.

Ebenso sind die einzelnen Teile des Mandates in den Anmerkungen a) — h) erwähnt.

Es sei an dieser Stelle noch bemerkt, dass der oben in der Einleitung erwähnte Prokurator Alexander Reifstock ³¹) in diesem Prozess Vertreter des Bischofs Reinhold war.

a) Wir Karl der Fünfft von gottes gnaden Römischer Keyser zu allen zeiten Merer des Reichs &c. In Germanien / zu Hispanien beider Sicilien / Hierusalem / Hungern / Dalmacien / Croa-

³⁰) Im Jahre 1550. In der Urkunde steht unten mit anderer Handschrift: Esslingen, 9. September 1555; erst dann, also 5 Jahre später, ist die Urkunde in Esslingen, wo das Reichskammergericht damals seinen Sitz hatte, registriert worden.

³¹) R. S m e n d, Das Reichskammergericht, I, S. 345.

cien / &c. König / Ertzhertzog zu Osterreich / Hertzog zu Burgundt &c. Graue zu Habsburg / Flandern vnnnd Tyrol. &c. Embieten dem Erwürdigen Wilhelmen Coadiutoren des Ertzstifts Rige / vnnserm Fürsten lieben andechtigen / vnnnd vnnsern vnnnd des Reichs lieben getrewen. N. weiland Georgen vnn Vngern erben / Otten Xkul. vnn Vickell / Johann Varenßbecken zu Vdenkul / Reinolten vnnnd Clausen vnn Vngern / Helmolden Schwartzenhofe / Petern von Hesen / Goriussen Herckel / vnnnd sonst allen vnnnd yeden andern nachgemelter handlungen anhängern / vnd mit thättern / den dieser vnnser Keyserlicher briefe / vberantwort oder verkhündt wirdet, vnser gnad vnd alles gut b). Erwürdiger Fürst / lieben andectiger vnd getrewen. Vnserm Keyserlichen Camergericht / hat der Erwirdig Reinolt Bischoff zu Osel vnser Fürst vnd lieber andectiger / clagend für bringen. Wiewol in gemeynen beschrieben Rechten / auch vnsern vnd des Reichs außgangen vnd verkhündten ordnungen vnd Landtfriden / be inuerleypten penen gepotten vnd fürsehen / das nyemandt / was stands oder wesens der ist / den andern seyner gerechtigkeit vnd ruwigen Possession velquasi vnserucht vnd vnerlangts Rechtens eygenwilliger thatlicher weyse entsetzen solle. Darzu auch zwyschen den Stenden zu Leifflandt ^{a)} in einem vertrag / genant der Wolmersch recess / auff Montag nach dem Sontag Oculi / verschines zwey vnddreissigsten Jars auffgericht / außtrückenlich fürsehen / das kein theil dem andern mit gewaltsamer that begegnen / vnd so yemandt wyder den andern vber solche vereynigung in eynich gestalt / gewalt fürnehme / das alßdann die andern Stende dem gewaltthetter / entgegen stehn solten. Wiewol auch Er nach absterben seiner andacht vorfarns Weylend Bischoff Georgen zu Osel / im Jar der myndern zal / von der geburt Christi vnser selig makers Dreyssig / an sant Lauren ^{ß)} / dem Achtzehenden tag des Monats Octobris / durch eyn Thumbcapittel / wie recht / zu einem Bischoff erwelet / vnd volgends / auff solch erwelung von Bäpstlicher heyligkeit confirmiret. Auch durch vns mit gewonlichen Regalien belehent benadet vnd versehen. Inhalt der brieflichen vrkhunden / darumb außgangen / darauff er dan auch vnd sonderlich derhalben beschehene Bäbstliche vnd vnser Keyserliche gepott / von des Stifts vnderthanen vnd verwandten zu einem Bischoff angenommen / in schriffthen gerichtten auff gemeynen Landßtagen / vnd sonst allenthalben für einen Bischoff des Stifts erkhennt / vnd

jme geulget worden c). / So sollen doch des allen vnangesehen / du gemelter Coadiutor mit ewer der andern obgemelten von der Ritterschafft in der Wick gesessen Rathe beistant geschwinden practick vñ eynbildung einer solchen forcht / die in einen bestendigē Mañ fallen möge / gemelt Capitel dohin getrungē das es dich den Coadiutorn / auch für einen Bischoff daselbst zu Osel postuliern / vñ also jr ordentlichen Rechten vñ bestettigten wal / zu wider handeln müessen. Auch jr in dem Monat Novembri verschines zwey vnddreissigsten Jars / Euch in gedachten Stift Osel gethan / das hauptschloß vnd flecken Habsel darjnn die Thumbkirch gelegen / darzu Fünff Insulen / mit namen Odeßholm Wormbse Nuke Iland vñ Kyna r) / so darjnn begriffen / Auch das Schloss Lode / den halben theyl des Schloß vnd Stettlins Leal / mit allen zugehörigen Landen / flecken / dörffern / höfen / daselbst gefunden kleynarten Barschafften des herrn Capittels / vnd der ganzen Ritterschafft / als wol in der Wick zu land / als auff Osel / in der Insel brieffe vnd siegell / prouian den vnd anders / vnd was dem allem weyter anhengig / vnerlangt vnd vnersucht Rechtens ingenōmen / jne deren entsetzt / sonderlich auch seiner andacht diener / verwandten / vnd hyndersassen / geistlichs vnd weltlichs stands / die als getrewe diener vnd hundersassen / bei seiner andacht pliben / aller yrer geistlichen vnd weltlichen Lehen kleynater / kleyder / Barschafften / prouian den vnd anders / so viel sie der ort gehapt zu Eüwern handen pracht haben / vnd noch in Ewerm gewalt halten / alles eygens gewalts vnd fürnemens / mit der that / gemeynen geschriebenen Rechten / auch vnsern vnd des Reichs Reformation ordnungē / außgekhündtem Landtfriden Abschiden vnd aller pillicheit zu wider d). Deßhalben Er hieruor gegen dir gemeltem Coadiutorn / Auch gedachtem weylend Georgen vñ Euch Reinholden von Vngern / Otten Xkull vñ Varnßbecken bei berürtem vnserm Camergericht/eyn vnser Keyserlich Mandat mit inuerleypter namhafften peen/vñ restitution solcher abgetrungen Land flecken gütter briffe vnd siegell / auch vermeydung weyther thatlichen handlung vnd fürnemens erlangt / Vnd aber yr solchem vnserm Mandat vnd gepott / als Euch solchs zu wissen worden / nit alleyn nit gehorsam gethan / sonder auch daruon / darzu auch von obberürten Bäbstlicher heyligkeit Confirmation / vnd vnsern Keyserlichen belehungen gantz freuenlicher vnordenlicher nichtiger / vnd vnzulessiger weiß zu appellieren / vnderstanden / Als yhr Euch

auch auff gemeyner Leiflendischen ^{d)} Stend begeren / keins ordenlichen Rechten settig lassen / Sondern auff berurtem Ewerm thatlichen Landtfridtprüchigen fürnemen beharren wöllen / vnd vermerckt / das er der entsetzt / mit hilff seiner herrn vnd freündt sich auff yetzberurt vnsers Camergerichts gepott / vermög vnsere vnd des Reichs ordnungen vnd außgekhündten Landtfridens / auff recht widerūm jnsetzen mögen. Nachmals durch einen der sich genennt Andreas Laca deinen obgemelts Coadiutors diener / den deyn Andacht / mit weyland gemeltem Georgen von Vngern vnd Mathissen Wedeln herauß gefertigt / der sich auch erdichter weiß für eynen Secretarien des Capittels zu Osel genent / vnd der fürther gen Rom gezogen / in namen vnd von wegen desselben Thumcapittels / vnd der Ritterschafft gemelts Stifts / Osilien / bey gedachtem vnserm Camergericht / on eynichen crefftigen beständigen yren rechtlichen gewalt vnd beuelch angeben lassen / als ob er Bischoff Reinolt / den er mit verschweygung obberurter rechtmessigen erwölung darauff gevolgter Bäbstlicher heyligkeit bestettigung / auch vnser Keyserlichen belehnung / wie dañ Drey gleichlautende decreta electionis mit aller Canonichen handen vnder schrieben vnd gemeynen Capittels sigell versigelt / darauff erlangt confirmation vnd Regalien briefe / so yr mhererßtheyls in gemeltem Schloß Habsel / das yr seiner andacht / wie obstet / mit gewalt abgetrungen vnd zu Ewern handen pracht clerlich außweisen. Wol zu erachten nit one betrug / alleyn erwelten / vnd dañ dich gemelten Coaiudorn zu deynem vorthail / auch mit verhalten berurter genöttigte vnd abgetrungenen postulation / postulierten ernennt / mit dir gemeltem Coadiutor / inn vhed erwachsen. Dardurch Sy die vom Capittel der Ritterschafft vnd Landtschafft / mit mordt prandt vnd name zu jhrem vnüberwindlichem verderben vnd nachtheil am höchsten beschedigt worden weren. Vnd darmit erlangt / das deiner vnd seiner andachten / auch Euch andern anhangern abermals bey ernannten penen gepotten / von solchen fürgenom̄en vhedlichen thatlichen handlügen / ingriffen vnd infellen gantzlich abzustehn / die fallen / Auch gemelte Capittel Ritterschafft / vnd die von der Landtschafft bei fridt vnd angebottnem Rechten pleiben zulassen / Sy darüber thatlicher weise nit zubeschweren beschedigen ^{e)} noch beleidigē / in keinerley weyse oder wege / Alles alleyn der meynung / wie leychtlich abzunemen / souil dester beharrlicher in obberurtem Ewerm für-

nemen zupleiben / auch seiner andacht yn yren angehörigen / das yr / dess sie: wie berurt: thatlicher vnd Landtfriddtprüchiger weyß von Euch entsetzt vnd beraubt / vngebürlicher weyß vorzuhalten / wider recht vnd pillicheit. Vnd dweil aber nun dem nach wie sein andacht in keynen zweiffel setzte / gedachts vnsers Camergerichts will vnd meynüg nit geweißt / auch noch nit were / durch solchs übel mit verschweyung des waren / vnd angeben des vnwaren außspracht Mandat / obberurtem vnserm erstmals der restitution halben außgangen Mandat jchts zu wider zugebieten / noch seiner andacht vnd yrn gehorsamen Stenden in Liflandt / die hilff gemeyns Rechtens vnd vnserer vnd des Reichs ordnungen außtrücklich inhaltende / das die jhenen so vnserm vnd des Reichs ausgekhündten Landtfriden vnd ordnügen zu wyder / mit gewalt entsetzt wurden / Sich zu yeder zeit Sie jre herrn vnd freündt darzu gehaben möchten / widerumb macht haben solten jnzusetzen / das yr zuerobern vnd die thetter zuveruolgen zubenemen vnnnd abzustricken / wie es auch solchen verstandt nit erleiden khündte noch sollte &c. darzu auch Ewer der thetter vngehorsam vnd Landtfriddtbrüchige handlung also offenbar vnd khundbar. Damit daß sein Andacht vnd die jren als entsetzt / vor allen dingen widerumb restituirt e). Auch gemelt übel außspracht Mandat / bei yemants anderm nit verstandē oder außgelegt werden möchte / dardurch jme solch sein ordenliche zugelassne hilff abgestrikt / oder seiner andacht derhalbē yemand abschewe gemacht würde / vmb diß weither Mandat vnd gebott / Auch sonst ander notturfftig hilff des Rechten zuerlangung notturfftiger restitution / wyder dein Andacht vnd Euch andere obgemelt zuerkennen vnd mit zutheilen / sonderlich auch dasselbig vmb angezogner vnsicherheit willen / in offen Edicts weiß zu Tarbt / Rige / Reuel / Velin / vnd inn andern vmbliegenden Stetten vnd flecken auffzuschlagen / vnd zuuerkhünden zuzulassen / demütiglich anruffen vnd bitten lassen. Dweil wir daß meniglichem Rechtens zuuerhelffen schuldig vnd geneigt seyen / seiner Andacht auch nachuolgender massen weither Mandat gegen deiner andacht vn̄ Euch durch einen vnsern geschwornen Camergerichts botten / wie recht / oder so es nit anderst gescheē khündte / alßdañ Edicts weyse zuerkhünden erkhennt vnd zugelassen f). Darumb so gebieten wir deiner Andacht vnd Euch andern allen vnd yeden obgemelt / von Römischer Keyserlicher macht bey vermeydung der penen / in obberurtem vnn-

serm vnd des Reichs Landtfriden begriffen / auch Zwey hundert Marckhen lotigs golds / halb in vnser Keyserlich Camer vnd zu dem andern halben theyl / gemeltem vnserm Fürsten Bischoff Reinolten / vnnd seiner Andacht dienern vnd angehörigen die wie obgemelt neben seiner Andacht des jren auch entsetzt vnnd spolyert / vnableßlich zubezalen / Sonderlich auch dir gedachtem Coadiutoren bey priuierung entsetzung vnd verliesung aller vnd yeder deiner Regalien / Freyheiten / begnadungen vnd gerechtigkeiten / so du von vns vnsern vorfaren / am heyligen Reiche Römischen Keysern vnd Königen hast / vnd dan auch Euch den weltlichen bey vermeydung vnser vnd des heyligen Reichs Acht hiemit ernstlich vnnd wollen / das jr vnuerhyndert obberurtes vorigen Mandats so wie gemelt vnrechtmessiger nichtiger weise / vnd on eynichen bestendigen gewalt / gemelter Capittels vnd der gantzen Ritterschafft gedachts Stiffts Osel / auch Bäbstlicher heyligkeit Confirmation vnd vnsern vnd des Reichs Regalien vnd belehnungen / darzu gemeltem Landtfriden zu wider / erlangt vnd außspracht / nochmals in Viertzeihen tagen den nechsten nach vberantwortung oder verkündung diß brieffs/ dem gedachten Bischoff Reinolten / vnd seiner Andacht yetzgemelten entsetzten dienern vnd verwandten / alle vnd yede obgemelten Schloß flecken Land vnd Leijthe / sampt deren zugehörungen / Auch kleynater brieffe vñ Sigell / barschaften Silber geschyrr/prouiand / haußrat / hab vnd gütter / Souil der seiner Andacht / vnd jnen sampt oder besonder genomēn / vnd zu Ewer handen pracht/mit auffgehabten nütungen auch erlitten Costen schaden vnd interesse/eynantwortet/vbergebet/behandet/vnd in den standt / Wie das alles vor berurter entsetzung gewest. wyderumb stellet / was auch desselben nit vorhanden / den zymlichen werdt dafür entrichtet / bezalent. vnd in solchem sampt oder sonderlich nit vngehorsam verzülig noch seümig seyet / als lieb deiner andacht vnd Euch sey obgemelte Auch andere vnser vnd des Reichs schwerer penen vngnad straff vnd pueß zuuermeyden. Daran thut jr vnser ernstliche meynung g). Wo jr aber solchem vnserm gebot in bestimpter zeit kein gehorsam thun / noch geleben würdē / Alßdan so heyschen vnd Laden wir deyn Andacht vnd Euch von berurter vnser Keyserlicher macht / das jr vff den Drey vnd Neüntzigsten tag / den nechstē nach außgang obbestympter angesetzten Viertzeihen tag / der Wir Euch Ein vnd dreyszig für den ersten / Eyn vnddreyszig für den andern / vnd

Eyn vnddreyssig für den dritten / letsten vnd entlichen Rechttag setzen vnd benennen Peremptorie. Oder ob der selb tag nit ein gericht tag sein würde / den nechsten gerichtstag darnach selbs/ oder durch Ewern volmechtigen Anwalddt. an gedachtem vnserm Camergericht erscheynet / zu sehen vnd hören / Euch vmb Ewer vngehorsam willen / inn die obbestympten penen / sampt oder sonderlich gefallen sein / mit vrtheyl vnd Recht sprechen / erkennen / ercleren / und öffentlich verkünden / auch darüber notturfftig proceß außgeen lassen. Oder aber rechtmessig jnreden / warumb solche erkhentnüß erclerung vnd verkündung / nit geschehen solle fürzupringen. Vnd entlichs entschids darüber zuerwarten. Wann jr komet vnd erscheynet alßdañ also oder nit / so wirdet nichtdestemynder mit solcher erkhentnüß vnd erclerung hierjnn im rechten gehandelt vnd procediert / Wie sich das nach seiner ordnung §) gepürt. Wir wollen auch von obberurter vnser Keyserlicher macht / das diß vnser gebott / so das im fall vnd mit maß wie obsteet vnd zugelassen / an den vor genannten Stetten vnd orten / in offen Edicts weyse auffgeschlagen vnd verkündt werden mueste. deyn Andacht vnd Euch als dañ gleicherweyß / als ob Ewer yedem das vnter augen / oder zu seiner gewonlichē behausung vberantwort vnd verkündt worden were / im Rechten binden solle. Nach solchem allem wissen sich deyn Andacht / vnd yr andere Euch zurichten h). Geben in vnser vnd des Reichs Statt Speyer / am Neüntzehenden tag des Monats Nouembris. Nach Christi vnnsers Herren gepürt Fünfftzehenhundert vnd im Vier vnddreyssigsten. Vnnserer Reiche des Römischen im Sechtzehenden / vnd der andern aller im Neüntzehenden Jaren.

Ad mandatum domini

Imperatoris propriū.

Vdalricus Varnbuler. &c.

Verwalter. sszt.

Caspar Hamerstetter Judicij camere

Imperialis prothonotarius. sszt.

Der Text gibt das Original vollständig unverändert wieder (abgesehen von ein paar völlig zweifellosen Druckfehlern).

Abweichungen des handschriftlichen Textes in „Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Markgrafen Wilhelm von Brandenburg“, Mon. Liv. Ant., Band V, S. 427 fgg.:

α) Eyflanth; β) Lucen; δ) Keyna — ganz sinnändernd, denn Keyna = Keinis befindet sich auf der Insel Dagö; γ) Eiflenn-dischenn; ε) besettigenn; ζ) Audientz.

Das sind nur einige der wichtigsten Abweichungen.

Die einzelnen Teile des Mandats:

a) Einleitung; b) Beginn der Darlegung der Vorgeschichte der Klage; c) hier beginnt die Klage; d) Mandat über Restitution; e) Verkündung des Mandats; f) von hier an ist die Rede von den Ersatzkosten; g) von hier an ist die Rede von den Folgen der Nichtrestitution, von der Ladung und von den Terminen; h) Datum der Ausfertigung, Ort und Unterschriften.

B. Urkunden in Bezug auf Sachen des Reichshofrates.

III) Der Bischof zu Kurland und Administrator zu Ösel Johannes bittet den Kaiser um Erteilung eines Mandats gegen seine Untergebenen. Vom Jahre 1555. [Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien. Kleinere Reichsstände 83, folio, handschriftlich.]

Zu den Sachen des Reichshofrats.

Alles durchleuchtigster, großmechtigster vnnd vnuberwindlichster Romischer Kayser aller gnedigster herr.

Aus göttlichem darzu raytzenndenn eyffer, vnnd das ich mich alls ain vnwürdiger Pastor vnnd hürt meines tragennden Bischofflichenn ampts halb gottes herd vnnd schafflinn zu waydenn, die verirtten inn denn Rechten weg hinweysen schuldig erkhennt. Hierauff aller gnadigster Cristennlicher Kayser, alls wahrenn brunnenn reichlich fließender gerechtigkeit, vnnd alls sonnderen vonn gott seiner haylligenn kherchenn geordnetenn Vicarien, schutzer schirmern vnnd vogt Werdt ich drungennlich veruvsacht E Roñ: Kaÿ: Mt mitt gnadigster befelchlicher hulff mir allergnadigst, zuerscheinen demwöttigt annzurueffenn, vnnd dem ist mitt der khurtz also. Aller gnadigster Khayser vnnd herr, demnach nun ettliche vnnd vber dreyssig iar her, inn vnser wahrenn, onnzweyfflicher, alter Catholischer Cristennlicher khirchenn vnnd glaubennslehr, durch die newgaystig erstandenn

Sectenn, allerlay zwitragtige vnnd mißverstendige lehr, auch vil schadlichs denn armen Cristenn an leyb, ehr, vnnd gut nitt allain, sonnder auch der seelenn schadlichenn höchsten verderpnus vnnd ewige verdamnus enntstandenn, vnnd allß inn solchem missverstendigem zwispalt allerlay schadlich sectenn, noch heutig tags vnauffhorlich vonn tag zu tag vnnstraflich vberhandt nemmenn, dardurch gottes ehr nahenndt erloschenn, alle menschlich erbarekhaytt, trau vnnd glaubenn gefallenn vnnd noch weytter / gott erbarmt / bey denn gottlosen allenthalt vberhandt nimpt on alle forcht: Nicht destoweniger ainer iedenn vonn gott geordneter Oberkhaytt gebürt, auch schuldig ist so vil möglich solch vbel verhuert gedempt oder doch nitt gahr vberhandt neme, sorg zu tragenn, vnnd furhuertung zu thun gegenn gott schuldig. Zaig vnnd bring E. Röm: Kaÿ: Mt hieruff ich demutigster Caplan vnnderthenigst Clagennd bittlich fur, das inn E. Röm: Kaÿ: Mt vnnd meinen baidenn stiftenn oder Bistumbenn zu Churlanndt vnnd auch Osell dannacht solche (. wie obenn vnnderthenigst erzele .) solch new verfuertische erstandne sectenn vnnd lutherische lehren hin vnnd wider nitt allain vwchand(?) oder sulphurirn, sonnder auch dermassen sich offenntlich einreysenn, das so gar die gott ergebne Ordenns Personen an ettlichenn Orten meiner bayder stift oder Bistumb zu Churlanndt auch in Osilia die verschlossne Junckhfweliche closter fur sich selbs zu offnen allerlay vppige weltliche werckh lasterlich inn das offenn nachredig vergessentlich irer gott dem allmechtigenn gethoner vota vnnd glupdenn mitt flayschlicher begerdenn vnrainig vermischenn, mitt weltlichenn klaydern sindig schmükhen zum thayl das gelobe closter gaistlich lebenn verlassenn, aus denn gottsheuser lauffenn vnnd sunst die gott ergebne gaystliche guetter vbel verschwendenn on alle forcht. Dannocht inn allem irenn bosenn lebenn vnnd vbel vnnstraff sein wollenn vber vnnd wider mein alls ires gaystlichenn haupt vnnd Ordinarien, inen auffgelegtenn vonn irem vbelem hanndlenns abzustehen beschehnem verbott, welchs doch bay inen alles verachtlich khainn statt bisher habenn wollenn, auch noch nitt hatt sonnder lassenn sich vernemmenn, alls gotts vonn E. Röm: Kaÿ: Mt ich dessenn khain beuelch noch gewalt vil weniger fug noch macht, nicht destoweniger die gottsheuser auch Junckfrawliche closter hin vnnd wider inn ganntzes verderbenn khammen, die frawenbilder inn irem vnrainen, strafflichem, gottlosen lebenn halsstarrig one ainiche besserung

verharren vñd ganntz vbel vñd sindig lebenn, welches mir dann nitt wenig zu hertzenn geht, Ja gegenn E. Roñ: Khaÿ: Mt alls der haylligenn cristlichenn kherchenn, ainigenn schirmern vñd vogt, ich weytter dannocht mich dessenn vñnderthenigst drungenlich zubeclagenn pfichtig erkhenn, auch stillschweigenndt nitt khann vmbgahn, vñd sonnderlich gegenn gott meinem herrnn mitt khainem raynenn gewissen mich wisse zuuerantwortenn vor darinn nitt fursehung beschehe, Dieweyll dann an E. Roñ: Kaÿ: Mt sonnder aller gnadigster hülf vñd ernstlichem beuelch ich fur mich selbst allainn hierinn solchem strafflichenn vbel damitt solchs verhuet werde nitt woll khann vor sein, damitt dann so vil moglich die Sectischen lehrenn inn meinen baydenn Stiftenn vñd Bistumben zu Churlandt vñd Osilien gedempfft, die gottsheuser vñd dero einkommens erhaltenn, auch ordenns Personen mann vñd weybs bilder ad meliorem vitae frugem christennlich khommentd, vñd Corrigirt auch Emendirt, dem vbel mitt geburlichenn ernstlichenn erscheinens zeytlich begegnet. So ist ann E. Roñ: Kaÿ: Mt als vogt der haylligenn cristlichenn kirchenn mein demuetigste bitt, die geruchenn aller gnadigst dise hanndlung zu khayserlichen hertzen mittleydig fuerenn, dannocht nur annstatt vñd inn namenn E. Roñ: Kaÿ: Mt aller gnadigst Mandirn vñd beflehenn sonnderlich mir alls vnwürdigenn Bischoff vñd Ordinarie der gaystlichhaytt, bey der gaystlichaytt mans vñd frawenn Personen, der gotsheuser closter vñd Ordenns leut allenthalt einsehenns zuhabenn, das die gottsheuser, closter der selbenn einkommens ann kenten Zinnsen, vñd was das alles ist, wie sollchs fundirt vñd zu gottes ehr gestift, die gottes diennst erhaltenn, die vngehorsamen widerumb zu schuldiger gehorsam zu bringen vñd zu compelliren, auch sunst alle mengelnn so zwischen der gaystlichhaytt furgefallenn werdenn bösserenn, vñd inn dem allen ernstlichs einsehenns zuthun vñd handeln, wie ich gegenn gott, vñd E. Roñ: Khaÿ: Mt wisse zuuerantwortenn, Solch Mandat, gewalt vñd ernnstlich E. Kaÿ: Mt beuelch, ann mich aller gnadigst inn bester form zuerkennen, darann beweysenn gott dem allmechtigenn, E. Roñ: Kaÿ: Mt ain immerwerendts, lobwürdig angenems werckh, So will vmb E. Roñ: Khaÿ: Mt ich fur mein Person alls demwtig Caplan, gegenn gott gesundthaytt, vñd lang lebenn, auch vberwindung dero E. Roñ: Khaÿ: Mt aller widerwertiger veindt vñndertheniglich zu bittenn (. darzu ich

auch meine vnderthane gaystlichhaytt raytzenn vnnd waysenn will.) Umsomehr inn vergess stellenn.

E. Ka: May: Mt (?) vnderthenigster gehorsamer Caplan vnd des heil. — reichs furst: Johannes Bischoff zw Churland vnd administrator destifts Osien³²⁾ Osilien oder Osel:

Nur einige Kleinigkeiten sind verändert worden.

IV) Erteilung des Mandats vom Kaiser an den Bischof zu Kurland und Administrator zu Ösel Johannes. Vom Jahre 1555. Auf dem Umschlage ist geschrieben: „Ist das gepeten mandat tanquam proprio motu bewilligt doch solle achtung darauf gegeben werden dass dem Reichsabschid vnd anderen vertragen nichts zuwider mandiert werde.“

[Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Wien. Kleinere Reichsstände 83, folio, handschriftlich.]

Zu den Sachen des Reichshofrats.

Von diesem Mandat ist im Archiv nur die Kopie vorhanden, die sehr viel umgemacht worden ist. Überhaupt sehr schwer zu lesen. Auch war vieles zu verbessern und zu emendieren nötig, da sonst der Sinn unverständlich bleibt.

Wir Karl u. s. w. Empieten dem Ehrwürdigen Johannsen Bischouen zu Churland, Administratorn des Stiffits Osel, vnserm fürsten vnd lieben andectigen vnser gnad vnd alles guet. Ehrwürdiger furst lieber andechtiger, wir komen in glaubliche erfahrung, daß etliche Ordens Personen in d. A. Stiffiten ain sehr ergerlich vnd strafflich leben vnd wandel fueren, die Closter vnd gotsheuser vnd iren geschwornen orden vnd habit verlassen vnd one alle scheuhe vnd straff in gar lesterlichen sunden leben, auch die got ergebne vnd den gotsheusern zuegehörige gaistliche gueter zu irem sundigen weltlichen leben mißprauchen vnd one alle forcht verschwenden sollen, dieweil dann d. Wi (?) als dem Ordinario hierin gepürlich einsehens zuhaben, auch vns als röm: Kaiser Obersten Vogt vnd Schirmherrn der Kirchen solches bey d. A. zuuerfuegen gebüre. Demnach empfelhen wir d. A. von röm: Kay: macht bey vermeydung unser vnd des reichs schweren vngnad vnd straff hiemit ernstlich gewiesend vnd wollen, das d. A. herin ain vleiß. aufsehens haben vnnd in gemelten iren stiffiten vnd gebieten dermassen fursehung thuen vnd ordnung geben wollen,

³²⁾ Dieses Wort ist in der Originalurkunde durchstrichen.

damit der Closter vnd Gotsheusern desselben einkommen ankanthen Zinsen vnd anderwieder fundirt vnd zu der ehr gottes gestraff erhalten vnd den zugethanen Ordensleuthen, es seyen man oder frawen Personen, die ains ergerlich strafflichen lebens vnd wandels (solch in ergerlich leben vnd wandel³³⁾) nit zugestehen sind mit gepürlicher straff gen(?) Inen verfahren vnd sonderlich den zwingen, so irn Orden vnd habit verlassen vnd sich zu weltlichem leben begeben hatten oder nochmaln begeben werden der Closter vnd gotsheuser zuegehorige geistliche gueter zu solchem irem weltlichem leben zumißprauchen oder zuerschwenden kainswegs gestattet, sonder den geistlichen vnd ordens Personen in d. A. Stifften allenthalb vnd Christen Christliche Zucht vnd erbarkait erhalten werde. Daran thue d. A. zu sampt dem das Sy irem beuolhenen Ambten nach Zuthun schuldig in vnsern gefelligen ernstlichen willen vnd maining. Gegeben in vnser Stat Brussel in Brabandt am 20ⁿ tag des Monats Septembris, Nach Christ. vns. lieben herrn geburt XVc vnd. im LVⁿ³⁴⁾ vnser Kayserthumbs im XXXVⁿ vnd vnser Reiche im XXXXⁿ Jaren.

Wegen Undeutlichkeit vieles verbessert und emendiert.

³³⁾ Die Wörter in Klammern entstellen nur den Sinn und müssen ausgelassen werden.

³⁴⁾ Also im Jahre 1555.

**О ПЕРЕЖИТОЧНЫХ СЛЕДАХ АОРИСТА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В РУССКОМ**

НЕСКОЛЬКО ГИПОТЕТИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ

А. И. СТЕНДЕР-ПЕТЕРСЕН

MIT EINEM REFERAT:

ÜBER RUDIMENTÄRE RESTE DES AORISTS
IN DEN SLAVISCHEN SPRACHEN, VORZÜGLICH IM RUSSISCHEN

VON AD. STENDER-PETERSEN

ДЕРПТ (TARTU) 1929

К. Маттисен, Дерпт (Tartu).

§ 1. Хотя моя работа и посвящена совершенно единичному явлению в области истории грамматических форм и их синтаксических функций, она тем не менее, думается, имеет некоторое право претендовать на более общее, принципиальное значение. Учёная традиция приписывает знаменитому кодификатору синтаксических явлений славянских языков Миклошичу следующее изречение: „Wenn die form verloren geht, geht auch die kategorie verloren“. Повидимому, эти слова были сказаны им в устной беседе профессору Мурко, причём он прежде всего имел в виду исчезновение в болгарском языке падежных форм¹⁾. Приведённое изречение может быть понято в двояком смысле: Миклошич или хотел им сказать, что потеря какой-либо категории в языковом мышлении ведёт за собою и утрату той формы, которая служила к обозначению её, или же — наоборот — что вследствие утраты какой-либо формы, обозначающей известную языковую категорию, исчезает вместе с нею и самая категория. Мне кажется, что несколько безапелляционное утверждение Миклошича и в том и в другом случае может быть оспариваемо. В частности же мне хотелось бы тут поставить такой вопрос: стоит ли действительно исчезновение из какого-либо данного языка определённых грамматических форм безусловно и всегда в прямой, причинной зависимости от исчезновения в психике говорящих на этом языке также и тех языковых категорий, выражению каковых когда-то служили исчезнувшие теперь грамматические формы? И не исчезает ли в известных случаях, по особым в каждом отдельном случае причинам, только форма, а категория сама по себе не всегда исчезает, но, продолжая существовать в психике, пользуется иногда услугами

1) См. подстрочное замечание в труде К. Н. М е у е r ' а, *Der untergang der deklination im bulgarischen* (= *Slavica*, т. III), Гейдельберг 1920, стр. 9.

иной формы или иных форм, приобретающих таким образом новое значение? Конечно, слишком абсолютно отвечать на этот вопрос нельзя ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Но во всяком случае теоретически положительный ответ на вторую часть нашего вопроса по моему вполне мыслим и допустим. Я склонен думать, что исчезновение формы далеко не всегда является следствием исчезновения категории. Напротив, категория вероятно в состоянии пережить исчезающую форму и получить адекватное (или почти адекватное) выражение в совершенно иной форме, имевшей до того совсем иные задачи и функции. Для того, чтобы могло произойти такое перенесение данной категории с одной формы на иную форму, конечно, необходимо наличие тех или иных внешних точек соприкосновения между обеими формами, причём перенесение категории, разумеется, будет происходить по общеизвестным законам ассоциации. Вероятность такого мнения я и хотел в первую очередь показать в предлагаемой ныне статье на конкретном примере, а именно в связи с рассмотрением любопытных фактов особого синтаксического употребления в славянских языках, прежде всего в русском, 1) формы императива, 2) форм настоящего-будущего от глаголов совершенного вида и 3) отглагольных междометий. Не скрою, что только после некоторых колебаний решаюсь печатать свою статью, написанную мною уже несколько лет тому назад, а задуманную чуть ли не на университетской скамье. Колебание это объясняется тем, что мысль, положенная мной в основу этой статьи, в сущности доказана быть не может. Возможно только довести её вероятность до более или менее высокой степени убедительности или очевидности путём удачной группировки фактов, но сомнение в правильности последней должно принципиально оставаться допустимым и не может быть вполне исключено. В виду этого я и нашёл нужным снабдить заглавие своей статьи еще и подзаголовком („Несколько гипотетических соображений“), подчёркивающим, что я, несмотря на личное моё убеждение в правильности основных мыслей своей статьи, не отрицаю а priori справедливости возможных против них возражений. Толчком к напечатанию этой статьи послужило, между прочим, то благоприятное для меня обстоятельство, что по некоторым из затрагиваемых мною вопросов очевидно к тому же (или почти тому же) результату,

что и я, пришел покойный ныне академик Шахматов: в недавно вышедшем капитальном труде его „Синтаксис русского языка“ (вып. I—II, Ленинград 1925/27), изданном Академией Наук уже по смерти автора, мы находим, между прочим, и брошенные вскользь догадки относительно объяснения особого употребления императива и подобного же употребления глагольных междометий. Догадки эти, предвосхищая до некоторой степени предлагаемые мною соображения, в то же самое время подкрепляют их значительным авторитетом великого учёного. Если таким образом моя статья и не имеет уже права претендовать на первенство всех в ней высказанных мыслей, она всё же, думается, не лишена значения, так как, во-первых, гораздо полнее освещает интересующие меня вопросы, чем краткие намёки и догадки Шахматова, во-вторых, связывает эти вопросы с синтаксическими явлениями, которых Шахматов не попытался объяснить, а в-третьих, наконец, подводит под эти вопросы широкий фундамент принципиально-теоретической проблемы¹).

1) Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою признательность уважаемому коллеге, лектору Б. В. Правдину за проявленный им живой интерес к моей работе и ценную помощь при чтении корректуры.

I.

§ 2. Как известно, в живом, разговорно-„народном“ русском языке, а равно и в литературном, постольку, поскольку в нём передаётся живая речь, форма 2-го лица ед. и мн. числа императива нередко служит не столько средством выражения категории повелительного, как средством выражения категорий сослагательного, желательного и условного наклонений. Приведу несколько примеров: *Ну, захоти я например, — да у меня просто ноги не подымутся. Ну, сделай я антраша, — не сделаю ни за что.* Гоголь, Раз'езд; — *Так души низкие, будь знатен, силен ты, не смеют на тебя они поднять и взгляды; но упади лишь с высоты, от первых жди от них обиды и досады.* Крылов, Лисица и осёл; — *Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его..., а я скажу прямо..., что он негодный человек.* Гоголь, Мёртвые души, ч. I, гл. 9. — Таких примеров можно было бы привести неограниченное количество, ибо встречаются они при чтении литературных текстов, отражающих живую речь, на каждом шагу. Другие примеры можно найти у Шахматова в указанном труде (в §§ 56, 63 7д, 64, 237, 553). Мне хотелось бы только еще обратить внимание на следующий стих в басне „Орёл и паук“ Крылова: *Тут вихрь отколе ни возьмись и сдунул паука опять на самый низ.* В данном случае связка *и* как будто не на месте, излишня. Как же объяснить её появление в нашем предложении? Сопоставим приведённый стих со следующей цитатой из „Руслана и Людмилы“ Пушкина: *Как вдруг, откуда ни возьмись, в окно влетает змий крылатый.* В то время как у Пушкина фраза *откуда ни возьмись* сохраняет значение сослагательности, у Крылова очевидно произошла контаминация предложений *отколе ни возьмись* = *отколе ни взялся бы* с предложением типа *откуда-то взялся*. Такая контаминация,

однако, могла произойти только в том случае, если форма *возьмись* в его языковом сознании была тождественна с формой *взялся*. Сочетание *отколе ни возьмись* имело для Крылова совершенно то же значение, что и сочетание *отколе ни взялся* (ср. *Отколь ни взялся ястреб мой, Два голубя*). Приходится сделать вывод, что форма императива для него могла служить выражением прошедшего времени, причём, однако, как мы увидим ниже, эта категория прошедшего времени имела особый оттенок. Наконец, приходится ещё отметить любопытный факт распространения формы 2-го лица единственного числа на все остальные лица, за исключением 2-го лица множественного числа; распространение это объясняется тем, что 1-ое лицо ед. и мн. числа и 3-ье лицо мн. числа своих форм не имеют, а 2-ое лицо ед. ч. исконно тождественно с формой 3-го лица ед. числа; вследствие этого 2-ое лицо ед. числа и получило значение императива *кат' ἐξοχήν*, так сказ. безличного императива, соединимого с личным местоимением любого лица. Из этого правила исключено 2-ое лицо мн. числа, между прочим и потому, что в сущности форма его является как бы механическим соединением императива *кат' ἐξοχήν* с частицей *те* (ср. такие образования как *ну : ну-те, полно : полно-те, айда : айда-те* и т. д.).

§ 3. Кроме указанного употребления императива в желательном, сослагательном и т. д. смысле, весьма понятного в виду того, что русский (и конечно вообще славянский) императив по своему происхождению есть не что иное как опатив, — в русском языке, а именно в разговорной речи, имеется ещё иное употребление императива, которое с указанным ничего общего не имеет, и которое смешивать с ним (как это часто делается) не следует. Я уже в предыдущем параграфе намекал на этот способ употребления императива. Состоит он в отождествлении 2-го лица ед. числа повелительного наклонения со всеми лицами (за исключением 2-го лица ед. и мн. числа) прошедшего времени. При этом ему, как обычно полагается, сопутствует представление о быстроте, внезапности или же, как думаю я, крайней непродолжительности действия. Явление это до сих пор объяснялось очень неудовлетворительно или прямо неправильно. Прежде чем рассмотреть предлагаемые в научной литературе попытки объяснения его, приведу несколько примеров употребления императива в смысле

„внезапно“ - прошедшего времени. Примеры взяты мною из литературных источников, но отражают, как видно из контекста, живую, разговорную речь. В „Рассказчике“, вышедшем в 1781-м году, имеется в одном месте такая фраза: *В то самое время... нечаянно загляни к нему смерть и подкоси ему ноги.* В „Бригадире“ Фонвизина бригадирша жалуется следующим образом: *Теперь Игнатий Андреевич напади на меня ни за что, ни про что.* В „Коньке-Горбунке“ Ершова встречается такое место: *Вот и стал тот чёрт скакать и зерно хвостом сбивать; я шутить, ведь, не умею и вскочи ему на шею.* Часто императив в смысле внезапно-прошедшего времени встречается у Крылова, передающего, как давно известно, особенно верно народную речь; приведу ряд примеров: *Иной бы был такой доволен честью, но скворушка услыхь, что хвалят соловья, ... и думает, постойте же друзья!* Скворец; — *И у друга на лбу подкарауля мужу, что силы есть, хватъ друга камнем в лоб!* Пустынник и медведь; — *Случись, однакоже, что гребень затерялся.* Гребень. — Если рассматривать слово *ну* как императив, число примеров из басен Крылова можно пополнить ещё следующими: *Лягушка, на лугу увидевши вола, затеяла сама в дородстве с ним сравняться: она завистлива была, — и ну топорициться, пыхтеть и надуваться.* Лягушка и вол; — *Увидевши слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться.* Слон и моська; — *Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбан — и ну над ним возиться.* Обезьяна; — *И новые друзья ну обниматься, ну целоваться.* Собачья дружба. — Из сказок Пушкина я приведу следующий пример: *Но царевна в обе руки хватъ — поймала!* Сказка о мёртвой царевне (хотя я и не уверен в том, относится ли этот пример, действительно, к нашей категории¹⁾); в „Станционном смотрителе“ находим такое предложение: *Барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я позабудь, где Дуня-то его живёт.* — У Лермонтова мною (при случайном чтении) замечен только следующий пример: *Сверху тогда упади перчатка с прекрасной руки, судьбы случайной игрою, между враждебной четюю.* Перчатка. — Привожу ещё примеры из Гоголя: *Случись же так, что как нарочно в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губер-*

1) Ср. ниже, стр. 70, прим. 2-ое.

натору разом две бумаги. Мёртвые души, ч. I, гл. 9; — из Островского: Обошел он Гордея Карпыча да тем да другим, ровно туманом каким, а тот-то на старости да польстись на его богатство. Бедность не порок, III; — из Тургенева: А то другой сосед у нас в те поры завёлся — Колов Степан Никтополномыч... Отец-то ему и полюбись! Однодворец Овсяников; — В эту-то Дуняшу и влюбился Аким, да так как прежде никогда не влюблялся. Постоялый двор; — И что же она, как вы думаете? возьми и поди в маленькую пику. Где тонко, там и рвётся; — На этих порах отец мой — царство ему небесное — возьми да и умри. Нахлебник, I; — Соседка у нас в ту пору завелась... . . . Ваши батюшка возьми да к ней и привяжись. Там же, II; — А тут ещё, как нарочно, подвернись другой знакомый нам гимназист, сын городского доктора, и начни хвастаться новыми часами. Часы; — Только вдруг она как поскользнулась, да навзничь, да и переломил себе ногу. Холостяк, I; — Ну, наконец, выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелёгкая её дёрнул сходить в баню. Там же; — из Толстого: Ну, и было ли, нет ли, только и дознайся мой старик. Власть тьмы, I; — И соберись они ночным делом, каторжные-то, так же вот, как и мы с тобой, и старичёк с ними. Война и мир, IV: III: XIII; — из Достоевского: Нам ведь так бы важно узнать, не видал ли кто их... , что мне и вообразись сейчас, что вы тоже могли бы сказать. Преступление и наказание, III: V; — Я вдруг и скажи ему. Братья Карамазовы, II: V: I; — И вот вдруг мне тогда в ту же секунду кто-то и шепнул на ухо. Там же, I: III: IV; — из Слепцова: И случись тот грех: только стали на мосточек везжать, навстречу им исправник. Отрывки из дорожных заметок; — Долго ли, коротко ли, только и захворай же у этого диакона жена. На железной дороге; — Ну и надоумь он меня, человек-то этот. Питомка; — Я бежать, а они и вцепись друг дружке в волосы. Сцена в больнице; — из Чехова: Посылает Окурин к Дружкову секундантов, а Дружков не будь глуп и скажи... В номерах; — из Горького: Был там мужик один. Спивакин, он и скажи: „А ну вас к нехорошей матери с царём-то!“ Мать; — А я, сударь мой, седни ночью такое видел... : иду будто мимо храма какого-то белого и хотел снять шапку, да вместе с ней и сними голову с плеч. Матвей Кожемякин, I; — Фёдоров знахарку Тиунову непосильно зашиб. Она ему

утин лечила да по старости... и урони топор на поясницу ему. Там же, II; — Ах ты, думаю, подлая! да и наступи ей на хвост — тпрр! Там же, III; — Вот однажды отец и побей меня в Балажне, а я и убёг. Там же, I; — И вот нанесло ей ветром на щеку листочек..... Она его сними да брось на землю. Там же, II; — из Якушкина: Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, он её и поколотил. Путевые письма¹⁾.

§ 4. Насколько мне известно, явление, пояснённое только что приведёнными примерами и довольно любопытное в историко-синтаксическом отношении, до сих пор оставалось необъяснённым и только, как сказано было выше, недавно вызвало со стороны Шахматова мимоходом брошенную догадку. — Буслаев в своей „Исторической грамматике русского языка“, в части, посвящённой синтаксису²⁾, говоря о значениях, принимаемых при разных условиях формами повелительного наклонения, указывает и на отмеченный мною факт употребления императива в смысле прошедшего времени (наряду с употреблением условным, в смысле „простого повеления и желанья“ и в смысле „необходимости и возможности вообще“). Но исторического (или психологического) происхождения этого загадочного на первый взгляд явления он не указывает, а только подчёркивает особый оттенок, присущий ему в отличие от форм обыкновенных прошедшего времени, а именно оттенок „быстроты действия“ и „живости рассказа“. — Миклошич в своей сравнительной грамматике славянских языков³⁾ также не пытается дать объяснение происхождения замены прошедшего времени императивом, а ограничивается лишь определением тех условий, при которых такая замена возможна и встречается в живой речи: „Die 2. sing. impt. bezeichnet in rasch fortschreitender erzählung eine schnell vorübergehende, meist vergangene handlung. Sie kann mit jeder person aller numeri verbunden werden. Es muss jedoch ein die ganze situation in die vergangenheit versetzendes verbum vorhergehen“. Определение это, как видно из наших примеров, содержит несколько неточностей. Во-первых, 2-ое лицо мн. числа, ка-

1) Некоторые из вышеприведённых примеров заимствованы мною из труда Шахматова, Синтаксис, выш. I, стр. 191.

2) Стр. 140 и след. по 5-му изданию (Москва 1881).

3) Miklosich, Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, IV: Syntax (Вена 1868—74), стр. 794.

жется, никогда не ассоциируется с формой 2-го лица ед. числа императива, употреблённой в смысле прошедшего времени; точно также мне не довелось найти ни одного примера такого употребления императива в соединении с местоимением 2-го лица единственного числа. Императив употребляется в смысле прошедшего времени только в соединении с местоимениями 1-го и 3-го лиц ед. и мн. числа, причём употребляется так только форма 2-го лица ед. числа императива, а отнюдь не форма 2-го лица мн. числа (что и указано Миклошичем). Во-вторых, мы в наших примерах не найдём основания к мнению, что явление наше зависит от особого характера самого повествования („*rasch fortschreitende erzählung*“); условием для него является только повествовательный характер речи. В-третьих, во всех наших примерах мы имеем дело только с прошедшим, а отнюдь не с проходящим (значит настоящим) временем. Наконец, в-четвёртых, можно усумниться в правильности мнения Миклошича, что императиву должна предшествовать форма прошедшего времени; императив в соединении с местоимением не 2-го лица (*он, мы, кто-то* и т. д.) может быть только понят и действительно непосредственно понимается как прошедшее время (*Кто-то и шепли на ужо*); другое дело то, что в действительности ему почти всегда предшествует форма прошедшего времени; из этого обязательного условия, конечно, делать ещё нельзя. Что касается объяснения нашего явления, то Миклошич сам сознаётся: „*Die erklärung dieser bedeutung des imperativs, die zurückführung derselben auf die ursprüngliche funktion* (т. е. функцию повелительного наклонения) *dieser verbalform ist mir nicht gelungen*“. — Так же отсутствует всякая серьёзная попытка дать историческое или синтаксическое объяснение интересующего нас явления и в „Лекциях по истории русского языка“ Соболевского¹⁾. В первых двух (или даже трёх) изданиях своего труда Соболевский не обращал совсем внимания на него, и только в четвёртом издании (на стр. 255) мы находим по поводу его несколько вскользь сказанных слов: „Не лишнее заметить, что форма 2-го и 3-го лица ед. числа [императива] с течением времени перешла из придаточных предложений

1) В моём распоряжении 2-ое (вышедшее в Петербурге в 1891 г.) и 4-ое (вышедшее в Москве в 1907 г.) издания; цитаты по 4-му изданию.

[в которых, как указывает Соболевский, выполняла исключительно функции желательного-сослагательного наклонения] в главные и стала в этих последних употребляться в качестве формы изъявительного наклонения для обозначения быстро совершившегося действия“. Если, действительно, императив перешел из придаточных предложений в главные, — что, однако, в высшей степени сомнительно, — то остаётся еще объяснить, почему он вместо желательного-сослагательной функции получил функцию изъявительно-прошедшую. Такого объяснения мы в словах Соболевского не находим.

§ 5. Попытался дать кой-какое объяснение нашему явлению впервые Дельбрюк во 2-й части своего сравнительного синтаксиса индоевропейских языков¹⁾, а вслед за ним повторил то же объяснение и Вондрак во 2-м томе сравнительной славянской грамматики²⁾. Однако объяснение это удачным назвать нельзя. Оба учёных, предполагая, что мы имеем перед собою действительно повелительное наклонение, пытаются восстановить тот психологический процесс (эллипсис), в силу которого, по их мнению, форма императива могла получить значение прошедшего времени. Они склонны думать, что в предложениях, подобных приведённым нами выше, „пропущены“ и „подразумеваются“ такие сочетания слов или предложения, которые мотивировали бы появление повелительного наклонения. Указав на то, что будто бы „bei lebhafter schilderung einer begebenheit“ повелительное наклонение появляется вместо прошедшего времени изъявительного наклонения, Вондрак, следуя Дельбрюку, поясняет свою мысль на таком примере: *Издали увидит леца да и хватъ его зубами*; эту фразу он поясняет так: „Die ursprüngliche auffassung wäre natürlich (?) die: *und nun hiess es [sagte er sich]: pack ihn mit den zähnen*“. Объяснение это просто придумано ad hoc. Неиспорченное языковое „чутьё“ немедленно подсказывает нам, что императивом в данном случае выражено отнюдь не обращение подлежащего к самому себе с повелением во 2-м лице ед. числа совершить известное

1) B. D e l b r ü c k, Vergleichende syntax der indogermanischen sprachen, ч. II (Страсбург 1897), стр. 397.

2) V. V o n d r á k, Vergleichende slavische grammatik, т. II (Гёттинген 1908), стр. 282. То же объяснение Вондрак повторяет и во 2-м изд., т. II (Гёттинген 1928), стр. 395.

действие, — ибо из такого повелительного обращения ещё не вытекало бы, что действие фактически было совершено —, а просто высказывается, что действие совершилось. Иными словами: императив употреблён не для того, чтобы передать (хотя бы эллиптически) душевное состояние или ход мыслей субъекта рассказываемого действия или события, а для того, чтобы передать представление самого рассказчика об особом характере совершенного действия, об особом способе совершения его в прошлом¹⁾. Очевидно, именно императив вернее и точнее, чем форма прошедшего времени изъявительного наклонения, передаёт этот особый способ, этот особый характер действия. Насколько, действительно, особенность его именно состоит в „быстроте“, как обыкновенно полагают, об этом ещё речь впереди. В доказательство того, что в сознании говорящего совершенно отсутствует представление об императивности (в смысле повеления), можно указать на такие случаи, когда мы имеем дело с так наз. „безличными“ предложениями (напр. *случись*); тут уж ни о каком обращении подлежащего к самому себе и речи быть не может. Другим доказательством может послужить выше приведённый пример из Пушкина: *Но царевна в обе руки хватъ — поймала*. Тут слова *хватъ* и *поймала* прямо-таки сближаются рассказчиком как две равноправные, хотя и не тождественные формы прошедшего времени, причём второй глагол поясняет первый: *хватъ* обозначает особым способом совершенное действие, необходимое для того, чтобы поймать (в данном случае яблочко), а *поймала* обозначает достижение результата этого же действия. Не довольствуясь своим объяснением, Вондрак прибавляет: „Es ist aber auch zu beachten, dass dem imperative in der regel der sofortige eintritt der befohlenen handlung folgt oder folgen soll, und so könnten in der erzählung alle derartigen handlungen, die

1) Поэтому мне кажется необходимым строго отличать наше явление от случаев эллиптического употребления императива, приводимых Кипкерсом (РВВ. XLIV, стр. 573, IF. XL, стр. 160) из немецкого языка; тут хотя бы в примере: *Aber Moritz aus der tasche zieht die flintenpulverflasche, und geschwinde, stopf, stopf, stopf! pulver in den pfeifenkopf*, совершенно ясно эллиптическое обращение Морнца к самому себе (или автора к Морнцу?), так что слова от *und* до *pfeifenkopf* можно было бы привести в кавычках. Ср. еще В e h a g h e l, Deutsche syntax (Гейдельберг 1924), стр. 247. Приношу благодарность уважаемому коллеге, проф. Э. Кипкерсу за указание названной литературы.

sofort eintreten müssen, durch die als ein erstarrter ausdruck gebrauchte imperativform ausgedrückt werden“. Применяя выражение „die als ein erstarrter ausdruck gebrauchte imperativform“, Вондрак уже ближе к истине постольку, поскольку допускает в форме императива отсутствие всякого действительно-повелительного содержания. Но по существу он и тут неправ, ибо полагает, что исконно такое содержание в ней было. Если бы он был прав в данном случае, то было бы нетрудно привести такие древнерусские примеры, в которых форма императива сохраняла бы ещё повелительное содержание. Таких примеров Вондрак однако не приводит, и есть основание сомневаться в том, чтобы они вообще имелись. Следует кроме того подчеркнуть ещё и то, что „потерявшая“, по мнению Вондрака, свой исконный, повелительный характер форма императива во всех приведённых нами примерах отнюдь не выражает „действия, долженствующего немедленно совершиться“ („handlungen, die sofort eintreten müssen“), ни даже „действия, долженствовавшего немедленно совершиться“, а выражает всегда только действие, уже (особым способом) совершонное в прошлом, — без всякой примеси прямой повелительности или обязательности¹⁾.

§ 6. Ко мнению Дельбрюка и Вондрака присоединился странным образом тонкий знаток функций русского глагола Мазон в своей известной работе о способах употребления видов в русском языке²⁾. При этом Мазон, очевидно, допускает существенную ошибку, усматривая в употреблении императива от глаголов совершенного вида в неповелительном смысле явление однородное с употреблением в том же смысле императива от глаголов несовершенного вида, т. е. ставя в одну линию примеры типа *Отец ему и приглянись* с примерами типа [*Жена сегодня гуляет или пошла гулять*] *а я переписывай бумаги*. Что касается его интерпретации примеров второго типа, то я многого возразить против неё не имею. Гласит она следующим образом: „L'impératif imperfectif... exprime... une action... non pas en tant que commandée

1) Приведённый выше пример использован мною только в виду того, что Вондрак исходит из него. На самом деле можно сомневаться, имеем ли мы перед собой „императив“ или междометие. Ср. ниже, стр. 70, прим. 2-ое.

2) А. М а з о н, *L'emploi des aspects du verbe russe* (Париж 1914). Ср. стр. 71 и след., стр. 94—95.

ni souhaitée, mais simplement en tant que constatée par le sujet parlant“. При этом Мазон предлагает особые термины для императива, употреблённого в связи с настоящим временем, и для императива, употреблённого в связи с прошедшим временем: „L'impératif peut être dit *narratif*, si la constatation se rapporte au présent, il peut par contre être dit *historique*, si la constatation se rapporte au passé“. Соглашаясь с этой терминологией, я однако нахожу, что Мазон своей интерпретацией императива несов. вида, хотя она и получила очень осторожную формулировку, всё же слишком суживает элемент повелительности, как ни как явственно ощущаемый в примерах этого типа: *Дадут ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дело шапку с него на-земь бросают; арапником. . . задевают; а он — всё смеётся да других смеши.* Тургенев, *Однодворец* Овсяников; — *Помню это, вызывает меня раз учитель к чёрной доске и диктует. . . . Через неделю опять к доске, опять пишеш.* Чехов, *Мыслитель*; — *Отработал своё и ступай по лесу ходить или в лакейскую романсы слушать.* Чехов, *Женское счастье*. — Во всех этих примерах элемент необходимости, повелительности, даже принудительности совершенно ясен. Если присмотреться к примеру, приведённому Мазоном: *Жена пошла гулять, а я — переписывай бумаги*, то вторую часть фразы, без всякой разницы в значении и содержании, можно передать другими словами так: *а я принуждён, должен, обязан, осуждён и т. д. переписывать бумаги (вместо того, чтобы погулять и самому).* В приведённых мною выше примерах императивы — это явствует из контекста — просто передают повеление господ-дворян однодворцу, учителя ученику, барина лакею. Правда, Мазон приводит такой пример: *Все взялись за работу, а он лежи на печи*; тут такая передача смысла не удаётся, так как императив как будто не означает принуждённости лежания на печи, а только установление, притом досадное, факта со стороны работающих (хотя, конечно, можно предположить, что „он“ лежит на печи по неволе, по болезни и т. д.¹⁾). Но если повествователь или рассказчик своей фразой хотел сказать, что работающие недовольны тем, кто по своей собственной воле или прихоти лежит на печи, то он свою фразу построил

1) Понимание фразы всецело зависит от контекста, которого М а з о н, к сожалению, не приводит.

неправильно. Иными словами, приведённое предложение подозрительно и вероятно сказано человеком, не совсем владеющим русским языком. Русский сказал бы: *Он лежит на печи, а мы работай*. Ощущение неправильности построения фразы, приведённой Мазоном, коренится в том факте, что элемент повелительности, представление необходимости или принуждённости именно-то и является главным условием допустимости императива от глагола несовершенного вида. — Резко разнятся от указанных примеров те случаи, когда императив от глагола сов. вида употреблён в значении прошедшего времени; в фразе *Отец мой ему и приглянись* нет ни малейшего оттенка повелительности, и тем не менее она не вызывает никаких сомнений относительно правильности построения её. Из этого нужно таким образом заключить, что глагольный вид имеет решающее значение для понимания формы императива.

§ 7. Итак ни Дельбрюк, ни Вондрак, ни Мазон не сумели правильно оценить и определить то явление, о котором идёт у нас речь. Объясняется это отчасти тем, что в их распоряжении не было сравнительного материала из иных индоевропейских языков. Видя перед собой во всех приведённых и подобных им примерах форму, определяемую в русской грамматике как форма повелительного наклонения, они не были в состоянии отрешиться от представления о том, что повелительной форме должно соответствовать и повелительное содержание, обыкновенно с нею ассоциируемое. Поэтому они стремились восстановить для каждого отдельного случая тот предполагаемый мыслительный процесс, из которого мог бы получиться в результате переход значения императива в значение прошедшего времени. На деле же мы не имеем ни такого перехода ни замещения формы прошедшего времени формой повелительного наклонения. Ибо если бы оно имелось, то, конечно, нужно было бы ожидать также не только употребления 2-го лица ед. числа повелительного наклонения в смысле 2-го же лица того же числа прошедшего времени, но и употребления 2-го лица мн. числа повелительного наклонения в смысле 2-го лица мн. числа прошедшего времени; иными словами, нам удалось бы привести примеры такого рода: *Ты пришол да и скажи ему, Вы пришли да и скажи(те) ему*. Таких случаев в действительности нет: употребляется в смысле про-

шедшего времени всегда только форма 2-го лица ед. числа императива для всех лиц за исключением именно 2-го лица ед. и мн. числа. Чем это объясняется? Конечно тем, что при употреблении императива для 2-го лица ед. и мн. числа в нашем сознании неминуемо появляется представление сильно подчеркнутой повелительности. Следовательно, русский язык, употребляя форму императива в значении прошедшего для 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа, но не для 2-го лица, избегает возможности появления повелительности и только имеет в виду изъявительность. Из этого нужно заключить, что форма „императива“ только по внешнему виду, только со звуковой стороны совпадает в нашем случае с формой повелительного наклонения, по существу же и по историческому происхождению отнюдь не может быть настоящей формой повелительного наклонения. Что же, стало быть, перед нами? Приходится сказать, что перед нами пока-что загадочная форма прошедшего времени с особым оттенком, „случайно“ совпавшая с формой 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Наша задача поэтому и состоит в том, чтобы объяснить историческое происхождение этой странной формы, а вместе с тем и причины совпадения её с формой императива.

§ 8. Единственно возможным и, как мне кажется, безупречным объяснением нашего явления представляется мне предположение, что мы имеем дело с сохранившейся в виде пережиточного, „окаменевшего“ остатка формой аориста. Другими словами, мнимая форма 2-го (и 3-го) лица ед. числа повелительного наклонения, употребляемая в функции прошедшего времени, по происхождению своему совсем не императив, а аорист, совпавший с течением времени в силу особых обстоятельств чисто внешним образом с формой императива и вследствие этого отождествляемый грамматикой ошибочно с нею. Чтобы подтвердить такое предположение, необходимо обратиться за свидетельствами к древнерусским текстам. Возьмём в качестве отправного пункта следующую фразу, найденную мною в одном из опубликованных Тихонравовым древнерусских отречённых текстов¹⁾: *Царь же (Соломонъ) не понеси ему ни въ чемъже и посла его посольствомъ на страну далечю.*

1) Н. С. Тихонравов, Памятники отречённой русской литературы, т. I (Петербург 1863), стр. 264—265.

Мы в данном случае имеем две глагольные формы *понеси* и *посла*, причём, очевидно, за обеими формами предполагаются совершенно тождественные синтаксические функции; но в то время как форма *посла* несомненно имеет значение 3-го лица ед. числа аориста (*послахъ, посла* и т. д.) от глагола *послать*, спрягаемого согласно классификации Лескина¹⁾ по образцу третьего спряжения, слово *понеси* формально является императивом от глагола *понести*, спрягаемого по системе первого спряжения²⁾. Не может быть сомнения в том, что для автора данного текста, вернее его переписчика, никакой грамматической разницы между обеими формами не было: форма *понеси*, на вид императивная, стоит в совершенно тех же внешних и внутренних условиях, что и форма *посла*, несомненно аористическая; и та и другая исполняют в предложении точно ту же функцию, функцию простого прошедшего (аориста) для обозначения единичного, обывшегося в прошлом факта вне всякого отношения к настоящему с точки зрения автора времени. Другими словами, вместо ожидаемого нами „правильного“ аориста *понесе* мы находим „неправильную“ форму *понеси*. Неправильность этой формы, совпадающей с императивом, писцом, очевидно, не сознавалась. Теперь можно было бы предположить, что писец допустил просто ошибку в силу слабого знания чуждого ему церковного языка; можно было бы предположить, что, благодаря исчезновению аориста из собственного языка писца, из языка русского, писец этот случайно образовал неправильную форму, что желая образовать форму аориста, он образовал её по иному спряжению (четвёртому), чем следовало. Такое заключение, однако, едва ли будет правильным. Во-первых, в том же тексте мы уже не находим подобных ошибок; аористы от глаголов первого спряжения образованы у него правильно по законам церковнославянского языка; он, очевидно, грамматику его знал. Во-вторых, можно спросить: почему же, зная грамматику церковнославянского языка, он „смешал“ аорист с императивом? почему не „смешал“ он его с обычной в его языке формой прошедшего времени *понесъ*? Приходится ответить, что поста-

1) A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) sprache. 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 123.

2) Там же, стр. 122.

вил он вместо церковнославянского аориста *понесе* форму *пони* просто потому, что эта последняя форма в его собственном, т.-е. русском языке и была аористом. В-третьих, наконец, можно указать ещё и на то, что наш пример, взятый из текста 15-го или 16-го века, случай не единственный; такие случаи встречаются и в других памятниках, как ниже будет указано. Спрашивается: каким же образом, в силу каких обстоятельств глаголы типа *понести* в русском языке могли получить аорист на *-и*? т.-е. каким образом могло произойти в сознании русских людей „смешение“ аориста с императивом?

§ 9. Единственное объяснение, которое можно дать этому явлению, должно основываться на хорошо известном и характерном для русского языка факте постепенного исчезновения из него унаследованных из праславянского языка отдельных форм аориста. Напомним вкратце об основных явлениях этого процесса. Утрата аориста, кажется, происходила на всей территории русского языка далеко не равномерно. Очень рано процесс утраты аориста был закончен в южнорусских и западнорусских говорах. В произведениях церковного характера, а также в летописях формы аориста в силу традиции, конечно, сохранялись; но если обратиться к южно- и западнорусским памятникам светского характера, напр. к грамотам, то можно установить полное отсутствие древних форм аориста. По указанию Н. Дурново¹⁾, отсутствие это наблюдается уже в древнейшей грамоте, так наз. Мстиславовой грамоте 1130-го года. При этом можно установить всё растущее распространение форм прошедшего сложного на *-лъ*, *-ла*, *-ло*, *-ли* за счёт форм древнего аориста. В севернорусских говорах, по мнению Дурново, употребление форм аориста сохранилось несколько дольше; но если формы аориста (напр. *се дахъ*, *се дасть*, *се выкупи*, *обиниша*, *пояши* и т. д.) изредка ещё встречаются в новгородских и двинских грамотах 14-го и 15-го веков, то в этом усматривать указание на сохранение исконых форм аориста в живой речи ещё нельзя, ибо формы эти, как подчёркивает и сам Дурново, встречаются „больше в традиционных формулах“ и поэтому скорее всего должны рассматриваться как архаизмы, характерные для „канцелярского“ слога вообще. Правильным по-

1) Н. Дурново, Очерк истории русского языка (Москва 1924), стр. 327.

этому можно считать мнение, высказанное уже Буслаевым¹⁾, что утрата древних форм аориста в русском языке и замена их формами прошедшего сложного или описательного должна быть отнесена к 12-му веку. К такой датировке близко подходит мнение Шахматова²⁾, определяющего время утраты форм аориста в русском языке несколько более осторожно 12-м и 13-м веками; наряду с некоторыми иными особенностями он относит и исчезновение форм аориста к признакам обособившегося древнерусского языка. Мне, однако, думается, что история аориста в русском языке далеко не исчерпывается простым установлением утраты форм его; процесс этот, кажется, был гораздо сложнее. Такое мнение подтверждается при более пристальном рассмотрении тех условий, при которых формы аориста исчезают, тех явлений, коими утрата его сопровождается. Укажу здесь вкратце на некоторые из них. Менее важным представляется мне то обстоятельство, что процесс постепенного исчезновения из языка „правильных“, т.-е. древнецерковнославянских форм аориста на всём своём протяжении сопровождается легко объяснимым явлением смещения отдельных форм аориста с соответствующими им (а иногда даже совсем не соответствующими) формами имперфекта. На это явление указывал уже и Соболевский в своих „Лекциях“³⁾. Очевидно, древнецерковнославянские формы и аориста и имперфекта были одинаково чужды языковому сознанию писцов и сливались в нём в качестве особенных, книжных форм для прошедшего времени. В гораздо более высокой степени интересен и важен для нас иной факт, факт утраты исчезающим аористом категории числа. С одной стороны вместо ожидаемого 3-го лица мн. числа аориста мы в древнерусских текстах нередко встречаем форму 3-го лица ед. числа (иногда даже 1-го лица ед. числа), с другой стороны, наоборот, вместо форм единственного числа 3-ье лицо мн. числа аориста. Для случаев последнего типа Соболевский м. пр. приводит такую фразу из сочинения Котошихина: *Иванъ Грозный сына своего смири на оный*

1) Ф. Буслаев, Историческая русская грамматика, ч. II (Москва 1881), стр. 134.

2) А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I (Петроград 1916), стр. 85.

3) См. стр. 236 названного труда.

свѣтъ, пробѣша его осноумъ своимъ. Здесь 3-ье лицо мн. числа употреблено непосредственно вслед за 3-им лицом ед. числа, единственно „правильным“ в данном случае¹⁾. Что касается употребления 3-го лица ед. числа вместо 3-го лица мн. и двойств. числа, то можно указать на следующие примеры, приводимые А. А. Никольским в его исследовании о языке Ипатской летописи (1425)²⁾: *Чернорисци поча* (вм. *почана*) *множитися* и *Святославъ же Всеволодовичъ и Рюрикъ... не стряня поиде* (вм. *пойдосте*). Шахматов в своём исследовании о двинских грамотах 15-го века³⁾ также привёл целый ряд примеров употребления 3-го лица ед. числа аориста вместо того же лица двойственного или множественного числа, напр. *Се купи Костянтинъ и его братья, Се купи игумень Василии и Родивонъ старецъ и все черньци, И да Костянтине и его братья, Се заложит Обросимъ и Лаврентеи Васильевы дѣти* и т. д.⁴⁾. Точно также и Соболевский в своих „Лекциях“⁵⁾ приводит подобные же примеры из текста 17-го века (Житие преподобного Адриана Пошехонского): *Мучители рече, Нача старосты вопрошати*. Спрашивается, как нужно об'яснять такое употребление формы одного лица вместо формы совершенно иного лица, формы одного числа вместо формы совершенно иного числа? Над этим вопросом до сих пор никто не задумывался, ибо очевидно считали, что явление это вполне понятно. И действительно, ближайшая причина этого смешения лиц и чисел будет состоять в том, что исконные формы аориста в живом русском языке уже никакого соответствия не находили и поэтому в качестве форм чисто книжных стали смешиваться в сознании русских писцов, желавших пощеголять своими познаниями, но обладавших познаниями весьма скудными.

§ 10. Но такое об'яснение, как мне думается, несколько односторонне. Можно предположить, что за фактом смешения форм ед. и мн. числа аориста в древнерусских текстах кроется

1) Вопрос, однако, не стоит ли здесь *пробѣша* вместо причастия. Эту догадку высказал уже С. И. Маслов в своих „Лекциях по истории русского языка“ (литогр. изд., Киев 1914), стр. 200.

2) РФВ. XLII, стр. 77—78.

3) Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3 (Петербург 1903), стр. 118.

4) Тут несомненно следует считаться ещё с тем, что сказуемое стоит перед группой подлежащих, из которых первое дано в единственном числе.

5) Стр. 237.

параллельное явление в живом древнерусском языке. Такое предположение возможно, конечно, только в том случае, если в последнем, т. е. живом древнерусском языке, в противоположность всем существующим на этот счёт мнениям, сохранилась пережиточная форма аориста. В виду нижеследующих соображений я склонен думать, что дело именно так и обстояло, причём я полагаю, что первый этап в процессе утраты отдельных, унаследованных из праславянского языка форм аориста состоял в том, что 3-ье лицо ед. числа мало по малу расширяло свои права и функции за счёт всех остальных форм, или — скажем осторожнее в виду того, что наши примеры затрагивают только 3-ье лицо мн. числа, — за счёт именно этой формы. Таким образом могли совпасть в одной форме 2-ое, 3-ье лицо ед. и 3-ье лицо мн. числа. Так как кроме двух последних употребительной могла ещё быть форма 1-го лица ед. числа, то постепенно и на функцию этого лица могла быть распространена форма 3-го лица ед. числа. Важную роль при этом должно было сыграть прежде всего то обстоятельство, что аорист в качестве времени „исторического“ был более или менее обязательным в рассказе о событиях, воспринимаемых вне всякого отношения к настоящему времени, т. е. ко времени рассказа, но тем не менее в качестве минувших. В таком рассказе, конечно, должны были преобладать формы 3-го лица ед. числа, постольку, поскольку героем его обыкновенно являлось одно лицо. Реже героями его могли являться два и три лица, ещё реже сам рассказчик, почти никогда несколько рассказчиков или тем менее лицо или лица, к которым рассказ был обращён. Это обстоятельство должно было сильно способствовать расширению сферы функции 3-го лица ед. числа аориста. Ещё более способствовало ему другое обстоятельство, а именно факт совпадения во многих случаях формы 3-го (и 2-го) лица ед. числа аориста с формой 2-го (и 3-го) лица ед. числа императива. А так как мы имеем основание полагать, что форма ед. числа императива в живой речи не только теперь, но и в более древние эпохи охотно употреблялась в соединении со всеми лицами ед. и мн. числа (за исключением, кажется, 2-го лица мн. числа), то неудивительно, что то же самое происходило параллельно и с „окаменевшей“ формой 3-го лица ед. числа аориста. Следует ещё только спросить, как именно могло произойти сближение и на-

конец окончательное отождествление формы аориста с формой императива? Я представляю себе этот процесс следующим образом. Начался он с глаголов 4-го спряжения, т.е. глаголов, оканчивающихся в неопределённом наклонении на *-ити*, *-ить*. Глаголы эти, как каузативно-девербативные так и деноминативные, как известно, в славянских языках количественно преобладают над глаголами остальных спряжений и, по свидетельству С. Карцевского¹⁾, в русском языке принадлежат к числу наиболее продуктивных глаголов. Форма 3-го (и 2-го) лица ед. числа аориста от этих глаголов оканчивалась, как известно, на *-и* и совпадала таким образом с формой императива. Правда, была разница в ударении, так как форма 3-го лица ед. числа аориста исконно по отношению к ударению согласовывалась с ударением настоящего времени, а не императива²⁾; но возможно, что в русском языке и тут произошло сближение уже в силу одного того, что когда-то остальные лица аориста имели то же ударение, что и императив. В известных случаях (напр. *прослави замети постави*) совпадение 3-го лица ед. числа аориста с императивом всё же и по отношению к ударению было полное³⁾. Вследствие такого процесса и формы аориста типа *смирѣ купи заложѣ погубѣ скочи попрѣси*, перенеся ударение на окончание, начали вслед за формами *прослави замети постави* и т. д. рассматриваться как тождественные с формой императива (*смирѣ купи заложѣ* и т. д.). Путём обычного в жизни языка обобщения по аналогии совпадение, в начале процесса лишь случайное и частичное, неминуемо должно было повести к полному отождествлению аориста с императивом от глаголов всех спряжений, безразлично, совпадали ли эти формы исконно или нет. Получалась, таким образом, возможность „упрощённого“ образования аориста-императива. Сначала этот процесс вероятно затронул и другие классы глаголов спряжения на *-и*, так что появились формы типа *полети повели зашумѣ* вместо *полетѣ повелѣ зашумѣ*; затем в сферу влияния аналогии были втянуты и глаголы 1-го спряжения (с основами на *-о-/-е-*) и стали образовываться аористы *понеси приведи* вместо *понесе*

1) *Slavia*, т. I (Прага 1923), стр. 245.

2) Ср. А. Meillet, *Le slave commun* (Париж 1924), стр. 212.

3) Ср. А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, вып. I (Ленинград 1925), § 231, стр. 189.

приведе; наконец то же самое произошло с глаголами 2-го спряжения (основ на *-но-* : *-не-*) и 3-го спряжения (основ на *-је-*), и создались аористы типа *крикни помяни познай скажи убей* вместо *крикну помяну позна сказа уби* и т. д.

§ 11. В виду всего выше сказанного я считаю себя в праве полагать, что в цитированной уже по памятнику 16-го века фразе *Царь же не понеси ему ни въ чемъ же и посла его посольствомъ на страну далечю* форму *понеси* нельзя объяснять ни как результат простой описки, ни как результат незнания писцом „правильной“ формы *понесе*, а нужно видеть в ней прямой отголосок произошедшего в живом древнерусском языке отождествления формы аориста с формой императива. Весьма ценно было бы, если бы удалось собрать целый ряд подобных же примеров. Но, к сожалению, уже наперёд можно сказать, что много таких примеров едва ли найдётся в виду того, что в памятниках светско-договорного характера сравнительно редко приходилось прибегать к аористу как форме „исторической“, а в памятниках церковного характера всегда нужно считаться с особенно определённым стремлением писца или автора, как-никак знатоков церковнославянской грамматики, к возможно более правильному и выдержанному употреблению форм традиционного церковного языка. К тому же, вероятно, нужно считаться ещё с тем, что народный аорист-императив, как будет сказано ещё подробнее ниже, получил несколько иной семаснологический оттенок чем тот, который был свойствен исконному аористу. Подыскивая примеры отождествления аориста с императивом, мы наконец в сущности принуждены отказаться от привлечения таких случаев, когда аорист и императив совпадали по форме (хотя и не всегда по ударению) в древнецерковнославянском языке. Если взять напр. следующую фразу из „Задонщины“¹⁾: *И помолися Богу и Пречистой Его Матери и всъмъ святымъ Его и прослезися горько*, то формы *помолися* и *прослезися* сами по себе могут быть и императивом и аористом. Даже в таком случае; *Бъси же шедъ похити ю на переходи идущу еи ис полаты отъ матери и в'садиша ю в сандалъ*²⁾, нельзя определённо говорить о том,

1) Ф. Буслаев, Русская хрестоматия, изд. 10-ое (Москва 1907), стр. 199.

2) Памятники отречённой русск. литературы, изд. Н. Тихоново-вым, т. I, стр. 270.

что форма *похити* является императивом, хотя мы и ожидаем формы *похитишиа*, ибо она может рассматриваться и как аористическая форма, употреблённая не в том числе; это пожалуй подтверждается и формой *шедъ* вм. *шедше*. Таким образом отпадают все глаголы на *-ити*, т.-е. самая крупная и следовательно наиболее часто употребляемая глагольная группа. В древнерусском тексте (14-го века) „Жития Варлаама и Иоасафа“ мы находим такую фразу¹⁾: *Възрѣвъ убо и видѣ двѣ мыши, бѣлу бо едину, другую же черну... Посмотри же во дно пропасти и видѣ змѣя страшно видѣньемъ и огнемъ дышуща*; тут опять возможно сомнение иного рода: с точки зрения русского глагола *смотреть* форма *смотри* приобретает вид императива, но с точки зрения глагольной (диалектической) формы *смотрити* является совершенно правильно образованной формой аориста. Соболевский в своих „Лекциях“²⁾ приводит выписки из следующей фразы из одной грамоты 1518-года о насильном владении³⁾: *И коли, господине, Фоанъ старецъ з братьею и староста называютъ ту землю своею Володимировскаго селца, и они, господине, возми образъ Пречистые да поведи, и ты нам, господине судья, туды и межю учини*; было бы очень заманчиво вслед за ним видеть в формах *возми* и *поведи* формы императива, употреблённые в смысле 3-го лица мн. числа прошедшего вр., т.-е. формы аориста 3-го лица ед. числа вм. мн. числа; но в данном случае можно, кажется, рассматривать указанные формы и как императив с сослагательным смыслом; так поступает впрочем и Шахматов⁴⁾. Уже вполне недвусмысленный пример мы находим в следующем случае: в рукописном списке „Синописа“ („си рѣчь Описаніе всего мира“) 1680-го года, хранящемся в Копенгагене в Большой Королевской Библиотеке⁵⁾, я нашол такое предложение: *Въ же Иоуалентіанъ юнъ и сластолюбивое его и неудержжанное плотолюбіе жизни*

1) Цитирую по труду П. В. Владимирова, Древняя русск. литература киевского периода XI—XIII веков (Киев 1900), стр. 105.

2) См. Лекции, 4-ое изд., стр. 255.

3) См. Архив П. М. Строева, т. I (= Русск. ист. библиотека, изд. Археогр. Коммиссией, т. XXXII), стр. 152.

4) В указ. труде, вып. I, стр. 192.

5) Ср. у И. И. Срезневского в „Сведениях и заметках...“ в Сборнике ОРЯС. XII (1875), стр. 358, и в моей статье в Nordisk tidskrift för bok- o. biblioteksväsen, т. V (Стокгольм 1918), стр. 250.

лиши его и царства и блуду обещника низведи в' поругание. Тут уже никак нельзя сомневаться в том, что форма *низведи*, стоя рядом с *бъ* и *лиши*, явно исполняет функцию аориста, хотя на деле вполне тождественна с императивом, и стоит вместо „правильного“ *низведе*. Далее весьма характерной мне кажется фраза, которую мы находим под 6856-м годом в так наз. 1-ой Новгородской летописи¹⁾: *В то же время ноци загорися на Волосовъ улицъ, на преставленіе Іоанна Богослова, и погоръ улица Волосова не вся, Дыбрыня улица не вся же, а Пруская улица добръ горъ, и церковь святая Богородица огоръ, Чюдинцева улица и до поля, и Людога, церквий деревяныхъ горъ 4; а пръвѣ того, той же осень, загорься Фларевъ на Людогаи улици и сгори церковь одина въ обѣдъ годъ.* Этот пример, по моему, доказывает, что писец вполне определённо знал „правильную“ форму аориста от глагола *-горѣти* (*погоръ горъ огоръ сгоръ загорься*), но если он тем не менее два раза употребляет рядом с правильными и неправильные (*загорися сгори*), совпадающие внешне с формой императива, то в этом отступлении следует видеть не ошибку, а скорее невольную уступку в пользу формы, свойственной живому языку самого писца²⁾. В данном случае, правда, следует считаться ещё с тем, что в севернорусском наречии очень распространено было диалектическое произношение праслав. *ě* как *i*. Уже Шахматов в „Очерке“³⁾, между прочим, приводил из древнерусских текстов 14—16-го вв. такие аористические формы: *хоти възхоти възхоти* (вм. *-хотѣ*), *повелі* (вм. *повелѣ*), *оузри* (вм. *оузрѣ*) рядом с формами других лиц (*болихъ видихъ повелиша* и т. д.). В. Виноградов в „Исследованиях в области фонетики севернорусского наречия“⁴⁾ приводит подобные же формы из древнепсковских текстов 15-го века (*оузри призрѣ виюми възгреми*). Но эти факты не только не противоречат нашей мысли, но, напротив, подтверждают её, давая нам ещё один довод в пользу

1) Новгородская летопись по синодальному харатейному списку (Петербург 1888), стр. 349.

2) Любопытно, что в Акад. и Толст. списках в указанных местах читаются правильные формы *загорься сгоръ*.

3) А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка (= Энциклопедия слав. филологии, вып. XI : 1, Петроград 1923), стр. 193—194.

4) Известия ОРЯС., том XXIV : 2 (Петроград 1923), стр. 193—194.

возможности полного фонетического сближения форм аориста и императива у глаголов на *-ѣти*. В виду наших примеров мы уже в праве во многих случаях толковать и такие формы, которые могут быть в одинаковой мере и аористом и императивом, т.-е. формы глаголов на *-ити*, как „аористические императивы“, если нет особо веских данных для предположения, что автор сознательно стремился к сохранению правильного, т.-е. книжного аориста. Приведем одно место из „Повести о Горе и Злосчасти“ по рукописи начала 18-го века¹⁾: *Бывали люди у меня, Горя, ... и я ихъ, Горе, перемудрило: учинися имъ злосчастіе великое.* Подчеркнутая форма может быть и регулярным аористом и „аористическим“ императивом; но в виду полного отсутствия в нашем тексте форм аориста от глаголов с другой основой (не на *-и*), я предпочитаю видеть в ней императив. Возьмём ещё один пример из того же источника: *Вставалъ молодець на скоры ноги, стоя молодець закручинилъ, а самъ говоритъ таково слово... И въ тотъ часъ у быстры рѣки скочи Горе изъ-за камени.* Тут, по моему, также нет никаких особых причин видеть в форме *скочи* не императив, употреблённый в смысле аориста, а именно правильный аорист; мы с этим примером подходим уже совсем близко к новейшим временам и завязываем связь с примерами, приведёнными в начале этой работы: между фразой *Скочи Горе изъ-за камени* и фразой из „Конька - Горбунка“ *Вскочи ему на шею разницы, разумеется, никакой нет.* Весьма возможно — и это мне хотелось бы особо подчеркнуть, — что при постепенном переносе функций аориста на форму императива немало важную роль сыграли соответствующие формы глагола *случиться прилучиться*; среди наших примеров было немало таких, в которых форма *случись* играла роль как бы вводного слова, повествовательной формулы. При изучении разного рода русских „историй“ романического содержания оказывается, что они — при более или менее правильном употреблении аористов — изобилуют примерами использования вводной формулы указанного рода. Приведу ряд примеров: *И случися нѣкоему злодѣю прибѣчи на его дворъ и сохранитися ту,*

1) Цитирую по Русской хрестоматии Буслаева, стр. 339 и 341—342.

Повесть о Дракуле¹⁾; — *Случися, какъ егда въ пятнадцати мильяхъ отъ тое горы быша, и поразише ихъ волна сильная*, История о славном короле Брунцвике²⁾; — *Прилучися же Брунцвику въ нѣкое время снйти съ горы, там же*³⁾; — *Случися же Брунцвику выидти на высокую гору, там же*⁴⁾; — *И случися ему ѣхати мимо брата Раимунда*, История о Мелюзине⁵⁾; — *Аще и благополучно уже пловуше, однако же случися мимо разбойническаго городка плыть*, История о гишпанском шляхтиче Долторне⁶⁾; — *Въ нѣкое же время случися разныхъ государствъ купеческимъ тридцати кораблямъ мимо ихъ града плыти*, там же⁷⁾. — По моему, не может быть никакого сомнения в том, что форма *случись* хотя бы в цитате из басни Крылова *Случись, что гребень затерялся* вполне тождественна с вышеприведёнными примерами и следовательно аористического происхождения.

§ 12. Эти факты заставляют меня думать, что мы едва ли в праве ограничиться для объяснения случаев употребления императива в смысле прошедшего времени в живом, народном русском языке предположением о их сложно-эллиптическом характере. На самом деле придётся видеть в приведённых выше из древнерусских текстов, правда, далеко не многочисленных примерах доказательства проникновения в литературный язык такой черты, которая была свойственна именно современному этим текстам, живому русскому языку. Нужно следовательно допустить, что в живом русском языке, утратившем все остальные, исконные формы аориста, всё же сохранилась до нашего времени „окаменевшая“ форма (2-го и 3-го лица ед. числа, получившая функции всех остальных лиц за исключением 2-го лица ед. и мн. числа. Если сохранилась лишь эта форма, в то время как все остальные исчезли,

1) Цитирую по рукописи 15-го века, напечатанной Буслеевым в Русской Хрестоматии, изд. 10-е (Москва 1907), стр. 211.

2) Цитирую по изд. М. Петровского, ПДП. LXXV (Петербург 1888), стр. 33.

3) Там же, стр. 37.

4) Там же, стр. 39.

5) Цитирую по изд. ПДП. XLII—LX (Петербург 1882), стр. 106.

6) Цитирую по рукописи 18-го века, изд. А. И. Пыпиным, ПДП. LXIV (Петербург 1887), стр. 13.

7) Там же, стр. 8.

то объясняется это именно тем консервирующим влиянием, которое исходило (благодаря совпадению с ней) от формы 2-го (и 3-го) лица ед. числа императива. Точно так же объясняется и распространение „окаменевшего“ аориста на все остальные лица ед. и мн. числа: и этот факт находит себе объяснение в том обстоятельстве, что 2-ое (и 3-ье) лицо ед. числа императива в живом русском языке может стоять вместо остальных лиц ед. и мн. числа. Если из этого правила нужно исключить 2-ое лицо ед. и мн. числа, т.е. именно те лица, с которыми повелительное наклонение особенно тесно ассоциируется в нашем представлении, то и в этом нет ничего удивительного: формы 2-го лица ед. и 2-го лица мн. числа императива, употреблённые в смысле прошедшего времени с местоимениями *ты* и *вы*, слишком неразлучны с представлением повелительности. Впрочем, теоретически всё же случаи такого рода: *ты и шепни ему на ухо* или *вы и шепни ему на ухо* (в смысле *ты и шепнул*, *вы и шепнули*), по моему, мыслимы, хотя язык их повидимому избегает; во всяком случае мне не удалось найти примеров, подходящих под эту формулу. Если, наконец, только императив от глаголов сов. вида приобретает функцию своеобразного прошедшего времени, а императив от глаголов несов. вида не приобретает её¹⁾, то это имеет свою причину в том факте, что аорист вообще давно обнаруживает тенденцию к исключительному образованию от глаголов сов. вида и избегает глаголов несов. вида. Правда, Ю. Поливка в своей рецензии на книгу К. Мейера (*Historische grammatik d. russ. sprache*), помещённой в *Slavia*, т. II, стр. 718 и след., приводит следующую фразу из одной белорусской сказки: *Вот яны бися, дярыся*; здесь перед нами как будто действительно формы „окаменевшего“ аориста от глаголов несов. вида. Но весьма вероятно догадка Поливки о том, что мы тут имеем дело с сознательным, хотя и неудачным подражанием церковнославянскому языку, в роде других, приводимых Поливкой там же примеров. К сожалению, Поливка не приводит контекста, в котором стоит приведённая им фраза. Мне в виду всего сказанного представляется неопровержимым, что мы в русском языке имеем вполне определённый, пережиточный

1) О случаях употребления императива от глаголов несов. вида в контексте форм прошедшего времени см. ниже, § 14.

след аориста. С чувством удовлетворения привожу поэтому мысль, высказанную и Шахматовым и подтверждающую авторитетно мой вывод: „В русском языке, быть может, в связи с потерей им форм аориста, в звуковом отношении близкие к аористу формы повелительного наклонения... получили значение прошедшего времени; такое их значение обусловило их сочетание с подлежащими; не уподобляясь им, оставаясь неизменяемыми формами, ... [они] являются в функции сказуемого“¹⁾.

§ 13. Допуская таким образом, что форма императива, выступая в роли сказуемого, не согласованного с подлежащим, и обозначая время прошедшее, по своему происхождению является формой аориста, мы всё-таки не в праве ограничиться таким определением значения императива-аориста. Ясно, что императив-аорист в предложении типа *Случись, что гребень затерялся* не тождествен с формой обычного прошедшего времени в предложении *Случилось, что гребень затерялся*; между этими предложениями ощущается довольно резкая разница; представление о том, как случилась потеря гребня, далеко не одно и то же. Стремясь ближе определить видовой характер императива-аориста, обыкновенно подчёркивают быстроту выражаемого им действия. Так уже Буслаев усматривал в нём „быстроту действия“ и „живость рассказа“²⁾. Подобным же образом Миклошич определял значение императива-аориста словами: „eine schnell vorübergehende, meist vergangene handlung“²⁾. Соболевский тоже думает²⁾, что наша форма служит „для обозначения быстро совершившегося действия“. Так же понимает наше явление Вондрак. Овсяннико-Куликовский в своём „Синтаксисе“³⁾, не указывая даже на то, что наша форма обозначает действие совершившееся, видит в содержании её только оттенок „неожиданности, внезапности“. В изданном им и Сакулиным „Синтаксисе“⁴⁾ роль императива-

1) Шахматов. Синтаксис, § 190, т. I, стр. 165. Ср. там же § 231, т. I, стр. 189: „Возможно, что употребление (повелительного наклонения) в значении прошедшего вызвано влиянием аориста“.

2) См. выше § 4.

3) Синтаксис русского языка, изд. 2-ое (Петербург 1912), стр. 121.

4) Практический курс синтаксиса русского языка (Петербург 1912), стр. 138.

аориста определяется приблизительно так же: по их мнению он употребляется „для выражения неожиданности, необдуманности, быстроты действия“. Наконец, и Шахматов¹⁾ усматривает „значение более или менее внезапного наступления или проявления глагольного признака в прошедшем“, „значение внезапно наступившего прошедшего времени“, „особое видовое значение (обозначает мгновенное или неожиданное проявление действия)“. Все перечисленные определения кажутся мне не совсем точными. Чтобы получить вполне исчерпывающее определение нашей формы, необходимо сначала установить, какое значение следует приписать славянскому аористу. К сожалению, значение это ещё далеко не определено в науке. Лескин²⁾ находил возможным определить значение аориста в отличие от имперфекта следующим образом: „Das imperfekt stellt den andauernden verlauf einer handlung in der vergangenheit dar (es beschreibt), der aorist konstatiert nur, dass die handlung stattgefunden hat“. Вондрак³⁾ определяет значение аориста приблизительно так же („konstatiert zunächst eine tatsache, die in der vergangenheit stattgefunden hat“). Точно также Мейе в аористе видит „la forme employée pour raconter des événements passés“, „la forme qui sert à énoncer un fait passé“⁴⁾. Высказывались, однако, и иные мнения: так некоторые учёные⁵⁾ приписывают аористу видовое значение недлительности, однократности, моментальности, мгновенности; другие полагают, что аорист обозначал действие, начавшееся в прошлом⁶⁾; существует также мнение, что аорист просто

1) Синтаксис, § 90, вып. I, стр. 88, § 168, вып. I, стр. 154, § 562, вып. II, стр. 77.

2) Handbuch der altbulgarischen sprache, 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 172.

3) V o n d r á k, Altkirchenslavische grammatik, 2-ое изд. (Берлин 1912), стр. 584.

4) Meillet, Le slave commun (Париж 1924), стр. 207, 217. Ср. стр. 223.

5) Напр. С. М. Кульбакин, Древне-церковно-славянский язык (Харьков 1917), стр. 160. — Ср. также у Вондрака, в указ. труде, стр. 584, где аорист характеризуется как „eine punktuelle handlung in der vergangenheit“.

6) См. статью Яна Лося, Syntaktyczne użycie form gramatycznych в 3-м томе 3-ей части Encyklopedji Polskiej (Język polski i jego historia, часть 2, Краков 1915), стр. 136. Ср. также сборник „Gramatyka języka polskiego“ (Краков 1923), стр. 339.

был формой прошедшего времени совершенного вида¹⁾. Шахматов²⁾ определяет значение аориста так: „Древнейший аорист означал, как можно думать, прошедшее событие как факт, независимо от способа его проявления, т.-е. независимо от видовых различий“. Мне кажется, что с последним определением можно вполне согласиться, разве только присовокупив ещё, что значение аориста было также независимо от всякого отношения к моменту рассказа, отношения, как известно, получавшего своё выражение в перифрастическом сочетании причастия на *-ъ* с формой вспомогательного глагола. По мере того, однако, как в праславянском языке начало шириться последовательное деление глаголов на два видовых класса, а аорист вместе с тем стал ограничиваться классом глаголов сов. вида, последний приобретал значение результативного действия и отличался от формы сложного прошедшего оттенком однократности. В то время как формы типа *sъdělalъ jestь* обозначали действие, результат которого простирается до времени говорения, формы типа *sъdělaxъ* обозначали действие, пришедшее к результату, но не простирающееся до момента говорения. Отсутствие представления о длительности результата действия могло повлечь за собой возникновение представления о непродолжительности или мгновенности самого действия. Оттенок однократности, на который указывает впрочем и Шахматов, или — вернее — мгновенности, присущий нашей форме, может таким образом быть выведен из понятия аориста. Эта видовая особенность, следовательно, состоит не в быстром, неожиданном наступлении действия, а в мгновенном проявлении самого действия, в моментальном совпадении начала и конца этого действия. Но и такое определение ещё не исчерпывает всего содержания императива-аориста; привходит ещё иной оттенок. В примерах такого типа: *Он ему и шепни на ухо, Он ему и скажи, Она возьми да поскользнься* ощущается кроме оттенка мгновенности действия (который мог бы быть выражен и просто посредством глагола однократного вида) ещё и элемент неожиданности, неумышленности, нечаянности действия; неожиданным или неумышленным оно является не только для говорящего лица, но и

1) Ср. Лосъ, *Gramatyka staroslowiańska* (Львов-Краков 1922), стр. 182

2) Синтаксис, § 561, 562, вып. II, стр. 76, 77.

для самого суб'екта действия. Мы имеем впечатление, что лицо действующее, суб'ект действия совершил его как бы помимо своей собственной воли, „по наитию“, „по воле судьбы“. Этот элемент независимости действия от воли действующего при известных условиях, в определённом контексте может приобретать оттенок предопределённости, неминуемости, неизбежности, рока, судьбы, случая и — так мне думается — должен быть отнесён на счёт семантического влияния императива. Постольку, поскольку наша форма по происхождению является аористом, этот элемент, конечно, является несущественным; но постольку, поскольку она совпадает в современном языке с формой императива, он необходимо привходит в силу понятной ассоциации. Присутствие этого особого элемента и объясняет вполне, почему Дельбрюк и Вондрак могли впасть в заблуждение относительно действительной сущности нашего явления.

§ 14. Явление наше характерно не только для русского языка, но встречается также и в некоторых других славянских языках. В польском и чешском оно, насколько мне известно, вполне отсутствует, но зато столь же обычно в языках южнославянской группы, и если наше объяснение его в русском языке правильно, то должно объясняться совершенно одинаковым способом и в них. Обратимся к фактам сербохорватского языка, особенно для нас поучительным. Я имею в виду предложения такого типа: *Kad stigoše neprijatelje, a oni udri na njih*, или *Uzme kamen i njim probije led, pa onda poteci za svetijem Aranđelom*. Дальнейших примеров я тут приводить не буду, ибо могу отослать читателя к тем примерам, которые собрал в 4-ом томе своей „Vergleichende grammatik“ Миклошич¹⁾. Примеры такого же употребления императива приводит также Маретич в своём труде „Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika“²⁾. Нужно однако сделать одну существенную оговорку по поводу примеров, приводимых Миклошичем, а также и Маретичем. Если присмотреться к ним ближе, то приходится подчеркнуть, что они по содержанию и значению довольно явственно друг от друга разнятся. Мы находим у обоих авторов то же

1) См. стр. 795—796.

2) Загреб 1899; ср. стр. 607.

принципальное смешение случаев употребления императива от глаголов сов. вида с случаями употребления его от глаголов несов. вида, которое мною уже было отмечено выше по поводу рассуждений Мазона. Миклошич не заметил, что случаи употребления императива от глаголов несовершенного вида содержат иногда вполне определённый и существенный элемент повелительности или желательности; так, кажется, нужно толковать хотя бы следующий пример: *Ona skine s ruke svoju pletivaču, a mi s konja svoje vreće, pa pu ni i mjeri, dok naprimo vreće.* Такой же элемент принуждённости, по моему, содержится в другой фразе: *Odmah njega stane vrućina obuzimati, a one ga sve vodom polivaj.* Эта фраза поддаётся прямому русскому переводу: *Станет его жар донимать, а они его всё водой поливай.* Есть в южнославянских языках особенно многочисленные случаи употребления императива несов. вида (со словом *beži*), вполне аналогичные тому примеру из немецкого языка, который приведён мною в примечании на стр. 13, напр.: *Brže bolje spreme se na put, sednu na konje pa — beži*; тут не может быть никакого сомнения в том, что слово *beži* является выражением (правда, в виде „формулы“) обращения героев к самим себе. Не скрою, однако, что во многих случаях этот элемент или далеко не так ясно выражен, как в русском языке, или же даже совсем отсутствует. Так напр. в такой фразе: *Ona tri zmaja uteku i oni jazbinu; onda ova dvojica brže vući slatku, pa — turaј и они jazbinu, pa onde zapale, i tako sva tri zmaja onde propadnu* императивы *vući* и *turaј*, насколько я могу судить, не являются столь же несомненной формой и функцией повелительного наклонения как напр. императив в русской фразе *Жена пошла гулять, а я переписывай бумаги.* Нужно заметить, что случаи такого употребления формы императива от глагола несов. вида вместо прошедшего времени хотя и очень редки, но всё-таки встречаются и в русском языке. Мне самому не случалось записывать их, но у Шахматова¹⁾ я нахожу четыре следующих примера из северновеликорусских сказок: *Микита шим-шим, выбрался, убежал и бежи не стой*; — *Тогда Фёдор-царевич захватил сосну в охапку, выдернул со коренем, сорвал все струны и тащи ко своей шлюпке и отправился за синё море*; — *Шоу, шоу, поадаи*

1) В указ. труде, вып. I, стр. 192.

ему собака стрит; — Над хозяином распоряжается, так тот только успевай подсакивать. Не скрою, что примеры эти кажутся мне неравноценными; так последний мало чем разнится от предложений типа *Жена пошла гулять (гуляет), а я переписывай бумаги*. В первом примере я усматриваю прямое обращение рассказчика к своему герою Миките с императивным советом. Но в остальных двух примерах едва ли можно отрицать факт употребления императива несов. вида в смысле прошедшего времени. Однако, его нетрудно объяснить как результат контаминации *praesens historicum* с императивом-аористом¹⁾, причём имеет своё значение, вероятно, и тот факт, что нередко императиву действительно предшествует в том же предложении форма *praesens historicum*. Во всяком случае следует, по моему, рассматривать случаи употребления императива от глаголов несов. вида в значении прошедшего времени как секундарные, а первичными считать случаи такого же употребления императива от глаголов сов. вида. Под влиянием последних, вероятно, начали проникать, изредка в русский, чаще в сербохорватский язык и случаи первого рода. Что же касается употребления императива от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени, то их, по моему, в сербохорватском языке следует объяснять совершенно так же, как и в русском. На интересующее нас явление неоднократно указывалось в грамматиках сербохорватского языка как на нечто весьма обычное. Решетар в своей грамматике²⁾ правильно указывает, что „die 2te person sing. des imperativs ersetzt in der volkssprache. . . bei lebhafter erzählung ein tempus der vergangenheit der 1ten oder 3ten person“. Мейе и Вальян в своей грамматике³⁾, очевидно просто по недосмотру, допускают, что форма императива „peut dans le récit animé servir de substitut à différentes personnes du présent“. Я, впрочем, вычеркнул бы слова „lebhaft“ и „animé“, так как существенным условием является рассказ как таковой, а живость его уже является результатом употребления императива в смысле прошедшего

1) Едва ли можно тут сослаться на то, что аорист исконно мог быть образован и от глагола несов. вида.

2) M. Rešetar, *Elementar-grammatik der kroatischen (serbischen) sprache* (Загреб 1922), стр. 178.

3) Meillet-Vaillant, *Grammaire de la langue serbo-croate* (Париж 1924), стр. 171.

времени, не условием его. Кроме того я сузил бы круг фактической силы правила указанием на то, что в общем совершенный вид глагола является условием употребления императива в смысле аориста.

§ 15. Итак я полагаю, что употребление императива в значении прошедшего времени в сербохорватском языке явление вполне однородное с тем, которое мы только что установили в русском языке. Едва ли поэтому можно допустить, чтобы оно имело иные причины в сербохорватском языке, чем в русском. Раз императив, употребляемый в последнем в функции прошедшего времени, является пережиточным, „окаменевшим“ аористом, отождествлённым в силу внешнего совпадения с формой императива, то, следовательно, приходится объяснять его в сербохорватском языке точно так же. Но тут мы наталкиваемся как будто на значительные трудности. Условием для перенесения категории аориста на формы императива в русском языке, для отождествления формы аориста с формой императива, я в своей аргументации считал исчезновение из обихода русского живого языка форм аориста. При отсутствии этого условия, т.-е. если формы аориста в живом языке не утрачены, казалось бы, не могло быть повода к перенесению значения и функции аориста на форму императива. Так в древнеболгарском языке, сохранявшем в нетронутой чистоте систему так наз. простых прошедших, нет примеров употребления императива в значении аориста и — надо думать — быть не могло. Почему же в таком случае в сербохорватском языке, также сохранившем вплоть до наших дней систему аориста, всё-таки произошло такое отождествление аориста с императивом? Это противоречие на самом деле, однако, только кажущееся. Прежде всего нужно подчеркнуть аналогичный с русским факт, что употребление формы императива в значении прош. времени черта, свойственная только языку простонародному, не-литературному. Маретич в выше указанном труде ¹⁾ поэтому подчёркивает: „Književni jezik ne treba na to da gleda i u njemu neka se zapov. načín (т.-е. повел. накл.) za prošlost ne upotrebljava“ — за незначительными исключениями. Причины этого непризнания императива как формы прошедшего времени со стороны литературного языка

1) Gram. i stil., стр. 607.

в сербохорватском, по существу, несколько иные чем в русском языке: русский литературный язык отказывается от такого употребления императива, считая его „неправильным“, — точно так же как и многие иные черты простонародного языка не признаются языком литературным; в сербохорватском литературном языке, знающем и употребляющем формы аориста, употребление „императивных“ форм оказывается совершенно излишним. Важным для нас является ещё то обстоятельство, что и в народной сербохорватской речи употребление формы императива вместо аориста встречается далеко не всюду. Во-первых, оно, по свидетельству Маретича¹⁾, никогда не встречается в исторических песнях; в этом ничего удивительного нет, так как песни сохраняют старинный и „правильный“ склад речи гораздо строже²⁾ чем народные сказки, в которых указанное употребление императива вполне установлено. Во-вторых, по свидетельству того же автора, императив в аористическом значении употребляется только редко в северных и восточных областях сербохорватской языковой территории, но зато особенно часто встречается в южных областях („U južnijem krajevima i u obiĉnom se govoru 2. lice jedn. zapov. načina veoma često uzima za prošle događaje, i to ne samo u glavnim, nego i u zavisnim (vremenskim) rečenima“). Этот факт приходится сопоставить с другим, весьма любопытным явлением: подобно „аористическому“ императиву и самый аорист ограничивается именно южными областями. Известно, что в сербохорватском языке формы простых прошедших (аориста и имперфекта) обнаруживают определённую тенденцию к исчезновению из живой речи; их место занимают формы прошедшего описательного; тенденция эта проникает и в книжный язык³⁾. Но проявляя себя в остальных краях, эта тенденция не затрагивает южных. Маретич⁴⁾ говорит следующее: „U južnijem krajevima ovaj se oblik (т.-е. аорист) kao i 2 predašnje vrijeme (т.-е. имперфект) mnogo upotrebljava i u obiĉnome govoru, a u ostalijem krajevima slabo“. Следовательно перед нами факт, обратный данным русского языка: употребление императива в значении прошедшего времени не только

1) См. там же.

2) См. там же, стр. 598.

3) Ср. Meillet-Vaillant, Grammaire, стр. 174, 178.

4) Gram. i stil., стр. 598.

не является результатом исчезновения форм аориста, а очевидно, наоборот, как бы стоит в зависимости от сохранения их. Это обстоятельство нужно, вероятно, объяснять следующим образом: исчезновению форм аориста может сопутствовать и полная утрата самой категории аориста: — это мы наблюдаем в тех сербохорватских наречиях, в которых теряется форма аориста без перенесения категории её на форму императива. Но исчезновение форм аориста может и не сопровождаться потерей категории: — тогда последняя переносится на иную, близкую форму, напр. императив, что и наблюдается в русском языке. Наконец, возможен ещё третий случай, случай начинающегося исчезновения аориста и параллельного переноса его функций на форму императива: — это явление, по моему, мы и находим в южных наречиях сербохорватского языка, в которых рядом встречается и употребление „правильных“, т.-е. унаследованных из праславянского языка форм аориста и употребление императива в значении аориста.

§ 16. Для того, чтобы вполне понять процесс отождествления в сербохорватском языке формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения со 2-м и 3-м лицом ед. числа аориста, нужно обратить должное внимание и на условия количества, ударения и интонации в системе аориста и императива. Не следует, первым делом, смущаться тем, что даже при глаголах с основой на *-i-* между формой императива и аориста оставалась весьма существенная разница именно в количестве, ударении и интонации; это сразу же видно из сопоставления форм императива и аориста от случайно выхваченных сербохорватских глаголов на *-i-*, напр. от глаголов *gàziti bèsjediti lòmiti trúbiti pàmiti hvàliti nòsiti govòriti*: императив имеет следующую форму: *gàzi bèsjedi lòmi trúbi pàmti hváli nòsi govòri*¹⁾, а аорист звучит так: *gàzî bèsjedî lômî trúbî pàmî hvâlî nòsî govòrî*. Нужно, однако, помнить, что 2-ое и 3-ье лица ед. числа аориста по отношению к количеству, ударению и интонации резко отличаются от всех остальных форм того же аориста²⁾. В то время, как все лица аориста,

1) Ср. у Лескина, *Grammatik der serbokroatischen sprache* (Гейдельберг 1914), стр. 551.

2) Ср. рассуждение Лескина в *ASPh.* XXIII, стр. 567, 568.

за исключением именно 2-го и 3-го лица ед. числа, имеют то же ударение и ту же интонацию, что и неопределённое наклонение, 2-ое и 3-ье лицо в этом отношении до известной степени совпадают с настоящим временем¹⁾; кроме того, количество гласной в окончании этих лиц отличается своей длиной от той же (краткой) гласной в окончаниях остальных лиц аориста. Эта разница ощущалась так сильно, что в некоторых случаях 2-ое и 3-ье лицо ед. числа аориста (от глаголов на **-ěti*, от части глаголов на *-nuti -ati*) даже начали ассимилироваться с остальными лицами аориста²⁾). Но кроме того могло произойти иное уподобление: дело в том, что система ударения и интонации при глаголах на *-iti* совпадала во всех формах аориста, за исключением 2-го и 3-го лица ед. числа, с ударением и интонацией 2-го лица императива: если взять те же глаголы, то рядом с императивами *gäzi bèsjedi lõmi trübi pãmti hvãli nõsi govõri* будут стоять следующие формы аориста: *gãzih, gãzismo, gãziste, gãziše*, далее *bèsjedih lõmih trübih pãmtih hvãlih nõsih govõrih*. Большое значение тут имеет несомненно и тот факт, что гласная *i* окончания и тут и там кратка, в то время как во 2-м и 3-м л. ед. ч. аориста мы имеем долгое *i*. Разница между ударением 2-го и 3-го лица ед. числа и остальными формами аориста будет еще резче при глаголах, снабженных приставкою (напр. *põgazih : põgazi probèsjedih : prõbesjedì zalõmih : zãlomì ùpãmtih : ùpãmtì pohvãlih : põhvãli donõsih : dõnosì pogovõrih : põgovõri*), а сходство формы императива с остальными формами аориста во многих случаях полное. Для нас, конечно, наиболее важны эти глаголы, так как в сербохорватском языке аорист образуется преимущественно от глаголов сов. вида, т.-е. главным образом именно от глаголов с приставкою³⁾). Мне в виду вышесказанного и кажется, что замена форм аориста императивом произошла на почве звукового сходства их, причём можно предположить, что сначала произошло уподобление 2-го и 3-го лица ед. числа остальным лицам аориста, а затем уже отождествление первых с формой императива, т.-е. тот же самый процесс, который мы предполагали и для русского языка. Кроме того можно указать ещё на одно обстоятельство, вероятно сильно способство-

1) Ср. Meillet, Le slave commun, стр. 212.

2) Ср. статью ван-Вейка в RES. III, стр. 45.

3) Ср. Решетар, Elementar-grammatik, стр. 112.

вавшее указанному процессу: дело в том, что в 1-ом лице ед. числа аориста конечное *-h* в большинстве сербохорватских говоров совсем не произносится¹⁾; Вук Караджич, например, в первых своих произведениях даже совсем опускал указанную букву²⁾. Вследствие этого во многих случаях форма 1-го лица ед. числа совершенно совпадала с формой императива. Этим, вероятно, объясняется и то, что последняя форма, с которой совпали первые 3 лица ед. числа аориста, была перенесена и на остальные лица, причём однако делалось исключение для 2-го лица ед. и мн. числа, очевидно, в виду слишком подчеркнутого повелительного характера их. Весь этот процесс имел место первоначально у глаголов на *-iti*, а потом распространился и на все остальные глагольные классы.

§ 17. Я уверен в том, что моё объяснение интересующего нас явления ничего необычайного не содержит. Процесс замещения исконных форм какого-либо данного времени формами совершенно иного глагольного порядка (вернее: отождествление и совпадение первых с последними или перенесение функций первых на вторые) встречается в истории языка нередко. Вспомним хотя бы об императивном происхождении форм 2-го лица наст.(-буд.) времени *дашь* (= *дажь*), *ешь* (= *ъжь*), заменивших очень рано изолированные в русском языке формы *даси ъси*, или о таком же происхождении форм *дадим*: *дадите едим*: *едите*, заменивших столь же необычайные исконные формы *дамъ*: *дасте ѡмъ*: *ѡсте*³⁾. Ещё более близким к нашему явлению можно считать процесс образования современного русского условного (сослагательного) наклонения с помощью „частицы“ *бы*. Как известно, в древнерусских текстах не сохранились исконные формы сослагательного наклонения *бѣтъ*: *бѣ*: *бѣтъ* и т. д.; в древнерусском языке они заменены формами аориста *быхъ*: *бы*: *быхомъ* и т. д., сохранившимися в грамотах смоленских и западнорусских вплоть до 14—15-го века⁴⁾. Но уже с 13-го века — как впрочем и в других сла-

1) Ср. O. Broch, Slavische phonetik, стр. 98; A. Leskien, Serbokroat. grammatik, стр. 34.

2) Ср. Meillet-Vaillant, Grammaire, стр. 14.

3) Ср. Соболевский, Лекции, стр. 246—247; Мейер, Hist. Gramm., стр. 188.

4) См. у Соболевского в Лекциях, стр. 244. Дурново, Очерк истории русского языка (Москва 1924), стр. 326, 328.

вянских языках — замечается утрата спряжения указанных форм и замена их (для всех остальных лиц) „окаменевшей“ формой 2-го и 3-го лица ед. числа *бы*. Процесс этот до некоторой степени тождествен с рассмотренным нами явлением и может служить доказательством правильности нашего взгляда.

II.

§ 18. В польском (как и вообще, кажется, во всех западнославянских языках) мы — в противоположность русскому и южнославянским языкам — не находим интересующего нас явления переноса функций аориста на императивную форму. Правда, Миклошич¹⁾, а вслед за ним и Вондрак²⁾ приводят один (единственный) пример такого употребления императива. Пример этот взят из известного словаря Линде³⁾ и гласит следующим образом: *Pędzi przez zwierzyniec, a za nim caraj, țaraj, scinaj, dołóž, dwie smycze chartów...* Пример этот приведён из одной польской комедии 18-го века и ровно ничего не доказывает. Как уже замечено самим Линде, мы в данном случае отнюдь не имеем глагольных форм повелительного наклонения, а просто имена-клички псов, образованные от императивов: *Caraj, Țaraj, Scinaj, Dołóž*. В подтверждение этого мнения я могу сослаться на любопытный пример таких кличек-императивов, найденный мною в одной иезуитской комедии первой половины 17-го века под заглавием „Odostratocles“⁴⁾: в польской охотничьей песенке, распеваемой разбойниками в 4-м акте, встречается такое место: *Stysz, Matisku, a tu! wara! do charapu! Stań tu para, Panie z Lotką! A tu, Powadz! A tu, Pyszna! A tu, Rozwadz! Sam, sam, Szaszku białoboki!...* Ясно, что *Powadz* и *Rozwadz* клички псов. Невольно вспоминаешь вполне аналогичное место из 4-ой главы „Мёртвых душ“ Гоголя: *Тут были все клички, все повелительные наклонения: Стреляй, Обругай, Порхай, Скосырь, Черкай, Донекай,*

1) В указ. труде, стр. 797.

2) Vergl. slav. gramm., т. II, стр. 282; так же ещё и во 2-ом изд., стр. 396.

3) S. B. Linde, Słownik języka polskiego, т. I, стр. 478.

4) Комедия эта содержится в рукописи R 380, хранящейся в университетской библиотеке в Упсале.

Примечай. Гоголь в данном случае воспользовался матерьялом, полученным им из авторитетного источника, от С. Т. Аксакова. В записной книжке 1841—42 гг. Гоголь кроме указанных отметил ещё следующие клички: *Дерзай, Докучай, Помыкай.* Вспомним также *старого кобеля Карая и красного Ругая* в „Войне и Мире“ Толстого (II:IV:V, VI) и *Отжатая, Запругая, Угадай* в „Предложении“ Чехова (с. 6). — Нас не должно удивлять то обстоятельство, что простонародный (а тем более книжный) польский язык не знает интересующей нас особенности, столь известной в русском, а также в сербохорватском языке. Объясняется это, конечно, не сохранением аориста, ибо исчез он и в польском языке, и утрата его могла бы как и в русском только способствовать „смешению“ аориста с императивом. Так наз. „czas przeszły chwilowy“, как (не совсем точно) называют аорист польские грамматики, в древнейших памятниках польского языка встречается очень редко¹⁾. Встречается он в „Kazaniach świętokrzyskich“ начала 14-го века в виде форм *ydęhe pospęsię zaplacęhe vzdahę*²⁾. Сохранился он на территории польского языка вплоть до начала 15-го века³⁾. Но уже раньше, а самое позднее одновременно, формы аориста быстро шли на убыль и в конце концов совершенно исчезли. Если при этом функции аориста не были, как в русском и сербохорватском языках, перенесены на формы императива, то помешало этому иное явление. Я не буду искать причины в том, что императив в польском языке уже рано начал утрачивать своё окончание *-i*, что значительно затрудняло бы отождествление с ним 2-го и 3-го лица ед. числа аориста. Розвадовский⁴⁾ на основании данных Флорианской псалтыри пришел к выводу, что утрата окончания *-i* в повелительном наклонении началась с тех форм, которые имели исконное ударение не на окончании *-i*, а с них рас-

1) Ср. А. К р у џ с к и, *Gramatyka języka polskiego*, 4-ое изд. (Варшава 1907), стр. 208.

2) Ср. P. Diels, *Die altpolnischen predigten aus Heiligenkreuz* (Берлин 1921), стр. 20, 21.

3) Ср. статью Лося в сборнике *Język polski i jego historia*, т. II [= *Encyklopedia polska III*] (Краков 1915), стр. 156; — Б р ю к н е р, *Dzieje języka polskiego*, 3-ье изд. (Краков 1925), стр. 145.

4) В статье в выше указанном сборнике, т. I [= *Encyklopedia polska II*] (Краков 1915), стр. 300—302.

пространилось и на остальные, причём известную роль сыграл процесс фиксации ударения на предпоследнем слоге. Лось допускает кроме того влияние известных морфологических факторов¹⁾.

§ 19. Перенесению функций аориста на формы императива помешало, по моему, перенесение их на формы настоящего-будущего времени от глаголов сов. вида, каковому перенесению, по мнению некоторых учёных, сильно должен был способствовать с одной стороны общеизвестный факт употребления форм настоящего времени от глаголов несов. вида в смысле *praesens historicum*, а с другой стороны м. б. способствовал известный и из иных языков (напр. литовского и латышского) факт употребления будущего времени в смысле прошедшего „исторического“. Не скрою однако, что я не вполне уверен в том, имеем ли мы право допускать фактическое (исконное) существование в славянских языках такого *futurum historicum* или *praesens historicum* сов. вида. Мне кажется допустимым предположение, что употребление форм настоящего времени от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени всецело объяснимо из переноса функций аориста на формы указанного времени в силу их внешней (звуковой) тождественности в известных случаях. Исходя из таких случаев, когда в польском языке формы аориста совпадали вполне с формами наст. времени от глаголов сов. вида, это отождествление форм различного порядка (облегчаемое, конечно, фиксацией ударения на предпоследнем слоге) быстро распространилось и на такие случаи, в которых эти формы никогда не совпадали. Мысль о таком происхождении употребления форм настоящего времени от глаголов сов. вида впервые была высказана польским учёным Крыньским в его польской грамматике и поддерживается им и донныне²⁾. Способ этот мы находим не только в живом народном, но также и в книжном польском языке. Особенно любопытно при этом то, что в современной литературе такие „аористические“ формы наст. времени сов. вида, очевидно, имеют особый оттенок архаичности; это могло бы послужить доводом в пользу того, что мы

1) *Gramatyka polska*, т. I (Краков 1922), стр. 15.

2) А. Крыньский, *Gramatyka języka polskiego*, 4-ое изд. (Варшава 1907), стр. 208. Ср. сборник *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 97.

тут имеем дело не с простым *praesens* (или *futurum*) *historicum*, а с явлением, унаследованным из древности и чуждым теперь живому языку. Крыньский в своей грамматике приводит целый ряд примеров, доказывающих, что это „смешение“ явление очень древнее, и что развитие его идёт параллельно с процессом утраты форм аориста. Из так наз. Шарошпатакской библии (или библии королевы Софии), переведённой на польский язык в половине 15-го века¹⁾, Крыньский приводит такой пример: *Obleki biskupa w gziło lniane i opasze ji pasem, a oblecze w suknią modrą a s wirzchu naplecnik położy*. Из того же памятника Огоновский²⁾ привёл ещё целый ряд форм (в особенности 3-го лица ед. числа) настоящего времени от глаголов сов. вида, употреблённых вместо соответствующих форм прошедшего, напр. *zapuże szo* (*zapije się*), *uczyczyże* (*uciecze*), *seytynie* (*zejmie*), *lyęnknyże syz* (*lęknie się*), *dotkne* (*dotknie*), *przeleże* (*przeleje*), *nalazu* (*nalaza*)³⁾. В других случаях сохранены ещё формы „правильного“ аориста, напр.: *wnydze* (*wnidzie*), *pojdze* (*pojdzie*), *poby* (*pobi*), *sydze sye* (*s-idzie się*)⁴⁾. Ещё другие примеры из того же памятника (напр. *naydze* 'invenerunt', *pochwały* 'glorificabant', *ucziny* 'fecerunt' и т. д.), с любопытным употреблением ед. числа вместо множественного, приводит в своих критических заметках Семенович в Архиве Ягича⁵⁾. Мы, очевидно, имеем перед собой памятник, написанный как раз в тот момент истории польского языка, когда происходит скрещение и отождествление формы 3-го лица ед. числа аориста с соответствующей формой настоящего времени. Из памятников литературы позднейших эпох нетрудно привести разнообразный ряд примеров „аористической“ функции форм настоящего времени от глаголов сов. вида. Во „фрашке“ Веспасиана Коховского „Zgrzytanie zębów“ (1674) мы напр. читаем такое четверостишие: *Pytała baba księdza, uprzykrzona srodze, na zbawiennej li ona czy zgubionej drodze? Książdz rzecze: „Rozdziew gębę!“ Że zębów nie miała: „Nie będziesz“ — prawi — „w*

1) Ср. Лосъ, *Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543* (Краков 1915), стр. 183.

2) ASPh. IV, стр. 370.

3) Впрочем такие формы как *uciecze* могут рассматриваться и просто как сохранившиеся формы аориста.

4) Там же, стр. 269.

5) ASPh. IX, стр. 576.

piekle. Czemużebys zgrzytała?“ Именно эта форма *rzecze* от глагола *rzec: rzeknę* встречается очень часто в аористической функции. Крыньский из стихотворения Шимоновица приводит такую цитату: *A starzec rozmiaawszy się rzecze*. Другие примеры тот же Крыньский приводит из „Szachów“ Яна Кохановского (*W tym drab przyskoczy, król ustąpi kroku; przypadszy drugi poimał ji z boku*), из „Освобождённого Иерусалима“ в польском переводе Петра Кохановского (*Ta moja ręka ... w tym ją wyniesie, ona wyniesiona spadając z góry przecięła do kości*), из „Превращений“ Жебровского (*Rzekszy strzeli do Cygna, nic nie uszło drzewo*), из „Войны Хотимской“ Потоцкого и т. д. Из новой польской литературы нетрудно будет привести богатый матерьял для иллюстрации употребления форм настоящего (будущего) времени сов. вида в смысле прошедшего. Ограничиваюсь приведением нескольких мест из „Гражуну“ Мицкевича, изобилующей особенно яркими случаями нашего типа. Так на стр. 27 издания Калленбаха¹⁾ мы читаем следующие стихи: *Tam gdy litewskie wymknęły się rotę, ujrzą wśród góry przy blasku księżycy zbroje, chorągwie, szyszaki i grotę. Błysnęło, zagrzmi na hasło rusznica...* На стр. 29 мы находим то же самое явление: *Czując Krzyżacy tak słabe natarcie, odzyszcza serce; z okropnym hałasem nawróca czoła, potkną się zażarcie i gęstym włóczni otoczą go lasem*. То же самое видим на стр. 34: *Nakoniec radość skrzepły głos rozwiąże oplakanego widząc bohatera; wrzasną i klasną, wrzask o gwiazdy bije: „Litawor żyje! Książę, pan nasz żyje!“* Первый (по времени) датский славист Смит уже давно отметил интересное нас явление в своей прекрасной, хотя теперь конечно уж устарелой грамматике польского языка²⁾ и привёл примеры из Бельского (*Hajducy po prawej stronie do nich z rusznicy uderzą, a jazda po lewej kopijami w nie zawadza*) и из Кохановского („*Tom dawno stuchal, Borzuj na to powie*“); он видел в нём только „historisches präsens in lebhafter erzählung“, но вместе с тем считал его чертой, присущей особенно древнепольскому языку, и встретив его и у Мицкевича, определил его как „poetischer archaismus“. Действительно, особенно часто употребляемый в „Гражине“ приём подчёркивает архаический

1) A. Mickiewicz, Pisma, т. II (Броды 1911).

2) C. W. Smith, Grammatik der polnischen sprache, 2-ое изд. (Берлин 1864), стр. 230.

тон этого эпического рассказа. Важнее, однако, другое обстоятельство. В „Пане Тадеуше“ того же Мицкевича указанный приём в силу совершенно иного характера идиллического рассказа был бы не на месте. Мы в общем поэтому и не встречаем его в этой поэме. Если мы тем не менее наталкиваемся на такие места: *Gracz szarak! Skoro poczuł wszystkie charty w kupie, pstręk naprawo koziołka! Z nim w prawo psy głupie, a on znowu fajt wlewo! jak wytnie dwa susy!* (песня I, стихи 702—704) или: *Chybili. Niedzwiedź skoczył, oni tuż utkwiony oszczep jeden chwycili czterema ramiony, wydzielali go sobie. Spojrzą, aż tu z pyska wielkiego czerwonego dwa rzędy kłów błyska!* (песня IV, стихи 640—643), то объясняется это тем, что медленное эпическое течение рассказа именно в этих местах прерывается историческим пересказом быстро сменявшихся друг друга событий. Разница между тоном рассказа в „Гражине“ и в „Пане Тадеуше“ именно и сводится к тому, что „Гражина“, совершенно отрывая нас от нашего собственного времени, заставляет нас эмоционально переживать в прошедшем темп самих повествуемых бурных событий, а в „Пане Тадеуше“ автор всё время соблюдает спокойно-идиллическое отношение к медленно происходившему: в „Гражине“ его стремление состоит в том, чтобы выявить внутренний характер событий, способ их проявления самого по себе; наоборот, в „Пане Тадеуше“ такого стремления нет: здесь интерес сосредоточивается на простом чередовании событий, на их внешнем, объективном течении.

§ 20. Желая дать объяснение, каким образом могло произойти распространение „смещения“ аориста с настоящим (будущим) временем сов. вида с таких случаев, когда они формально совпадали (при глаголах на *-e-|o-* и на *-i-*), на такие, где совпадения не было, Крыньский совершенно правильно полагает, что форма 3-го лица ед. числа сыграла решающую роль. При этом распространение данного явления шло двумя путями: 1) путём „*użycia w podobny sposób form osoby 3-ej słów innych*“, т. е. таких глаголов, „*których czas terażniejszy różnił się od aorystu*“ (напр. *padnie, krzyknie* и т. д.), а 2) путём „*analogicznego używania innych osób czasu terażniejszego słów dokonanych zamiast zamierającego aorystu*“. Что мы в данном случае имеем дело не с простым употреблением настоящего (или будущего) времени в смысле прошедшего, видно из того, что

между формами *strzelił* и *strzeli*, *ujrzeli* и *ujrzą* и т. д. ощущается некоторая существенная разница в значении. В чём же состоит особый оттенок значения таких форм как *strzeli* *ujrzą*? Крыньский определяет его таким образом: „W dzisiejszym języku formy od słów dokonanych jak *rzeczce wyniesie wyjeździe zaświeci położy ustąpi* itp. są szczątkami dawnego aorystu i oznaczają, że czynność zaraz po jej rozpoczęciu dokonana została“¹⁾. Предложенное Крыньским объяснение нашего явления противоречит обычному способу объяснения его; как известно, Миклошич видел в нём след исконной функции настоящего времени, не получившего еще в силу влияния приставки на вид глагола значение будущего времени, другими словами — след исконной функции *praesens historicum*. Об иных попытках толкования нашего явления речь ещё впереди (ср. § 24). Мне, однако, уже здесь хотелось бы сказать, что гипотеза Крыньского мне кажется чрезвычайно правдоподобной; если остальные объяснения, может быть, и содержат долю истины, то во всяком случае не приходится ради них отказываться от объяснения Крыньского. Дело в том, что выдвинутые против него доводы оказываются несостоятельными. В своей рецензии на книгу Крыньского²⁾ Гейльперн, хотя и признаёт правильность утверждений первого по отношению к таким формам как *oblecze obaczę przyskoczę ustąpi*, в которых и он видит сохранившиеся остатки древнего аориста („überreste des aorists“) от глаголов с основой на *-e-|o-* и *-i-*, но всё-таки выражает сомнение в том, являются ли и формы типа *padnie krzyknie zagrzmie*, т. е. формы, не совпадающие и никогда не совпадавшие с „правильным“ аористом, действительно аористическими формами, образованными по аналогии с формами выше приведённого типа. Он склонен предложить другое толкование: подчёркивая, что формы эти обыкновенно употребляются в теснейшей связи со словами *nagle wtem* и т. д. и таким образом выражают факт, совершившийся вдруг, неожиданно, он высказывает догадку, что их следует толковать как новообразования по примеру латинского *praesens historicum*, в особенности в виду того, что совершенный вид, в котором они употребляются, как нельзя лучше подходит к живости

1) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 97.

2) *ASPh.* XXVI, стр. 442.

рассказа („lebhaft e schilderung“). Не останавливаясь на том, что выражение „живой рассказ“ неудачно (вернее другое выражение Гейльперна: „schilderung der lebhaftigkeit“), я, во-первых, укажу на то, что если можно или нужно видеть своего рода *praesens historicum* в формах типа *radnie*, то следует из этого сделать тот необходимый вывод, что и формы типа *oblecze* и т. д. также являются не формами аориста, а формами *praesens historicum*. Допуская же, что в последних формах сохранился древний, пережиточный аорист, а в первых нет, Гейльперн в сущности был обязан ответить на вопрос, почему глаголы на *-i-* и *-e-|o-* сохранили аористические формы после фактической утраты аориста, а глаголы остальных типов не сохранили их. Единственный ответ, возможный в данном случае, заключался бы в том, что аористы типа *oblecze ustapi* обязаны своим сохранением тождественности их с соответствующими формами настоящего времени, т. е. Гейльперн был бы принуждён сослаться на возможность формального соприкосновения аориста с настоящим временем. От такой фактической, внешней тождественности, конечно, только один шаг и к внутреннему отождествлению. Что касается словечек *nagle*, *wtem* и т. д., на которые указывает Гейльперн, то они, конечно, имеют самостоятельную функцию и, если и придают рассказу живость, то всё же не являются обязательными спутниками наших форм; они исполняли бы ту же самую функцию при любом другом глагольном времени. Они, другими словами, привносят только элемент неожиданности, значение же наших форм состоит собственно не в том, что действие наступило вдруг или неожиданно, а — как указал уже Крыньский — в том, что оно продолжалось одно мгновение. А эта мгновенность в значении наших форм только может подтвердить наше мнение об аористическом происхождении их: мы уже выше выводили этот оттенок непосредственно из понятия аориста (ср. § 13). Наконец, понимание этих форм как *praesens historicum*, мне кажется, недопустимо ещё и потому, что действительное *praesens historicum* — в силу того определения, которое даётся ему в грамматике латинского языка¹⁾, — основано на психологическом факте перенесения прошедших

1) Основываюсь на знаменитом труде датского филолога Мадвига, *Latinsk ordforjningslære*, 4-ое изд. (Копенгаген 1895), § 336.

событий в настоящее время (или на факте отождествления времени передаваемых событий со временем пересказа их). В наших же примерах такого перенесения не только нет, но и быть не может, просто потому, что форма настоящего времени от глаголов сов. вида исполняет функции будущего времени. Поэтому можно было бы говорить только о своего рода *futurum historicum*, т.-е. о перенесении событий прошедших в будущее время. Как мы увидим ниже, так наше явление и понимается некоторыми учёными, но скажу уже здесь, что и это объяснение мне кажется едва ли мотивированным; во всяком случае оттенок мгновенности, присущий нашему явлению, из понятия *futurum historicum* вывести будет очень трудно.

§ 21. Ко мнению Крыньского примкнул м. пр. такой авторитет, как Бодуэн-де-Куртенэ. В своём пособии для изучения польского языка¹⁾ он высказался след. образом: „От аориста остались следы и пережиточные формы... Польские глагольные формы однократного вида, считаемые обыкновенно будущим временем (*futurum*), совпадают отчасти с формами древнего аориста и в рассказах могут играть роль этого времени. Напр.: *rzecze skoczy krzyknie...*“ Однако Лось в своей статье „*Syntaktyczne użycie form gramatycznych*“²⁾ выдвигает против объяснения Крыньского, которое им всецело отклоняется, другой довод: „*Objaśnieniu temu przeczy fakt, że funkcja ta znana jest wszystkim językom słowiańskim, nawet tym, w których nigdy żadna forma aorystu nie była podobna do żadnej formy czasu teraźniejszego, a zatem przyczyna ukazania się tej funkcji musi być inna*“. Не останавливаясь на том, что утверждение это формулировано не совсем правильно³⁾, я, конечно, признаю, что указание Лося само по себе справедливо: употребление форм настоящего (будущего) времени от глаголов сов. вида известно и в других славянских языках. Лось, вероятно, имеет в виду прежде всего русский язык, сохранивший в 3-ем лице ед. ч. наст. времени окончание *-ть*, вследствие чего,

1) И. Бодуэн-де-Куртенэ, Польский язык сравнительно с русским и древнецерковнославянским (Петербург 1912), стр. 29.

2) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 158. — Ср. сборник *Gramatyka języka polskiego* (Benni, Łoś, Nitsch, Rozwadowski, Ułaszyn), Краков 1923, стр. 342.

3) 2-ое л. мн. ч. при глаголах на *-o-|-e* звучало одинаково и в наст. времени и в аористе простом (напр. *u-kradete, po-możete, pri-lżezete*).

казалось бы, не могло произойти соприкосновения между этой формой и соответствующей формой аориста, образуемой без указанного окончания. Но на деле, как известно, всё-таки были налицо обстоятельства, могшие способствовать и, вероятно, и способствовавшие формальному соприкосновению наст. времени с аористом и наоборот. Во-первых, нужно иметь в виду, что в древнерусских памятниках форма 3-го лица ед. числа аориста нередко снабжается неорганическим окончанием *-тъ*. Это явление известно уже из текстов древнецерковно-славянского языка¹⁾. Точно также 3-ье лицо ед. числа аориста от атематических глаголов *byti dati jasti* получает „durch anlehnung an die 3. sg. präs. *jestъ dastъ jastъ*“²⁾ окончание *-stъ*. Точно то же мы наблюдаем и в русских памятниках церковного и литературного характера; формы *бысть дастъ съѣсть*, по свидетельству Дурново³⁾, встречаются в оригинальных жлтиях и летописях; встречаются также и формы на *-тъ*, напр. *приятъ начатъ оумрътъ* и мн. др. Дурново полагает, что такого рода формы заимствованы из древнецерковнославянского (старо-славянского) языка. Но это едва ли так. Я напротив склонен думать, что указанное явление имело гораздо более широкое развитие именно в древнерусском языке, причём было перенесено на глаголы всех иных спряжений. На это, по моему, указывают вполне определённо такие случаи. В „Задонщине“ мы напр. встречаем форму *восхвалитъ* в несомненно аористической функции, как видно из контекста⁴⁾: *Того же дни во субботу... изъкоша християне поганые полки на полъ Куликовъ, на рѣкъ Непрядвѣ. И нюкнувъ князь великій Владимиръ Андреевичъ гораздо, и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ татарскихъ... И загремѣли мечми булатными о шоломы хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя... Соболевский⁵⁾ совершенно правильно замечает: „В некоторых севернорусских памятниках 14—16-го вв. мы находим смешение форм 3-го лица ед. ч. аориста с формами наст. времени, так что формы*

1) Ср. у Лескина, Handbuch der altbulgarischen sprache, 5-ое изд. (Веймар 1910), стр. 145 и 154.

2) Там же, стр. 168.

3) Дурново, Очерк истории русского языка (Москва 1924), стр. 320.

4) Цитирую по Русской хрестоматии Ф. Буслева, изд. 10-ое (Москва 1907), стр. 199.

5) Лекции, стр. 236.

аориста являются с окончанием *-ть*“. Из некоторых евангелий 14-го века он приводит такие случаи: *Въложи на ня рѣцѣ и отъидеть*; — *Илья придетъ и створиша ему, елико хотѣша*; — *Не знаяше, дондеже родитѣ сынъ свои первенць*; — *Посла воя своя... градъ ихъ зажьжеть*; — *Онъ утвердитъ лице свое*. — А затем уже понятно, что постольку, поскольку категория аориста ещё была жива, формы наст. времени начали вообще употребляться в функции аориста, даже когда не было ни малейшего между ними сходства. Мне представляется поэтому возможным видеть в форме *восплачется* в следующей цитате из „Задонщины“ аорист или вернее наст. (буд.) время в функции аориста: *Тогда же восплакашесь горько жены боярыни по своим осподарьхъ въ краснѣ градъ Москва. Восплачется жена Микулина Мария, а рѣчи таково слово...*

§ 22. Второе обстоятельство, также очень сильно способствовавшее „смешению“ форм наст. времени с аористом, состоит в том, что уже в древнейших русских памятниках форма 3-го лица ед. (а также и мн.) числа наст. времени часто утрачивает своё конечное *-ть (-тъ)* и таким образом, при известных условиях, сближается и совсем совпадает с теми же формами аориста. Соболевский¹⁾ приводит целый ряд примеров (*напише обряще въдае буде нарицае бывае боли*) из памятников 11-го века. Ещё чаще встречаются они в летописях и грамотах²⁾. Правда, Соболевский полагает, что такие формы без *-ть* „могут быть считаемы за принадлежащие не русскому, а церковнославянскому языку“. Но так как формы без *-ть* обычны (при особых условиях) во всех наречиях русского языка, и в малорусских говорах, и в югозападных белорусских говорах, и в сильно акающих южновеликорусских, и наконец в части северновеликорусских говоров³⁾, то, кажется, можно без всякого сомнения в нашем явлении видеть черту чисто-русскую, нашедшую своё выражение уже в древнейших памятниках. В силу такого обстоятельства формы наст. (буд.) времени у некоторых глаголов сов. вида, а именно у глаголов с основой на *-о-|е-* и на *-и-* (напр. *понесе* вм. *поне-*

1) Лекции, стр. 249.

2) Ср. Дурново, Очерк, стр. 316.

3) Ср. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I (= Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, č. 20), Брно 1927, стр. 124, 150, 152, 164, 176.

сеть, отъиде в м. *отъидеть, поможе* в м. *поможеть, спроси* в м. *спросить*, и т. д.), могли вполне совпасть с формами аориста. В исконно различном ударении этих форм едва ли приходится видеть препятствие для нашей гипотезы, ибо вероятно и в этом отношении уже рано произошло уподобление ударения аориста ударению наст. времени. К сожалению, Шахматов в труде о синтаксисе русского языка, хотя, конечно, и отметил, что форма настоящего времени от глаголов сов. вида употребляется „для обозначения мгновенного действия, осуществившегося в прошедшем“¹⁾, но не дал своего объяснения этого явления.

§ 23. Если не исключительно, то во всяком случае главным образом так нужно объяснять многочисленные факты современного, преимущественно устного русского языка, иллюстрирующие наше явление. Нетрудно привести длинный ряд примеров употребления формы наст. времени сов. вида в смысле мгновенного прошедшего из языка былин. Приведу несколько случайно выхваченных примеров из сборника Гильфердинга²⁾. В былинке о „Садке, Вольге и Микуле“ (№ 2)³⁾ читаем: *Скочил же царь неверный, т я п не в руки саблю вострую, отсекал царицы буйну голову*. В былинке о „Василии Буслаевиче“ (№ 44)⁴⁾ встречаем следующее место: *Послушала его служаночка, отворчала все дубья да колодья нонь и повыпустила Василия на святую Русь*. Особенно часто это явление связывается с вводным словом *как*. Напр. в былинке „Илья Муромец и Соловей разбойник“ (№ 3)⁵⁾ читаем: *Как Илья же сын Иванович, как поведекочит он ко Соловью, к Соловью Разматову, а к Разматову разбойнику, как отдёрнет да он стремяне, как ударит о киртичен мост, — повернулись тут глаза-ты вон косицами*. Или прочтём следующее место из другой былинки (№ 1)⁶⁾, где идёт речь о столкновении Святогора с Ильёй: *Как хватит тут же палицу да богатырскую, да помахане во богатыря, а й богатырь тут увернет ся, да старик тут*

1) В указ. труде, вып. II, стр. 75 (§ 558).

2) Пользуюсь вторым изданием „Онежских былин“, томом I-м (= Сборник ОРЯС, т. LIX).

3) В цит. сборнике, стр. 10.

4) Там же, стр. 305.

5) Там же, стр. 26.

6) Там же, стр. 7.

образумится: — дал ему да вечное прощеньице. Нередко полагают, что именно это вводное слово *как* является каким-то неизменным условием для употребления нашего оборота¹⁾. Но это несомненно заблуждение, ибо и прошедшее сложное или описательное (на *-лъ*) столь же часто употребляется в соединении со словом *как*, вследствие чего и нельзя рассматривать его как составной элемент именно нашего оборота. Можно сравнить хотя бы следующую цитату из одной былины о „Братьях-разбойниках и сестре“ (№ 28)²⁾: *Как наехало да семь разбойников, как убили моего мужа, как бросили в синё море да моего сына, е повывезли меня младу на гору*. К тому же, как показывают хотя бы приведённые выше из былин о Садке и Василии Буслаеве два примера, форма наст. (буд.) времени сов. вида может быть употреблена и действительно часто употребляется в смысле прош. времени и без всякого вводного *как*. — Помимо былин, наш оборот встречается очень часто и в других произведениях народного, устного творчества, напр. в сказках; целый ряд отличных примеров из сказок приводится Мазоном в названном выше труде его³⁾. — Постольку, поскольку произведения современной русской литературы отражают живую, разговорную речь, наше явление встречается и тут. Приведу хотя бы несколько примеров. У Крылова находим между прочим следующее место в басне „Гребень“: *Зарезвился мой мальчик, заигрался, всклокотил волосы копной. Лишь няня к волосам, дитя подымет вой: „Где гребень мой?“ И гребень отыскался*. Относительно этого примера я, впрочем, должен допустить возможность, что мы имеем дело с явлением иного порядка, а именно с явлением употребления формы наст. (буд.) времени сов. вида в многократном, вернее повторном смысле, т. е. с тем, что Мазон совершенно правильно называет „*un fait réitéré ou habituel*“ (ссылаясь на пример: *Дятел начал манить лисицу: чуть-чуть подымется вверх и опять опустится вниз*). Мы же имеем в виду — пользуясь терминологией Мазона — исключительно оборот, обозначающий „*un fait particulier, lequel n'a eu lieu qu'une fois*“ (оборот типа *Медведь*

1) Так полагает напр. Педерсен в своей превосходной (датской) грамматике *Russisk grammatik* (Копенгаген 1915), стр. 202.

2) В сборнике Гильфердинга, стр. 211.

3) Стр. 152—153.

испугался, как бросится бежать без оглядки, а волки за ним). Умышленно подчёркиваю эту разницу, потому что наши явления, хотя и существенно отличные друг от друга, тем не менее нередко смешиваются. Так тот же Мазон¹⁾ ошибочно видит явление второго порядка в следующем предложении: *Хорошо было жить царевичу; а всё-таки нет-нет да и сгрустнётся, захочется узнать, что в родном дому делается.* Для меня совершенно вне всякого сомнения, что данное предложение принадлежит к оборотам „итеративного“ типа. Ряд примеров этого типа приводит Педерсен в названной своей грамматике. Он удачно проводит разницу между 1) употреблением формы наст. (буд.) времени сов. вида в смысле „обычно происходящего“, в окружении форм наст. времени несов. вида („Nutid af perfektive udsagnsord kan undertiden bruges i skildringer af, hvad der plejer at ske“) и 2) употреблением той же формы в смысле „обычно происходившего“, в окружении форм прош. времени несов. вида или praesens historicum. Примером первого типа у него служат след. фразы: *После третьего звонка обер-кондуктор даёт свисток, ему ответит машинист с паровоза, потом они обменяются ещё одним свистком, и только тогда поезд тронется, и Совершать большие путешествия в таких вагонах чистая мука: так и знаешь в каких-нибудь две-три ночи, что потом чувствуешь себя просто больным.* В качестве примеров второго типа приводятся след. цитаты из „Дыма“ Тургенева: *Бывало, при какой-нибудь уже слишком унижительной сцене Ирина даже бровью не пошевеливает и сидит неподвижно,* из „Дикого счастья“ Мамина-Сибиряка: *Стояла такая спокойная, глазом не моргнет, и попрежнему смотрела на сына,* и из „Детства и отрочества“ Толстого: *„Ты опять заснёшь, Николинька!“ говорит мне татап: „Ты бы лучше шол наверх.“ — „Я не хочу спать, мамаша“, ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и чрез минуту забудеешься и спишь до тех пор, пока не разбудят... Для меня ясно, что первый тип является фактически и психологически первичным, а второй результатом переноса первого в прошедшее время. Но каково бы ни было происхождение этого повторного наст. времени сов. вида, смешивать его с нашим явлением или под-*

1) На стр. 151.

водить под один знаменатель, конечно, не следует. Возвращаясь к примерам употребления наст. времени сов. вида в качестве прошедшего мгновенного, приведём следующую цитату из сказки Пушкина „О мёртвой царевне“: *Как царица отпрыгнёт, да как ручку замахнёт, да по зеркальцу как хлопнет, каблучком-то как притопнет!* У Тургенева в „Нахлебнике“ мы читаем: *Не вытерпела, наконец, покойница... перекрестилась — бояться она его стала, бедняжка! — да и вошла к нему. Начала его уговаривать, а он как вдруг закричит на неё да взявши палку... , а в „Рудине“: Я её хватил в бок осиновым колом сзади; она как взвизгнет.* Выписываем ещё следующую цитату из „Степи“ Чехова: *В самый раз, когда хозяин купца за бороду взял... , вдруг кто-то ка-ак стукнет со двора по окошку! Все мы так и присели, а у хозяина руки опустились... Постучал кто-то по окошку, да как закричит.* Число примеров можно было бы, конечно, умножить до любых размеров, но, кажется, мы можем ограничиться уже приведёнными, как достаточно иллюстративными для наших целей.

§ 24. По свидетельству Маретича¹⁾, рассматриваемое нами явление употребления наст. времени от глаголов сов. вида в смысле прошедшего времени в сербохорватском языке встречается весьма часто („veoma često“) в повествовании („u pripovijedanju“). „U toj službi“ — говорит Маретич — „oblik na pr. sačivati znači isto što oblik I. pređašnjega vremena sačivati i I. prošloga složenog sačivao sam“. Судя по трём обширным примерам, приводимым Маретичем, форма наст. времени сов. вида может заменять собой аорист или прош. сложное сов. вида при всех условиях. То же самое подтверждают и Решетар и Мейе-Вальян в своих грамматиках, подчёркивая, что эта форма стоит „ungemein häufig“ и „très souvent“ вместо форм прош. времени. Может быть, допустимо даже предположение, что именно это отождествление наст. времени сов. вида с аористом лишило в конце концов первую форму функции буд. времени (сохраняемой, однако, в зависимых предложениях). Очень важно при этом то обстоятельство, что в песнях исторического содержания указанное явление встречается, однако, редко²⁾, в то время как „историческое“ настоящее время

1) В выше указанном труде, стр. 587.

2) Там же, стр. 590.

от глаголов несов. вида тут явление совершенно обыкновенное. А. Мусич, автор обширной статьи о способах употребления формы наст. времени сов. вида в славянских языках („Zum gebrauch des praesens verbi perf. im slavischen“¹⁾), посвятил часть своего труда и нашему явлению. При обсуждении его он исходит из данных сербохорватского языка, полагая, что наше явление тут выступает особенно ясно („am deutlichsten treten sie hervor im kroatoserbischen“²⁾). Будучи принципиально несогласен с объяснением Мусича, я пахожу нужным войти в ближайшее рассмотрение его взглядов. Вслед за Дельбрюком³⁾ Мусич сначала даёт совершенно правильное объяснение „исторического“ употребления формы наст. времени от глаголов нес. вида, т.-е. так наз. „praesens historicum“: „Der redende versetzt sich in die zeit, als die vergangene handlung vor sich ging; dadurch wird sie für ihn gegenwärtig, und so drückt er sie durch das praesens aus“⁴⁾. Определение это ни в чём не различается от обычного, „психологического“ описания того умственного (мыслительного) процесса в сознании рассказчика или повествователя, на котором основана замена „логически“ требуемого прошедшего времени временем настоящим. Я, быть может, только виёс бы незначительную поправку в том смысле, что процесс этот происходит не столько в сознании повествователя, сколько умышленно вызывается им в сознании слушателя; повествователь пользуется стилистическим приёмом, переносящим слушателя (а не его самого) во время повествуемых событий и придающим следовательно рассказу ббльшую наглядность и — я сказал бы — поэтическую живость и актуальность. Если теперь применить тот же психологический метод объяснения к интересующему нас явлению употребления формы наст., фактически же буд. времени сов. вида вместо прошедшего времени, то пришлось бы ео ipso сказать, что повествователь, мысленно перенёсшись вместе со слушателем в то время, когда происходили события (или вернее часть событий), и передавая их в форме наст. времени нес. вида (praesens historicum), передаёт (остальные) события, следовавшие за первыми, с помощью формы будущего времени

1) ASPh. XXIV, стр. 479 и след.

2) Там же, стр. 508.

3) Ср. Delbrück, Vergleichende syntax, т. II, стр. 261.

4) ASPh. XXIV, стр. 509.

(наст. времени сов. вида). Благодаря такому приёму, столь же стилистическому как и первый, ему удаётся представить события в их логически-временном членении, в их относительной последовательности. Такое заключение, по существу вполне логичное само по себе, делает Дельбрюк в указанном труде¹⁾, видя и в нашем явлении *futurum historicum*. Точно так же смотрит на дело и Педерсен²⁾: „Die erscheinung beruht darauf, dass der erzählende sich sehr lebhaft auf einen bestimmten vergangenen zeitpunkt versetzt, von dem aus die noch folgenden ereignisse futurisch sind“. Приблизительно так же определяет это явление и Бехагель³⁾: „Dieselbe lebhaftigkeit der anschauung, die den erzähler im präs. hist. die dinge als gegenwärtig schildern lässt, bewirkt, dass ein teil der vergangenen dinge dem in der vergangenheit lebenden noch als zukünftig erscheint, und so kann das futurisch gebrauchte präsens sowie die es ersetzenden futurumschreibungen scheinbar auch als vertreter des präteritums erscheinen“. Я по существу ничего не могу возразить против этих определений; они действительно во многих случаях вполне справедливы, и отрицать такое употребление будущего времени я не считаю возможным. Но зато мне кажется необходимым подчеркнуть с особой настойчивостью, что эти определения имеют полную силу только в одной, точно определяемой группе случаев употребления формы буд. времени для обозначения прошлых событий. Сущность их состоит в том, что посредством формы буд. времени обозначается или событие, отделённое большим промежутком времени от времени остальных повествуемых событий (напр. *Toutes les puissances de l'égoïsme... donnèrent naissance à un mal inconnu... qu'Alfred de Musset décrira un jour*), или же событие, выступающее как заключительный акт или результат ряда предыдущих повествуемых событий. В таких случаях роль буд. времени, сводящаяся к функции вставки или заключительной формулы, чрезвычайно прозрачна и не требует особых пояснений: ею резко подчёркивается, что события, обозначенные будущим временем, принадлежат иной, чем предыдущие, временной плоскости. Мы тут, очевидно, имеем дело

1) Vergl. syntax, т. II, стр. 334 и след.

2) KZ. XXXVII, стр. 230.

3) O. Behagel, Deutsche syntax, т. II (Гейдельберг 1924), стр. 265.

с *futurum historicum* в собственном смысле слова. Но иначе дело обстоит с рядом других случаев употребления буд. времени для обозначения прошлых событий; в отличие от выше указанных они характерны именно отсутствием разграничения временных плоскостей, отсутствием логически-относительной последовательности во времени, и, по моему, не без крупной натяжки поддаются школьному определению так наз. *futurum historicum*: события тут по существу одновременны, а не разновременны (сравните хотя бы былинный пример *Скочил царь — тяпне — отсек*), и формы буд. времени тут не следуют, как в выше указанной группе, за формами *praesens historicum* (или — реже — прош. времени), обуславливающими их появление, а без всякого упорядочения с ними перемежаются¹⁾. Разнородные случаи употребления будущего времени вместо прошедшего мы находим в целом ряде языков. Вопрос, имеем ли мы тот же самый оборот в тех примерах из немецкого языка, которые приводит Бехагель²⁾; они осложнены тем, что будущее время тут стоит в придаточных предложениях. Дельбрюк³⁾, Бругман⁴⁾, Вондрак⁵⁾, Билештейн⁶⁾, Эндзелин⁷⁾ и др.⁸⁾ приводят параллели из древне-индийского, литовского, латышского и других языков. Я должен отказаться от анализа этих примеров, но полагаю, что если не все, то большинство из них относится к нашему первому типу. Вопрос этот требует специальной разработки. Довольно характерным и поддающимся анализу примером я считаю приведенное Эндзелином предложение из латышского рассказа (сказки): *Šie aiziet (наст. вр.) un Priežurāv'js vāra (наст. вр.) putru. Te, pret vakaru, ienāks (буд. вр.) būdā ... vīriņš ... un lūgsies (буд. вр.) arī paēst. Priežurāvējam sirds vietā, —*

1) К такому определению двух разновидностей *futurum historicum* я прихожу на основании ценной статьи Я. Вакарнагеля, *Futurum historicum im altpersischen*, в сборнике *Festschrift Vilhelm Thomsen* (Лейпциг 1912), стр. 134—137.

2) В указ. выше месте.

3) *Vergl. syntax*, § 112.

4) *KVG*, II, стр. 577.

5) *Vergl. slavische grammatik*, т. II, стр. 275; 2-ое изд., стр. 385.

6) *Lettische grammatik* (Митава 1863), стр. 352 и след.

7) *Lettische grammatik* (Гейдельберг 1923), стр. 747.

8) Ср. список литературы по этому вопросу в указанной статье Вакарнагеля.

iesmēls (буд. вр.) *traukū un duos* (буд. вр.); *bet līdz šis paliekšies* (буд. вр.) *pie katla, tā vīrelis nuo mugurās puses čuprā un nu duod un duod* (наст. вр.), *cik ieiet* (наст. вр.): — *pusdzīvs Priēžurāvējs iezvīla* (прош. вр.) *kaktā* (= Они уходят и П. варит кашу. Тогда, под вечер, войдёт в хату человек и попросит и себе поесть. У П. сердце доброе, он начнёт наливать в сосуд и даст; но едва он нагнётся к котлу, как человек [вскочит] ему сзади на спину и ну даёт и даёт, сколько влезает: — полуживой П. упал в угол¹). Пример этот, стоящий, по моему, ближе к первой группе и не поддающийся дословному переводу на русский язык, мне кажется особенно иллюстративным, потому что, во-первых, подтверждает нашу мысль, что предпосылкой для употребления *futurum historicum* является предварительное появление *praesens historicum*. Другими словами, для того, чтобы представить какие-либо прошедшие события как будущие, повествователь предварительно должен представить предшествующие им события как происходящие в наст. времени. На этот факт до сих пор не обращали надлежащего внимания, но мне он кажется весьма существенным, ибо — хотя я и допускаю возможность, что в отдельных случаях повествование от времени прошедшего (с пропуском времени настоящего) прямо переходит ко времени будущему, — всё-таки именно в указанной предпосылке и состоит коренная разница между данным явлением в латышск. языке и интересующим нас фактом в слав. языках: в последнем случае обычно предшествует форма прош. времени. Во-вторых, важно ещё следующее обстоятельство; в то время как в латышск. примере *futurum historicum* почти с логической необходимостью и во всяком случае в силу само собой понятных психологических факторов выступает в виде заключительного акта ряда форм *praesens historicum* и вслед за ними, в славянских языках (в указанных нами случаях) форма наст. (буд.) времени сов. вида неизменно выступает или в перемежку с формами прош. времени (и *praesens historicum*), или же (в редких случаях) даже самостоятельно. Наконец, как в латышск., так и во всех остальных языках *futurum historicum* не имеет того оттенка мгновенности, который характерен для польских и русских примеров. Конечно,

1) Дословный перевод.

я не буду отрицать возможности наличности и в слав. языках, в особенности в сказках, *futurum historicum* в узком смысле слова. Но признавая, таким образом, правильность определения так наз. *futurum historicum*, которое дано выше-названными учёными, я отрицаю правильность утверждения, что в разобранных нами выше славянских случаях употребления формы наст. времени сов. вида в смысле (мгновенного) прошедшего в окружении форм действительного прош. времени и в перемежку с ними перед нами исключительно явление того же *futurum historicum*. Допускаю, однако, взаимное скрещение этих двух способов выражения. В частности не могу принять мнения Педерсена, что „der hinweis auf die gleiche verwendung des ererbten indogermanischen futurums im litauisch-lettischen ... ganz entscheidend ist“¹⁾; тождественность употребления ещё требуется доказать и подвергнуть все случаи *futurum historicum* специальному анализу.

§ 25. Не соглашается с таким толкованием нашего явления и Мусич: „Nur das will ich noch erwähnen, dass ich DELBRÜCKS ausführungen ... auch bezüglich des historischen praesens verbi perf., das nach seiner ansicht ein erzählendes futurum sein soll, nicht beistimmen kann“²⁾. Но не соглашается с этим толкованием Мусич совсем на других основаниях. Как нами уже было замечено, он сопоставляет употребление наст. времени сов. вида с „историческим“ настоящим несов. вида (ср. на стр. 514: „Das historische praesens verbi perf. kann ... vom historischen praesens verbi imperf. nicht getrennt werden“). Но выводя последнее из психологического факта, что повествователь переносит самого себя (вернее: слушателя) во время повествуемых событий, он не предполагает того же (или подобного ему) процесса по отношению к случаям употребления наст. времени сов. вида в „историческом“ смысле. Напротив, он, очевидно, предполагает какое-то механическое перенесение свойственного для наст. времени несов. вида оборота на наст. время сов. вида, которому он несвойствен. Он говорит: „Dadurch, dass das praes. verbi imperf. eine ... vergangene handlung bezeichnen kann, ist auch die entwicklung des praesens verbi perf. zur bezeichnung vergangener perfektiver handlungen

1) KZ. XXXVII, стр. 230.

2) ASPH. XXIV, стр. 514.

möglich geworden“¹⁾. Ясно, что это утверждение никакого объяснения не даёт, так как не указывает никакого tertium comparationis между наст. временем (несов. вида) и будущим временем (сов. вида), которое сделало бы соприкосновение между этими, по содержанию и функциям резко отличными формами понятным; недостаток этот, по моему, нисколько не возмещается тем, что Мусич последовательно называет обе формы формами наст. времени; ведь это только исторически-терминологическое, а отнюдь не фактическое тождество или фактическая близость. Присмотримся ближе к теории Мусича. Мусич неоднократно подчёркивает, что в целях правильного понимания нашего явления нужно различать между „standpunkt des vorsichgehens“ („точкой зрения события“ или „действия“) и „standpunkt des redens“ („точкой зрения повествования, говорения“). По его мнению, „историческое“ наст. время несов. вида передаёт действия хотя и настоящие „vom standpunkt ihres vorsichgehens“, но прошедшие „vom standpunkt des redens“. Это можно было бы проще выразить так: „историческое“ наст. время несов. вида формально форма наст., но функционально форма прошедш. времени²⁾. Что же касается настоящего времени сов. вида, то тут Мусич удерживает только „standpunkt des redens“, в силу которого оно служит для сообщения о событии или действии прошедшем; но „standpunkt des vorsichgehens“ никакой роли у него не играет; напротив, по его мнению, „историческое“ наст. время сов. вида не в состоянии передать (прошедшее) действие „vom standpunkt ihres eintretens“ (причём „eintreten“ и „vorsichgehen“ употребляются им без разграничения). Следовательно, если перевести и это на более простой язык, оказывается, что „историческое“ наст. время сов. вида функционально форма прошедшего времени, а формально ничего не выражает³⁾. Но и это опять-таки ничего не объясняет: это просто повторение иными словами того же самого утверждения Мусича, что форма наст. вре-

1) Там же, стр. 510.

2) В своей работе „Прилози науци о употреби времена у српско-хрватском језику“, ч. III (оттиск из СХХVI книги „Гласа Српске Краљевске Академије“), Белград 1927, стр. 5, Мусич так и говорит: „Радња, која је за по ми ш љ е ну садашњост садашња, за п р а в у је садашњост пјевачеву прошла“.

3) Ср. в указ. статье стр. 5—6: „Али презенат перф. глагола нема на себи никакога темпоралнога обнџежја“.

мени сов. вида, если стоит вместо прошедшего времени, не является формально будущим временем, т.-е. употребление её не должно объясняться тем, что повествователь переносит себя или нас в будущее время. Таким образом, Мусич приходит к совершенно отрицательному выводу по отношению к возможности психологического объяснения нашего явления. В этом я, как видно, по иным причинам одного с ним мнения. Но если Мусич полагает, что можно ограничиться простым указанием на влияние факта „исторического“ употребления форм наст. времени несов. вида на формы буд. (наст.) времени сов. вида, т.-е. предположением механического распространения „исторического“ наст. времени на формы буд. времени сов. вида, я с ним уже не нахожу возможным соглашаться.

§ 26. Аргументация Мусича кажется мне ещё менее убедительной, если проследить, каким способом она применяется им при объяснении некоторых любопытных фактов синтаксического порядка в современном сербохорватском языке. Нетрудно показать, что Мусич, пользуясь своей терминологией, делает тут логический эксперимент, не имеющий под собой реальной почвы. Выше было мною уже указано, что исторические песни сербохорватов чрезвычайно редко допускают употребление наст.(-буд.) времени сов. вида вместо форм прош. времени. Мусич объясняет это так: по его мнению, характерной чертой стиля сербохорватской исторической песни является повествование „vom standpunkt des vorsichgehens“; а так как употребление наст. времени сов. вида допускается только „vom standpunkt des redens“, между тем как „standpunkt des vorsichgehens“ тут совершенно отсутствует, то, заключает он, вполне понятно, что историческая песня этого последнего способа не терпит: „Der grund ... für die abneigung des volksliedes gegen das historische praesens verbi perf. ist ohne zweifel in dem ... umstande zu suchen, dass im volksliede die zeit der handlungen in der regel vom standpunkte ihres vorsichgehens oder eintretens aus, nicht aber vom standpunkte des redens aus bestimmt wird, durch das historische praesens verbi perf. aber vergangene handlungen vom standpunkte ihres eintretens aus nicht ausgedrückt werden können“¹⁾. Я пахожу, что

1) ASPH. XXIV, стр. 511.

Мусич тут заблудился в каком-то *circulus vitiosus*, запутался в прямой тавтологии, не заметив, что вывод тождествен с предпосылкой. Что значит главная предпосылка Мусича, что стиль сербохорватской исторической песни допускает только „standpunkt des vorsichgehens“? Так как „standpunkt des vorsichgehens“ (формальное значение) и „standpunkt des redens“ (функциональное значение) различимы только при формах наст. времени, употреблённого в „историческом“ смысле, то предпосылка эта только и может обозначать, что стиль сербохорватской песни допускает лишь „историческое“ наст. время несов. вида, обладающее по мнению Мусича именно „standpunkt des vorsichgehens“; т.-е. доказательство его принимает такой вид: так как стиль исторической песни только допускает „историческое“ наст. несов. вида, в ней недопустимо „историческое“ наст. сов. вида. А это явная тавтология. — Мусич далее допускает такого рода возражение против своего объяснения отсутствия в исторических песнях „исторического“ наст. вр. сов. вида: „Das könnte man befremdlich finden, wenn man erwägt, wie häufig das durch den aorist geschieht, dem doch das historische praesens verbi perf. darin gleichkommt, dass es vergangene perfektive handlungen bezeichnet“¹⁾. Такое возражение мне непонятно. Правда, аорист как и „историческое“ наст. сов. вида функционально обозначает прошедшее действие, но ведь у него функциональная („standpunkt des redens“) и формальная сторона („standpunkt des vorsichgehens“) совершенно совпадают, чего нет у наст. сов. вида, вообще не имеющего формального значения. Оказывается, что именно так и отвечает Мусич на это слишком уж фиктивное возражение: „Man darf nicht vergessen, dass zwischen dem aorist und dem historischen praesens verbi perf. der wesentliche unterschied besteht, dass der aorist schon an und für sich die bedeutung der vergangenheit hat, während das historische praesens verbi perf. an und für sich eigentlich keine zeit bezeichnet und (wie das historische praesens verbi imperf.²⁾ nur dann die bedeutung der vergangenheit erhält, wenn es ... in der erzählung vorkommt“³⁾. В этой фразе имеется ещё одно утвержде-

1) Там же, стр. 511.

2) Подчёркнуто мною.

3) ASPH. XXIV, стр. 511.

ние, говорящее против самого же Мусича. Раз по его мнению „историческое“ наст. сов. и „историческое“ наст. несов. вида в равной мере появляются только тогда, когда повествуется об определённо прошедших событиях (а это якобы случается очень редко в исторических песнях, зато тем чаще в рассказах), то следовало бы думать, что оба оборота в равной мере чужды исторической песне. На деле же „историческое“ наст. несов. вида, по собственным словам Мусича ¹⁾, встречается тут чрезвычайно часто. Правда, Мусич подчёркивает, что происходит это только „in erzählenden partien des volksliedes“ ²⁾. Не входя в рассмотрение вопроса, какие части песни представляются ему „повествовательными“, а какие нет (я сильно сомневаюсь в достоверности такого разграничения), я на основании аргументации нашего автора ожидал бы, что и наст. время сов. вида обнаружится в „повествовательных“ частях песни. Оказывается, нет. „Auch in denjenigen partien des volksliedes“ — говорит Мусич ³⁾ — „die man doch als erzählung bezeichnen könnte, kann das historische praesens verbi perf. nicht den aorist vertreten.“ Спрашивается, почему же? Потому, что „auch sie eigentlich keine erzählung sind, da in ihnen der sänger die handlungen nicht als erzähler, sondern gewissermassen als zuschauer, d. h. vom standpunkte ihres vorsichgehens oder eintretens aus, darstellt“. Вся эта аргументация сильно смахивает на простую конструкцию ad hoc, и удовлетворительного объяснения мы не получаем. Достаточно вместо возражения указать на русскую былинку, допускающую в отличие от сербохорватской исторической песни и наст. время несов. вида и наст. (буд.) время сов. вида, чтобы понять, что отсутствие второй формы в сербохорватской песне должно иметь иную, особую причину. Но Мусич, хотя и озаглавил свою статью так, что можно было бы ожидать самого широкого освещения этого вопроса во всех слав. языках, тем не менее не обратил никакого внимания на стиль русской былинки. — Остаётся ещё последний вопрос: как Мусич объясняет тот факт, что „историческое“ наст. сов. вида, почти не встречаясь в исторических песнях сербохорватского народа, очень часто употре-

1) Там же, стр. 508. Ср. „Прилози“, стр. 5.

2) Там же, стр. 508, 509.

3) Там же, стр. 513.

бляется в народных сербохорватских сказках? Мусич силится доказать, что это зависит от существенно разного отношения певца к воспеваемым им событиям и рассказчика к сюжету его сказки; в отличие от певца „versetzt sich der redner (der erzähler) nicht in die zeit, in der die handlungen vor sich gehen oder eintreten, sondern bleibt in der wirklichen gegenwart. Dieser sein standpunkt wird gewöhnlich gleich am anfange seiner erzählung durch praeterita auch gekennzeichnet. So versteht es sich denn eigentlich von selbst, dass die handlungen, die er erzählt, der vergangenheit angehören“¹⁾. И это разграничение отношения певца и рассказчика к сюжету или времени его представляется мне натянутым и невероятным, и мы поэтому в праве спросить себя, нельзя ли объяснить разницу между песней и сказкой по отношению к употреблению или неупотреблению „исторического“ настоящего сов. вида иначе и проще.

§ 27. Я искал бы такого объяснения в той же плоскости, что и выше, т.-е. предположил бы, что и в сербохорватском языке произошло характерное перенесение функций аориста на формы наст. (буд.) времени сов. вида в связи с указанным уже фактом, что язык находится в стадии утраты форм аориста. Ведь в сербохорватском языке при рассказе прошедших событий, не только в устной, народной речи, но и в книжном изложении, всякая форма аориста всегда может быть заменена соответствующей формой наст.-буд. времени сов. вида. Что же касается вопроса о том, почему аорист сохраняется столь строго в исторических сербохорватских песнях и тут почти никогда не заменяется формами наст. времени сов. вида, то я нахожу ответ на него в том обстоятельстве, что исторические песни, будучи поэтическими произведениями с определённой традиционной формой и следуя известным ритмическим законам, вообще строже сохраняют древний склад речи. Маретич²⁾ напр. подчёркивает, что песни не передают „vjerano obiĉni govor“. Они поэтому в силу более архаического стиля придерживаются аориста, не поддаваясь общей тенденции к утрате его. По словам Маретича³⁾ „sadašnje istoričko vrijeme od svršenijeh glagola ... se ne nalazi u

1) Там же, стр. 512.

2) В указ. труде, стр. 598.

3) Там же, стр. 590.

narodnijem pjesmama gotovo nikad“. По той же самой причине, вероятно, и Вук Караджич, а за ним и Даничич в своих переводах нового и ветхого завета избегали применения форм „исторического“ настоящего сов. вида, хотя Вук в других своих сочинениях охотно допускал его¹⁾. Если с другой стороны в народных сказках и повестях употребление наст. времени сов. вида до того часто, что аорист перед ним решительно отступает на задний план, то объясняется это отсутствием тех сдерживающих ритмических и архаических сил, которые налицо в исторических песнях; народные сказки и повести, будучи, правда, также поэтическими произведениями народного творчества, но все же гораздо более свободными по внешней форме и не связанными определёнными традициями, отражают поэтому гораздо точнее „obišni govor“ и характерную для него тенденцию к утрате аориста; вследствие этого они гораздо охотнее заменяют отживающие формы аориста соответствующими формами наст. времени сов. вида. Этот факт вполне соответствует указанному нами выше (§ 15) обстоятельству, что народные сказки часто употребляют императив вместо аориста, в то время как исторические песни такого употребления не знают. Наш вопрос сводится, таким образом, к тому, как могла произойти эта замена аориста формами наст. времени сов. вида. Полагаю, что и тут можно будет принять за исходный пункт чисто-формальное, частичное совпадение некоторых форм аориста с формами наст. времени сов. вида, из чего впоследствии развилось путём аналогии полное отождествление наст. времени сов. вида с аористом. При объяснении переноса функций аориста на форму императива нами выше было указано на то, что условия количества, интонации и ударения всех форм аориста за исключением форм 2-го и 3-го лица ед. числа сближали их с императивом. Здесь же нам наоборот приходится взять в качестве исходной точки именно формы 2-го и 3-го лица ед. числа от глаголов с основой на *-i-*. Стоя вне интонационной системы аориста, формы эти и по ударению и по интонации и по количеству конечных гласных совершенно совпадали с соответствующими формами наст. времени. Это видно из простого сопоставления интересующих нас форм, напр. от глаголов *gàziti pàmítiti hvá-*

1) Там же, стр. 590.

liti nòsiti; в то время как формы 2-го и 3-го лица ед. числа аориста (*gàzî râmîî hvâlî nòsî*) во многих случаях определённо отличались от формы 1-го лица ед. числа аориста (*gàzîh râmîîh hvâlîh nòsîh*), они самым явным образом совпадали с формой 3-го лица ед. ч. наст. времени (*gàzî râmîî hvâlî nòsî*). Мейе¹⁾ формулирует это обстоятельство так: „Dans tous les verbes en *-iti* l'accentuation et la quantité de l'*i* sont les mêmes à l'infinitif et aux formes de l'aoriste où il y a des représentants de *-s-*, dans *lòmih zalòmih* comme *lòmîti zalòmîti*, *hvâlîh pohvâlîh* comme *hvâlîti pohvâlîti*²⁾. Au contraire, la forme de 2e-3e sg. aor. *lòmî zàlòmî* et *hvâlî pohvâlî* concorde, à un détail près, avec celle du présent: *lòmîm zàlòmîm*, *hvâlîm pohvâlîm*“. Эта разница между формами 2-го и 3-го лица ед. числа и остальными формами аориста ощущалась как нечто ненормальное; это можно заключить из того, что, как уже указывалось выше (§ 16), некоторые глаголы на *-èti* и глаголы на *-nuti* и *-ati* устранили её, уподобив формы 2-го и 3-го лица ед. числа остальным лицам аориста; так объясняет ван-Вейк³⁾ появление форм аориста типа *gòrjeh : gòrje tr̃rjeh : tr̃rje tr̃nuh : tr̃nu p̃isah : p̃isa*, а также и форм *lèže mòže ìde rèče* и т. д. Но — прибавляет ван-Вейк — „la cause principale du changement de l'accentuation doit être la tendance à distinguer ces formes de celles du présent (maintenant *lèžè mòžè ìdè rèčè*, autrefois avec *ě*; cette quantité s'est conservée dans certains dialectes“⁴⁾. Имелась таким образом необходимость введения инноваций ради не-смешения форм аориста с формами наст. времени. Но, разумеется, была налицо и возможность и даже неизбежность смешения, в особенности у глаголов на *-i-*, не введших новых ударений. Не придаю при этом большого значения разнице между интонацией аориста *zàlòmî pohvâlî pògàzî pr̃nosî* и интонацией форм наст. времени *zàlòmîm pòhvâlîm pògàzîm pr̃nosîm*, хотя эта разница выступает именно у глаголов с приставкой, употребляемых в качестве глаголов

1) Le slave commun (Париж 1922), стр. 212.

2) Тут у Мейе, очевидно, вкралась ошибка, если он даёт формы *hvâlîh hvâlîti* и т. д. См. Meillet-Vaillant, Grammaire de la langue serbo-croate (Париж 1924), стр. 174.

3) RES. III, стр. 45.

4) ван-Вейк при этом, м. пр., ссылается на труд Л. Мазинга, Die hauptformen des serbisch-chorv. akzents, стр. 71 и след.

сов. вида как раз для образования аориста; разница эта слишком сама по себе незначительна и не могла стать препятствием для нашего процесса. Исчезновение аориста в сербохорватском, да и вообще в славянских языках и было, если не вызвано, то во всяком случае облегчено „par l'inconvénient qu'offrait l'ambiguïté de la forme commune des 2e et 3e personnes au singulier“¹⁾. Обусловленная этим обстоятельством тенденция к упрощению этой сложной системы могла, однако, повести не только к исчезновению аориста, но также, в силу формальной близости аориста к формам наст. времени (сов. вида) во многих случаях, к уподоблению его последним, отождествлению его с последними и, в конце концов, перенесению функций его на них же. Такой процесс, само собой разумеется, вскоре по аналогии мог охватить и такие формы, которые не отличались указанною внешнею близостью. При этом приходится подчеркнуть, что в общем условии для употребления форм наст. времени от глаголов сов. вида в аористическом смысле, условием для того, чтобы эти формы, обозначающие исконно будущее время, могли быть поняты именно в смысле аориста, является требование, чтобы прошедший характер повествуемых событий в отдельных случаях был наперёд или параллельно подчеркнут какой-либо грамматической формой прошедшего времени, чем бы исключалась возможность недоразумений. Как известно, и *praesens historicum* от глаголов несов. вида нуждается в такой предпосылке²⁾. Отсутствие этого условия в так наз. „*prigoričvanju*“ в сербохорватском языке и объясняет, кажется, недопустимость в данном случае указанных оборотов³⁾. Замечу ещё раз, что именно это окружение форм прошедш. времени отличает наше „аористическое“ наст. время сов. вида от действительного *futurum historicum*, нуждающегося в общем в предыдущих формах *praesens historicum*. На эту разницу до сих пор обращалось слишком мало внимания. Наконец, не будет излишним, если вкратце ещё укажу на то, что в сербохорватском языке формы наст. времени сов. вида в смысле аориста, повидимому, не отличаются тем оттенком мгновенности, который казался нам существенным для того

1) Meillet, *Le slave commun*, стр. 217. Ср. также стр. 274—275.

2) Ср. у Мусича, *ASPh*. XXIV, стр. 510.

3) См. у Маретича, в указанн. труде, стр. 600.

же явления в польском и русском языках. Обусловлено это тем, что аорист в сербохорватском языке не прошёл через те этапы семасиологических изменений, которые нами предположены были для названных двух языков.

III.

§ 28. Результат наших соображений состоит в том, что отмеченные нами в русском, а также и в иных славянских языках явления употребления формы императива и форм наст. времени сов. вида в смысле и вместо прошедшего времени не могут быть объяснены чисто-психологически, а должны рассматриваться как продукт вполне объяснимого, механического переноса функций исчезнувшего (или исчезающего) аориста на указанные формы в силу частичного совпадения, а затем аналогического отождествления последних с аористом (или наоборот). При этом получается некоторая разница в значении. В то время как наст. время сов. вида „аористическое“ в русском языке передаёт ясно осязаемый оттенок мгновенности или непродолжительности действия в прошедшем, императив в той же функции кроме того содержит ещё и оттенок неминуемости или „предопределённости“ действия в прошедшем. Затем обычным условием для понимания наст. времени сов. вида в прошедшем смысле оказывалось определённое окружение фактических форм прош. времени; для императива же мы такого требования не находили. Теперь можно ещё поставить такой вопрос: не обладает ли русский язык (а равно и иные слав. языки) ещё третьим средством для передачи „аористического“ действия в прошлом, 1) не нуждающимся (как иногда наст. времени сов. вида) во внешнем окружении форм прош. времени (что, конечно, составляет некоторый недостаток указанного оборота), и 2) не связанным (подобно императиву в функции прош. времени) с представлением о неминуемости действия? Мне кажется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Таким средством является отглагольное междометие, нередко употребляемое в функции „особого“ прош. времени. Мне представляется возможным толковать точно так же, как уже выше было истолковано предложение *Хватъ — поймала*, и следующую фразу, почерпнутую (как и многие из ниже следующих) из „Сборника сказаний и преданий“, издан-

ного Садовниковым¹⁾: *Он дёрг и остальную ногу выдернул*. По значению тут между *хватъ* — *поймала* и *дёрг* — *выдернул* почти никакой разницы нет²⁾, и *дёрг* точно так же как и *хватъ* обозначает действие прошедшее мгновенное. Нужно при этом, конечно, строго отличать междометия отглагольные (глагольные) от междометий неглагольных, чисто-звукоподражательных; междометия последнего типа мы напр. имеем в следующих двух предложениях: *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин!* Пушкин, *Бесы, или Гуляют кони, стучат чёртовы машинки. А колокола под землей бумм, бумм, бумм! преобразись неправедная земля!* А. Толстой, Рукопись, найденная под кроватью. Критерием глагольности или неглагольности данного междометия является его способность к образованию полной системы глагольных форм. Известно, что к глагольным междометиям всегда могут быть образованы глаголы на *-нуть* однократного вида. Только такие междометия выступают в функции прошедшего времени. Нетрудно привести целый ряд примеров, хотя бы из выше указанного источника: от глагола *прыгнуть*: *Она села в неё (коляску), и он за ней прыг*; от глагола *хмыльнуть*: *Как бросит веник, да с полка и хмыль нагишом домой*; от глагола *торкнуться*: *Самый этот разбойник торк в ворота — заперты*; от глагола *брякнуть*: *Мать домой поволок, бряк в конник*; от глагола *брягнуть*: *Является перед ними лодочка, брях в лодку*; от глагола *шмыгнуть*: *Малый-то его брат шиг да шиг к нему тихонько*; от глагола *мыкнуть*: *Солдат мык в дверь*; от глагола *хлобыстнуть*: *Поднял кнутовище да хлобыст одного*; от глагола *бултыхнуть*: *Ванюша перекрестился, бултых в воду*; от глагола *цопнуть*: *Ванюша скоро догадался, как за земельную схватился, да и цоп в мешок*; от тех же глаголов: *Подбежал попов сын Тёрка, он его цоп да и бултых в котёл*. Пешковский³⁾ приводит целый ряд таких междометий (*бац хватъ*⁴⁾) *толк стук хлоп цап царап верть порх*

1) Записки Русск. Географ. Общества по отд. этногр., т. XII (Петербург 1884). Цитирую не прямо, а по статье П. Шейна в РФВ. XII.

2) Я умышленно говорю „почти“, имея в виду оттенок неминуемости в первом примере. Должен, однако, присовокупить, что я далеко не убежден в том, что *хватъ* действительно императив к *хватить* (ожидается *хвати*). Мы м.-б. и тут имеем отглагольное междометие.

3) Русский синтаксис в научном освещении (Москва 1914), стр. 366.

4) Относительно *хватъ* может быть сомнение, имеем ли мы „междометие“ от глагола *хватнуть* или императив от глагола *хватить*.

скок прыг трах), причём прибавляет: „Во всяком случае понятие „междометия“ здесь, в сущности, мало применимо, так как, при всей их эмоциональной окраске, слова эти всё-таки имеют определённое логическое содержание, отсутствующее в междометиях. Синтаксически же они тоже крайне редко стоят вне предложения, а употребляются почти всегда именно, как заместители сказуемого“. Пешковский допускает возможность, что мы имеем дело с особым „мгновенным“ видом глагола. В этой мгновенности, по моему, и заключается та их особая окраска, которую Пешковский называет „эмоциональной“. Приведу для полноты ещё ряд примеров из произведений русской литературы, отражающих живую речь. У Крылова мы находим м. пр. следующие „междометия“ нашего типа: от глагола толкнуть: *Подруга каждая тихонько толк подругу. Обезьяны; — Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихонько медведя толк ногой. Зеркало и обезьяна; — от глагола прыгнуть: Тут рыцарь прыг в седло и бросил повод. Рыцарь; — от глагола бухнуть: „Ещё левей возьми, ещё левее шаг!“ И бух осёл и с филином в овраг. Филин и осёл; — Левей, левей, и с возом бух в канаву. Обоз; — от глагола *шастнуть¹⁾: Тут задремали все, кто лёжа, кто и сидя; как вдруг из лесу шасть на них медведь, разинув пасть. Собака, человек, кошка и сокол; — от глагола хлопнуть: Потом, как со стола уж начали собирать, пустился танцевать. Лиса в ладоши хлоп. Обед у медведя. — У Тургенева я (при случайном чтении) отметил следующие примеры: от глагола бухнуть: *Вдруг, в одно прекрасное утро, вообразите себе, входит Арина... без доклада ко мне в кабинет и бух мне в ноги. Ермолай и мельничиха; — от глагола *шастнуть: Вдруг старушка-мать шасть в комнату. Уездный лекарь; — Давид ушёл куда-то в город; я никак не ожидал, что он скоро вернётся... Вдруг он шасть в дверь. Часы; — от глагола чёркнуть: *Взял перо — чёрк, чёрк, чёрк²⁾ — да и воображаете, что отделались? Холостяк, III. — От глагола хлопнуть находим пример у Чехова (Ивансв, VII): Я полюбила его с первого взгляда. Взглянула, а меня мышеловка хлоп! — Часто встречается наш оборот у Горького; я записал два случая: от глагола ханнуть: *А мы, согрешив по-человечьи, судим друг друга по-звери-****

1) Ср. шастать.

2) Я, впрочем, не уверен, не имеем ли мы тут звукоподражательного междометия указанного выше (стр. 70) типа.

ному: сразу *цап* за горло и чтобы душа вон! — от глагола *цапнуть*: „Хоть я“, говорит, „человек безоружный, но за уши вас оттащить могу!“ Да и *цап* его за ухо, юнкера-то. — Первый из этих двух случаев характерен тем, что междометие уже теряет значение прошедшего времени и получает функцию настоящего несов. вида. Объясняется это тем, что междометия отглагольные и звукоподражательные, конечно, сильно влияют друг на друга, и не всегда легко определить, какой из этих двух видов мы имеем перед собой. Наконец, вкратце укажу ещё на то, что и остальные славянские языки также обладают целым рядом подобных отглагольных междометий. Привожу ещё раз (полностью) уже цитированное место из „Пана Тадеуша“ Мицкевича: *Gracz szarak! Skoro poczuj wszystkie charty w kupie, Pstręk naprawo koziołka! Z nim w prawo psy głupie, a on znówi fajt wlewo! jak wytnie dwa susy! Psy za nim fajt nalewo! On w las, a mój Kusy cap!* — Тут перед нами междометия от глаголов *fajtnąć*, *capnąć* и **pstręknąć*, причём, конечно, нисколько не исключена возможность и даже вероятность, что первый и второй из названных глаголов в свою очередь образованы от звукоподражательных междометий, т. е. что в данных случаях произошло взаимное притяжение обоих родов междометия; но если Лось¹⁾ прав, утверждая, что „*wykrzyknik stoi poza zdaniem, gdyż może być zupełnie opuszczony bez szkody dla pojęciowej treści zdania*“²⁾, то мы в приведённом примере не имеем дела с простыми междометиями, ибо они тут не могут быть опущены; правда, Лось оговаривается, что „*wykrzykniki naśladowcze wchodzą do składu zdania jako orzeczenia*“, но такого исключения из общего определения понятия „междометия“ делать нельзя, не мотивировав его ближе. У Вондрака³⁾ мы находим ещё пример *chlust* от глагола *chlusnąć*, а также ряд инославянских примеров (напр. словенск. *lor*, чешск.-слов. *chmat smýk blk lup žbluňk břink*). Из чешских междометий нашего типа можно привести следующие: *bác* от глагола *bacnouti*, *hop* от *hopnouti*, *fuk* от *fuknouti*, *hrk* от *hrknouti*, *šup* от *šupnouti*⁴⁾. Богатый материал глаголь-

1) В сборнике *Język polski i jego historia*, т. II, стр. 186.

2) Ср. там же, стр. 200.

3) *Vergleichende slavische grammatik*, т. II, стр. 274; 2-ое изд., стр. 419.

4) Ср. *Gebauerova mluvnice česká...*, nově zpracoval V. Ertl, т. II (Прага 1921), стр. 18 и 200.

ных междометий собрал Бернекер¹⁾ из большинства славянских языков: из русского напр. *кувырк лоп мах скрип щёлк шлёп шварк швырк тарак тяп топ*, из малорусского напр. *брязь гульк хан плыч порх скуб смик шубовсть шурх трісь*, из белорусского *štyk špurhiec ciskieć*, из польского *beno gruch hyb chlast kie tap myk plusk puk*, из чешского *drap hmat hop huk chamt' chyt plesk smyk škráb škrk*, из сербохорватского *fuk chop*, и т. д.

§ 29. Миклошич²⁾ затруднялся объяснить рассматриваемые нами формы: „Man könnte versucht werden, diese wörter als den einzigen rest des wahren imperativs anzusehen“. Во всяком случае несомненно, что родственность между междометиями повелительного характера и формой повелительного наклонения, в значительной мере потерявшей функцию именно 2-го лица ед. числа (ср. *на : нате ; ну : нуте ; айда : айдайте ; полно : полноте* и *иди : идите ; дай : дайте*), очень велика и могла способствовать развитию того употребления в „аористической“ функции, которая известна нам у форм императива, также и у междометий. Существенной разницей, однако, между „аористическим“ императивом и таким же междометием остаётся то, что при употреблении первого (*он скажи, мы возьми, я влюбись* и т. д.) ощущается оттенок неминуемости, выводимый нами из императивной формы, а при употреблении второго (*он хлоп, мы стук, я толк*) мы такого оттенка совсем не ощущаем. Таким образом первичной причиной „аористической“ функции междометий во всяком случае нельзя считать близость последних к императивным формам. Вондрак³⁾ видит в (глагольных) междометиях „bloss stämme ohne endungen“, притом „nicht ausschliesslich verbalstämme“, и утверждает, что „ein grammatischer satz liegt hier eigentlich nicht vor“. Последнее утверждение мне кажется совершенно необоснованным; мы в данных выше примерах находим вполне определённые предложения (даже грамматические), в которых междометия (*прыг торк дёрк сар фajt* и т. д.) исполняют все функции сказуемого-глагола. И Миклошич и даже Вондрак вполне допускают, что ими выражается „eine rasch eintretende (= momentan eintretende) handlung“, т.-е., что они являются сказуе-

1) ASPH. XXVI, стр. 508—518.

2) Vergleichende grammatik, т. IV, стр. 783.

3) Vergl. slav. grammatik, т. II, стр. 274.

мыми в предложении, а не только несинтактическими выражениями эмоции. Мы в праве подчеркнуть самым определённым образом, что рассматриваемые нами „междометия“ являются глагольными формами, что звукоподражательность их не отличается ничем от звукоподражательности целого ряда несомненных исконных глаголов (*брякать хлопать хоркать клепать* и т. д.), и что нужно их строго отличать от междометий типа *дин бу.мм тпру* и т. д. Нелишне в связи с этим указать на то, что все приведённые примеры отличаются от внешне аналогичных случаев в иных языках (ср. нем. *Er fiel — bums! — ins wasser*) тем что последние всегда соединяют междометие с глаголом, который поясняется ими, но может стоять и без них, между тем как первые в этом не нуждаются, т.-е. междометия сами обладают глагольным характером. Кроме того особенно важно то, что они всегда обозначают действие прошедшее сов. вида¹⁾. Я поэтому нахожу даже возможным утверждать, что значительная часть так наз. глагольных междометий, употребляемых в „аористическом“ смысле (т.-е. вместо мгновенного прошедшего времени сов. вида), является по происхождению не столько междометиями, от которых образованы глаголы на *-нуть* (междометия такого типа, конечно, часто смешивались с нашими), сколько „окаменевшими“ глагольными формами, потерявшими непосредственную связь с соответствующими глаголами в силу непрозрачности их образования и ставшими поэтому междометиями. Остаётся ещё только, после этих априорно-теоретических рассуждений, поставить и постараться решить вопрос, к каким же глагольным формам следует возводить эти петрификаты? Мне представляется возможным и допустимым такое объяснение: наши петрификаты вероятно не что иное как формы сильного аориста, утратившие свой исконный характер благодаря утрате аориста. Мы только-что видели, что рядом с нашими „междометиями“ всегда стоят глаголы на *-нуть, -noti*. Глаголы на *-noti*, как указывает напр. Мейе²⁾, образованы „sur des aoristes radicaux qui représentent d'anciens aoristes ou d'anciens imparfaits“. В то время как у остальных глаголов очень рано (уже

1) На это указывает и Шахматов, Синтаксис, вып. II, стр. 57. Ср. также вып. I, стр. 194.

2) *Le slave commun*, стр. 192.

в праслав. эпоху) сигматический аорист вытеснил сильный аорист, последний устойчиво сохранялся при глаголах на *-nǫti*, если они были образованы от основы на согласную. 1-ое лицо ед. числа сильного аориста от глаголов типа *dvig-nǫti* **mǫk-nǫti* **dxg-nǫti* **trk-nǫti* и т. д. звучало *dvigъ* **mǫkъ* **dxgъ* **tlkъ*. К этой форме может-быть именно и восходят наши мнимые междометия, причём прекрасным доводом в пользу этого утверждения является тот факт, что мы не имеем таких междометий на гласную; глаголы на *-nǫti* с основой на гласную типа *mi-nǫti* *romę-nǫti*, как известно, сильного аориста в древнеболгарских текстах не образуют, и поэтому, согласно нашей теории, междометий на гласную нет и быть не может. Однако, против этой теории можно бы возразить кое-что. Попытаемся ответить на такие возражения. Прежде всего можно спросить, почему же глаголы типа *mošti iti* и т. д., также образовавшие сильный аорист (*mogъ idъ*), не сохранили таких „окаменевших“ форм в виде междометий? Ответить на это нетрудно, ибо 1) в виду того, что аорист очень рано начал ограничиваться кругом глаголов сов. вида, указанные глаголы рано перестали употребляться в аористе (не только в очень редком сильном, но и в более употребительном сигматическом аористе), а выступали в аористе главным образом глаголы, сложенные из них и приставки (*romošti doiti* и т. д.); это, конечно, уже суживало их права; а 2) глаголы указанного типа, не будучи однократными, уже по значению не способствовали сохранению аориста, принимавшего результативно-мгновенный характер. Далее можно признать несколько странным, что в „междометиях“ нашего типа сохранилась именно форма 1-го лица ед. числа, а не какого-либо иного, напр. 2-го или — ещё скорее — 3-го лица ед. числа. Возражение это, действительно, серьёзное, и я сам немало над ним задумывался. Но мне кажется, что и оно не может нас заставить отказаться от проводимой нами мысли. В сущности такой процесс изоляции и окаменения 1-го лица ед. числа вполне мыслим, ибо это лицо, конечно, употреблялось в рассказах о собственных похождениях. Но утверждая, что мы в таких формах как *дѣрг толк торк мык прыг* и т. д. должны видеть пережиток аориста от глаголов *дѣр[з]-нуть толк-нуть торк-нуть мык-нуть прыг-нуть* и т. д., я всё же не хотел бы слишком настойчиво проводить мысль, что мы в них имеем именно обобщённую

форму 1-го лица ед. числа. Я скорее вижу в них след давнишнего представления о коренной двойственности или коренной противоположности основ настоящих („praesensstämme“) типа *dvig-ne/-no-* основам аористическим („aoriststämme“) типа *dvige-/o-*. Но если такое предположение, гипотетический характер которого я отрицать не берусь, окажется неприемлемым, я, во всяком случае, не отказываюсь от своей главной мысли о том, что между нашими междометиями и сильным аористом существуют теснейшая связь, и что междометия эти именно в силу этой своей связи с аористом и были в состоянии взять на себя глагольные функции отживающего и исчезающего аориста. Я тем менее склонен отказаться от неё, что и Шахматов, как мне привелось удостовериться уже по написанию своей статьи, определённо склонялся к приблизительно такому же взгляду. Привожу его собственные слова: „Возможно, что глагольное междометие и сложилось и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста... Форма многих аористических образований сходствует с глагольными междометиями (*стужь двиг порх толк бух чебурах*), а именно сильного аориста; быть может именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида“. „Собственно глагольные формы стали междометиями, потому что утратили связь с другими глагольными формами“¹⁾.

§ 30. Подчеркну под конец ещё раз сделанную мною уже в первом параграфе настоящей работы оговорку, что я не считаю предлагаемую мною гипотезу окончательным решением тех вопросов, которые рассмотрены мною выше. Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы критический разбор моих положений, хотя бы и не подтвердив моей догадки или моих догадок, всё же способствовал удовлетворительному решению затронутых проблем. В частности ценным было бы всякое критическое замечание с сербохорватской стороны, ибо весьма возможно, что мною упущены из виду важные факты и точки зрения, имеющие существенное значение для всестороннего освещения наших проблем.

1) Синтаксис, вып. II, стр. 57, 101. Ср. вып. I, стр. 194.

Ad. Stender-Petersen.

Über rudimentäre reste des aorists in den slavischen sprachen, vorzüglich im russischen.

[Autoreferat.]

Vorliegende untersuchung ist einigen einzelerscheinungen aus dem gebiete der slavischen syntax gewidmet und trägt daher einen speziellen charakter. Nichtsdestoweniger dürfte sie eine all-gemeinere prinzipielle bedeutung beanspruchen. Als ausgangspunkt dient ihr ein von MIKLOSICH stammender ausspruch, wonach bei verlust einer gegebenen sprachlichen form auch die dadurch zum ausdruck gebrachte bedeutungskategorie verloren gehe, bezw. umgekehrt, der verlust einer gewissen sprachlich-gedanklichen kategorie auch den verlust der von ihr geforderten form nach sich ziehe. Im hinblick auf die zu untersuchenden drei erscheinungen wird nun gleich eingangs der gedanke ausgesprochen, dass der verlust einer bestimmten form nicht immer auch zum verluste der entsprechenden kategorie führe, sondern die eventualität denkbar sei, dass die bedeutungskategorie von der verschwindenden form auf eine andre übertragen werde, die mit jener so oder anders äusserlich assoziiert ist. Dieser gedanke wird den folgenden reflexionen, deren hypothetischer charakter im voraus betont wird, zu grunde gelegt (§ 1).

1. Zunächst wird eine erscheinung behandelt, die besonders im russischen ausserordentlich oft vorkommt. Sie besteht darin, dass die 2. person sing. des imperativs in präteritaler funktion, und zwar für alle personen des singulars und plurals, mit ausnahme der 2. person, auftritt. Sie darf nicht mit der tatsache der konjunktiven, optativen und konditionalen anwendungsweise des imperativs verwechselt resp. verbunden werden (§ 2). Der russische text dieser untersuchung bringt (§ 3) eine reichhaltige samm-lung von belegen für die präteritale gebrauchungsweise des imperativs im russischen, wobei die textbeispiele fast ausnahmslos für die ge-sprochene, lebende sprache charakteristisch sind. Für den zweck dieses referats genügen folgende zwei beispiele: erstens ein satz, in

dem der imperativ für die 3. person sing. der vergangenheit steht: *На этих порах отец мой — царство ему небесное — возьми да и умри* (Turgenev), und zweitens ein satz, in dem der imperativ unpersönlich für die vergangenheit gebraucht wird: *Случись, однакоже, что гребень затерялся* (Krylov). Die hier behandelte erscheinung ist schon mehrfach flüchtig besprochen worden, so von BUSLAEV (Историческая грамматика русского языка, 5. aufl., Moskau 1881, s. 140 ff.), MIKLOSICH (Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, bd. IV: Syntax, Wien 1868—74, s. 794), SOBOLEVSKIJ (Лекции по истории русского языка, 2. aufl., Petersburg 1891; 4. aufl., Moskau 1907, s. 255), DELBRÜCK (Vergleichende syntax der indogermanischen sprachen, bd. II, Strassburg 1897, s. 397), VONDRÁK (Vergleichende slavische grammatik, bd. II, Göttingen 1908, s. 282; 2. aufl., Göttingen 1928, s. 395) und MAZON (L'emploi des aspects du verbe russe, Paris 1914, s. 71 ff., s. 94—95). Die von ihnen vorgetragenen anschauungen werden (§§ 4—6) eingehend besprochen, wobei die zuerst von DELBRÜCK ausgesprochene vermutung, dass die erscheinung auf einer psychologischen ellipse beruhe, als höchst unwahrscheinlich dargetan und MAZON gegenüber die notwendigkeit einer strengen unterscheidung zwischen dem „historischen imperativ“ perfektiver und demjenigen imperfektiver zeitwörter betont wird. Diese kritik zwingt uns (§ 7) zur annahme, dass wir es historisch nur mit einem scheinbaren imperativ zu tun haben, der in der tat die form eines „falsch“ gebildeten aorists vertreten dürfte; dieser gedanke wird (§ 8) vorläufig an einem altrussischen beispiel erläutert, in dem die (imperativische) form *понеси* neben dem „echten“ aorist *посла* gleichberechtigt auftritt. Die einzelnen etappen im prozesse des altrussischen aoristverlustes, der im 12. und 13. jahrhundert stattfand, weisen den charakteristischen zug der vermengung von personen- und zahlkategorien auf (§ 9); die vermutung ist zulässig, dass diese erscheinung mit dem zusammenfall der 2. und 3. person sing. des aorists mit den entsprechenden formen des imperativs und der u. 'a. dadurch bewirkten überhandnahme der 3. person sing. auf kosten der übrigen zusammenhängen könne, wobei diese identifizierung beider formen bei den verben auf *-iti* (zunächst den stammbetonten) ihren anfang genommen, dann aber sich analogisch allmählich auch auf alle übrigen ausgebreitet habe (§ 10). Diese anschauung lässt sich durch eine reihe altrussischer textbelege, in denen

ein „imperativ“ statt des aorists auftritt, erhärten, trotzdem die beibringung solcher belege u. a. dadurch stark erschwert wird, dass die unterscheidung beider formen gerade bei den zahlreichen verben auf *-iti* in der schrift vereitelt wird; von bedeutung für unser phänomen war sicher auch die sehr beliebte formelhafte anwendung der aoristischen formen *случися прилучися* in den altrussischen romantischen „historien“ (§ 11), wie die im texte gegebene beispielsammlung dartut. Die hier vertretene anschauung, die eine befriedigende erklärung aller einzelzüge der „historischen“ gebrauchsweise des imperativs ermöglicht, ist schon von ШАХМАТОВ (Синтаксис русского языка, t. I—II, Leningrad 1925—27, § 190 u. § 231), freilich ohne beweismaterial und nur vermutungsweise, kurz angedeutet worden (§ 12). Der momentane aspekt, der dem historisch-präterital gebrauchten imperativ eigen ist, lässt sich unschwer aus dem begriffe des aorists ableiten, wenn man annimmt, dass die ursprüngliche aspektlosigkeit desselben, in verbindung mit der tendenz zur beschränkung desselben auf perfektive verba und im gegensatze zur form des periphrastischen präteritums, dem die vorstellung des bis auf die gegenwart andauernden handlungsergebnisses anhaftet, allmählich die nuance eines nicht andauernden handlungsergebnisses und weiter einer momentan-resultativen handlung annahm; wenn dem hier behandelten rudimentären aorist weiterhin die nuance einer „überraschenden“, „unerwarteten“ oder besser „ungewollten“ und „unfreiwilligen“ handlung zukommt, so lässt sich dieser charakteristische zug durch jenen semasiologischen einfluss erklären, der von der form des imperativs, mit der der aorist identifiziert wurde, notwendigermassen ausgehen musste, indem der imperativ bei der angeredeten person gewissermassen willenlosigkeit voraussetzt (§ 13). Die so gedeutete erscheinung ist u. a. auch im serbokroatischen gut belegbar, wie die exemplensammlungen bei MIKLOSICH (Vergleichende grammatik der slavischen sprachen, bd. IV, Wien 1868—74, ss. 795—796) und MARETIĆ (Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, Zagreb 1899, s. 607) dartun; doch muss auch hier eine grenze gezogen werden zwischen dem perfektiven und dem imperfektiven „imperativus historicus“ (§ 14). Der erstere ist — wie im russischen — charakteristisch für die gesprochene sprache und ist dem archaisierenden historischen volksliede fremd; die erscheinung beruht hier wesentlich auf der tendenz zur aufgabe des aorists (§ 15) und lässt sich

auch hier auf eine anfänglich partielle, dann analogisch generalisierte identifizierung der 2. und 3. person sing. des aorists mit den entsprechenden formen des imperativs zurückführen, was durch gewisse quantitäts-, betonungs- und intonationsverhältnisse nur gefördert werden konnte (§ 16). Eine derartige übertragung der bedeutungskategorie von einer gegebenen form auf eine andre ist — wie die geschichte der russ. präsensformen *давай ешь, дайди едим* und der konditionalen partikel *бы* lehrt — durchaus keine isolierte erscheinung in der sprachgeschichte (§ 17).

2. Dem polnischen ist der oben behandelte gebrauch des imperativs fremd; das von MIKLOSICH und VONDRÁK beigebrachte beispiel wird auf grund eines entsprechenden polnischen und russischen belegmaterials anders gedeutet (§ 18); die nichtanwendung des imperativs in präteritaler funktion im polnischen, für die eigentlich auch hier alle bedingungen vorlagen, hängt vielleicht damit zusammen, dass die kategorie des verschwindenden aorists allmählich in ähnlicher weise auf eine andre verbalform übertragen wurde, nämlich — wie schon KRYŃSKI (*Gramatyka języka polskiego*, 4. aufl., Warszawa 1907, s. 208, und im sammelbande *Język polski i jego historia*, bd. II, Kraków 1915, s. 97) gemeint hat — auf die präsens-futurum-form perfektiver zeitwörter (§ 19). Diese übertragung wurde dadurch bewirkt, dass das präsens und der aorist in der 3. person sing. bei den verben auf *-e-|o-* und *-i-* zusammenfielen; später griff die semasiologische identifizierung des aorists mit dem präsens allmählich auch auf die übrigen verba und übrigen personen über. Diese erklärung unserer erscheinung, die sich auch bei BAUDOUIN DE COURTENAY (*Польский язык*, Petersburg 1912, s. 29) findet, lässt sich sehr wohl gegen die kritischen einwände HELPERNS (*ASPh. XXVI*, s. 442) und ŁOŚ' (im sammelbande *Gramatyka języka polskiego*, Kraków 1923, s. 342) in schutz nehmen (§ 20 u. § 21). Im russischen wurde ein gleiches syntaktisches resultat dadurch erzielt, dass die 3. person sing. des aorists in breitem massstabe die endung *-mъ* des präsens entlehnte (§ 21), dieses aber dialektisch zugleich seinerseits die genannte endung verlor (§ 22); in vielen fällen wird sich daher das präterital-aoristisch gebrauchte präsens-futurum perfektiver verba, das vom iterativ angewandten streng unterschieden werden muss, auf jene identifizierung des aorists mit dem präsens-futurum zurückführen lassen (§ 23). Dagegen wird es sich in den slavischen sprachen kaum immer um ein

futurum historicum handeln, dessen wesen meiner im russischen texte näher motivierten meinung nach darin besteht, dass es handlungen bezeichnet, die entweder von den übrigen durch einen langen zeitraum geschieden sind oder dieselben resultativ abschliessen (vgl. WACKERNAGELS aufsatz in der festschrift für Vilhelm Thomsen, Leipzig 1912, s. 134—137); denn im slavischen liegt nur ausnahmsweise eine verschiedenheit der relativen zeitflächen vor, wie sie für das eigentliche futurum historicum charakteristisch ist, und das präteritale futurum tritt vollständig gleichberechtigt neben wirklichen präterita oder historischen präsentien auf, wobei es ausserdem noch, wenigstens im polnischen und russischen, durch die dem futurum historicum fremde nuance der momentaneität ausgezeichnet ist (§ 24). Der erklärungsversuch, den Musić (ASPh. XXIV, s. 479 ff.) seinerzeit gemacht hat, operiert nicht mit dem begriffe des futurum historicum, sondern geht — wenigstens in betreff des serbokroatischen — von der vermeintlichen möglichkeit einer mechanischen übertragung der für das präsens imperfektiver verba charakteristischen „historischen“ gebrauchsweise auf das präsens perfektiver verba aus; er verwendet dabei die terminologischen begriffe „standpunkt des vorsichgehens“, womit wohl die formale bedeutung des präsens gemeint ist, und „standpunkt des redens“, worunter wohl die funktionale bedeutung jener form verstanden wird (§ 25). Die anwendung dieser begriffe führt aber bloss zu tautologischen umschreibungen und wenig überzeugenden erörterungen über den verschiedenen „stil“ des sängers und des erzählers (§ 26). Im gegensatz zu Musić meint verfasser auch für das serbokroatische eine allmähliche identifizierung des aorists mit dem präsens-futurum perfektiver verba, das den aorist in weitestem masse zu verdrängen im begriffe ist, annehmen zu dürfen, wobei auch hier wiederum die quantitäts-, betonungs- und intonationsverschiedenheiten innerhalb der flexion des aorists und die formale identität der (2. und) 3. person des aorists und präsens bei den verben auf *-iti* schliesslich zu einem zusammenfall auch der übrigen personen bei allen verbalklassen führen mussten (§ 27).

3. Während der „aoristische“ imperativ mit der nebenvorstellung einer unfreiwilligkeit der handlung verknüpft ist, bedarf das „aoristische“ präsens-futurum häufig einer umgebung von wirklichen vergangenheitsformen, um recht verstanden zu werden. Nun gibt es in den slavischen sprachen ein drittes mittel, eine

momentan-aoristische handlung auszudrücken, das nicht von jenen semasiologischen mängeln affiziert erscheint: nämlich das syntaktische mittel der verwertung deverbativer interjektionen im sinne der vergangenheit. Dieser satz wird durch zahlreiche beispiele aus der russischen volkssprache und aus russischen literaturwerken illustriert, woran sich ähnliche beispiele (zum teil nach VONDRÁK, Vergl. slav. gramm., bd. II, 2. aufl., s. 419. und BERNEKER, ASPH. XXVI, s. 508—518) aus den übrigen slavischen sprachen schliessen (§ 28). Es wird darauf hingewiesen, dass die meisten interjektionen dieser art zu verben auf *-noti* gehören bzw. solche verba zu ihnen gebildet werden können, und dass sie (z. b. *молк дѣрѣ*) formal mit der 1. person sing. des starken aorists (**tlkō *drgō*) von den entsprechenden verben (**tlknoti: молкнумь *drgnoti: дѣрнумь*) zusammenfallen; doch wird dieser umstand nicht zu hoch angeschlagen, sondern vielmehr betont, dass wohl auch der ursprüngliche dualismus zwischen dem präsensstamme vom typus *dvig-ne-|no-* und dem aoriststamme vom typus *dvige-|o-* in der aoristischen gebrauchweise der interjektionen eine spur hinterlassen habe. Auch in diesem falle kann sich verfassers auf eine flüchtige bemerkung ŠACHMATOV'S (СИНТАКСИС, bd. I, s. 194 und bd. II, s. 57, 101) berufen (§ 29).

Die drei thesen, die den inhalt dieser abhandlung bilden, haben — wie zuletzt betont wird — einen bloss hypothetischen charakter. Eine jede korrektur, besonders von serbokroatischer seite, wäre nur zu begrüßen, da sie zur klärung des problems beitragen würde (§ 30).

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
ЭТОЙ ИДЕИ**

ОЧЕРК

М. КУРЧИНСКОГО

AVEC UN RÉSUMÉ :

LES ÉTATS-UNIS DE L'EUROPE

LES PERSPECTIVES ÉCONOMIQUES ET POLITIQUES DE CETTE IDÉE

PAR

M. KOURTCHINSKY

ДЕРПТ (TARTU) 1930

I

Идея Соединенных Штатов Европы или иначе — Пан-Европы в настоящее время является крайне популярной. О ней говорят газеты и журналы, читаются доклады и лекции, печатаются брошюры и книги. В настоящее время по этому вопросу возникла целая литература. Им заняты журналисты, ученые, государственные люди, о нем говорит широкая публика ¹⁾.

В последние годы наиболее тесно связалась эта идея с именем графа Куденхове-Калерги, создавшего для ее проведения в жизнь особое общество, издающего специальный журнал, печатающего книги о Пан-Европе и сумевшего для этой цели организовать целое пан-европейское движение. Им же был созван в Вене особый Пан-европейский конгресс с привлечением к участию в нем ряда более или менее заметных государственных людей.

Последний год принес особое усиление и поддержку мысли о создании Соединенных Штатов Европы, после того как с ее пропагандированием выступил на арене европейской политической жизни такой первоклассный мастер политической борьбы, каким является Аристид Бриан.

Около пяти лет тому назад мне самому пришлось указать на значение идеи Европейских Соединенных Штатов. В своей публичной лекции „Европейский хаос“ после великой

1) В основе этой статьи лежит читавшаяся автором публичная лекция, чем отчасти объясняется характер изложения, также как и использование некоторых источников. Я считаю, что несмотря на постоянное упоминание, хотя бы в газетной литературе, о Соединенных Штатах Европы или Пан-Европе, широкая публика знает о них по существу очень мало, и поэтому представлялось бы целесообразным дать хотя и популярное, но основанное на серьезных источниках объективное изложение этой идеи и связанных с ней перспектив.

войны я отмечал, что „федеративная мирная Европа или европейские соединенные штаты — единственный способ выбраться из взбаламученного моря европейского хаоса“²⁾. Там же я отмечал и связь этой проектируемой организации с Лигой Наций, в виду значительной общности преследуемых ими целей или, по крайней мере, наличия целого ряда точек соприкосновения между ними.

Тогда эта идея была еще сравнительно новой и мало известной широким кругам, вызывая сомнения и недоумения. С тех пор она успела получить широкое распространение, своего рода право гражданства в журнальной и газетной литературе, и хотя вызывает и до сих пор не мало сомнений, но по крайней мере не только не наталкивается на недоумение, но грозит даже, наоборот, стать черезчур избитой и тривиальной. Самая мысль об экономическом объединении государств Европы и таможенном союзе между ними для создания более широкого экономического базиса и для укрепления их позиции по отношению к остальному европейскому или еще более внеевропейскому миру — не нова. О ней говорили и ей сочувствовали очень многие задолго до появления и начала деятельности графа Куденхове-Калерги. Таможенным Союзом является Германия, главнейшие основы единства которой и были заложены на этой экономической почве, мы знаем свободный союз Великобритании с ее доминионами, с этой мыслью носились в свое время ученые и писатели: знаменитый Фридрих Лист, Волровский, Фоше (Л. Фаухер), Лексис, Молилари, Брентано, Шмоллер, Филиппович, Шеффле; о ней серьезно говорили многие государственные деятели. В совсем недавнее время она поддерживалась в литературе такими разными людьми, как Масарик, Максимилиан Гарден, Герберт Уэльс и Карл Каутский.

Иногда осуществление этой идеи ставилось на более широкую, иногда на более узкую основу. Так, в конце 1830-х годов была выдвинута мысль о таможенном объединении южноевропейских государств, под названием „Union du Midi“, долженствовавшем объединить Францию, Испанию, Швейцарию

2) М. А. Курчинский, „Европейский хаос“. Экономические последствия великой войны, Дерпт 1925, стр. 36 или то же в „Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis“ В VII 4.

и Бельгию. Не менее смелый план предполагал осуществить в половине XIX столетия австрийский министр торговли барон фон Брук, задумавший соединение Австро-Венгрии с германским таможенным союзом со включением в это объединение Голландии, Бельгии, Дании и государств тогдашней Италии³).

Та же мысль, но уже на наиболее широкой основе под названием „Соединенных Штатов Европы“, была выдвинута социалистическими кругами. Во время первого Интернационала, как внутри, так и вне его, эта идея играла известную роль. В 1867 году в Швейцарии заседали одновременно два конгресса: конгресс „Интернационала“ в Лозанне и конгресс „Лиги мира и свободы“ в Женеве, на которых шла речь о Соединенных Штатах Европы, и на втором из них этой идеи касался в своей речи известный русский анархист М. Бакунин⁴). Мысль о тех же европейских штатах выдвигала в начале 1890-ых годов в германском рейхстаге и социалдемократическая партия устами одного из своих ораторов.

Но наибольшее внимание в новейшее время мысль о подобном рода экономическом объединении привлекла к себе уже во время великой войны, в связи с появившейся тогда книгой известного германского политического деятеля Фридриха Науманна, предлагавшего образование тесного союза между Германией и Австро-Венгрией, который должен был составить ядро новой „Средней Европы“ (так называлась его книга) и к которому, как он предполагал, примкнут впослед-

3) См. о возникновении и развитии этой идеи следующую литературу: J. Pentmann, Die Zollunionsidee und ihre Wandlungen im Rahmen der wirtschaftspolitischen Ideen und der Wirtschaftspolitik des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart, Jena 1917, S. 26 u. 34; J. Wolf, „Vorläufer und Parallelen einer europäischen Zollunion“ в сборнике: „Europäische Zollunion“, herausgegeben von H. Heimann, Berlin 1926, S. 10—22; F. Eulenb urg, Aussenhandel und Aussenhandelspolitik, Grundriss der Sozialökonomik, VIII. Abteilung, Tübingen 1929, S. 198; Jean Marchal, Union douanière et organisation européenne, Paris 1929; L. Bosc, Unions douanières et projets d'unions douanières, thèse, Aix 1904; Jean Cristu, L'union douanière européenne. Ses conditions et ses difficultés, Paris 1928; см. также на русском языке: С. О. Загорский, Война послѣ мира, СПб. 1917, глава вторая: Происхождение идеи „Срединной Европы“, стр. 42—71.

4) М. А. Бакунинъ, Избранныя сочиненія, т. I, Лондонъ 1915, стр. 54—55; Карль Каутскій, Средняя Европа, пер. В. Цедербаума и Г. Волосова, Москва 1915, стр. 56—57.

ствии окружающие их мелкие государства. Мысль об объединении „срединных“ империй — Германии и Австро-Венгрии против двух гигантских империй на востоке и западе — России и Великобритании высказывалась еще до войны. Во время великой войны она получила особую популярность, и, вероятно, наибольшее внимание к ней привлек своей вышеуказанной работой бывший пастор, депутат рейхстага, блестящий оратор и талантливый писатель — Науманн.

Его книга возникла во время войны и навеяна войной. Автор не только не скрывает этого, но, наоборот, совершенно определенно подчеркивает. „В то время как я пишу эти строки, на востоке и западе идут бои. Умышленно я пишу во время войны, ибо только в военное время сознание людей расположено воспринимать большие преобразующие идеи.“ В мирную эпоху, когда будничная жизнь войдет в свою колею, срединную Европу уже не построишь. Как Бисмарк создал Германскую Империю во время войны 1870 года, а не после войны, так и теперь наши государственные вожди должны заложить основы нового образования во время войны, в потоках крови и в волнениях людского моря. Потом будет уже поздно. Автор сам подчеркивает, что работа его писалась под впечатлением победоносного продвижения германско-австрийских армий на востоке. Идея ее вовсе не должна восприниматься как нечто вневременное, наоборот, она своей плотью и кровью, своим возникновением обязана войне. „Что должно быть результатом войны? За что умерли наши убитые? За то, чтобы на следующий день после окончания военных действий мы снова разошлись в стороны и вели себя так, как будто бы никогда не знали друг друга? . . . Срединная Европа есть плод войны. Вместе сидели мы в тюрьме военного хозяйства, вместе сражались, вместе должны и жить“⁵⁾.

Исходный момент работы Науманна и вызвавшие ее впечатления накладывают на нее соответственный отпечаток. Союз двух срединных империй, связавший их военные интересы и судьбы во время войны против востока и запада, должен не только сохраниться после войны, но еще более укрепиться не только в качестве военного, но и таможенного объединения. Задача проектируемого союза отнюдь не мирная.

5) Friedrich Naumann, Mitteleuropa, Berlin 1915, S. 1 und 263.

„Она придумана скорее как орудие войны, чем как орудие мира. В книге Науманна общность окопов играет столь же большую роль как и общность торговли. Он совершенно серьезно требует, чтобы новое средневропейское государство еще во время мира на востоке и на западе резко отгородилось окопами от соседних государств“⁶⁾.

Науманн несколько не обольщал себя мыслью, что переживавшаяся тогда человечеством война „последняя“, что после нее человечество навсегда освободится от военного кошмара. „Не приходится думать“, говорит он, „что немедленно по окончании теперешней войны начнется долгий юбилейный год вечного мира!“ Правда, военные настроения несколько ослабнут, но все же война оставит невероятное количество неразрешенных проблем, разочарований и надежд, которые найдут себе выражение в новых вооружениях. Военные министерства, генеральные штабы и адмиралтейства будут на основании опыта законченной войны изобретать новые орудия и средства для защиты своих границ. Можно ли в самом деле поверить, что при таких условиях отдельное государство захочет остаться одиноким?

Вот естественный результат войны — это вывод, что окопы — это основная форма защиты родины.

„После войны окопы будут созданы во всех тех местах, где имеется возможность военных действий. Возникнут новые римские валы, новые китайские стены из земли и колючей проволоки... В Европе будут воздвигнуты два длинных вала с севера на юг, один из которых будет идти откуда-либо с нижнего Рейна до Альп, а второй от Курляндии направо или налево от Румынии“...⁷⁾.

В настоящее время, после опыта истекшей войны, после необычайного развития войны в воздухе и широкого применения удушливых газов, некоторая часть рассуждений Науманна должна казаться нам в значительной степени устаревшей, но другая часть его соображений сохраняет свою полную силу.

Во всяком случае мы видим, что будущее государство, созданием которого он столь озабочен, рисуется ему в виде

6) К. Каутский, Средняя Европа, стр. 62.

7) Naumann, o. c., S. 6—8.

военного, наднационального государства, об'единенного общностью окопов, защищенного от Востока и Запада линией рвов, колючей проволоки, пулеметов и тяжелых орудий. Таковы те Центральные Штаты Европы, которые рисует в своих мечтах Науманн. Их границы определяются не по принципу возможной общности интересов, а исходя из начал враждебности, отграничения от других европейских государств, главным образом от Великобритании и России.

Не экономические причины препятствуют общему соглашению между ними, а в первую очередь — политические. В отношении Англии его беспокоит будущее немецкого военного флота, который не будет тогда уже более иметь самостоятельных немецких целей, и еще более то, что Германия могла бы быть принуждена принимать участие в английских битвах против России.

В отношении соглашения с Россией экономические выгоды от такого образа действий были бы почти неисчислимы; при существующих условиях русская и немецкая хозяйственная жизнь удивительно дополняют друг друга. Но потенциальная мощь России слишком велика. При подобном об'единении возрастает, правда, германское богатство, но в то же время растет сила России, пока она, в конце концов, „не отбросит нас, потому что не будет в нас нуждаться. Мы сделаемся западным придатком восточной державы, конечно, не незначительным, но и не играющим руководящей роли... Для русского великодержавного союза мы будем исполнять роль инженеров его военных и экономических побед... Никогда! *Lieber klein und allein, als russisch!*“⁸⁾

Дело в том, что Науманн представлял себе проектируемое об'единение не как союз равных, а как союз под немецкой гегемонией; средняя Европа, как он сам говорит, будет в своей основе немецкой⁹⁾, остальные государства должны идти в ее орбите. Между тем, при сближении с Англией и Россией, Германия имела бы перед собой одинаково сильного контрагента, с которым пришлось бы договариваться, как равному с равным. Науманну же представляется желательным „собственный“ путь для Германии, по которому

8) Naumann, o. c., S. 174—178.

9) Naumann, o. c., S. 101.

за ней пойдут другие, т. е. в первую очередь Австро-Венгрия: это „немецкий мировой союз“, вступая в который другие участники сразу же выбирают немецкую ориентацию.

При этом очень характерно, что, как это подчеркнул в своей критике книги Науманна Каутский¹⁰⁾, Науманн может представлять себе сближение между народами только как средство для подавления кого-либо третьего: Германия с Англией против России, Германия с Россией — против Англии и т. д. Вся эта конструкция, как мы уже указывали, не орудие мира, а военно-политический союз для более верного выигрыша тех битв, которые разгорятся после окончания одной войны, за которой последуют дальнейшие.

И к этому союзу он призывал со всем свойственным ему пасторским красноречием и пафосом. Он обращался за помощью к истории, к прошлому, вспоминая, что срединная Европа зародилась в первую очередь благодаря прусским победам, особенно из эпохи 1870 года. „Выступите, ученые знатоки истории, вы — истолкователи грядущих судеб народов, пойдите своим восприятием навстречу скрытым часто попыткам найти истоки образования срединной Европы.“ Но не только историки, делу этого создания должны служить журналисты, писатели, поэты. „В поэзии и прозе восстань, подымись в высь, Срединная Европа!“¹¹⁾.

Закончившаяся война с Версальским миром и всеми своими, трудно возможными для предвидения в 1915 году последствиями похоронила эту воинственно-патриотическую мечту Науманна.

II

После окончания мировой войны, принесшей после себя полосу „европейского хаоса“, выдвинулись уже совершенно новые проекты, исполненные иным, уже определенно пацифистским духом. К числу таких проектов и принадлежит

10) Каутский, о. с., стр. 13.

11) Науманн, о. с., S. 58 и. 231.

стоящая теперь в центре общественного внимания идея Пан-Европы или Европейских Соединенных Штатов, выдвигаемая особенно усиленно в последнее время графом Куденхове-Калерги¹²⁾. Эта идея исполнена уже совершенно иного духа и настроения. В чем же заключаются ее главнейшие черты?

На это можно ответить без особого труда, так как изложению ее и ее отношений к различным вопросам европейской политической и общественной жизни посвящен целый ряд книг специального пан-европейского издательства, принадлежащих перу самого графа Куденхове. Для осуществления этой идеи существует с 1923 года особый „пан-европейский союз“ с определенной программой, располагающий специальным журналом, издательством и центральным бюро.

Программа союза подвергалась постепенным изменениям, желавшим придать ей наиболее общую форму, и в своей наиболее поздней редакции¹³⁾ заключается в следующем.

Пан-европейское движение представляет собой надпартийное массовое движение для объединения Европы, носителем которого является пан-европейский союз (ст. 1). Целью пан-европейского движения является объединение всех европейских государств, которые хотят и могут его осуществить, в один политическо-хозяйственный союз государств, основанный на общем равноправии и мире (ст. 2). Программа мировой политики пан-европейского движения заключается в дружественной совместной работе со всеми остальными политическими континентами в рамках Лиги Наций (ст. 3). Вот главнейшие задачи движения, изложенные в наиболее общей форме. Даль-

12) Говоря это, мы нисколько не думаем утверждать, что граф Куденхове-Калерги является ее изобретателем или исключительным носителем. Рядом с созданным им пан-европейским союзом для той же цели — замещения Европы и подготовки этого — сходными путями работают общества по содействию деятельности Лиги Наций, междупарламентский союз, европейские меньшинственные конгрессы и многие другие организации. Граф Куденхове выдвинул только эту идею на центральное место в своих построениях и сумел придать ей особо большой резонанс.

13) R. N. Coudenhove-Kalergi, Kampf um Paneuropa, Wien — Leipzig, Band III, S. 17. О месте, занимаемом пан-европейской идеей среди общего идеологического развития последнего времени, см. P. Honigsheim, Romantische und religiös-mystisch verankerte Wirtschaftsgesinnungen (в Festgabe für Lujo Brentano, I. Band, München und Leipzig 1925, S. 258).

нейшие пункты программы имеют уже более второстепенное значение и указывают на полное воздержание союза от вмешательства во внутренне-политическую обстановку каждого государства и то, что союз организован по государствам, при чем в каждом из них существуют самостоятельные комитеты организации.

Эта общая программа союза и возглавляемого им движения должна быть несколько более расшифрована и развита, что и делается в целом ряде произведений Куденкове, посвященных этому вопросу. Что касается чисто-европейских задач союза (потому что у него есть и более широкие — мировые), то они сводятся главным образом к трем пунктам: 1) проблема мира в Европе, 2) европейская хозяйственная проблема и 3) европейская меньшинственная проблема.

Наиболее важная проблема сохранения мира в Европе заключается в ликвидации последствий прошедшей мировой войны и, главное, в предупреждении возможности возникновения грозящей нам новой войны между европейскими государствами, что может быть достигнуто пан-европейским договором о мирном разрешении конфликтов, соединенным со всеобщим обязательным разоружением и созданием пан-европейского оборонительного союза.

Хозяйственная проблема Европы заключается в том, что эта маленькая, сравнительно, часть света представляет собой большое количество экономически оторванных и даже враждебных друг другу частиц, что является вопиющим анахронизмом, особенно перед лицом уже образовавшихся и образующихся на наших глазах хозяйственных комплексов за пределами Европы. Это положение, грозящее в дальнейшем окончательно погубить европейскую хозяйственную жизнь, ведет неизбежно к полному падению способности Европы к конкуренции с другими странами и к тяжелым экономическим, социальным и политическим кризисам. Единственным выходом из этого положения является решительный разрыв с национальным протекционизмом и объединение Европы на общей экономической основе в особый пан-европейский таможенный союз, постепенно осуществляемый и являющийся вернейшей гарантией европейского мира.

Разрешению национальной проблемы в Европе способствует, в первую очередь, улаживание меньшинственного

вопроса, которому пан-европейское движение придает перво-степенное значение. В Европе этот вопрос до сих пор не разрешен и представляет собой длительную угрозу европейскому миру. До его удовлетворительной ликвидации всякий мир является только временным перемирием.

Для разрешения этих трех главнейших проблем европейской политики пан-европейское движение видит наиболее радикальный путь в уничтожении внутренних политических границ в пределах Пан-Европы. Это должно быть достигнуто тем, что они будут в дальнейшем сделаны как бы невидимыми. Поэтому пан-европейская программа требует их отмены в тройном отношении: 1) в стратегической области при помощи пан-европейской гарантии и мирного договора на основе Женевского протокола, делающего войну между европейскими государствами невозможной; 2) в хозяйственной области — уничтожением таможенных границ между европейскими государствами и созданием пан-европейского таможенного союза; наконец, 3) в национальной области — пан-европейской гарантией меньшинственных прав, уничтожающей возможность национального угнетения в Европе.

После этого тройного вида уничтожения границ, европейские пограничные линии перестали бы быть источником национальной вражды, экономического соперничества, ирредентизма, насилия и военной опасности.

Благодаря созданию таможенного союза и разрешению меньшинственного вопроса были бы улажены многие европейские споры относительно границ, которые теперь образуют собой постоянную опасность возникновения войны¹⁴). Подписание гарантирующего все эти требования договора создало бы „Соединенные Штаты Европы“.

Вот изложенные в коротких словах главнейшие основы и цели пан-европейского движения. К осуществлению этих целей Куденхове-Калерги призывает всех европейцев, мужчин и женщин, европейское юношество, европейские политические партии, парламенты, всевозможные организации и, конечно, Лигу Наций.

14) Coudenhove-Kalergi, Memorandum an das Generalsekretariat des Völkerbundes („Kampf um Paneuropa“, Band II, S. 14—19, а также „Kampf um Paneuropa“, Bd. III, S. 9—10).

Все это делается в несколько повышенном тоне, что, впрочем, в известном смысле соответствует важности выдвинутых на очередь задач. Его заботят, в первую очередь, судьбы Европы, идущей после мировой войны к своему упадку. Но причина этого упадка не биологического, а социологического характера. Европа умирает не от старческой слабости, а потому что ее жители уничтожают и губят друг друга при помощи современной техники... Однако не сами народы Европы страдают от старческого безсилia, а лишь их политическая система... Мировая война изменила политическую карту Европы, но не ее политический порядок. Так же как и до того, в ней царствует международная анархия, надругательство более сильного над слабым, вечная угроза войны, экономическая разобщенность, политическая интрига. Европейская политика сегодняшнего дня больше походит на политику вчерашнего, чем завтрашнего. Самый лик Европы обращен назад, а не вперед...

Здесь должно быть внесено коренное изменение: на обломках старого должна быть воздвигнута новая Европа, европейская организация на месте европейской анархии.

Если государственные люди Европы будут упорствовать в своем нежелании признать и осуществить эту цель, то они будут сметены народами, будущностью которых они играют... Единственный путь спасения заключается в объединении Европы в политический и экономический союз для достижения одной общей цели... Такой выход соответствует интересам подавляющего большинства европейского населения; против него может быть только небольшая, но могущественная кучка, управляющая теперешними судьбами Европы и объявляющая идею Пан-Европы — утопией. Но на это нужно ответить, что все великие события в истории начинались в виде утопий, а кончались реальностью. „В 1913 году польская и чехословацкая республика были утопиями, в 1918 году они превратились в действительность; в 1916 году победа коммунистов в России была утопией, — в 1917 году она стала (к несчастью для страны! М. К.) реальным фактом... Мировая история обладает большей фантазией чем ее марионетки и составляется из цепи неожиданностей, осуществившихся утопий“^{14а}).

14а) Coudenhove-Kalergi, Pan-Europa, Wien 1924. S. VIII—XI.

Мировая гегемония Европы после войны навсегда разрушена. Прежде Европы боялись, теперь ее жалеют... Из войны Европа вышла раздробленной: в ней меньше чем прежде великих держав и больше маленьких государств. Аналитические тенденции в ней возобладали над синтетическими нуждами. В то время как во всем мире развивается процесс интеграции, Европа все более стремится к своего рода распадению на атомы¹⁵⁾. И эта слабость Европы еще более усиливается тем, что рядом с ней появились и все более развиваются новые мировые политические комплексы. Теперь мы имеем пять таких центров мировой политической энергии: 1) американский, 2) британский, 3) русский, 4) восточно-азиатский и 5) европейский. Но в то время как первые все более консолидируются, Европа все более расчленяется, тратя свои силы во взаимной борьбе и конкуренции. Европа должна объединиться как в политическом, так и в экономическом отношении. Это обеспечит ее от опасностей грядущих войн и подымет ее экономическую сопротивляемость и способность к конкуренции по отношению к другим частям света, выступающим в качестве организованных целых.

Но какая же, собственно, Европа должна объединиться? Куденхове намечает ее географические и политические границы: это государства европейского континента к востоку от границ Советской России со всеми принадлежащими им в других частях света колониями, но без Британской Империи. Советская Россия не входит в это объединение, как организм по своей структуре слишком чуждый остальному европейскому миру, а интересы Британской Империи только в очень небольшой их части лежат в Европе. Россия больше относится к Азии, это мост между последней и Европой — Евразия, что же касается Англии, то интересы ее доминионов, соединяющие ее со всеми частями света, не позволяют ей тесно связать себя с вопросами европейской политики и экономики под угрозой отпадения от империи ее главнейших частей, в первую очередь, Канады.

15) По этому поводу напр. Сомари говорит, что теперешняя Европа представляет собой карикатуру того, чем бы она должна была быть. F. Somary, Wandlungen der Weltwirtschaft seit dem Kriege, Tübingen 1929, S. 73.

При таких условиях, беря пространство всех этих мировых объединений и численность их населения (в миллионах душ и миллионах кв. клм.), мы получим по Куденхове следующую картину:

	Миллионов	
	жителей	кв. клм.
Пан-Европа с колониями	444,8	26,5
Британская Империя	465,3	40,2
Россия	138	21,2
Монгольские государства	522,4	11,8
Пан-Америка	211,6	29,9

Такая объединенная Европа, стоящая по своей площади и численности населения на третьем месте, могла бы, благодаря своему посредствующему положению между Англией и Америкой с одной стороны, Россией и Востоком — с другой, точно также как благодаря традиции и способностям своих жителей, продолжать еще долгое время оставаться культурным центром земного шара¹⁶⁾.

Осуществление такого европейского объединения было бы вполне возможно, несмотря на теперешнюю раздробленность и противоречивость играющих в ней роль интересов. Ведь хотя Европа и не представляет географически отдельного континента¹⁷⁾, являясь только полуостровом евразийского материка, но исторически, политически и еще более культурно она, несомненно, представляет собой сплоченное целое. Можно ведь в известном смысле говорить об европейской душе, созданной всем историческим и культурным прошлым. У европейской души — три измерения: христианство дало ей глубину, Эллада — протяженность в смысле внешней формы, германский мир — высоту в смысле силы. И все эти три измерения и элемента сходятся в одной точке европейской души: свободе. Ведь и христианская религия, и греческая культура, и германская раса — все индивидуалистичны. . . Поэтому и практическое построение европейского союза должно

16) Coudenhove, Pan-Europa S. 17—38. Цифры приведенной выше таблицы исправлены по данным „Kampf um Panuropa“, Bd. III, S. 201.

17) Об отсутствии вполне определенного понятия „Европа“ см. O. Spengler, Der Untergang des Abendlandes, Bd. I, S. 22, Anmerkung, а также Coudenhove, Pan-Europa, S. 29.

быть восполнено органическим ростом европейской души: из общности крови, общности веры и общности судьбы¹⁸⁾.

Что же мешает осуществлению Пан-Европы или ее конечного завершения — Европейских Соединенных Штатов? Лига Наций не может считать себя затронутой этой идеей, ибо она, только в ином масштабе и иными средствами, работает над осуществлением родственных целей мирового объединения. Национальный антагонизм? Но Пан-Европа не отрицает национального начала, признает его полнейшую законность и не ставит своей задачей замену отдельных национальных культур каким-то их искусственным конгломератом, хотя и понимает, что теперешние европейские нации основаны не столько на общности крови, сколько на общности духа, что, с точки зрения истинно-культурного человека — так же как теперь принадлежность к той или иной религии, так и принадлежность к той или иной нации должна сделаться частным делом каждого¹⁹⁾. Национальная самостоятельность не только не проигрывает, а скорее выигрывает при осуществлении Пан-Европы.

Ну, а в каком отношении к этому вопросу стоят главнейшие политические партии? Охватывая их общим взглядом, можно сказать, что все демократические партии являются скорее сторонницами пан-европейской идеи, и самая сильная из социалистических — социал-демократическая — включает ее в свою программу, как это официально сделала германская социал-демократия на своем партийтаге в Гейдельберге в 1925 году²⁰⁾. Также сочувствуют Пан-Европе и радикалы. Но эта мысль не стоит в противоречии и с идеалами консервативных партий, а католические партии, как это показывает хотя бы позиция германского центра или заявления лидера австрийских католиков, прелата Зейпеля, занимают по отношению к Пан-Европе весьма благожелательную позицию. Не против нее и аграрии. За то совершенно определенными врагами пан-европейского движения являются националистические шовинисты и коммунисты. Первые потому, что они не

18) Coudenhove, Kampf um Paneuropa, Band II, S. 55 und 65.

19) Paneuropa, S. 137 u. 147.

20) Das Heidelberger Programm. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie, Berlin, S. 61 u. 69.

могут себе представить любви к своему народу без ненависти и зависти ко всем остальным, вторые потому, что они стремятся не к мирному объединению народов, а к их объединению в пожаре мировой революции.

К этим определенным противникам присоединяются еще два других: милитаризм, противящийся пан-европейской идее из идеальных или практических соображений, и, наконец, промышленные организации, существование которых связано с покровительственными пошлинами и которые видят в их отмене свою гибель. Силу этой последней группы не приходится преуменьшать²¹⁾.

Кроме прямых врагов есть много сомневающихся, равнодушных, противопоставляющих энтузиазму сторонников новой идеи свой безразличный обескураживающий скепсис. Но зато, рядом с ними, с каждым днем все более растет армия сторонников и сотрудников грандиозного начинания, все более захватывающего в свои ряды представителей умственного и духовного движения Европы. Они верят, что Европа, униженная в настоящее время вследствие безумия своих бессовестных руководителей, восстанет в близком будущем к новой жизни. Она соединит мудрость Востока с активной силой Запада, культуру прошлого с цивилизацией будущего. Из казармы Европа превратится в мастерскую и цветущий сад...²²⁾.

Вот, в кратких чертах, изложенная по преимуществу словами самого ее автора идея создания Соединенных Штатов Европы. В ней заложены главным образом две наиболее существенные задачи: 1) укрепление экономического положения Европы, особенно пострадавшего после войны, путем таможенного объединения и 2) связанная в значительной степени с последним известная страховка против возникновения войны. Обе цели достаточно важны уже каждая в от-

21) Нет особой нужды распространяться о том, насколько настроена против проектов замещения Европы промышленность, изготовляющая вооружение. К сожалению, в литературе встречаются определенные указания, что английская промышленность этого рода оказала известное влияние на ход Женевских переговоров о разоружении, также как и на решения Вашингтонской конференции. См. Franz Carl Endres, *La guerre des gaz*, traduit de l'allemand par Raymond Henry, Paris 1928, p. 25—27, а также p. 84—85.

22) Kampf um Paneuropa, Bd. III, S. 59 ff.; Bd. II, S. 39.

дельности; их соединение открывает перед европейским человечеством, если только допустить, хотя бы на миг, их осуществимость, грандиозные перспективы. Стоит поэтому остановиться на них несколько подробнее.

III

Как мы можем легко заключить из изложения программы проектируемой Пан-Европы и ее обоснования, причины ее вызвавшие носят в значительной степени экономический характер. Сразу же вырисовывается ее связь с последствиями и результатами истекшей мировой войны, также как и опасениями пережить новое подобное потрясение. Эта война была таким грандиозным и беспрецедентным событием, что недаром кто-то в свое время в Бельгии сказал, что после всемирного потопа он не знает другого такого же великого события. Война эта оставила после себя Европу в состоянии экономического хаоса, от которого она и до сих пор далеко не вполне оправилась²³).

Экономическое потрясение Европы, вызванное войной и ее последствиями, было поистине грандиозно. Разрушение налаженных связей мирового хозяйства, тяжелое положение ряда отраслей промышленности, потеря рынков и общие затруднения сбыта, дороговизна жизни, колоссальная безработица, крушение валют в ряде государств, общее обеднение населения — вот некоторые черты создавшегося после войны положения. Теперь оно понемногу восстанавливается, жизнь входит более или менее в свою колею, и мы начинаем забывать о пережитых тяжелых временах. Человеческая память коротка, но иногда все же необходимо вспомнить о прошлом и дать себе более ясный отчет о настоящем²⁴). Для этого

23) М. А. Курчинский, Европейский хаос, Дертъ 1925 (Acta et Comm. Univ. Degr. В VII 4), стр. 4.

24) Экономический кризис Европы, как это показывает целый ряд посвященных этому вопросу исследований, сводится к двум главным группам причин европейских затруднений. Одна из этих групп относится к изменению внутриевропейских отношений, по сравнению с до-

нам стоит бросить хотя бы беглый взгляд на кривую экономического развития Европы после войны и на то, в каком отношении она находится к довоенному экономическому положению Европы. И вот, несмотря на то, что как будто бы жизнь несколько наладилась и со времени окончания войны прошло уже больше десятилетия, Европа и до сих пор не может достичь того, что было до войны и что, при более нормальных условиях, должно бы было быть давно превзойдено.

В этой области сравнение теперешнего положения, что вполне правильно, проводится всегда с довоенным временем, скажем, с 1913 годом, который в этом отношении представляется как бы исходным пунктом. Но дело в том, что тут еще следовало бы обращать внимание на ту тенденцию, которую до этого времени обнаруживала экономическая жизнь довоенной Европы. И вот, если взять кривую развития мирового хозяйства, то мы увидим, с начала XX столетия, почти повсеместный, иногда очень быстрый под'ем вверх. Росло количество зерновых продуктов, росла урожайность по отдельным странам, быстро развивалась промышленность, увеличивались и совершенствовались пути сообщения и особенно росла мировая торговля²⁵⁾. При этом, очень существенно отметить, что Европа занимала почти во всех областях доминирующее положение, хотя и намечалось увеличение конкуренции со стороны Америки, что указывалось в литературе уже с самого начала XX века²⁶⁾. С началом великой войны, и особенно после ее окончания, получился резкий перелом и перемещение центра тяжести экономической жизни. Европа потеряла значитель-

военным временем, и сводится в значительной степени к расчленению больших государственных и экономических целых на мелкие государственные образования с повышенными националистически-протекционистическими тенденциями, другая же — к изменениям внеевропейского порядка, а именно, заметным перемещениям на мировом рынке, вследствие неожиданно быстрого и сильного развития собственного производства и способности к конкуренции со стороны заморских стран. См. A. Nobel-sperger, *Europa im Abstieg, Weltpolitik und Weltwirtschaft seit 1913*, Berlin-Grunewald 1926, S. 8. См. также J. Marchal, *Union douanière et organisation européenne*, p. 183 et suivantes.

25) Я не привожу здесь иллюстрирующих это положение соответственных цифр, но их можно найти в любых статистических справочниках и посвященных этим вопросам многочисленных экономических работах.

26) И. Х. Озеровъ, *Америка идетъ на Европу*, СПб. 1903.

ную часть своего значения в области производства и торговли, которые перешли к другим частям света, особенно к Соединенным Штатам. Даже в тех случаях, когда мировое производство после войны снова дошло до довоенной нормы, как это имеет например место в отношении производства зерновых продуктов, участие в нем Европы упало совершенно катастрофическим образом. Если же взять снабжение теми же зерновыми продуктами европейских стран, всегда нуждавшихся в привозном хлебе, то получится такая картина: до войны они покрывали свою потребность в ввозе в размере 52% зерном европейского происхождения и только 48% зерном из других частей света. После войны это положение в корне изменилось. Среди ввозимого в их пределы зерна только 18% идет из Европы, а 82%, т. е. подавляющее количество, из-за океана. В этом изменении главнейшую роль сыграла замена на лондонском рынке русской пшеницы — американской. Заметный выход России из ее роли житницы Европы представляет для всего мирового оборота событие чрезвычайной важности²⁷⁾. Зависимость Европы в отношении снабжения хлебом от заморских стран увеличилась в громадной степени. Если взять, в качестве показателя экономического положения Европы, ее участие (в %) в общем мировом производстве и вывозе, сравнивая цифры 1913 и 1925 годов, то получим следующую картину. В 1913 году из всей суммы мирового производства на долю Европы выпадало 43,4%, а в 1925 году — 38,7%; то же самое мы видим и в отношении вывоза: в 1913 г. — 55,2%, а в 1925 — 44,7%. Неблагоприятное положение Европы было, конечно, самым старательным образом использовано другими частями света, в особенности Северной Америкой и отчасти Азией²⁸⁾. Это ухудшившееся экономическое положение Европы в деле воз-

27) Wł. Wo y t i n s k y, Die Vereinigten Staaten von Europa, Berlin 1926, S. 44—47. Отчасти это падение снабжения из европейских стран должно быть объяснено аграрной реформой, имевшей место в России, Румынии, Сербии и других странах, понизившей в них количество зерна для вывоза, а в России, конечно, еще в большей степени, утвердившейся там политической системой. См. „Аграрная революция в Европе“, сборник статей под ред. проф. М. Зеринга, Берлин 1925, а также „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, herausgegeben von der Dresdener Bank, Berlin 1927, S. 17.

28) Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt, Berlin 1927, S. 125—129.

возможности ее конкуренции на мировом рынке, потеря ею многих прежних районов сбыта, где за время войны возникло собственное производство или которые захвачены иными конкурентами, еще более усугубляется тем обстоятельством, что в то время как другие страны, в первую очередь Соединенные Штаты, выступают сомкнутым фронтом, Европа, вследствие ее внутренней раздробленности, принуждена вести борьбу еще внутри своих пределов и сама еще более осложняет этим свое положение²⁹⁾.

Финансовое положение Европы после войны тоже не блестяще. В то время как торговый баланс большинства европейских стран пассивен, в Канаде, Индии и прежде всего в Соединенных Штатах он является активным. Европа из мирового кредитора превратилась в должника, поменявшись в этом отношении положением с Америкой. Золото после войны отлило из Старого Света в Соединенные Штаты, являющиеся теперь богатейшей страной в мире. Их народное богатство, по достаточно достоверным оценкам, увеличилось с 1912 года вдвое, народный их доход на 1927 год приравняется 90 миллиардам долларов, а их золотой запас составляет почти половину золота всего мира. Соединенные Штаты купаются в золоте³⁰⁾.

Этому падению в мировом масштабе экономического влияния Европы соответствует некоторое падение ее значения и в политической сфере. Относительная роль Соединенных Штатов в решении международных проблем значительно возросла, при чем это положение не может быть обосновано ка-

29) См. по этому поводу данные в статье Prof. A. Blaustein, *Die Lage Europas und die europäische Zollunion* в сборнике „Europäische Zollunion“, S. 268 ff., а также A. Demangeon, *Le déclin de l'Europe* и D. Houston, *Mémoire sur l'organisation rationnelle aux Etats-Unis*, publ. par la S. D. N. Кроме того Jean Cristu, *L'union douanière Européenne*, Paris 1928, p. 63—77.

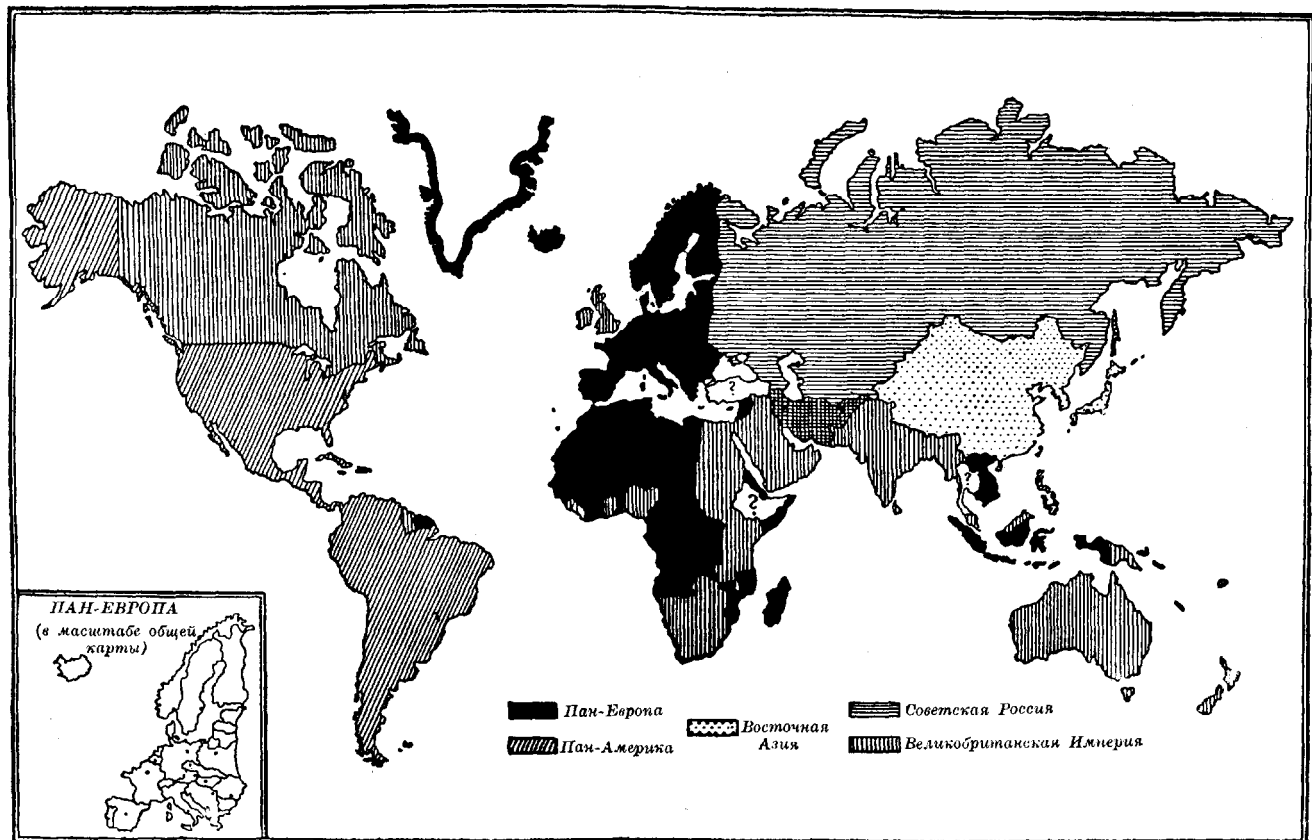
30) A. Hobelsperger, *Europa im Abstieg*, S. 58. По некоторым исчислениям даже больше половины: см. v. Schulze-Gaevernitz, *Amerikas Überimperialismus*, в сборнике „Festgabe für L. Brentano“, Bd. I, S. 118. Несмотря на эти внешние признаки богатства Соединенных Штатов, условия жизни там и вообще уровень существования семей среднего достатка составляет желать лучшего и, во всяком случае, не выше, а скорее ниже западно-европейского. При этом, несмотря на чрезвычайное стеснение иммиграции, безработица в Америке обнаруживает тенденцию к возрастанию. См. Dr. Felix Somary, *Wandlungen der Weltwirtschaft etc.*, S. 36—38.

ким-либо духовным преимуществом Северной Америки, которая, наоборот, в духовном отношении, за исключением узкоделовой области, не отличается особым богатством, живя и в области искусства, и в области литературы, в значительной степени и в области науки на счет „потерпевшей крушение“ Европы. Характерно, что и в чисто финансовой области Америка не оказалась на той высоте, которую можно было бы ожидать от страны, занявшей доминирующее положение на мировом денежном рынке. Нью-Йорк стал теперь руководящим центром денежного хозяйства, отняв эту роль у Лондона и Парижа. И европейские финансовые круги, подавленные мощью американского капитала, гипнозом того грандиозного золотого резервуара, которым являются Соединенные Штаты, признали американскую гегемонию и непререкаемый ее авторитет в денежно-хозяйственной области. — Но, как это показал разразившийся в конце октября 1929 года (24/X) крах на нью-йоркской бирже, и в этом отношении американский мир оказался не на высоте. Без всяких разумных поводов, исходя только из соображений спекуляции, была создана своего рода „инфляция“ бумажных ценностей американских акционерных обществ, поведшая к необычайному падению их курса и грандиозному потрясению в биржевой сфере. Авторитет американских финансовых деятелей оказался тоже далеко не таким непререкаемым, как это думали ослепленные блеском американского золота европейские банкиры и дельцы. И тут, м. б., старая Европа сохраняет свое значение, основанное на знании, долгом опыте и более культурных навыках.

Такое положение вызвало попытки восстановления утерянной Европой роли ее в мировом хозяйстве путем ее консолидации, путем уничтожения губящей ее разрозненности и взаимной борьбы составляющих ее частей. Одной из таких попыток и является изложенная нами выше идея создания Пан-Европы, которая сводится, в первую очередь, к образованию обще-европейского таможенного союза.

Каковы его границы по проекту Куденхове-Калерги, мы уже знаем. Он исключает из намеченного им объединения Британскую Империю и Россию. Остается, таким образом, европейский континент до теперешних границ СССР и все европейские колонии (за исключением великобританских) [см. карту Пан-Европы на стр. 23], т. е. довольно внушительное

Пан-Европа и остальные страны (по Р. Н. Куденхове-Калерги).

Пан-Европа	{ 26,5 милл. кв. клм 444,9 милл. жит.	Пан-Америка	{ 29,9 м. кв. клм. 211,6 м. жит.	Вост. Азия	{ 10,8 м. кв. клм. 532,8 м. жит.	Россия	{ 21,2 м. кв. клм. 147 м. жит.	Велико-британия	{ 40,2 м. кв. клм. 465,3 м. жит.
------------	--	-------------	-------------------------------------	------------	-------------------------------------	--------	-----------------------------------	-----------------	-------------------------------------

целое, охватывающее большую часть Европы, значительную часть Африки и небольшие пространства в Азии.

IV

В более позднее время Куденхове стал менять свою первоначально очень ригористическую точку зрения в отношении Англии и России. Продолжая настаивать на невозможности их полного и безоговорочного включения в проектируемый им союз, он стал уже исходить не только из известных соглашений с ними, которые, особенно в отношении вопросов взаимной безопасности, считались им относительно Англии с самого начала необходимыми, но и вообще из более прочных связей для обеспечения общего мира.

Мы знаем уже те причины, по которым Куденхове не желал включить Англию в свою пан-европейскую систему: она связана своими колониями со всеми частями света и является более мировым, чем европейским государством. К тому же Англию удержат от этого шага ее доминионы.

Что касается несколько романтического стремления доминионов к ревнивому исключению Англии из всяких комбинаций, объединяющих ее с какими-либо другими странами за пределами Британской Империи, то трудно предполагать в подобного рода вопросах, затрагивающих в первую очередь экономические интересы, такие чисто-психологические побуждения. Экономические же последствия для доминионов от вхождения в европейский союз были бы несомненно выгодные, ибо расширили бы для них возможности облегченного приобретения и сбыта товаров (если допустить полную свободу торговли в пределах союза или нечто к ней приближающееся) по сравнению с тем, что существует в настоящее время³¹⁾.

31) В этом отношении, наоборот, некоторые исследователи считают, что именно Великобритания, вследствие своей связи с доминионами, являлась бы силой, облегчающей создание европейского таможенного объединения. См. J. M a r c h a l, *Union douanière et organisation européenne*, Paris 1929, p. XII (Préface du prof. L. Brocard), а также p. 123—124.

Если же брать положение самой метрополии, то ее экономические интересы в Европе, в смысле вывоза английских товаров, значительно превышают таковые же в доминионах. Именно (в 1924 году) из английского вывоза в доминионы (Канаду, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию) шло 17,54 %, в то время как страны европейского материка поглощали 31,0 % английского вывоза³²⁾, и таможенные облегчения в этой области, таким образом, значительно перевесили бы тот ущерб, который понесла бы Англия от уничтожения своих таможенных привилегий в доминионах.

Европейские же страны, связанные с Англией достаточно оживленными торговыми сношениями, получили бы от ее включения в свой союз несомненную выгоду. Главное же, не нужно упускать из виду, что Великобритания представляет собой государство „в пределах которого никогда не заходит солнце“, и что для Пан-Европы через Англию была бы закреплена связь с английскими колониальными владениями, продукты которых имеют очень большое значение для европейской промышленности.

Затем не нужно вообще забывать, что Англия представляет собой своего рода мост между континентальной Европой и остальным миром; обрывать связь Европы с Англией значило бы в значительной степени затруднить сношения с рядом тропических стран, без которых невозможно экономическое развитие Европы. Кроме того, при неучастии Англии в европейском таможенном союзе, колониальная проблема, в которой и так-то немало затруднений, невероятно бы осложнилась. Наконец, приходится принять во внимание, что подобного рода союзу европейских наций без участия Англии грозила бы несомненная опасность превратиться в союз против Англии.

Но если для Европы представляло бы большое значение включение в свой союз великой островной державы, то включение в него было бы не менее важно и для самой Англии. Ведь, несмотря на свои внеевропейские интересы и свое несколько обособленное положение, она, тем не менее, во всей своей колониальной политике опирается на авторитет европейского влияния и европейских наций, без чего у ее политики была бы выбита из-под ног необходимая опора.

32) См. Woytinsky, *op. cit.*, S. 161. То же самое приблизительно и по французским источникам: см. J. Marchal, *op. cit.*, p. 197.

Отрыв от остальной Европы и в экономическом отношении и создание между континентом и английскими островами более подчеркнутой таможенной границы едва ли бы соответствовали интересам Англии, связи которой с материковыми государствами с каждым днем все более укрепляются³³). Предпосылкой экономического преуспевания Англии является сильная, развивающаяся, об'единенная Европа, возможная в полном объеме только при условии вхождения в это об'единение ее самой. Вот ряд оснований, говорящих против исключения из состава Пан-Европы Британской державы. К ним можно было бы прибавить еще немало других, в роде хотя бы усиленного тяготения к Англии северных стран, которые едва ли бы согласились, входя в европейское об'единение, отказаться от сохранения особо близких связей с могущественной соседкой. Все это, очевидно, заставило и самого Куденхове, с течением времени, значительно ослабить свою первоначальную позицию³⁴).

Совершенно иная картина вырисовывается в отношении России. Возражения против ее включения в проектируемый союз были сразу же гораздо более серпозными. Можно сказать даже, что своего рода панический страх перед нею и явился одной из главных побудительных причин к возникновению самой идеи пан-европейского об'единения.

Главную опасность для Европы представляют, по мнению Куденхове, два государства: в экономическом отношении — Америка, в военном — Россия. Сама Европа не надеется на свои силы и желала бы получить помощь извне: с востока или с запада. Но эти надежды оказываются напрасными: Россия хочет ее завоевать, Америка — купить.

Против той и другой опасности должно быть направлено пан-европейское об'единение, и само собой разумеется, без включения в него России. И это совершенно понятно, ибо Российская мировая держава, по причине переустройства своей внутренней структуры, вышла из пределов Европы³⁵). В то время

33) После мировой войны они еще более усилились: см. ст. Neuss'a в „Europäische Zollunion“, S. 34.

34) Иную точку зрения в отношении вхождения Англии в европейский союз выдвигает W. Guerge, *Panuropa und Mitteleuropa*, Berlin 1929, S. 24.

35) Точно также и французский комитет изучения вопроса о таможенном об'единении Европы в изданной им в 1928 году схематической карте внешних границ будущей ассоциации не включил в нее Советской России. J. Marchal, *op. cit.*, p. 198.

как царская Россия была еще европейским государством с азиатскими колониями, теперь Россия — союзное государство без колоний, большая часть которого расположена в Азии и меньшая в Европе. Советская Россия представляет собой евразийское государство, тяготеющее к Азии, и восточной границей Европы теперь является уже не Урал, а политическая граница, отделяющая Советскую Россию от демократически организованных лимитрофов.

Куденхове считает всякую вообще Россию самой большой военной опасностью для Европы. Превенная царская Россия, вследствие своей тенденции к расширению, угрожала Европе, еще большей угрозой является теперешняя Советская Россия, и, при продолжении теперешней европейской политики, ей грозит в будущем русское нашествие с установлением диктатуры, все равно какой — белой или красной. Вспоминая исторические параллели, можно сказать, что Россия по отношению к Европе является тем же, чем являлась по отношению к древней Греции Македония: она готовится к ее завоеванию.

Весь центр европейского вопроса заключается в русской проблеме. Главной целью европейской политики должно являться противодействие русскому вторжению, которому можно воспрепятствовать только объединением Европы. История ставит Европу перед альтернативой: или, преодолев все национальные противоречия, найти дорогу к союзу государств, или пасть жертвой русского завоевания. Третьего выхода для Европы не существует³⁶).

Так трагично рисуется Куденхове положение в настоящем. Но и вообще наступление на Запад было, по его словам, всегдашним лозунгом русской политики еще со времен Петра Великого. После целого ряда более или менее удачного продвижения по этому пути, Россия натолкнулась на успешное сопротивление центральных держав и принуждена была остановиться. Мировая война окончилась подрывом могущества тех государств, которые составляли как бы своего рода европейский вал против России, но и Россия оказалась ослабленной. Как только она оправится от своей внутренней катастрофы, она будет продолжать свое наступление в прежнем направлении, а расчлененные и ослабленные

36) Paneuropa, S. 53—54.

ее соседи не будут в состоянии задерживать ее победного движения, которому открыты все пути до Рейна, Альпийских гор и Адриатического моря. Но и эти границы были бы только переходным этапом, и Россия, после некоторой мирной передышки, завоевала бы после центра Европы и ее западные части. Тогда на Европе воочию исполнились бы стародавние судьбы Греции.

Вот в каких панических красках представляет себе Куденхове русскую военную опасность! И при этом он принимает ее совершенно в serioz. Как непосредственно близка эта угрожающая Европе опасность, говорит он, явствует из того факта, что Россия в течение одного десятилетия „дважды делала попытку захватить гегемонию в Европе: первый раз благодаря мировой войне, второй раз — при помощи мировой революции. Если бы в 1915 году Николай Николаевич завоевал Берлин и Вену, то он диктовал бы условия мира, и Европа лежала бы у его ног. . . Если бы в 1919 году Либкнехт победил в Германии, то эта последняя присоединилась бы к Московскому союзу; Италия и Балканы также последовали бы ее примеру, как Венгрия, и Ленин стал бы повелителем всей Европы“³⁷⁾.

Между тем не нужно упускать из виду, что в промежутке между 1915 и 1919 годами в России все переменилось, но только не ее стремление к расширению своих пределов. — Так несколько упрощенно представляет себе русскую иностранную политику Куденхове, а его примеры, построенные на „если“, несколько наивны, ибо таким путем можно доказать все, что угодно; но тем не менее он твердо уверен, что „красная Россия, так же как до того белая, вооружается для нового продвижения народов по следам Аттилы и Чингиз-Хана!“³⁸⁾.

Но для того, чтобы испытывать такой страх перед теперешней Советской Россией, нужно верить в ее быстрое восстановление. Куденхове в нем и не сомневается. „Тяжелое теперешнее положение России“, утверждает он, „не должно успокаивать Европу, так как время работает за Россию и против Европы. . . Как бы ни сложилось ближайшее будущее для России, она раньше или позже будет снова великой, могущественной и

37) Paneuropa, S. 55—56.

38) Op. cit., S. 57.

богатой³⁹⁾. От грозящей ей гибели у Европы есть только два выхода: или свободное объединение путем пан-европейской федерации, или принудительное — благодаря русскому завоеванию. К такому концу может привести не только прямое нападение со стороны России, в которой после революции может появиться русский Наполеон, но и всякое вообще военное столкновение в пределах Европы, отчасти могущее быть ускоренным тем, что поставленная в тяжелые условия Германия будет искать себе опоры у красной России, или что в одном из более мелких европейских государств разгорится гражданская война, которая поведет к всеобщей военной катастрофе⁴⁰⁾. Но, как бы ни окончилась будущая европейская война, одно можно сказать с уверенностью, что одна держава выйдет из нее в качестве победителя — это Россия. а Европа, потеряв свои колонии, обанкротившаяся, обнищавшая и задолженная, падет в жертву русскому нашествию⁴¹⁾.

Для того, чтобы Россия представляла такую опасность уже в настоящем, нужно быть уверенным, что ее теперешняя политическая и экономическая система не только не губит и не задерживает ее естественного роста, но, наоборот, дает ей возможность успешно развиваться. Куденхове считает, что у теперешней Советской России перед Европой есть все же преимущество, заключающееся в ее политическом и экономическом единстве. Он искренне убежден, что Россия является истинной федерацией и разрешила в своих пределах национальный вопрос, а советская армия, в эпоху водительства Троцкого, так же превосходила численно любую европейскую армию, как в свое время царская армия императора Николая II⁴²⁾, и что теперешняя политическая ее система может считаться вполне стабилизированной⁴³⁾. Такая уверенность в подобной стабилизации может быть объяснена у Куденхове тем, что в отношении России его информаторами были с одной стороны, как он выражается, „один из вождей Советской России“ Раковский, а с другой стороны... Керенский, на авторитет которых он в одном месте своей книги и ссылается. Факты

39) Kampf um Paneuropa, Bd. III, S. 143. .

40) Paneuropa, S. 24 u. 101.

41) Paneuropa, S. 17.

42) Paneuropa, S. 56.

43) Kampf um Paneuropa, Bd. II, S. 77.

необычайного развала советского хозяйства и невероятных условий советского режима его несколько не смущают. Во-первых им можно не придавать особого значения вообще, а во-вторых дело идет ведь о таком в высокой степени некультурном народе, как русский. Его можно бояться, но о нем не стоит особенно заботиться! В этом отношении Куденхове разделяет взгляды многих других просвещенных европейцев!

Да и к тому же Россия — это Евразия, сама не желающая объединения с Европой, которому она не хочет приносить в жертву особенностей своего строя и своих задач, — в этом уверили Куденхове те же авторитетные свидетели, Раковский и Керенский. Поэтому нужно, в интересах всеобщего мира, как можно скорее признать теперешнюю русскую власть и усиленно содействовать, очевидно через ее посредство, экономическому возрождению России, несколько не сомневаясь, конечно, что эта власть работает якобы для блага и возрождения русского народа⁴⁴⁾.

Но все же, несмотря на все эти обстоятельства и весь ужас перед русской опасностью, а может быть даже благодаря ему, нужно, хотя и не вводить Россию в пан-европейский союз, но заключить с ней обеспечивающий Европу от нападения гарантийный пакт. Кроме же того не следует забывать, что Россия — громадная сельскохозяйственная страна и необозримый рынок для европейской промышленности: поэтому „политические вопросы должны отступить перед хозяйственными и политика должна диктоваться экономикой“⁴⁵⁾. Это Куденхове знал уже при первоначальной выработке своей программы, а в дальнейшем эта мысль в нем еще более укрепилась. Поэтому в позднейших своих заявлениях он и подчеркивает, во всяком случае, необходимость более или менее прочного соглашения с Россией, в то время как по отношению к Англии, как мы знаем, первоначальная его точка зрения изменилась в еще гораздо большей степени, и он теперь скорее уже склоняется к включению Англии в пан-европейский союз, буде она этого пожелает⁴⁶⁾.

44) Paneuropa, S. 111.

45) Paneuropa, S. 63.

46) Kampf um Paneuropa, Bd. II, S. 47 и Bd. III, S. 9.

Сколько-нибудь объективное рассмотрение вопроса с экономической точки зрения заставляет нас прийти к совершенно обратному заключению, что невключение России в пан-европейский союз явилось бы несомненно очень большой и недуманной ошибкой. Это явствует из самой идеи такого союза, представляющего, в первую очередь, таможенное объединение входящих в него государств, отделяющее их, как некое законченное целое, от остального мира. Такое целое, не ставящее своей задачей отрыв от других частей света и поддерживающее с ними, может быть, очень оживленные торговые сношения, тем не менее должно поставить своей целью быть как можно более независимым от них, иметь в своих пределах все наиболее необходимое для своей жизни и развития. Для этого входящие в него отдельные части должны экономически по возможности дополнять друг друга.

Рассматривая с такой точки зрения пан-европейский союз, как его намечает Куденхове, мы видим, что входящие в него государства в достаточной мере снабжены железом, каменным углем, цветными металлами, деревом и водяной силой, но в их экономическом базисе не хватает двух очень существенных элементов: они бедны сельскохозяйственными продуктами и жидким минеральным топливом. Только расширение границ союза далеко на восток, только включение в него России может обеспечить этому союзу достаточное снабжение зерновыми продуктами и нефтью⁴⁷⁾.

47) Это обстоятельство ясно и для большинства сколько-нибудь вдумчивых западно-европейских исследователей. Так, например, в своей книге „Panuropa und Mitteleuropa“ (Berlin 1929) Dr. W. Guerge пишет, что в то время как Соединенные Штаты, если теоретически допустить исчезновение всех остальных стран, продолжали бы спокойно существовать, жители европейского континента, при невключении в него России, будучи ограничены произведениями только своей почвы, принуждены были бы испытывать нужду (о. с. S. 33). Еще более определенно высказывается на этот счет Lederer. По его мнению Европу, как экономический организм, как единство рынка, можно себе представить только в соединении с Россией: „Европа без России — только известная конструкция, Европа с Россией, сообразно с современной структурой хозяйственных образований, представляет собой жизнеспособный организм“. Lederer, *Russland in der Weltpolitik*, Neue Rundschau, Juni 1926, S. 514 ff.; см. также N. Benckiser, *Das Problem der staatlichen Organisation der Weltwirtschaft*, Karlsruhe 1927, S. 55 ff.

От такого включения в равной степени выиграют обе стороны. Объединение с Россией не только гарантирует Европе получение недостающих пищевых продуктов и иного сырья, но и открывает перед ней необозримый рынок для сбыта продуктов европейской промышленности. Вместе с тем уменьшается нужда Европы в поступлениях продуктов с заморских рынков и, таким образом, ослабляется зависимость от Америки, конкуренция которой для Европы представляется особенно опасной.

Рядом с этим, конечно, такое более тесное соединение Запада с Востоком содействует известной культурной и экономической ассимиляции между ними и является более прочной мирной гарантией не только в отношении границы, перерезающей Европу от Балтийского до Черного моря, но и более отдаленных границ, где европейский союз приходит в соприкосновение с азиатским миром.

Выгоды России (мы говорим сейчас о ней, безотносительно к существующей в ней правительственной власти, как об известном национально-государственном и экономическом целом) были бы от такого решения вопроса тоже совершенно очевидны. При всех таящихся в ее недрах возможностях быстрого экономического прогресса, Россия является достаточно отсталой в промышленном отношении страной; более легкое снабжение ее хозяйства недостающими продуктами европейского производства помогло бы быстрому восстановлению и дальнейшему развитию русского народно-хозяйственного организма.

Но и в другом отношении, в отношении культурного взаимодействия, более близкое соприкосновение с Западной Европой, если только не исходить из представлений о какой-то особой евразийской самобытности, возобновило бы снова возможность движения по тому пути, который представляется, еще начиная с Петра Великого, наиболее естественным для молодого развивающегося народа, поставленного в необходимость воспользоваться более ранним и длительным опытом своих соседей.

Но, конечно, не приходится закрывать глаз на большое количество выдвигающихся на пути подобного рода объединения трудностей. Я подчеркиваю здесь, что при этом не следует исходить из особенностей того экономического и

политического строя, под гнетом которого в настоящее время изнемогает Россия. Планы того объединения, о котором мы сейчас говорим и глашатаем которого выступает Куденхове-Калерги, рассчитаны ведь на долгий срок и не могут исходить из временно сложившейся политической ситуации. Советская власть исчезнет, а Россия останется!

Говорить обо всех этих возможностях приходится, главным образом, принимая во внимание Россию, освободившуюся от советского ига. Но, даже и при его наличии, возможно было бы все же обсуждать ту или иную осуществимость включения России в орбиту Пан-Европы.

Препятствием к включению России в пан-европейский таможенный союз является сейчас не столько теперешнее состояние ее промышленности, которая, в конце концов, несмотря на все свои уродливые особенности, все же может быть поставлена в параллель с западно-европейской, сколько та установленная советской властью самоблокада, которая носит название монополии „Внешторга“.

Эта губительная для русского народного хозяйства и русского населения система, связывающая народное хозяйство и заставляющая население быть лишенным самых необходимых предметов, ввозить которые не разрешает советская власть, несомненно была бы ослаблена под давлением пан-европейского союза, который, действуя сплоченно вместо теперешней взаимной конкуренции европейских государств, содействовал бы уничтожению указанной системы, а затем и падению советского режима или его эволюции, в которую верят некоторые малоосведомленные люди. Экономический нажим со стороны объединенной Пан-Европы, заставляя Россию войти в известные соглашения, был бы, таким образом, благодетельным для всего русского народа.

Конечно, в деле включения России в пан-европейский таможенный союз, даже и при восстановлении в русской экономической жизни нормального порядка, было бы немало трудностей, объясняемых, в первую очередь, отсталостью русского народного хозяйства и особенно ее промышленности. Вступление России в союз, при полном господстве в нем принципов свободной торговли, было бы равносильно гибели русской промышленности, и так уже страшно ослабленной после войны и большевицкого опыта. Но не нужно забывать, что полная свобода торговли внутри намечаемого союза — это только

более или менее далекий идеал даже и для Западной Европы, к которому придется идти постепенно; по отношению же к некоторым его членам, в том числе, в первую очередь, русскому народному хозяйству, пришлось бы пойти на особые уступки, обеспечивающие только постепенное вхождение этого последнего в новые для него условия⁴⁸⁾. Но как бы там ни было, а для каждого сколько-нибудь объективного исследователя ясно, как это все более признают и на Западе, что „в руках России лежит ключ к разрешению европейской хозяйственной проблемы“⁴⁹⁾ и что без восстановления нормального экономического порядка в России полное экономическое оздоровление Европы совершенно невозможно.

Некоторые по этому поводу, однако, возражают, что во-первых, как бы там ни было, а Европа все-таки обходилась в течение всего ряда военных, а отчасти и послевоенных лет без русского народного хозяйства, а во-вторых, что и вообще участие России в мировой торговле всегда было относительно довольно скромным.

Но на первое из этих возражений приходится ответить, что весь этот не только военный, но и послевоенный период для Европы и даже всего мирового хозяйства нельзя считать нормальным; мировое народное хозяйство в это время переживало тяжелую болезнь, перенося один кризис за другим: крушение валют в ряде стран, постоянную безработицу громадных масс населения, ряд промышленных и торговых кризисов, общее обеднение и т. д. Конечно, все эти явления вызваны не одним только фактом выпадения России из международного хозяйственного оборота, но несомненно, что и это последнее сыграло в этом отношении очень заметную роль.

По второму вопросу нужно принять во внимание, что, при всей относительной скромности участия России в оборотах мировой торговли, это участие, взятое в абсолютных числах, было все же громадно и его не так-то легко, а вернее и совершенно невозможно возместить. Да и если торговые обороты России, по сравнению с ее необъятными размерами и численностью ее населения, были относительно скромными,

48) Wl. Woytinsky, Die Vereinigten Staaten von Europa, S. 163—168.

49) A. Nobelsperger, Europa im Abstieg, S. 62.

то не нужно забывать, что зато в некоторых областях мировой торговли ее роль и значение были руководящими, и выход России из игры переместил центр тяжести мировых сил к невыгоде для Европы.

Так мы знаем, что общий оборот по внешней торговле России составлял до войны (1913 г.) около 4% (3,9%) всего мирового оборота, представляя сумму в 6 миллиардов 195 миллионов золотых германских марок, или около 3 миллиардов золотых рублей, что равнялось приблизительно половине внешних торговых оборотов Франции и одной трети оборотов Германии⁵⁰). Это очень большая сумма сама по себе. Но особенно заметным становится значение России, если мы возьмем европейский или даже мировой рынок зерновых продуктов, т. е. одного из главнейших факторов питания населения; тут роль России была в прежнее время совершенно исключительной, а временное ослабление ее участия в международном снабжении необычайно увеличило зависимость Европы от заокеанских рынков, как мы это уже отмечали выше⁵¹).

Но кроме того значения, которое представляли в прошлом и могли бы представлять в настоящем русское народное хозяйство и русский рынок, как громадный резервуар для доставки сырья и для сбыта европейских товаров, не нужно еще более упускать из вида тех перспектив, которые открываются для будущего. Россию неоднократно называли страной „неограниченных возможностей“; можно быть уверенным, что после своего возрождения, преодолев тяжелый недуг, которым она теперь болеет, Россия откроет миру совершенно невиданные экономические перспективы американского масштаба. При таких условиях экономическая связь с нею остальной Европы, т. е. включение России в пан-европейский союз, было бы само собой диктующеюся необходимостью. Исходя из сознания такой необходимости, также как и связи Европы с Англией, перед нами рисуется совершенно иная картина Соединенных Штатов Европы, которую дает в своей посвященной этому вопросу работе Войтинский⁵²). В ней он предполагает соединение всей Европы, включая и Россию с ее азиатскими владе-

50) Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt, S. 130—133.

51) Стр. 19—20.

52) W o y t i n s k y, op. cit., S. 167.

ниями, в общий союз, паролем которого является широкое объединение „от океана до океана“. Все заморские европейские колонии он выделяет в особую категорию, предлагая рассматривать вопрос о них отдельно, не нарушая, однако, связей, соединяющих их с их европейскими метрополиями. Получаются тогда четыре группы: 1) европейские соединенные штаты, 2) европейские колонии и страны, находящиеся под европейским влиянием (Персия, Афганистан и т. д.), 3) монгольские государства (Китай и Япония) и 4) Пан-Америка (см. карту на стр. 36). Конечно, как это отмечает сам автор, действительность может оказаться очень далекой как от плана Куденхове-Калерги, так и от только-что представленного, но, во всяком случае, это один из возможных вариантов тех проектов, которые рисует себе сейчас европейская общественно-политическая мысль⁵³).

Я лично думаю, что правильнее было бы не ставить европейских колоний отдельно, как это делает в своей карте Вл. Войтинский, а смотреть на них как на одно экономическое целое с их метрополиями. Ведь, совершенно не затрагивая вопроса о степени политической самостоятельности или внутренней автономии колоний, хотя бы, например, постановления их всех в положение английских доминионов, все сторонники объединения Европы исходят из предположения о вхождении европейских колоний в общий экономический союз европейских государств. Это, конечно, не представляет собой вопроса об их немедленном и полном вхождении в этот союз, также как, впрочем, и относительно отдельных европейских стран, а лишь намечает общую линию предположенного развития. Ведь только такое условие поставило бы проектируемое объединение на вполне твердый экономический фундамент в смысле полной возможности самостоятельного промышленного развития. Тогда, при таких условиях, у нас получились бы три группы больших экономических целых:

1) европейские соединенные штаты, вместе с колониями объединяющие Европу, Африку, Австралию, значительную часть

53) Есть еще и другие подобные проекты, как, например, карта, опубликованная в 1928 году особым Comité français d'études pour l'Union douanière européenne, в которой предполагается объединение 26 европейских государств, но без включения в объединение СССР. См. J. Marchal, op. cit., p. 193 et 198.

Азии, а отчасти также и Америки, которые заключали бы в своих пределах 88,1 миллионов кв. километров площади и 1092,6 миллионов, т. е. более миллиарда жителей, 2) восточно-азиатские страны — с 11,2 милл. кв. клм. площади и 532,8 миллионами жителей и, наконец, 3) Пан-Америку с 30,5 милл. кв. клм. площади и 220,1 миллионами жителей. В таком именно смысле могли бы быть видоизменены карты будущей организации, предположенные Куденхове и Войтинским. Тогда мы имели бы перед собой в виде Соединенных Штатов Европы, если к ним причислить еще и страны, находящиеся под европейским влиянием, как Персию и Афганистан, грандиозное целое, значительно превосходящее другие две группы и открывающее самые широкие перспективы для дальнейшего развития и устранения возможности опасных междугосударственных конфликтов. При таких условиях получается новая карта в следующем виде (см. карту на стр. 39).

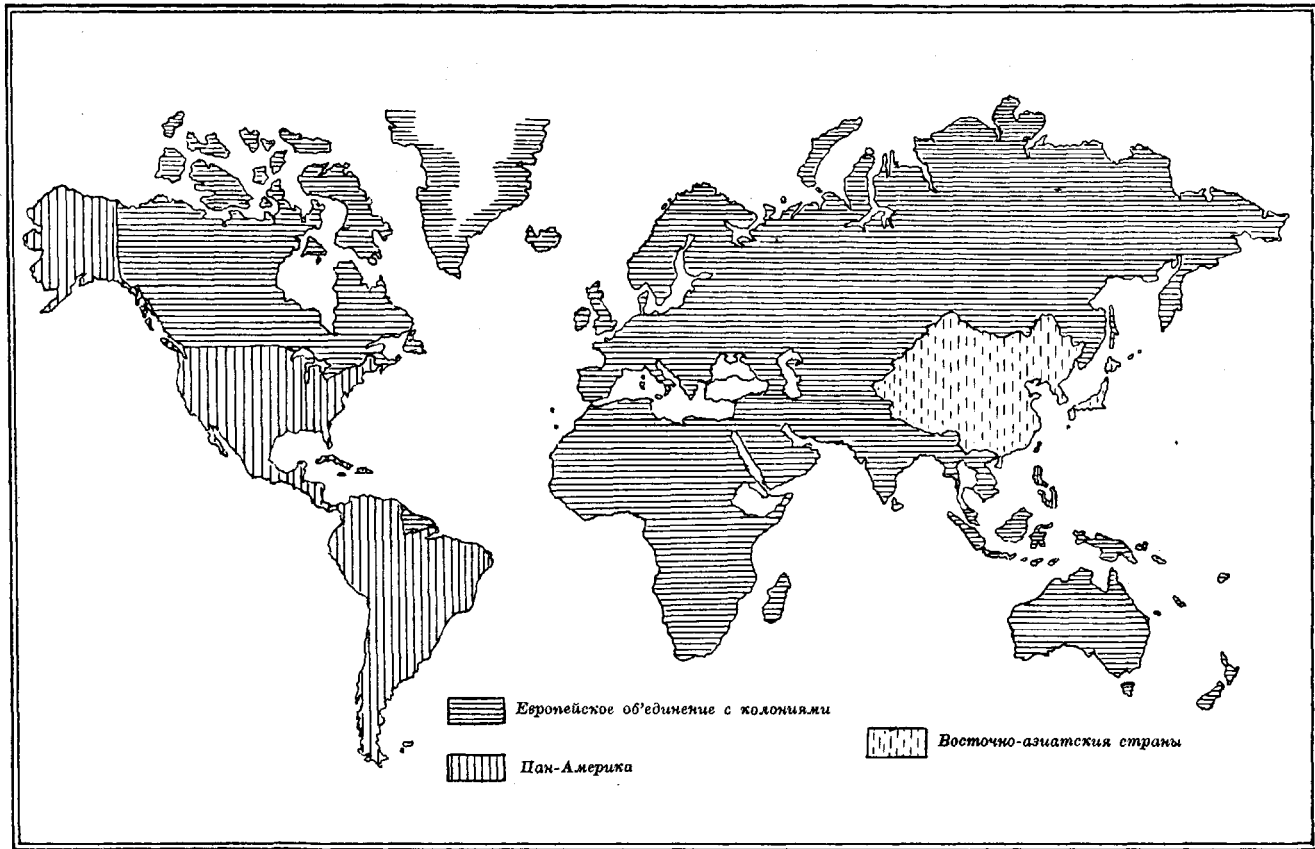
V

Все эти планы, о которых мы достаточно подробно говорили в предшествовавшем нашем изложении, исходят из идеи европейского таможенного союза, являющегося основой всего намеченного объединения, разрешающего ту тяжелую экономическую проблему, над разгадкой и улажением которой работает сейчас европейская общественная мысль.

Но, наряду с все более проникающим в умы сознанием важности, а, м. б., даже и неизбежности такого союза, к которому приходится всеми силами стремиться, видя в нем, м. б. и трудно достижимый, но все же крайне желательный идеал дальнейшего устройства европейской жизни, немало раздается голосов; которые находят подобного рода планы совершенно неосуществимыми, какой-то праздной утопией, а, м. б., в известном смысле и нежелательными.

Среди такого рода возражений одно из первых мест занимают указания, что создание европейского таможенного союза повело бы с безусловной неизбежностью к потере входящими в него государствами их суверенных прав. „Евро-

Европейское объединение с колониями и его соотношение с остальным миром.

Европейское объединение с колониями	Пан-Америка	Восточно-азиатские страны	Страны вне объединений (Абессиния, Турция, Сиама)
{ м. кв. клм. 88,1 { м. жит. 1092,6	{ м. кв. клм. 30,5 { м. жит. 220,1	{ м. кв. клм. 11,2 { м. жит. 532,8	{ м. кв. клм. 2,6 { м. жит. 30

пейский таможенный союз неизбежно повел бы к образованию надгосударственной организации европейских стран и, таким образом, лишил бы эти последние их самостоятельности.“ Теперешние европейские государства должны были бы, при таких условиях, добровольно превратиться в автономные провинции одного общего высшего целого или европейского союзного государства. И даже еще более — таможенное объединение якобы грозит с вышеуказанной точки зрения не только государствам, оно грозит и отдельным нациям, выдвигая перед ними опасность денационализации⁵⁴).

Но и кроме этого наиболее общего возражения, у противников европейской таможенной унии находится немало других. По их мнению, те же цели, что и таможенным союзом, могут быть достигнуты установлением принципа свободной торговли. Между тем европейское объединение даже и не думает о таком пути, наоборот, оно принуждено будет удерживать на своих внешних границах высокие таможенные пошлины, ибо едва ли его участники смогут отказаться от получавшихся ими до сих пор таможенных доходов, составлявших, например, во Франции 8%, а в Германии 8½% государственного бюджета⁵⁵).

Но самый главный вопрос, который может быть поставлен объединению, по мнению его противников, это необходимость ответить, что же даст в действительности такое объединение европейских государств? Его сторонники ожидают от него, уже вследствие одного факта экономического соединения теперешних 35 государств Европы с общим для них внутренним рынком, увеличения сбыта и облегчения экономических оборотов. Но, возражают противники, увеличение сбыта может происходить, главным образом, не вследствие размеров рынка, а лишь — степени богатства его населения, увеличения его покупательной способности. Но почему же эта последняя должна возрасти в связи с созданием таможенного объедине-

54) G. Stolper, „Europäische Zollunion“, S. 46, 58 u. 59. По мнению же некоторых исследователей, именно чрезмерно развитый национализм и препятствует таможенному объединению Европы. F. Somary, op. cit., S. 76.

55) Однако, при постепенном понижении таможенных пошлин, а не уничтожении их с одного удара, о чем серьезно никто не думает, эти затруднения в значительной мере отпали бы. См. Jean Cristu, op. cit., p. 267.

ния? Не величина рынка сама по себе, а усиление покупательной способности, а вместе с тем и возможности покупать произведения чужих стран, определяют размеры международного торгового оборота.

Наконец, говорят, что экономическое объединение Европы будет содействовать взаимному приспособлению производства различных стран, повышению производственной техники и, таким образом, более рациональной экономической организации отдельных народных хозяйств. Менее выгодно поставленные отрасли производства в тех или иных странах будут ликвидированы, но зато получится выгода разделения труда в общеевропейском масштабе, что еще более будет облегчено международными трестами и синдикатами. Однако противники рассмотренной нами идеи очень сомневаются, чтобы европейская промышленность в тех или иных отраслях пошла легко на такое самопожертвование, чтобы занятые в ней рабочие были склонны проявить такой героизм отказа от привычного рода заработка в угоду будущему развитию всего европейского хозяйства.

Кроме того, разница в экономическом положении отдельных стран, их различие в правовой, налоговой и других областях должны были бы стать на пути всем подобного рода мероприятиям. Таможенное объединение представляло бы собой угрозу для более слабых народных хозяйств и весьма ощутительный тормаз для более сильных. Поэтому в общем итоге можно сказать, что хозяйственное развитие мира едва ли может быть поставлено на рельсы европейского таможенного союза не только в настоящем, но и в будущем⁵⁶).

Но эти возражения, можно сразу же сказать, идут слишком далеко и часто бьют мимо цели. Конечно, европейский таможенный союз не обогатит сразу населения Европы и не увеличит во много раз его покупательную способность, также как и произ-

56) См. особенно F. E u l e n b u r g в „Europäische Zollunion“, S. 109—121 и его же „Aussenhandel und Aussenpolitik“, Tübingen 1929, S. 198—201. Вопреки этому мнению, другие авторы, как хотя бы Сомари, думают, что выход Европы из создавшегося для нее экономического тупика единственно возможен благодаря экономическому объединению, начало которому должно быть положено совместной деятельностью двух сильнейших европейских континентальных стран — Германии и Франции. S o m a r y, op. cit S. 82—83.

водительность ее промышленности, но некоторое улучшение в этом отношении несомненно обнаружится. Увеличение размеров рынка, уничтожение внутренних таможенных стеснений для обращения товаров, более систематическая и единообразная политика в отношении заокеанской конкуренции, все это, несомненно, должно вообще облегчить и увеличить оборот, а вместе с тем повысит и европейское производство. Отмена внутрисоюзных пошлин уничтожает излишние барьеры. Будет создана общность европейских интересов и их целесообразная организация. Вместо того чтобы работать друг против друга, европейские страны станут работать совместно друг с другом⁵⁷⁾.

Промышленности отдельных стран придется, конечно, приспособиться к изменившимся условиям, более отсталые предприятия окажутся, может быть, в тяжелом положении, но это — неизбежное последствие всякого понижения таможенных пошлин и приближения к идеалу свободной торговли, который представляется желательной конечной целью и для многих из критиков идеи союза.

Вообще же более рациональная конструкция европейской экономической жизни, в смысле более планомерного разделения труда между странами, является несомненным прогрессом, к которому ведет общественно-политическое развитие, и пренебрежение этим принципом планомерной организации представляет собой бесполезную растрату народных сил и создает ту конкуренцию и враждебную внутри-европейскую атмосферу, от которой страдает все население нашего материка. В этом отношении уж и так, безотносительно к идее таможенного союза, почва подготавливается наличием и все большим распространением международных трестов, стирающих экономические границы между государствами и уничтожающих конкуренцию между ними⁵⁸⁾.

Национальные вопросы от европейского об'единения не только не проиграют, а вероятно выиграют: стоит только в

57) Prof. Blaustein, „Europäische Zollunion“, S. 272. См. также J. Marchal, op. cit., p. 137 et 143.

58) См. о политике международных картелей Jean Cristu, op. cit. p. 118 et suiv. Стоит нам в этом отношении вспомнить хотя бы пример грандиозного спичечного треста, охватывающего целый ряд стран и делающего в этой области соперничество почти совершенно невозможным.

этом отношении подумать о возможном разрешении в широком масштабе острого вопроса о положении меньшинств. Думать же о потере отдельными государствами их самостоятельности и превращении союза государств в стоящее над ними союзное государство, значит заглядывать слишком далеко в такое будущее, очертания которого совершенно теряются в виду их отдаленности и совершенно недоступны для нашего предвидения.

Главное же, что прекрасно понимают многие авторы, европейский таможенный союз, с полным уничтожением таможенных границ между входящими в него государствами, это только более или менее отдаленный идеал, которого нельзя достигнуть с одного удара. Для осуществления его нужны известные подготовительные шаги, которыми могли бы явиться предварительные соглашения между отдельными государствами или группами государств, как это имело место хотя бы при осуществлении идеи германского таможенного союза. Затем, в отношении тех или иных государств могла бы быть применена, с общего соглашения, неодинаковая практика в смысле только частичного ослабления таможенной охраны их промышленности, что дало бы время и возможность для последней приспособиться к новым условиям⁵⁹). Но все же при этом самым существенным остается сохранение общего плана, установление общей цели, выдвигающее идею экономической, а вместе с нею и политической солидарности, открывающее для Европы новые перспективы и являющееся известной гарантией против новых, ненужных катастрофических потрясений. Вместо неумолчной борьбы создается идея солидарности!

Есть, наконец, и еще известная категория опасений против пан-европейского объединения, но уже не экономического, а политического характера. Она заключается в том, что их носители, происходящие из среды народов, считающих себя, с той или иной степенью основательности, несправедливо обой-

59) См. Schneе, „Europäische Zollunion“, S. 68, R. Riedl, *ibid.*, S. 180—181, Flach, *ibid.*, S. 214. Между завершением окончательного таможенного объединения и современным положением должен быть еще целый ряд переходных ступеней, ведущих к конечному результату. См. также мнение проф. Brocard в книге J. Marchal, *Union douanière et organisation européenne*, Paris 1929, p. XI, а также p. 199. Кроме того еще и M. Grossmann, *Systèmes de rapprochement économique*, publ. par la S. D. N.

денными или даже прямо обиженными послевоенными договорами, начиная с Версальского и Трианонского, боятся, как бы проектируемое объединение навеки не закрепило установленных после войны границ, с которыми они не хотят и не могут примириться. Они считают, что их вхождение в такой союз будет с их стороны как бы признанием *status quo* в качестве чего-то незыблемого, против чего они уже теряют тогда даже моральное право возражать. Противоположная точка зрения сторонников соглашения якобы вызывается как-раз обратными соображениями: желательности устранения не только возникновения конфликтов из-за вопроса о новых границах, но даже и самого повода к ним, в виду уничтожения экономического и политического значения этих границ, т. е. окончательного закрепления теперешнего положения. Такого характера соображениями некоторые объясняют отрицательное отношение или по крайней мере холодность известной части немецких кругов и немецкой печати к идее „Соединенных Штатов Европы“ с одной стороны и сочувствие этой идее со стороны Аристиды Бриана, выдвинувшего ее в прошлом (1929) году на особо заметное место, с другой.

Мне кажется, что такого рода подход к этой проблеме или объяснение соединенных с ней симпатий и антипатий вообще грешит неправильностью. Связывать возможность или невозможность исправления тех или иных границ с созданием Пан-Европы вообще не приходится. Если какие-либо несправедливости в этой сфере, при наличии европейского объединения, будут ощущаться, то они конечно смогут быть устранены, но только не военным путем, который сейчас же приходит на ум при современных условиях, а мирным, базирующимся на той договорной правовой основе, которая будет объединять государства в замиренной Европе.

Этому замирению, с другой стороны, еще более будет содействовать ослабление остроты меньшинственного вопроса, который во многих случаях еще более обостряет всякие „пограничные“ конфликты, тем более что в „европейских штатах“ проблема границ вообще потеряет значительную часть своей актуальности и будет допускать гораздо более легкое разрешение.

Вся эта последняя часть нашего рассуждения касалась, главным образом, экономической стороны проблемы „Соеди-

ненных Штатов“, но за ней выдвигается другая, еще более грозная сторона, перед которой все время стоит европейская политическая жизнь — это военная опасность! ⁶⁰⁾.

VI

Можно было бы думать, что великая война, вызвавшая такое невероятное потрясение во всем мире и особенно в Европе, унесшая более 10¹/₂ миллионов жизней одними убитыми ⁶¹⁾, не считая пропавших без вести и тяжело раненых, настолько хорошо разрешила все старые вопросы, что теперь уже нет сколько-нибудь достаточных поводов к войне, что все в области мировой политики, по крайней мере на более или менее продолжительное время, улажено. Но самое поверхностное ознакомление с существующим политическим положением сразу же разрушает эту, казалось бы, столь вероятную иллюзию.

Начать хотя бы с Англии, вошедшей в войну в значительной степени из-за опасений перед растущей военной и экономической мощью Германии, которая, в случае победы последней, должна была бы еще неизмеримо возрасти. И что же? После закончившейся войны у Англии вместо одного побежденного соперника оказалось два возможных других: один в Европе на суше — Франция, другой, гораздо более опасный, по ту сторону Атлантического океана — на море и

60) Что война при современных условиях представляется сплошным ужасом, — это мы, кажется, должны были бы достаточно знать. Литература, даже изящная литература, посвященная истекшей мировой войне, громадна. Из наиболее недавних беллетристических произведений этого рода достаточно упомянуть хотя бы произведшую везде громадное впечатление книгу Ремарка „На западном фронте без перемен“, которая рисует будничную и поэтому, м. б., еще более поражающую наше восприятие обстановку прошлой войны. Вообще война, особенно теперешняя война, ужасна, но у человечества очень короткая память, оно слишком быстро успокаивается и в будничной суете так же быстро забывает пережитое, как быстро восстанавливается нарушенная жизнь в муравейнике, по которому проехала, разрушив его, тяжелая телега.

61) М. А. Курч и н с к и й, Европейский хаос, стр. 15.

в хозяйственной области — Америка. А кроме того в резерве имеется еще и третий, стоящий на страже у Тихого океана, все более развивающийся и усиливающийся — Япония⁶²⁾.

Все это, конечно, только возможные соперники, но тем не менее в Англии и в литературе, и в парламенте с такими возможностями считаются и обсуждают последствия военного столкновения с Францией или Соединенными Штатами⁶³⁾.

По поводу Соединенных Штатов эта перспектива рассматривается и оценивается особенно подробно, питаемая тем недовольством, которое вызывает взаимно в обеих странах политика искусственного повышения цен на нефть и каучук. В эту войну, конечно, должна была бы так или иначе вмешаться и Япония, а результаты ее были бы губительны для всего земного шара.

К этим разсуждениям присоединяются еще и опасения по поводу пресловутой „желтой опасности“. Некоторые думают, что известные кошмарные страхи экс-кайзера Вильгельма в этом отношении могут осуществиться, а мы, русские, можем по этому случаю вспомнить стихотворное провидение нашего философа Владимира Соловьева, говорившего о том, как будут „желтым детям на забаву даны ключки твоих знамен“. Но как бы там ни было, а азиатская проблема представляет целый ряд опасных симптомов и грозит втянуть в свою орбиту Европу. Совершенно серьезно говорится о такой политической комбинации, которая об'единяет в одном военном союзе Китай, Россию и Германию, а при известных условиях и Японию. Во всяком случае об'единение трех первых из этих стран, по мнению некоторых, и представляет „желтую опасность“ настоящего дня. Я уже не говорю об осложнениях в Персии, Палестине или одном из наиболее уязвимых мест Британской Империи — Месопотамии.

Если дело обстоит так в Азии, то и Африка представляет целый ряд поводов для международных политических осложнений. Там выдвигаются на заметное место итальянско-

62) *Nobelsberger*, о. с., S. 17.

63) См. речь генерала *Seely* в нижней палате 19/II 1924 г., а также *J. M. Kenworthy*, „Will civilisation crash?“ или в немецком переводе „Vor kommenden Kriegen“, 1928, S. 315 u. 118—159; также и *F. Somary*, *Wandlungen der Weltwirtschaft seit dem Kriege*, Tübingen 1929, S. 61 ff. und 68—70.

фашистские аппетиты в отношении Абессинии, а может быть еще более острым вопросом является Танжер, где сталкиваются в одном пункте интересы Испании, Франции и Великобритании.

Но, конечно, самыми опасными для спокойствия Европы представляются те очаги в самой Европе, которые могут оказаться поводом для возникновения общеевропейского, а затем, может быть, снова и мирового пожара. Между тем таких очагов в Европе имеется несколько. Оставляя менее важные из них в стороне, нам достаточно указать только на главнейшие. Такими являются вопросы, связанные с интересами Германии, Балканы, Бессарабия и, может быть, Венгрия. Самым существенным в этом отношении представляется, конечно, вопрос о новых границах Германии после Версальского мира, в виду тех натянутых отношений, которые все еще существуют, несмотря на все усилия к их примирению, между Германией и Францией. Тут играют роль и ощущения, связанные с длительной оккупацией рейнской области, и тяжесть ее послевоенных репарационных платежей, но самое главное значение имеют ее новые восточные границы, польский коридор и отчасти вопрос так называемого „Anschluss'a“ или объединения с Австрией.

Германия никогда не примирится окончательно с установленными для нее восточными границами ее с Польшей, отнимающими у нее часть земель с немецким или немецки-настроенным населением, она не помирится с существованием „Польского коридора“, разрезающего ее территорию на две части. Она может только до времени молчать, чтобы не создавать совершенно непреодолимых затруднений, грозящих расколоть Европу на два враждующих лагеря. Также волнует ее и вопрос о присоединении к Германии Австрии. Между тем каждая из этих проблем представляется очень сложной и чреватой весьма серьезными последствиями. Например, что касается „Anschluss'a“, то совершенно очевидно, что самостоятельное существование Австрии в ее теперешнем виде представляется весьма затруднительным, но, с другой стороны, подобного рода усиление Германии кажется опасным в глазах Франции и в особенности невозможным с точки зрения Чехо-Словакии, которая оказалась бы тогда с трех сторон охваченной немецким государством, что для нее является

совершенно недопустимым в военно-политическом отношении. Заинтересованность же Чехо-Словакии выдвигает против такого решения все силы так называемой Малой Антанты и кроме того находит себе известную поддержку и в самостоятельных опасениях со стороны Италии ⁶⁴).

Это, конечно, все очень опасные вопросы. Германия не поднимает их в Лиге Наций, так как прекрасно знает, что их постановка на очередь вызвала бы распадение Лиги, ибо могла бы послужить причиной расхождения между Францией и Англией. Если же Германия оказалась бы в положении войны с Францией, то эта последняя была бы поддержана Польшей, а Германия — Россией. В эти военные действия вмешалась бы Румыния, на которую не преминула бы напасть Венгрия, недовольная своими, установленными по Трианонскому миру границами, и начался бы пожар в центральной Европе, который неминуемо втянул бы в свою орбиту и ряд других стран. В этом отношении опасность еще более обостряется уже указанными нами настроениями в Венгрии, которая не может примириться с созданным для нее новым национально-политическим положением, настроена крайне воинственно и только и выжидает момента, когда можно было бы посчитаться с своими соседями, в первую очередь — с румынами.

Но еще более похож на бочку с порохом, к которой нужно только подложить фитиль, вопрос о Бессарабии. Румыния ее аннектировала, Россия не признала этой аннексии. Англия и Франция поддерживают румынскую точку зрения, Германия же и Италия ⁶⁵) первоначально к ней не присоединились. Что могло бы произойти в этом углу Европы, если бы там возникло столкновение между двумя соседними державами из-за спорной области, при чем с одной точки зрения дело шло бы о войне, а с другой — только об освобождении собственной территории от находящихся в ней чужих войск!

64) К такому усилению относятся с большой опаской и французские круги, сочувствуя в гораздо большей степени проекту так называемого Дунайского таможенного объединения, выдвигавшемуся, между прочим, и бывшим венгерским государственным деятелем Э. Хантошем (Hantos). См. J. Marchal, *Union douanière etc.*, p. 86—98, а также W. T. Layton et Ch. Riste, *La situation économique de l'Autriche. Rapport présenté au Conseil de la S. D. N.*

65) Позднее Италия изменила свою точку зрения. См. Kampf um Rapeneura III, S. 186.

Все это приводит нас вообще к положению на Балканах, вечном гнезде смут и беспокойства. Там ничто не может прийти к полному успокоению, и отношение соседних государств друг к другу напоминает рассказ про одного вождя в старые времена. К этому вождю явился с неба ангел и предложил любой дар и благословение по отношению к его народу при одном только условии, что та же милость неба будет в двойном размере дарована его соседям по ту сторону гор. После долгого размышления этот вождь наконец сказал, что его пожелание заключается в том, чтобы каждый из его подданных ослеп на один глаз!

Таково положение на Балканах, но и вообще, как мы видим, в Европе продолжает существовать столь раскаленная атмосфера, что достаточно какого-нибудь незначительного пехода (вспомним сараевский выстрел), чтобы разгорелся общий пожар, который превзойдет по своим последствиям все доселе виданное. Как это высказал в одном интервью покойный французский полководец, маршал Фош, „такая война была бы в буквальном смысле слова мировой войной и не могла бы никоим образом быть локализована, так как в ней приняли бы участие почти все страны и притом в борьбу были бы вовлечены не только мужчины, но и женщины и дети каждого народа“⁶⁶).

Едва ли можно себе представить, в самом деле, что какое-нибудь из государств, принимавших так или иначе участие в мировой войне, сумело бы остаться в стороне от этого столкновения. В связи с системой современных договоров и соглашений даже и Англии едва ли бы удалось сохранить свой нейтралитет, но уже во всяком случае в военные действия были бы вовлечены Франция, Германия, Бельгия, Россия, Финляндия, Польша, три Балтийских государства, Чехо-Словакия, Венгрия, Румыния, Австрия, Италия, весь Балканский полуостров и Турция. Испания была бы, конечно, хотя бы косвенно захвачена, и незатронутыми, может быть, остались бы только Португалия, Швейцария и северные государства, не участвовавшие в последней войне, которые оказались бы вне кипящего водоворота.

66) Интервью, данное 10/VII 1927 сотруднику журнала „Weekly Dispatch“, см. Kenworthy, о. с., S. 236.

Следствием этого столкновения было бы полнейшее разорение, банкротство, революция, голод во всех странах и, в результате, распространение большевизма по всей Европе. Америка и Япония были бы единственными великими державами, которые смогли бы остаться в стороне от этой войны, но и они понесли бы чрезвычайный ущерб вследствие необычайного обеднения всего мира и полной приостановки мировой торговли. Так представляет себе возможные последствия военного столкновения в Европе осведомленный английский политический деятель⁶⁷⁾.

Но что же, можно спросить себя: делает что-либо Европа, чтобы предупредить эту грозящую ей опасность? Да, можно ответить на это, на очереди все время стоят и сменяют друг друга мировые конференции, посвященные вопросам разоружения. Уже в скорости после войны (в 1921 году) имела место Вашингтонская конференция о разоружении на море, и с тех пор вопрос этот почти не сходит с очереди дня⁶⁸⁾.

Может быть, наибольший успех именно и выпал на долю этой первой конференции, которая ограничила для участвовавших в ней держав постройку новых боевых судов и установила точное соотношение морских сил между тремя наиболее могущественными морскими державами: Англией, Америкой и Японией, также как и вообще запретила постройку крейсеров с водоизмещением более чем в 10 000 тонн. Но о судах такого водоизмещения (т. е. в 10.000 тонн и меньше) ничего не было сказано, и, в результате, началось бешеное соревнование между заинтересованными странами, в первую очередь Англией и Америкой. Еще более опасным, может быть, оказалось то, что вследствие несогласия Франции не прошло выдвинутое на Вашингтонской конференции предложение о запрещении пользоваться подводными лодками. Это „дьявольское“ оружие не только остается в полной силе, но все более развивается и совершенствуется. Особенно усердствуют в этом отношении Франция и Италия, лишенные по недостатку средств возможности строить более крупные суда, но зато отыгрывающиеся на этом роде защиты и напа-

67) Kenworthy. o. c., S. 237—238.

68) Стоит упомянуть здесь хотя бы последнюю Лондонскую конференцию 1930 года, закончившуюся очень скромными и относительными результатами, далекими от какого-либо решения вопроса.

дения, который Франция называет „оружием бедных“. Число подводных лодок теперь значительно превышает то, что мы видели во время прошедшей войны; их размеры настолько увеличились, что они напоминают небольшие подводные крейсера, чем очень увеличиваются возможные районы их действия. Что будет при их применении во время новой морской войны, в каком положении окажется морская торговля и вообще сношения между странами, сколько будет случаев, напоминающих Лузитанию, можно себе представить!

Вот все, что удалось достигнуть в отношении разоружения. Дальнейшие конференции, хотя бы Женевская 1927 года, не дали никакого результата. В отношении же ограничения сухопутного вооружения — не сделано ничего.

И даже можно сказать: не только ничего не сделано, но положение значительно ухудшилось по сравнению с прошлой войной. Война теперь стала и становится все более „научной“, основывается на научном базисе. Можно заранее сказать, что будущая война, если только человечеству суждено подвергнуться этому тяжелому испытанию, настолько же будет превосходить по своему ужасу и разрушительным последствиям истекшую войну 1914—1918 г. г., насколько эта последняя, в свою очередь, превосходила Наполеоновские войны, имевшие место столетие тому назад.

VII

Будущая война, это мы все уже много раз слышали, будет война в воздухе и химическая война. Все наши прежние представления о войне должно быть совершенно пересмотрены. Если уже во время прошлой войны было совершенно ясно, что теперь нет никакой поэзии войны, до крайней степени ограничена сфера личной храбрости отдельного индивидуума, то еще более это ясно для будущего. Есть поразительная, грандиозная техническая работа, где инженер и техник совершенно отодвинули на задний план солдата, как такового. Солдат — это только материал, такой же, как снаряжение, пушки, железобетон и, главное, грандиозные земляные или, вернее, под-

земные сооружения. Чем все это менее видно, тем лучше, но все должно быть в возможно большем количестве.

Теперешняя война — это крупное капиталистическое предприятие, и побеждает тот, у кого больше и на более долгое время хватит капитала для разрушительного производства. Конечно, как и во всяком другом производстве, налицо еще должна быть и воля к определенному действию, но все же воля пасует перед подавляющим капиталистическим оборудованием, как и в обычной экономической сфере. В борьбе конкурентов побеждает более сильный, лучше вооруженный, это ясно. Но зато война превратилась при таких условиях в настоящий ад. Нет всего того, что придавало войне, несмотря на весь ее ужас, известную красоту, о чем мы читаем в романах, посвященных прежним войнам, или видим на батальных картинах.

Человек сидит под землей, под бесконечным градом свинца и железных осколков, при неумолчном реве орудий, от которого содрогается земля, и сам тоже отвечает таким же градом, сидя около своих орудий, издающих такой же рев, — в чаду и дыму, под действием удушливых газов, стараясь как можно меньше появляться на поверхности земли и продвигаясь вперед только тогда, когда все вражеское сметено ураганным огнем. Таково было и личное впечатление человека, посещавшего в более близкое к окончанию войны время поля бывших сражений⁶⁹).

Но, если это можно было сказать по поводу прошлой войны, то что же будет представлять собой будущая? Все то, что тогда только намечалось к концу войны, теперь получает необычайное развитие и завершение. Тогда, в последний период войны, стали играть большую роль танки: теперь их значение до-нельзя увеличится и, кроме больших военных машин этого рода, появится, как это предполагают специалисты, небольшой индивидуальный танк для отдельного пехотинца, вооруженный двумя пулеметами. Эти маленькие танки совер-

69) Свои впечатления о позициях за Реймсом я изложил в статье „Язык фактов“, в газете „Последнія Извѣстія“ (Ревель) №№ 249 и 250, 9/X и 10/X 1923 года, и то же в газете „Postimees“ (Tartu) №№ 250 и 251, 20/IX и 21/IX 1923 г. По поводу техники прошлой и будущей войны существует теперь большая литература. Мы отсылаем читателя здесь к известной книжке Franz Carl Endres, *La guerre des gaz*, p. 75 et suivantes.

шенно вытеснят обычную пехоту и кавалерию, которая отойдет в прошлое, в эпоху алебард и стрелков из лука.

Но главным оружием все же будут летательные аппараты, вооруженные большим количеством бомб для метания и могущие делать налеты на любое место неприятельской территории. Последние успехи в деле воздухоплавания делают государство, располагающее подавляющим количеством аэропланов, хозяином положения. А между тем мы знаем, что количество этих последних до-нельзя возросло и, например, во Франции дело организовано таким образом, что в скорости после начатия военных действий она будет располагать не менее чем 4000 аппаратами с обученным персоналом и специальными мастерскими и оборудованием.

Аэропланы теперь, вероятно, будут играть большую роль не только на суше, но и в морских сражениях, где они будут нести не только разведывательскую службу, но и атаковать военные суда бомбами, которые при близком попадании могут немедленно потопить большой броненосец. Эти же последние теперь достигают невероятной величины и стоимости, доходя до 42.000, а в близком будущем и 60.000 тонн водоизмещения и представляя собой стоимость от 7—8 до 12 миллионов фунтов стерлингов, при чем их вооружение состоит из шестнадцатидюймовых (40,7 сантиметров) пушек, пробивающих на расстоянии 45 километров снарядами в тонну слишком весом стальную броню современного броненосца, толщиной в 35,5 сантиметров (пол-аршина). Можно себе представить, во что превратится решительный бой такого рода двух эскадр и что после него от них останется кроме тонущих обломков старого железа.

Итак, самую главную роль в будущей войне будут играть, как мы уже отметили выше, аэропланы и удушливые газы. При современной, все прогрессирующей технике воздухоплавательного дела не будет почти никакой возможности защищаться от налетов аэропланов, которые будут направлять свое преимущественное внимание не столько на вражеские окопы, сколько на большие города, крупные железнодорожные узлы, наиболее важные для жизни страны или военного дела фабрики. Защитить, по мнению специалистов, сколько-нибудь надежно Лондон, например, от такого налета, особенно если иметь в виду мыслимые уже и теперь аппараты без летчиков,

управляемые на расстоянии по беспроводному телеграфу⁷⁰⁾, дело совершенно невозможное. А между тем эти аппараты могут уже теперь сбрасывать бомбы весом почти в 2000 килограммов (1950 kg), каждая из которых при своем падении смела бы с лица земли *Unter den Linden* или *Faubourg St. Honoré*⁷¹⁾. Против этих налетов можно бороться только такими же налетами. На террор — отвечают террором! Является ли только это достаточным утешением?

Но это бомбы с взрывчатыми веществами, а бомбы с удушливыми газами или бактериями заразных болезней, конечно, еще много ужаснее. Правда, человек придумывает и против всех этих мер нападения орудия защиты, но они не всегда достаточны, не всегда поспевают во-время и все равно не исключают грандиозного количества жертв. При всех этих способах ведения войны, центр тяжести, в отношении ее тягот и ужасов, переносится на мирное гражданское население: стариков, детей и женщин.

Между тем в этой области одни изобретения следуют за другими, человеческий ум неумолчно придумывает все новое и новое. Если прежде думали, что от газов нужно скрываться в погреба или железнодорожные туннели, то теперь это уже оказывается неприменимым, так как газ особенно распространяется и долго держится именно внизу. Если против газов придуманы маски, то не все они действительно против каждого газа, и их приходится иметь целые assortименты. Имеются при том уже и сейчас по крайней мере два газа, против которых маски не действительны⁷²⁾. Наконец, человеческий ум невероятно изобретателен в отношении причинения зла, и в настоящее время имеются уже такие способы использования газа, против которых совершенно бессильно применение каких бы то ни было масок. Так, изданное английским военным министерством в 1926 году руководство к ведению химической войны (*Manual of Chemical Warfare, 1926*) говорит о содержащих мышьяк газах приблизительно следующее. Если человек вдыхает в течении пяти минут воздух, в котором находится на 50 миллионов частей

70) F. C. Endres, op. cit., p. 71.

71) Kenworthy, o. c., S. 313; также и Endres, o. c., p. 132, 140.

72) F. C. Endres, o. c., p. 190.

воздуха одна частица такого газа, носящего название Diphenyl-Chloroarsen, то наблюдаются уже заметные признаки отравления, оказывающие воздействие на слизистую оболочку носовой полости. Более сильная примесь газа (1 на 10.000.000) вызывает у человека, уже по прошествии одной минуты, такие мучения, что он теряет способность к какой бы то ни было деятельности и впадает в отчаяние; при вдыхании в течении двух или трех минут наступает тяжкая рвота... Эти газы употребляются для того, чтобы вызвать такое возбуждение у жертвы, которое лишает ее возможности воспользоваться маской или сохранить ее на лице... В случае надобности, сначала наполняют какое-либо место газом, вызывающим смерть, а затем прибегают к помощи этого другого возбуждающего газа, заставляющего свои жертвы срывать противогазовые маски с головы. — Кажется, дальше в этой области идти уже некуда!⁷³⁾

Ни о какой человечности при таких условиях говорить, конечно, не приходится, и единственная положительная сторона таких устрашающих налетов аэропланов, если только тут вообще можно говорить о чем-либо положительном, заключается, как это отмечал тот же маршал Фош, в необычайно устрашающем их действии на общественное мнение атакованной страны, которое может заставить ее правительство положить оружие⁷⁴⁾. Но это, конечно, очень плохое и сомнительное утешение!

Наряду с описанием прошлой войны имеются теперь и попытки описать, вернее — предугадать войну будущего. Одной из этих попыток является роман Виктора Мерика: La „Der des Der“, „Последняя из последних“, или в очень вольном переводе „Война войне“.

73) По поводу газовой войны и результатов применения газов существует целая литература. Мы можем указать хотя бы на имена проф. Haber'a, т. н. „отца“ германской газовой войны, д-ра Hanslian'a, д-ра G. Woker, проф. Meuer'a и уже несколько раз приводившегося нами F. Endres'a, op. cit., p. 89—119. См. там же главу: „Comment se fera la guerre nouvelle“, p. 145—178. Автор утверждает, что если бы эскадрилья вражеских аэропланов с газовыми бомбами удалось неожиданно напасть на Берлин и спокойно „поработать“ там в течение получаса, то в Берлине не осталось бы после этого ни одного живого существа, за исключением разве самых отдаленных пригородов (о. с., p. 151).

74) Ken worthy, o. c., S. 307.

В этом романе набрасывается крупными штрихами картина новой войны 1938 года, в значительной степени по своему началу и по составу участвующих стран напоминающей войну 1914 года. Но в остальном все изменилось. Обыкновенной войны с ее окопами, перестрелкой, боями — нет. „Все сведено к газам, к яду. Вот единственный враг, с которым приходится считаться. И притом никакой защиты против него. Никакого сопротивления. Его даже не чувствуешь. Он под вами, в вас, прежде чем вы могли сделать малейший жест, чтобы предохранить себя. Это уже более не война, не сражение, где человек играет свою роль среди осколков, в крови, в грохоте обломков, иногда грудь с грудью с противником. . . Это — смерть, пробирающаяся исподтишка, лезущая из-под ваших ног. . . Смерть грязная, недостойная, глупая“⁷⁵). И при этом все перевернуто вверх ногами. В новой войне уже не дерутся. Поэтому военные в ней не играют решающей роли. Вся тяжесть войны выпадает на долю гражданского населения: это мужчины, женщины, дети, ибо все мобилизованы от 15-летнего возраста. „А те, кто руководит войной, если только такой вещью можно руководить, — это техники, ученые, химики, зарывшиеся в таинственном мраке своих лабораторий, упрямо изыскивающие новые формулы убийства, более верные способы распределения смерти“⁷⁶).

Война оставила фронт. Фронт — самое спокойное и надежное место. Весь ужас сосредоточен в тылу, и на тех, кого отправляют с фронта в тыл, смотрят как на обреченных. Поэтому попасть на фронт — большое счастье и для этого нужна особая протекция. Война свирепствует над мирным населением. Налеты аэропланов разрушают большие города, фабрики, деревни; они стараются парализовать наиболее чувствительные жизненные нервы неприятеля. Защита заключается в аналогичных ответах с противной стороны: око за око, бомба за бомбу. Немцы совершили налет на Париж, французы отвечают им налетом на Берлин. Вражеская бомба расколола надвое чудесный фронтон старинного собора, где короновались французские короли. Хорошо, завтра французские летчики атакуют Кёльнский собор!

75) Victor Méric, La „Der des Der“, Paris 1929, p. 28.

76) Victor Méric, о. с., p. 31.

Большие города превращаются в центры ужаса. Жизнь в них — сплошной кошмар. Население приходит в отчаяние. Рушатся все моральные ценности. Развивается невероятный разврат, не прикрытый даже намеком на сохранение стыдливости: „Все равно ведь завтра умирать!“ По улицам бродят толпы осиротевших, брошенных детей, из которых организуются шайки, занимающиеся грабежом, драками и нападениями на прохожих. Ночи, освещаемые пожарами от бомб и наполненные грохотом громopodobных разрывов этих последних, превращают жизнь в сплошной ужас, вызывающий массовые самоубийства. В связи с все возрастающим голодом развиваются новые, невиданные болезни. Останавливается производство, почти замирает сельское хозяйство. Население бежит из больших городов. По стране бродят массы людей, грабежом и пытками добывающие себе пропитание. Наступает полнейшая анархия.

При этом тыл завидует сравнительно спокойному фронту и ненавидит его. На улице военным невозможно появляться в форме, опасаясь оскорблений и насилий. И, наконец, эта ненависть, соединенная с состоянием близким к сумасшествию, ведет к тому, что тыл: многие миллионы людей — бросается на фронт, чтобы его уничтожить и добиться таким образом мира. Их сметают ураганным огнем пушек, долгое время до этого остававшихся без работы. Наступает полнейший хаос, в котором все рушится. Конец человеческой цивилизации, конец жизни! ⁷⁷⁾.

77) Victor Méric, о.с., р. 109, 117, 124, 129, 143, 257 et passim. Эти, как могли бы утверждать некоторые, „беллетристические фантазии“ автора вполне подтверждаются данными специалистов военного дела. См. хотя бы несколько раз уже упоминавшуюся работу F. Endres'a, в особенности главу: „Comment se fera la guerre nouvelle“, указанную уже нами выше (стр. 53). Приводя там описания, вполне совпадающие с изложением Мерика, автор пишет, что ужас этой будущей войны заключается более всего в том, что она превращается в массовую бойню мирного населения. „Современный солдат будет принужден сознательно уничтожать и убивать женщин, детей, больных; он должен будет, трусливо атакуя их во время сна, истреблять человеческие существа, даже и не подозревающие о своей участи. — Этого человек, достойный своего имени, не может делать. Можно всего требовать от солдата, но нельзя требовать от него обещивающих поступков: нельзя требовать от него, чтобы он стал палачом.“ (Op. cit., р. 157.) Таково мнение автора, самого военного, об условиях будущей войны.

VIII

Вся эта картина, нарисованная фантазией романиста, но покоящаяся в значительной своей части на совершенно реальных данных, может быть несколько преувеличена, может быть не дает вполне верного изображения вероятной действительности, которую вообще трудно себе представить. Но одно только несомненно: будущая война будет сплошным ужасом и таким общим крушением, в котором может окончательно погибнуть теперешняя культура.

Мы как-то совершенно не думаем об этом. Человечество слишком легкомысленно, так же как оно было легкомысленно перед прошлой войной. Оно спокойно слышит об ужасных способах разрушения, которые для него готовятся, и продолжает заниматься своей каждодневной будничной суетой. Но стоит только на минуту задуматься о том, что будет с той массой людей, которых мы видим вокруг нас, если война разразится в ближайшие десять, пятнадцать лет? Какое большое количество из них будет задушено губительными газами, разорвано в куски бомбами, погибнет в дыму горящих зданий и под развалинами рушащихся домов; какая масса превратится в лучшем случае в жалких калек и какая невероятная бедность станет уделом человечества! Если хоть на минуту об этом задуматься, то нам станет понятным, что пужно изыскивать все меры, чтобы воспрепятствовать такому ужасу.

Казалось бы, в этом отношении многое могла бы сделать Лига Наций. Я принадлежу к числу тех, которые ценят это учреждение и склонны видеть в нем залог определенных возможностей в будущем. Она и до сих пор помогала несколько раз улаживать некоторые международные трения, устраивала или облегчала займы для небольших государств, вообще содействовала известному сглаживанию междугосударственных конфликтов. Но вся ее деятельность обещала в этом отношении успех только тогда, когда дело шло о маленьких и слабых государствах⁷⁸⁾, если же на карту поставлены интересы

78) Вспомним в этом отношении, в качестве примера, хотя бы вооруженный конфликт между Грецией и Болгарией, имевший место в 1925

одной из великих держав, аппарат Лиги Наций оказывается бессильным.

Не отрицая возможности дальнейшего усовершенствования Лиги Наций и приобретения ею большего значения, относительно прошлого времени мы должны констатировать, что до сих пор результат ее работ в деле ограничения вооружений, а в этом и лежит центр тяжести, приближается к нулю. Все совещания, все конференции и комиссии не привели к тому, чтобы в Европе был расформирован хотя бы один батальон пехоты, затоплен хотя бы один броненосец или уничтожен хотя бы один военный аэроплан. В этом отношении оказалось безрезультатным и соглашение в Локарно. Все остается по прежнему. Стоят на месте крепости и арсеналы, обучаются солдаты, изготавливаются пушки и другие усовершенствованные орудия истребления⁷⁹⁾. А пока дело обстоит таким образом, опасность войны в Европе не уменьшается, а возрастает. Каждое государство боится растущих вооружений своего соседа и само спешит еще лучше вооружиться, а это обстоятельство действует на первое, которое еще более напрягает свои силы. Итак создается своего рода заколдованный круг, выходом из которого скорее всего может явиться война, которую, конечно, не будет в силах предупредить Лига Наций, являющаяся лишь средством успокоения военных опасений в периоды мира.

Все другие планы и предложения для предотвращения войны: пацифистские общества, воздействие прессы, страх перед новыми средствами истребления, надежды на растущее влияние рабочих партий, как и многое другое, оказываются совершенно недействительными⁸⁰⁾. Нисколько не более успеш-

году, который был улажен Лигой Наций в течение 24 часов, в то время как, без этого вмешательства Женевского собрания, он мог бы легко разгореться в большую балканскую войну. Но все же, даже и у больших государств, при наличии Лиги Наций, при всем ее теперешнем несовершенстве, проявляется чувство большей ответственности и большая склонность к разрешению возникающих конфликтов путем дружественных переговоров.

79) Kenworthy, o. c., S. 334.

80) Это тем более, что будущая война будет в гораздо меньшей степени зависеть от охоты или неохоты широких масс принять участие в войне или даже от их отказа идти под знамена, так как военные действия смогут ограничиться гораздо меньшим количеством участников. В будущей войне люди будут в гораздо большей степени заменены техническими при-

ным является проект объявления войны вне закона, при чем государства, в руках которых находятся главная финансовая мощь и главнейшие источники наиболее важных видов сырья: нефти, каучука, хлопка и меди, установили бы по отношению к каждому нарушителю принятого постановления, т. е. признанному виновнику войны, финансовый и экономический бойкот⁸¹⁾. Этими государствами являются Англия, Америка, Голландия, Бельгия и Швейцария при присоединении к ним еще Франции и Германии. Но кто мог бы заставить их всех настаивать на заключенном соглашении и что было бы, если бы какое-либо или какие-либо из них сами явились его нарушителями?

Это тем более так, что во всех этих государствах, наряду с настроениями в пользу мира, очень большую роль играет психология войны, для поддержания которой работает целый ряд сил, а ведь эта психология и вызывает в конце концов определенные решения.

Единственным более надежным способом провести решения против войны и сделать эту последнюю невозможной был бы такого рода прочный союз между этими государствами, который уничтожил бы политическое и экономическое соперничество между ними, положив вместе с тем конец и неустанному возрастанию вооружений.

К этой же цели именно и приближается идея Соединенных Штатов Европы, о которой мы говорим в нашем очерке. Отмена экономических и политических границ между европейскими государствами позволила бы ограничить вооруженные силы каждого из них.

По такому плану все европейские страны должны были бы в значительной степени разоружиться. В морском деле путем общего договора, выходящего за пределы Европы, по образцу Вашингтонской конференции, могло бы быть достигнуто соглашение относительно наличного количества боевых единиц; Франция и Италия должны бы были отказаться от дальнейшего соперничества в этой области, а подводные лодки должны бы были быть вовсе запрещены.

способлениями. Поэтому и настроение широких масс населения отходит на задний план, и с чисто-военной точки зрения начать такую войну гораздо легче, чем прошлую. F. C. Endres, op. cit. p. 33.

81) Kenworthy, o. c., S. 365 ff.

Сухопутные силы должны бы были быть уменьшены до размеров, соответствующих разоружению Германии. При таких условиях, а также с некоторыми необходимыми поправками, европейские сухопутные армии, при невхождении России в общий союз европейских народов и сохранении в ней большевицкого владычества, достигали бы, по подсчетам Куденхове, 1.175.000 человек, а вместе с колониальными войсками 1½ миллиона. Если же иметь в виду падение советского режима, которое должно бы было быть ускорено замирением Европы и совместной ее политикой, направленной на включение России в общеевропейскую орбиту, то размеры этой армии еще более бы сократились. Развитие военной авиации в европейских государствах было бы запрещено вовсе.

Такова схема европейского разоружения, для контроля над проведением которого и для наблюдения за исполнением принятых обязательств, а также и для защиты от каких-либо нападений извне, должен бы был быть образован пан-европейский генеральный штаб. В распоряжении этого штаба находится пан-европейский воздушный флот, достаточно сильный для отражения нападений извне и для поддержания мира внутри европейского континента⁸²⁾.

Проведение этого проекта гарантировало бы европейский, а вернее всего и всемирный мир, уменьшило бы военные расходы государств по крайней мере на две трети по сравнению с теперешним, позволило бы отказаться или во всяком случае значительно сократить применение системы всеобщей воинской повинности, открыло бы широкие перспективы для более тесного экономического сближения. Главное же, такое положение обеспечило бы своего рода моральное разоружение и вместе с политическим и экономическим разоружением уничтожило бы тот военный психоз, под впечатлением которого живет все время послевоенная Европа. Это цель достойная того, чтобы для нее не жалеть никаких усилий.

Эта последняя отмеченная нами задача Европейских Соединенных Штатов — уничтожение опасности войны — является вопросом, важность которого не может быть преувеличена.

82) Coudenhove, Kampf um Paneuropa, B. III, S. 179 ff.

Идея объединения европейских государств, какие бы трудности перед ней ни выдвигались, есть идея борьбы против войны. Кто не желает новой войны со всеми ее вероятными ужасами, ставящими под угрозу всю человеческую цивилизацию, тот должен быть сторонником такого объединения, пусть в иной форме, чем та, в которой оно теперь выдвигается, но все же объединения. Кто против войны, кто желает мирного развития народов, тот должен, несмотря на все трудности этого пути, стремиться к созданию выхода из современного положения, грозящего, в противном случае, неисчислимыми опасностями: крушением всей европейской, а может быть даже общечеловеческой, мировой культуры.

Пусть многое в этой идее кажется утопией, но сколько вещей, казавшихся человечеству утопиями (возьмем хотя бы отмену рабства, свободу совести и многое другое) прочно вошли в жизнь.

Если мысль об объединении Европы, по слову поэта, только „сон золотой“, то его навешивают человечеству не одни только „безумцы“, а, наоборот, в него верит целый ряд наиболее выдающихся и блестящих политических деятелей и мыслителей современности⁸³).

Нужно помнить, что только идя по пути осуществления идей, кажущихся людям в тот или иной момент почти недостижимыми, человечество движется вперед к лучшему будущему!

83) Cristu, op. cit., p. 278.

Résumé.

Les Etats-Unis de l'Europe.

Les perspectives économiques et politiques de cette idée.

L'idée des Etats-Unis de l'Europe, autrement dit Pan-Europe, est devenue très populaire. C'est un sujet de délibération des journaux, des livres, d'une littérature entière. Dans le dernier temps cette idée est liée au nom du comte Coudenhove-Kalergi, qui a fondé une société spéciale pour la propagation de cette idée et a organisé à Vienne un congrès pan-européen. L'année passée cette idée a encore gagné du terrain par le concours de M. Aristide Briand, qui l'a soutenue d'une manière prononcée.

L'idée même d'une union européenne ou plutôt d'une union douanière des états européens n'est pas aussi neuve qu'on pourrait le penser. L'Allemagne et l'Angleterre représentent des unions douanières. Celle de l'Allemagne est sortie du Zollverein entre les divers états allemands et celle de l'Angleterre comprend ses dominions et colonies. Il y a beaucoup d'écrivains et de lettrés, beaucoup d'hommes d'état, qui ont parlé de cette idée et s'y sont montrés sympathiques. Il y a eu des projets et des tentatives depuis la première moitié du XIX-me siècle. Je n'ai qu'à rappeler les plans de „l'Union du Midi”, les projets du baron Brouk, ministre de l'Autriche-Hongrie. La même idée sur une base encore plus large a été soutenue par les milieux socialistes pendant la première Internationale et par le parti social-démocratique allemand au Reichstag vers 1890.

Mais ce qui réveilla la plus grande attention et causa le plus grand retentissement littéraire en Allemagne, ce fut l'idée de l'Europe centrale, qui devait unir l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie, idée proposée par F. Naumann, député du Reichstag. Son livre, intitulé „Mitteleuropa”, parut au commencement de la

guerre mondiale. C'était le projet d'une union des états de l'Europe centrale avec un but plutôt militaire, dirigé contre l'Orient et l'Occident, en premier lieu contre l'Angleterre et la Russie. Les résultats de la guerre ont définitivement mis fin à ces projets, mais en ont fait surgir d'autres, d'un caractère pacifique très prononcé.

Un de ces projets représente l'Union douanière et politique des états européens, la Pan-Europe de Coudenhove-Kalergi. Ce plan est dû à une idée purement pacifique. Ses buts se résument en trois points et sont traités sous un aspect tout nouveau.

Il s'agit de la solution de trois problèmes : 1° du problème de la paix en Europe, 2° de celui de la lutte économique entre les états européens, et, enfin, 3° du problème national minoritaire. Pour la solution définitive de tous ces problèmes, la voie la plus radicale est l'abolition de toutes les frontières entre les états, en les rendant invisibles pour ainsi dire. Un des plus graves côtés de ce problème est la question des frontières extérieures de cette union. Coudenhove la résout, en proposant d'y incorporer tous les états de l'Europe outre la Russie et l'Empire Britannique. La Russie est exclue parce que, selon Coudenhove, elle est devenue après la guerre plutôt un pays asiatique qu'un pays européen ; l'Empire Britannique, parce que ses intérêts s'étendent pour la plupart bien au-delà des limites de l'Europe et que toutes les dominions, en premier lieu le Canada, s'opposeraient à une pareille union de leur métropole.

Mais cette union est absolument nécessaire, 1° au point de vue d'une garantie de la paix européenne, et 2° au point de vue des intérêts du développement économique de l'Europe. Cette union peut être considérée comme tout à fait possible, parce que, malgré le morcellement politique et économique de notre continent, on peut de plein droit parler d'une âme européenne et d'une parenté intrinsèque de tous les peuples de l'Europe.

La Société des Nations, ayant des buts semblables, devrait être pour cette union. Il en est de même pour la plupart des partis politiques. Dans le camp de ses adversaires se trouveraient seulement les militaristes et les groupes des industriels intéressés, coûte que coûte, à la conservation des droits de douane actuels. Mais ce sont surtout les chauvinistes qui sont contre cette idée ; ils ne peuvent se représenter l'amour pour le propre pays sans la haine et l'envie des autres ; et les communistes, qui ne sont pas intéressés dans une union

pacifique, mais dans une union ayant pour but une révolution mondiale.

On conçoit facilement que les causes de l'union proposée sont principalement d'un caractère économique et prennent leur origine dans la guerre passée. Les conséquences de cette guerre, comme nous le savons bien, ont bouleversé l'Europe et l'ont conduite à une crise permanente. Les conditions économiques de l'Europe après la guerre, en les comparant avec celles d'avant guerre, sont effrayantes. Au point de vue politique, économique et financier, l'Europe a perdu sa position dominante et a cédé sa suprématie à l'Amérique. Son industrie et son commerce extérieur ont beaucoup perdu de leur importance. Il faudrait tout faire pour reconstituer la position perdue; un des moyens pour y parvenir serait l'union en question.

Nous connaissons déjà ses cadres, proposés par Coudenhove; nous savons qu'il voulait exclure de cette union l'Angleterre et la Russie. Par la suite du temps, il a changé son point de vue primordial rigoriste en ce qui concerne l'Angleterre et partiellement même la Russie; mais d'après son avis ce sont tout de même des états, qui ne conviennent pas à l'union projetée. Mais ses raisons à ce point ne peuvent pas soutenir même la critique la plus bienveillante. Les intérêts économiques unissent l'Angleterre aux pays du continent européen et l'intéressent dans l'existence d'une Europe forte, unie et riche. En ce qui regarde les dominions et les colonies anglaises, elles gagneraient beaucoup plus d'une agrégation à l'Union européenne que de leur isolation de l'Europe et d'une alliance avec leur métropole seule. D'un autre côté, il ne faut pas oublier que d'une union sans l'Angleterre sortirait inmanquablement une union contre l'Angleterre. Il faut encore faire remarquer que dans la question coloniale la possibilité de se baser sur la portée de l'Europe a pour l'Angleterre une importance de premier ordre.

Quant à la Russie, on peut dire que c'est surtout la peur panique de ce pays, qui a fait naître l'idée de l'union pan-européenne. D'après Coudenhove, les deux pays les plus dangereux pour l'Europe sont l'Amérique et la Russie. L'Amérique veut l'acheter, la Russie — la conquérir. Contre ce dernier danger il y a un seul remède: c'est l'Union. Pendant toute son histoire depuis Pierre le Grand, la Russie a tendu à l'expansion de ses frontières, la Russie rouge dans la même mesure que la

Russie blanche. Il n'y a qu'une issue de cette position précaire : c'est l'entente avec la Russie et la conclusion d'un pacte de garantie avec ce pays. Il faut même dire, que l'exclusion de la Russie de cette union supposée serait une très grande faute ; (nous parlons ici de la Russie sans considérer son système politique actuel, comme d'une unité nationale, économique et historique toute simple). L'union en question devrait être une unité non opposée au monde restant, mais toujours une unité, qui se suffise à elle-même, ayant dans ses cadres tous les éléments essentiels. De ce point de vue on peut voir dès le premier abord que l'union supposée dans ces frontières plus étroites aurait en mains une quantité suffisante de fer, de houille, de métaux de couleur, de bois et de forces d'eau, mais elle serait pauvre en deux éléments très importants : les céréales et le naphte. Pour en avoir, il faudrait étendre les cadres de l'union européenne beaucoup plus loin vers l'orient et y incorporer la Russie. Ce serait aussi très utile au point de vue de l'importance du marché russe, qui, notamment après la renaissance de la Russie et sa libération du joug bolchéviste, pourrait ouvrir pour l'industrie européenne des chances immenses.

On voit de plus en plus clair que c'est entre les mains de la Russie que se trouve la clef du problème économique de l'Europe. Il va sans dire que cette inclusion serait extrêmement utile pour la Russie, tant du côté économique, que du côté intellectuel. Seulement pour un certain laps de temps il faudrait accorder à la Russie certaines concessions à cause de son industrie restée en arrière.

Si, selon les causes mentionnées, nous incorporons dans notre union l'Empire Britannique et la Russie, nous aurons, au contraire des propositions de Coudenhove et de Woytinsky, qui lui aussi a fait un plan de cette union, trois groupes d'états, formant des unités économiques et partiellement politiques. Ce seraient : 1° l'Union de tous les états européens, y compris la Russie et toutes les colonies de l'Europe, 2° l'Asie orientale et 3° la Pan-Amérique (voir la carte à la page 39). Dans ce plan l'Union européenne, vu son étendue et le nombre de sa population, devrait évidemment jouer un rôle prépondérant.

Comme nous voyons à présent, les plans proposés ont deux buts principaux : 1° la solution du problème économique, et 2° une certaine sûreté contre une nouvelle guerre. La solution du

premier problème consiste dans la création d'une union douanière. Mais les plans de cette union ont beaucoup d'antagonistes. Ces derniers sont d'avis, que cette union conduira les états participants à la perte de leur indépendance ou, au moins, à celle de leur souveraineté; qu'elle menace même les peuples d'une dénationalisation, qu'elle tend à un but qui peut être atteint plus facilement par le libre échange. D'un autre côté, l'union douanière, en créant de grandes difficultés à l'industrie et aux groupes ouvriers de certains pays, ne produit aucun effet réel, parce qu'elle n'enrichit pas la population et par conséquent ne crée pas de nouveaux moyens pour le débit des produits de l'industrie. Mais toutes ces objections ne se maintiennent pas et vont souvent trop loin dans leur critique. Tout en admettant les difficultés, sortant de la mise en œuvre de l'union, nous devons dire qu'elle sera dans beaucoup de circonstances utile à l'industrie et au commerce des pays européens, et, ce qui est très important, elle constituera dans ce domaine une organisation absolument nécessaire. A la place du combat d'un membre contre un autre, nous verrons dans les états européens un travail commun pour un but commun. Et encore, en ce qui concerne toutes ces difficultés, il ne faut pas oublier que l'accomplissement de ce plan d'union demandera un laps de temps assez long, qui donnera à ses membres des possibilités d'adaptation.

D'un autre côté, comme nous l'avons dit plus haut, le plan de l'union a pour but d'empêcher une nouvelle guerre. Le danger d'une guerre n'est pas exclu: dans l'Europe contemporaine il existe un assez grand nombre de foyers pour la naissance d'une pareille guerre. Quantité d'hommes politiques savent, qu'une petite étincelle peut faire surgir un grand incendie international, qui pourra anéantir à fond toute la civilisation non seulement européenne, mais, peut-être, mondiale.

Ici la question se pose: l'Europe fait-elle quelque chose pour éviter la guerre? On peut y répondre, que presque dès la fin de la guerre mondiale, à commencer par la conférence de Washington, des conférences et des commissions travaillent tout le temps pour le désarmement. Mais si cette première conférence a eu encore un certain succès dans le domaine du désarmement sur mer, les autres entreprises de ce genre n'ont obtenu aucun succès visible.

Quant à cette guerre future, nous savons très bien qu'elle sera affreuse, qu'elle demandera des victimes innombrables. Cette guerre sera une guerre „scientifique”, elle sera une guerre aérienne, une guerre de gaz, et d'ailleurs, elle atteindra plus encore, que les militants, la population civile. D'après toute prévision, cette guerre sera un désastre inexprimable.

Qu'est-ce qu'on peut donc faire? Comment empêcher la guerre? Jusqu'à présent tous les moyens n'ont eu aucun succès et même les travaux de la Société des Nations n'ont conduit à aucune amélioration essentielle. La seule chose qui dans une certaine mesure pourrait nous avancer, serait une union stable des états européens, qui abolirait la concurrence politique et économique et mettrait fin à l'incessant accroissement des armements. C'est à cela même que tend l'idée des Etats-Unis de l'Europe, dont nous venons de parler, avec ses plans de désarmement universel et d'abolissement de toutes les frontières.

Nous n'ignorons pas toutes les difficultés qui surgiront, mais il me semble que l'abolition du danger militaire doit intéresser tous ceux, qui se représentent toute l'horreur d'une guerre future.

Quoique l'union européenne nous fasse à présent l'effet d'une utopie, nous devons ne pas perdre de vue que bien des entreprises qui autrefois paraissaient être des utopies, sont devenues des réalités et que ce n'est qu'en réalisant des utopies que l'humanité marche vers le progrès.

ZUM RÖMISCHEN FISKALKAUF IN ÄGYPTEN

VON

K. WILHELMSON

TARTU 1930

K. Mattiesens Buchdruckerei Ant.-Ges., Dorpat.

Die Papyrustexte, die sich auf den Kauf aus dem Staatschatz beziehen, lassen, soweit sie der römischen Zeit angehören, in einigen Fällen eine Eigentümlichkeit des Verfahrens hervortreten, die in der Literatur bisher nur wenig Beachtung, geschweige denn die rechte Erklärung gefunden hat. Die Erscheinung, um die es sich dabei handelt, gibt sich zunächst als charakteristisch für den staatlichen Verkauf von Priesterstellen zu erkennen, und es ist daher geboten, hier auch den Ausgangspunkt der Darstellung zu wählen.

Die Priesterstellen werden, soweit sie verkäuflich sind, dem Meistbietenden im Auktionsverfahren zugeschlagen. Für das Stolistenamt geht das ohne weiteres aus W. Chr. 81, 15 ff. hervor, denn hier wird aus Anlass des Angebots zweier Priester dem Strategen folgende Weisung gegeben: *σὺ φρόντισον σὸν τῷ βασιλικῷ γραμματεῖ τὰς τάξεις προκηρῦξαι, κἂν μηδεὶς πλέ[ον] δῶ, παραδοῦναι αὐτοῖς*. Dasselbe gilt aber auch für die Prophetie. In Teb. 296 heisst es Z. 8 ff. von einem Priester: *κρωθεις . . . ἐν προκηρῦξει . . . προφητείας καὶ τ[ά]ς ἄλλας τάξεις*, und in Stud. Pal. XXII 184 wird Z. 23 ff. in bezug auf einen Propheten eine Untersuchung angeordnet, die u. a. feststellen soll, ob er *κατὰ προκηρῦξιν* im Amte sei, womit gemeint ist, ob er die Stelle gekauft habe ¹⁾.

Um die Versteigerung einer Prophetenstelle handelt es sich nun auch in Teb. 294 (= W. Chr. 78) v. J. 147 n. Chr. Der Text enthält das an den Idiologos gerichtete Kaufangebot eines Priesters mit Namen *Πακῆβις Μαροισοῦχον* auf die Prophetie des

1) Vgl. auch Teb. 599. Wenn Gnomon 78 so verstanden werden sollte, dass die Prophetenstellen *ψιλῶς* und nicht *ἐφ' αἰρέσει* zu verkaufen sind, ist es, wie die angeführten Beispiele zeigen, nicht zulässig, mit P. Meyer, Jur. P., S. 336 u. Sitzungsber. Berl. Ak. 1928, S. 455 *ψιλῶς* auf den Kauf zum Einheitspreise und *ἐφ' αἰρέσει* auf den Auktionskauf zu beziehen. G. Pl a u m a n n, Der Idiologos (Abh. Berl. Ak. 1918 Nr. 17) rechnet S. 63 die Priesterstellen zwar unter die Objekte, die *ἐκ προκηρῦξεως* verkauft werden, sieht jedoch S. 86 in *ψιλῶς* einen Hinweis auf das einfache Verfahren.

Soknebtynistempels zu Tebtynis. Der Priester bietet für die Prophetie 2200 Dr. ἀντὶ ὧν ἐπέσχετο ἔτι πάλαι Μαρσισοῦχος Πακῆβκιος δραχμῶν ἑξακοσίων τεσσαράκοντα. Er überbietet mithin einen anderen, der schon vor längerer Zeit 640 Dr. geboten hat. Der Zuschlag, den er unter diesen Bedingungen erhofft, soll ihm und seinen Nachkommen die κωρία und die κράτησις auf ewige Zeiten gewähren. Das wird durch die bei staatlichen Verkäufen übliche Wendung ausgedrückt: μενεῖ δέ μοι καὶ ἐγγόνοις καὶ τοῖς παρ' ἐμοῦ μεταληφρομένοις ἢ τούτων κυρεῖ[α] καὶ κράτησις ἐπὶ τῶν αἰεὶ χρόνο[ν]. Ungewöhnlich ist bloss das ἔτι πάλαι, das auf einen weit angesetzten Zuschlagtermin zu deuten scheint. Welche Termine jedoch hierbei in Frage kommen könnten, zeigt der etwas ältere Text Teb. 295, der sich auf den Verkauf derselben Prophetie bezieht. Aus dem hier gegebenen Überblick über die seit dem Ausgebot der Stelle eingelaufenen Angebote erfährt man folgendes: Als erster hat der Priester Ἀρποχρατίων Μαρσημίμεως in einem auf dem Papyrus nicht erhaltenen Jahre Hadrians für die Stelle 100 Dr. geboten. Im 8. Jahre desselben Kaisers bietet Μαρσισοῦχος Πακῆβκειος das Doppelte. Im 10. Jahre erhöht derselbe Marsisuchos sein Angebot ἐξ ἀναβιβασμοῦ auf 520 Dr. Den geringen Resten des Papyrus lässt sich noch soviel entnehmen, dass das nächste Angebot auf 640 Dr. lautete. Da es wohl dasselbe Angebot ist, welches der Priester in Teb. 294 erwähnt und um das Mehrfache überbietet²⁾, würde zwischen dem drittletzten und letzten Angebot ein Zeitraum von zwanzig Jahren liegen. Es handelt sich also um etwas ganz anderes als die gewöhnlichen Auktionstermine, soweit sie uns bekannt sind. Doch ist auch das ganze Verfahren keine gewöhnliche Auktion, wenn darunter eine öffentliche Versteigerung zu verstehen ist, bei der das Kaufobjekt solange im Besitz des Veräußerers bleibt, bis es auf den Meistbietenden übergeht. In der Auktion, die hier vorliegt, wird nicht auf eine vakante, also im Staatsbesitz befindliche, sondern auf eine einmal schon verkaufte und jeweilig besetzte Stelle geboten. Denn, wie aus Teb. 294 hervorgeht — es heisst hier: διαγράψω κωροθεῖς —, hat die Preiszahlung erst nach dem Zuschlag zu erfolgen³⁾, die einzelnen Reflektanten in Teb. 295 haben aber die Kaufsumme nicht nur geboten, sondern, wie in zwei Fällen ausdrücklich

2) Teb. Pap. II, S. 64.

3) Über die Anzahlungen der Stolisten in W. Chr. 81 s. S. 6.

vermerkt wird, auch gezahlt⁴⁾. Der jeweilige Inhaber wird demnach von dem Mehrbietenden aus dem Amt verdrängt⁵⁾.

Mit Deutlichkeit lässt eine solche Praxis auch Teb. 296 (= W. Chr. 79) v. J. 123 n. Chr. erkennen. Das diesem Texte eingefügte Schreiben eines höheren Beamten, wohl des Idiologos, an den Strategen behandelt die Angelegenheit des Priesters *Ἀρθώτης*, der für die Prophetie — es ist eine andere als die, welche in den soeben besprochenen Texten den Kaufgegenstand bildet — die Summe von einem Talent geboten hat. Harthotes hat, so heisst es im Brief, *ἐν προκηρύξει* die *κόρωσις* erhalten und darauf 500 Dr. abgezahlt⁶⁾, nachdem er schon früher 1500 Dr. entrichtet hatte. Der Stratege soll nun das noch Ausstehende einkassieren und Harthotes die Stelle überlassen. Im weiteren werden dann die für die Prophetie im Laufe von drei Jahren gezahlten Summen wie folgt gebucht: im 5. Jahre Hadrians hat Harthotes *ὧν ἐκεκόρωτο* 1500 Dr. gezahlt (das ist die im Briefe erwähnte früher entrichtete Zahlung), im 6. Jahre ein Marsisuchos (dessen *κόρωσις* erwähnt Teb. 297, 15) ebensoviel und, wahrscheinlich im 7. Jahre, wieder Harthotes 3000 Dr. Der ganze Vorgang lässt sich aus den Angaben des Textes nur in folgender Weise rekonstruieren: Im 5. Jahre bietet Harthotes für die Prophetie 1500 Dr. und erhält den Zuschlag. Im 6. Jahre wird er von Marsisuchos überboten, der die Stelle für 3000 Dr. erhält. Es wird aber von dieser Summe unter seinem Namen bloss die Hälfte gebucht, da 1500 Dr. schon von Harthotes gezahlt worden sind. Man hat nun anzunehmen, dass Marsisuchos die andere Hälfte der 3000 Dr. dem Harthotes zurückgezahlt hat, denn sonst würde der unwahrscheinliche Fall vorliegen, dass dasselbe Kaufobjekt zweimal zum selben Preise veräussert wird, wobei der erste Käufer sein Geld

4) Nach Teb. 296 muss ein Teil der Kaufsumme sofort nach der *κόρωσις* erlegt werden und der Rest noch vor der *παράδοσις*. In Teb. 295 zahlt der erste Käufer dieselbe Summe, die er geboten hat. Zu der Zahlung von 400 Dr. bei einem Angebot von 520 Dr. s. Anm. 7. Die Wendung *ταῖς συνήθεσι προθεσμίαις* in Teb. 294, 17 lässt an Ratenzahlung denken. — Es ist nicht ausgeschlossen, dass in Teb. 294 die Stelle zur Zeit des Angebots vakant ist. Darauf könnten auch die Worte in Z. 23—24 deuten: *ἵνα αἱ ὑφίλο/νοσαι ἱερονομίαι τῶν . . . θεῶν ἐπιτελῶνται*. Doch ist die Wendung formelhaft und wird bei jeder Gelegenheit gebraucht. Vgl. BGU 1197, 20 und Schubart z. St.

5) Ähnlich Plaumann, S. 65.

6) Der Text gibt Z. 12 *φ*, die Herausgeber konjizieren <A>*φ*, doch mit Unrecht. S. Anm. 9.

verlieren muss⁷⁾. Im 7. Jahre bewirbt sich Harthotes aufs neue um die Stelle und verdrängt Marsisuchos [mit einem Angebot von 6000 Dr. Da die Hälfte davon schon gebucht worden ist, hat Harthotes an den Fiskus nur noch die übrigen 3000 Dr. zu zahlen. Von diesen zahlt er sofort nach der *κῶροις* 500 und den Rest auch noch vor der *παράδοσις* des Amtes⁸⁾. Die 3000 Dr., die der zurücktretende Marsisuchos für die Prophetie, miteingerechnet die Vergütungssumme an Harthotes, ausgegeben hat, erhält er vermutlich von diesem wieder⁹⁾. — Wenn es heisst, dass Harthotes den Zuschlag *ἐν προκήρουξι* erhalten habe, so hat man unter dieser *προκήρουξις* natürlich bloss das Teilverfahren während der üblichen Auktionstage zu verstehen. Eine *προκήρουξις* wird offenbar immer erst dann vorgenommen, wenn sich ein besserer Bieter meldet. Das wäre zu betonen gegenüber der bei der isolierten Betrachtung der Texte vielleicht möglichen Annahme, dass der Anlass zum Verkauf der schon besetzten Stelle nicht vom Mehrbietenden, sondern von der entsprechenden Behörde ausgehe, die den Kaufpreis nachträglich steigert und bei Zahlungsunfähigkeit des Inhabers die Stelle unter Anberaumung einer *προκήρουξις* aufs neue ausbietet¹⁰⁾. Bei der hier vertretenen Auffassung, nach der eine Auktion bloss dann angeordnet wird, wenn ein Mehrgebot vorliegt, würden sich auch am besten die Anzahlungen vor der Versteigerung erklären lassen, von denen in W. Chr. 80 und 81 die Rede ist. Im ersten der beiden Texte

7) Vgl. die gleich zu besprechenden Texte Oxy. 513 und SB 5673. Aus Tob. 295 lässt sich eine derartige Regelung der Zahlungen nicht ohne weiteres herauslesen. Ein Priester überbietet hier (Z. 10 ff.) das Angebot von 200 Dr. um 320 Dr., zahlt aber nicht ebensoviel, sondern 400. Vielleicht schliesst diese Zahlung auch die für die *λεσωνία ἢ καὶ βαιοφορία* ein, auf welche der Vorgänger scheinbar nicht geboten hat.

8) Dieser Rest wird im Pap. Z. 15 mit *τὸ λοιπὸν τῆς τιμῆς* bezeichnet, während das *προαποδεδοκ(έναι) Αφ* in Z. 13 auf sein erstes Angebot geht.

9) So fassen im allgemeinen den Vorgang auch die Herausgeber, doch glauben sie, dass die im Brief genannten Zahlungen den zum Schluss notierten entsprechen müssten und die in Z. 12 erwähnte von Harthotes nach der zweiten *κῶροις* gezahlte Summe besser zu Marsisuchos passen würde. Daher benötigen sie auch in Z. 12 die Konjekturen $\langle A \rangle \varphi$ für φ . Es liegt aber eine bloss teilweise Entsprechung vor. Mit Unrecht schliesst W. Otto, Priester und Tempel II, S. 329 (vgl. auch Wilcken, Arch. V, S. 234) aus dem *προαποδεδοκ(έναι)* in Z. 13, dass es sich bei den im Text genannten Summen um blosser Anzahlungen handelt.

10) So Pl a u m a n n, S. 65.

handelt es sich ganz deutlich um den Versuch, einen ἀρχιπροφήτης durch Mehrgebote unter Entrichtung von Anzahlungssummen aus seinem Amt zu verdrängen, ohne dass die Stelle vorher aus-geboten worden wäre. Im zweiten Text geben Angebote mit Anzahlungen den Anlass zur Anordnung einer προκήρυξις. Die Anzahlungen haben dabei wohl keinen anderen Sinn als den, ein Zurücktreten der Bieter zu verhindern.

Das Auffallende an der Praxis des Verkaufs von Priesterstellen, wie sie in den Texten zur Darstellung kommt, ist der Umstand, dass der einmal erteilte Zuschlag nicht vor einem Mehrgebot sichert, das den schon vor längerer Zeit vollzogenen Kauf wieder zur Auflösung bringen kann. Ist dieses Verfahren allgemein, oder unterliegt es in dem Sinne Beschränkungen, dass seine Anwendung nur unter bestimmten Bedingungen zulässig ist, oder, einmal zugelassen, unter bestimmten Bedingungen seinen Abschluss finden muss? In welcher Beziehung steht zu dieser Praxis die Formel von der Gültigkeit des Kaufes εἰς τὸν αἰὲν χρόνον, die im Angebot Teb. 294 vom Reflektanten angewandt wird und vermutlich auch in dem seiner überbotenen Amtsgenossen ihre Stelle fand? Diese Fragen wären zurückzuführen auf die allgemeinere nach der rechtlichen Grundlage des Verfahrens. Die Feststellung der rechtlichen Natur dieser Käufe ist um so dringender geboten, als, wie sich aus der Gegenüberstellung von SB 5673 und Oxy. 513 erkennen lässt, das Verfahren nicht etwa durch die Eigentümlichkeit des Kaufobjekts bedingt ist, sondern auf jeglichen vom Staate käuflich erworbenen Besitz angewandt werden kann. In SB 5673 unterliegt ihm ein ursprünglich ἐξ ὑπολόγου gekauftes Grundstück, in Oxy. 513 ein an den Fiskus gefallenes und im Auktionswege weiterverkauftes Haus. Es sind demnach beide Kategorien von Besitzobjekten vertreten, die nach Gnomon 70 für den Kauf aus dem Fiskus allein in Frage kommen¹¹⁾.

SB 5673 (147 n. Chr.)¹²⁾ ist ein in den gewöhnlichen Ausdrücken gehaltenes Kaufangebot einer Frau namens Demetria

11) Gnom. 70 verbietet den Beamten zu kaufen: οὐδὲ ἐξ ὑπολόγου [οὐδὲ ἐκ προκηρύξεως. Die Stelle bestätigt in glänzender Weise Rostowzew's Annahme zweier Arten von Kauf aus dem Fiskus. Plaumann, S. 61. Vgl. Rostowzew, Kolonat, S. 95 ff. und 142 ff., Wilcken, Grundzüge, S. 307.

12) Zuerst von Plaumann, S. 64 in diesem Zusammenhange angeführt.

auf 12 Aruren unfruchtbaren Staatslandes¹³⁾. Die Frau bietet das Doppelte des bei diesen Käufen üblichen Preises von 20 Dr. pro Arure, den vor ihr der Alexandriner Isidoros geboten hatte. Dieser hatte seinerzeit das Land zu diesem Preise auch erhalten, was daraus hervorgeht, dass er eine Rate des Kaufpreises — es handelt sich um ein Drittel — bereits erlegt hat, denn Demetria verpflichtet sich, für den Fall dass ihr der Zuschlag erteilt wird, die 80 Dr., die er für das Land gezahlt hat, von der gebotenen Summe zu subtrahieren und ihm wiederzuerstatten.

Noch deutlicher ist Oxy. 513 (= W. Chr. 183) v. J. 184 n. Chr. Der Text beurkundet ein zwischen Diogenes und Serenos stattfindendes Rechtsgeschäft, das folgende Situation zur Voraussetzung hat: Ein von der *διοίκησης* konfisziertes Haus wurde Diogenes für 600 Dr. zugeschlagen, und nachdem er zwei Jahre im ungestörten Besitz des Hauses gewesen ist, muss er es im dritten laut Verfügung des Dioiketen an Serenos abtreten, da dieser für das Haus einen Preis geboten hat, der den von Diogenes gezahlten um das Mehrfache übersteigt: *ἐνεκα τοῦ ὁ[π]ερ-βεβλήσθαι τὴν... οἰκίαν ὑπὸ... [το]ῦ Σερήνου καὶ ἀναβεβι<βά>σθαι εἰς ὄραχμαὺς χειλίας [ὄκ]ταζοσίας*. Diogenes quittiert nun dem Serenos den Empfang der von ihm als Kaufpreis in, wie es scheint, 3 Raten abgetragenen 600 Dr. samt den dabei gezahlten Verzugszinsen¹⁴⁾.

13) *Βούλομαι ὀνήσασθαι ἐκ το(ῦ) δημοσίου ἀνπολόγο(ν) ἀφόρο(ν) χέρο(ν)...* Ob *ἀνπολόγο(ν)* richtig gelesen ist? Vgl. W. Chr. 375, 14: *ἐκ τοῦ δημοσίου ἀπὸ ὑπολόγου*.

14) Der Text liefert in Verbindung mit SB 5673 den Beweis für die von Plaumann, S. 65 (Rostowzew, S. 144 äussert sich vorsichtiger) gelegene Ratenzahlung beim Kauf aus dem Staatsschatz in römischer Zeit, wie sie für die Ptolemäerzeit bezeugt ist (Rostowzew, S. 22, Plaumann, S. 7 und 66; zur Zahlung in 3 Raten s. auch W. Otto, *Priester und Tempel* I, S. 250 und OGIS 225, 17), wenn man auch in Oxy. 513, 10 Rostowzews Vermutung *τεταρτ[ικῶν]* verwirft und mit Plaumann *τεταρτ[ολ(ογγ)έντος]* liest. Die *τόκοι*, die, wie in Oxy. 513, bei Geschäften mit dem Fiskus neben der *τιμῇ* vielfach erwähnt werden (Eleph. 27, vgl. Sethe-Partsch, *Dem. Bürgschaftsurk.* Nr. 13 und Anhang; Lond. II 164, S. 116; Bour. 41a III; Berl. ined. 11656. Vgl. Fay. 110) sind wohl Verzugszinsen: sie werden von der Kaufsumme erhoben, weil diese nicht sofort im ganzen Umfange, sondern in zeitlichen Abständen abgetragen wird. Vgl. Paulus, *Dig.* 22, 1, 17, 3: *usurae enim non propter lucrum potentium, sed propter moram solventium infliguntur . . . Fiscus ex suis contractibus usuras non dat, sed ipse accipit*. Wenn in Oxy. 513, 16—19 Diogenes zwei verschiedene Summen als Zinsen der Jahre 22 und 23 bezahlt, so ist das nur so zu erklären, dass er den ganzen Kaufpreis nicht sofort nach der *ἀράωσις*

Serenos hat danach an den Fiskus nur noch den Rest von 1200 Dr. zu zahlen ¹⁵⁾.

Wenn somit das Verfahren nicht auf eine bestimmte Gruppe von Objekten beschränkt bleibt, sondern in dieser Hinsicht allgemeine Geltung hat, so würde auch die weitere Vermutung naheliegen, dass es für den Kauf aus dem Fiskus schlechthin massgebend sein könnte. Zunächst wäre jedoch hier noch auf eine Einzelheit hinzuweisen, die in der Verdrängung des Käufers durch einen Mehrbietenden eine völlig legale Erscheinung erkennen lässt und jeglichen Gedanken an irgendwelche Willkür endgültig ausschliesst. Die Möglichkeit des Überbietens ist vorgesehen, denn sie erscheint insofern streng geregelt, als nicht ein jedes beliebige höhere Angebot zur Auflösung des Kaufes führt, sondern nur ein solches, das ein Vielfaches des zuerst gezahlten Kaufpreises beträgt. Die Käuferin in SB 5673 bietet genau das Doppelte des anfänglichen Preises, der Käufer in Oxy. 513 genau das Dreifache, und auch die Priester der Tebtynistexte scheinen sich inbezug auf das Mehrgebot derselben Regel zu fügen ¹⁶⁾.

erlegt, sondern in wenigstens 2 Raten abgetragen hat. In SB 5673 hat der erste Käufer zur Zeit, da er überboten wird, bloss 80 Dr. bezahlt, also genau ein Drittel der ganzen Kaufsumme von 240 Dr. Wahrscheinlich hatte er das Drittel unverzüglich nach dem Kaufabschluss zu zahlen. Man müsste annehmen, dass auch Diogenes ein Drittel, also 200, oder mit den *προσδιαγραφόμενα* 212½ Dr. sofort erlegt hat, um dann den geschuldeten Rest in 2 Raten zu 200 resp. 212½ Dr. abzutragen. Die *τόκοι* der Jahre 22 und 23 wären dann die Zinsen von diesen beiden Raten. Die erste Zinsrate (39 Dr. 3½ Ob. 3 Ch.) ist wohl deswegen grösser als die zweite (28 Dr. 2½ Ob.), weil mit der zweiten Kaufpreisrate die Zinsen der zweiten und dritten Kaufpreisrate zusammen für die Zeit bis zur Fälligkeit der zweiten abgetragen werden, während die zweite Zinsrate bloss die Zinsen der dritten Kaufpreisrate darstellt für die Zeit zwischen den Terminen der beiden letzten Raten. Die Berechnung wird dadurch erschwert, dass wir die Termine nicht kennen und auch die technischen Einzelheiten der Zinsberechnung uns unklar sind. Meine Versuche haben kein befriedigendes Resultat ergeben. Dennoch scheint die Ratenzahlung durch den Text gesichert zu sein. Vgl. auch die *συνήθεις* und *ωρισμένα προθεσμίαι* in Teb. 294 und Oxy. 370.

15) Ob Oxy. 1633 (275 n. Chr.) in diesen Zusammenhang gehört, bleibe dahingestellt. Der Text ist ein Angebot auf konfiszierte *γη ιδιωτική*, in welchem als Kaufpreis 800 gegen 660 Dr. geboten werden. Es lässt sich aber dem Text nicht entnehmen, ob der frühere Bieter bereits im Besitz des Grundstückes ist.

16) Vgl. Pl a u m a n n, S. 64/5. In Teb. 296 werden für die Prophetie folgende Summen geboten: 1500, 3000, 6000; in Teb. 295 und 294: 100, 200, 520, 640, 2200. Vielleicht hängt die Unregelmässigkeit damit zusammen, dass einige der gezahlten Summen auch den Preis für Nebenämter mitenthalten.

Diese Beschränkung des Mehrgebots nach unten zu würde auch einen weiteren Beweis dafür abgeben, dass die Veranlassung für den Wiederverkauf nicht in einer von der Regierung unter Umständen vorgenommenen Preissteigerung zu suchen sei, durch die der Käufer gezwungen wäre, entweder selbst den erhöhten Kaufpreis zu zahlen, oder vor dem Mehrbietenden zurückzutreten; denn die Fixierung des Mindestgebots durch das Doppelte und Dreifache des Kaufpreises kann doch nur den Sinn haben, das Überbieten zu erschweren und den ersten Käufer auf diese Weise vor einem neuen Reflektanten zu schützen. Sie setzt daher die Möglichkeit des spontanen Eingreifens eines Dritten voraus¹⁷⁾. Dagegen ist eine Maximalgrenze, bis zu welcher Mehrgebote gestattet wären, den Texten nicht zu entnehmen. Eben-
sowenig enthalten sie irgendwelche Andeutungen darüber, ob Termine vorgesehen sind, nach deren Ablauf das doppelte oder dreifache Angebot wirkungslos bleiben müsste¹⁸⁾. Damit könnte die Möglichkeit gegeben sein, dass das Verfahren *de iure*, wenn auch durch das Minimalgebot erschwert, an keine anderen Grenzen gebunden ist, indem der Kauf auf ein mehrfaches Angebot hin jederzeit widerrufen werden kann. Wir lassen jedoch diese Möglichkeit vorläufig unerwogen und wenden uns wieder der Frage nach dem Anwendungsbereich des Verfahrens zu.

Die Käuferin in SB 5673 gebraucht beim Hinweis auf die Rechte, die ihr der Kaufabschluss gewähren soll, dieselbe formelhafte Wendung, die uns schon aus dem Angebot des Priesters in Teb.

17) Plaumann lässt S. 64 f. die Frage unentschieden, scheint aber eher an Steigerung durch die Regierung zu denken. Oxy. 988, ein Auszug aus einer *γραφὴ ἐπολόγου . . . καὶ τῶν συγχορευμένων εἰς προῶν ὄχι ἔλασσον διπλῆς τιμῆς*, womit die *ἄπλη τιμή* im Kaufangebot W. Chr. 375 zu vergleichen ist, beweist nicht mehr als „dass in bestimmten Fällen die *γῆ ὑπόλογος* von vornherein zum doppelten Einheitspreise ausgeboten“ wurde. — Der Umstand, dass das Minimalgebot in dieser Weise fixiert erscheint, verbietet auch die sonst mögliche Annahme, dass in allen diesen Fällen der Widerrufung des Kaufes dieselbe eine *nuntiatio ad fiscum* zur Voraussetzung haben könnte. Eine solche liegt ja auch dann vor, wenn *dicatur quis . . . magni pretii rem minoris ex fisco comparasse* (Dig. 49, 14, 1).

18) Der Zeitraum zwischen zwei Käufen beträgt in SB 5673 höchstens ein Jahr, in Oxy. 513 zwei Jahre und zwei Monate, in Teb. 296 in zwei Fällen ein Jahr, in Teb. 295 und 294 in einem Fall zwei Jahre, und in einem anderen können innerhalb einer Zeit von zwanzig Jahren drei Angebote aufeinander gefolgt sein.

294 bekannt ist, bloss dass sie die ausbedungene Sicherheit des Besitzes noch stärker betont: *μ[ε]ν[ε]ῖ δέ μοι καὶ ἐγγόνοις καὶ τοῖς παρὰ μου μεταληφομένοις ἢ τούτων κρεῖα καὶ κράτησις βεβαία ἀναφαιρέτως ἐπὶ τὸν ἀσὶ χρόνον*. Die Wendung findet sich auch in den Angeboten der ersten Käufer, deren weiteres Schicksal uns nicht bekannt ist¹⁹⁾, und bildet, namentlich seit dem 3. Jahrhundert, in meist ausgeführterer Fassung einen Bestandteil vieler privaten Kaufverträge. Die Anwendung der Formel scheint einen Wiederverkauf der Sache durch den Veräusserer auszu-schliessen, und man hätte anzunehmen, dass sie in den Angeboten der überbotenen Käufer gefehlt hat, oder doch durch eine entsprechende Klausel ergänzt war. Damit würden, je nachdem ob eine mögliche Auflösung des Kaufes vorgesehen wäre oder nicht, auch zwei Typen von Angeboten gefordert sein. Eine solche Annahme würde jedoch den Sachverhalt komplizieren und ist auch nicht wahrscheinlich. Die Beschränkung der Überbietungsmöglichkeit auf das Vielfache, die doch keinen anderen Zweck hat als den, die Auflösung des Kaufes zu erschweren, würde andererseits den Unterschied, der sich aus den angenommenen zwei Kaufarten für die faktische Sicherheit des Besitzes ergeben müsste, wieder ausgleichen. Es liegt daher viel näher, die Formel ohne die sie einschränkende Klausel als einen Bestandteil aller Kaufkontrakte anzusehen, auch derjenigen, die den Käufer vor Verdrängung durch den besseren Bieter nicht bewahrt haben. Wenn der Gebrauch der Formel diese Eventualität nicht ausschliesst, so lässt sich das nur in der Weise erklären, dass die Möglichkeit der Auflösung des Vertrages im Überbietungsverfahren stillschweigend vorausgesetzt wird und aus dem Grunde unerwähnt bleibt, weil der Fiskus nie anders verkauft als unter der Bedingung, dass der Kauf rückgängig wird, sobald ein besseres Angebot einläuft. Wir kommen somit zu der aus der Übereinstimmung der Texte sich notwendig ergebenden Auffassung des Überbietungsverfahrens als eines mit dem Kauf aus dem Fiskus gleichzeitig gegebenen Veräusserungsmodus: der Kauf aus dem Fiskus ist ein Kauf im Überbietungsverfahren.

Dieses Ergebnis lässt sich erweitern und zugleich bestätigen, wenn man auch die analogen Verhältnisse der Staatspacht

19) Amh. 68 (= W. Chr. 374) und 97 CPR 104, Oxy. 1633, CPH 119 r IV. Sie fehlt in der Kopie Lond. III S. 110 (= W. Chr. 375).

ins Auge fasst. Die Verdrängung durch den Mehrbietenden ist auch hier eine gewöhnliche und in der Literatur schon vielfach hervorgehobene Erscheinung²⁰). Man würde aber nicht zu weit gehen, wenn man behaupten wollte, dass das Fiskalrecht auch für die Pacht keinen anderen Modus der Vergebung kennt als den des Überbietungsverfahrens, denn es liegt kein Grund vor, für die Fälle, in denen ein Mehrgebot zur Aufhebung des Kontraktes führt, besondere Bedingungen vorauszusetzen; dagegen handelt es sich um deutliche Ausnahmen von der Regel, wenn das Mehrgebot nicht diese Wirkung hat. So berufen sich die Priester in Teb. 302 (= W. Chr. 368), die Staatsland in Pacht haben und sich durch ein *ὑπερβόλιον* bedroht sehen, in ihrer Klage an den Präfekten nicht auf die Unzulässigkeit einer Kündigung wegen Mehrgebots, sondern einzig darauf, dass sie das Land von ihren Vorfahren geerbt haben, denen es *ἀντι συντάξεως* zur Pacht überlassen wurde. Die Depossedierung wäre hier einer Entziehung der *σύνταξις* gleichbedeutend²¹).

Auch bei der Pacht wird die Möglichkeit der Aufhebung des Vertrages im Überbietungsverfahren stillschweigend vorausgesetzt. Die Klausel, die dem Verpächter die Neuverpachtung an einen Mehrbietenden gestattet: *ἐπιθέματος δὲ γενομένου ἐξὸν ἐτέροις μεταμισθοῦν*, findet sich, was bisher kaum beachtet worden ist, nur in Pachtofferten, die an städtische Beamte oder Ratsmitglieder gerichtet sind²²). Von den Angeboten an die Gaubeamten enthält jedoch keines diese Klausel, obwohl auch in

20) Rostowzew, S. 31 ff. und 171 ff. und die dort angeführte Literatur. Mitteis zu Chr. 274 u. 275.

21) So fasse ich den Text im Gegensatz zu den Herausgebern, die an Steigerung des Pachtzinses durch den bloss konjizierten *κομογραμματεὺς* denken. Man beachte im Text die Ausdrücke *ἀναφόριον* (Eingabe, auch Angebot) *προσθεῖναι* (Giss. 48, 8, Teb. 296, 3, Ryl. 172, 30), *ὑπερβόλιον*. Vgl. Rostowzew, S. 164. — Vielleicht war ein *ἐπιθεμα* nach der *κατασπορά*, also vor der Ernte, ungesetzlich. Das könnte man land. 27 entnehmen, wo Staatspächter über einen Mann klagen, der auf einige von ihnen gepachtete Aruren geboten hat *μεθ' ἧν ἐποι[σάμεθα κατασποράν]*. Auch in Oxy. 1630 ist von der *κατασπορά* die Rede. Der Pächter, der nach der *κατασπορά* überboten wird, lässt das bloss um des lieben Friedens willen geschehen. In SB 5672 hat vielleicht eine Verabredung mit den Beklagten stattgefunden, nach der sie sich verpflichteten, den Kläger nicht zu überbieten. So würden die Worte *παρὰ τὰ ἐπιωμήματα* Z. 16 zu verstehen sein.

22) Hermupolis: CPH 119 r II, III, VII (= W. Chr. 377), vgl. CPR I 39 (= M. Chr. 275), Amh. 86. Antinoupolis: Fior. 383.

ihnen ein *ἐπιθήμα* vielfach vorgeschlagen wird²³⁾. Dieser Unterschied erklärt sich aus der besonderen rechtlichen Stellung des Fiskus im Gegensatz zu den Städten. Wenn bei der städtischen Pacht der Vertrag nur so lange gelten soll, bis ein Mehrgebot erfolgt, muss dieser Vorbehalt im Kontrakt ausdrücklich erwähnt werden, denn, wie der Vergleich zwischen Amh. 85 und 86 besonders deutlich zeigt, verpachtet die Stadt sowohl mit dem Vorbehalt als auch ohne denselben²⁴⁾. Für den Fiskus kommt dagegen keine andere Art der Verpachtung in Frage als die, bei der Neuverpachtung an den Überbietenden vorgesehen ist, und das Fehlen der Klausel ist daher natürlich²⁵⁾.

23) Oxy. 279; 500, Lond. III 1227 S. 143, Fior. 368, Ryl. 99. Amh. 92 (Ölverschleiss) hat eine ähnliche, doch nicht dieselbe Klausel.

24) In Amh. 85 (= M. Chr. 274), einem Pachtangebot auf ein Mündelgrundstück, bezieht sich die vorgesehene Möglichkeit eines *ἐπιθήμα* bloss auf die zehn Auktionstage, dagegen verpachtet in 86 derselbe Beamte im selben Jahr ebenfalls ein Mündelgrundstück mit dem Vorbehalt der jederzeit vorzunehmenden Neuverpachtung an den Mehrbietenden. Vgl. Mitteis zu Chr. 275.

25) R. Taubenschlag, Gesch. der Rezeption des römischen Privatrechts in Ägypten, S. 417 (Scritti in onore di Bonfante, S. 369 ff.) sieht den Einfluss des römischen Rechts in der Zeit nach der *Constitutio Antoniniana* auch darin, dass die *ἐπιθήμα*-Klausel im 3. Jhd. verschwinde. Die ablehnende Stellung des Reichsrechts sei aus Cod. Inst. 4, 65, 21 zu erkennen: *Si olei certa ponderatione fructus anni locasti, de contractu bonae fidei habito propter hoc solum, quod alter maiorem obtulit ponderationem, recedi non oportet*. Die Stelle besagt bloss soviel, dass im Fall eines Mehrgebots vom Kontrakt nicht abgewichen werden darf, schliesst aber die Möglichkeit eines Kontraktes mit der *ἐπιθήμα*-Klausel nicht aus, und ein Gegensatz zu dem in Ägypten geltenden Standpunkt ist daher nicht zu erkennen. Das Privilegium des Fiskus vor Privaten und Gemeinden besteht ja bloss in dem Recht, auch ohne ausdrücklichen Vorbehalt ein höheres Angebot noch nach Geschäftsabschluss zu berücksichtigen und nicht in der Anwendung des Überbietungsverfahrens an sich. Von einem Verschwinden der *ἐπιθήμα*-Klausel aus privaten Kontrakten lässt sich nicht gut reden, da von privaten Verträgen m. W. nur Ryl. 172 die Klausel enthält und zwar in negativer Form vom Verpächter angewandt: *ἐπὶ δὲ μή τις προσθήῃ, μὲνεῖς ἐπὶ τῇ . . . μισθώσει*. Doch handelt es sich hier um unbefristete Pacht, und der Fall würde daher zu denen gehören, die in Dig. 19, 2, 4 gemeint sind: *quoad is qui . . . locasset . . . vellet*. Vgl. Girard, Gesch. u. Syst. des röm. Rechts, S. 623. Dass aber auch die befristete Privatpacht das *ἐπιθήμα*-Gebot kennt, ersieht man aus Lond. III 1223, S. 139 (= W. Chr. 370). Das Schwinden der Klausel aus städtischen Pachtkontrakten könnte darauf deuten, dass entweder das Privilegium des Fiskus auch auf die Städte ausgedehnt wurde, oder aber dass diese Art der Verpachtung ausser Übung kam, weil so leicht kein Pächter auf diese Bedingungen einging. Auf Grund des vorhandenen Materials sind wir jedoch zu derartigen Schlüssen nicht berechtigt.

Diese Übereinstimmung in der Behandlung des verkauften und verpachteten Staatsgutes lässt in dem Überbietungsverfahren einen Veräusserungsmodus erkennen, der unabhängig ist von dem jeweilig zu begründenden rechtlichen Verhältnis und den Inhalt des Vertrages nur insoweit betrifft, als er dessen Geltungsdauer in der Schwebe erhält. Auf diese Weise sichert sich der Fiskus den höchsten Preis, der sich für die Sache oder deren Nutzung erzielen lässt, und das Fehlen einer entsprechenden Nebenverabredung im Vertrage ist bloss der Ausdruck für das in der rechtlichen Stellung des Fiskus beschlossene Privilegium, jederzeit und unter allen Umständen so zu verfahren.

Wollte man schon im ptolemäischen Fiskalrecht nach Analogien für die Erscheinung suchen, so würde man solche kaum finden. Man könnte freilich an die Fälle des *ὑπερβόλιον*-Gebotes denken, wie sie ja auch für die ptolemäische Staatspacht belegt sind²⁶⁾. Es handelt sich jedoch dabei um die prekäre Pacht auf dem Königslande, das offenbar von vornherein auf keine bestimmte Zeit vergeben wird²⁷⁾, also um Verträge, zu denen die Möglichkeit der Auflösung im Überbietungsverfahren in keinem Gegensatz steht. Dieser Gegensatz tritt aber, wenn wir von den wenigen Fällen absehen, die sich vielleicht auf ähnliche prekäre Verhältnisse beziehen, überall deutlich hervor, wenn in den Texten römischer Zeit ein *ἐπίθεμα* geboten oder sonst erwähnt wird²⁸⁾.

26) *Teb.* 61 b, 351 ff. = 72, 341 ff. Vgl. *Hal.* 14, *BGU VI* 1217, 9. *Rostowzew*, S. 32.

27) *Rostowzew*, S. 50 ff. u. 61 ff.

28) Unklare Fälle liegen höchstens in *Oxy.* 279 u. 500 vor. Nach *Rostowzew*, S. 173, ist in der römischen Zeit das *ἐπίθεμα* für die befristete Pacht auf dem minderwertigen Staatslande charakteristisch, während die *ἐκφόρια* des auf unbestimmte Zeit tarifmässig vergebenen vollwertigen Landes bis zur nächsten *διαμίσθωσις* auf derselben Höhe verbleiben. (Wohl zustimmend *Wilcken* zu *Chr.* 348, vgl. dagegen *Grdz.*, S. 290, wo auch für die Pacht der *ἐνάρετος γῆ* die Möglichkeit des Überbietens noch während der Pachtzeit angenommen wird.) Die Zulässigkeit des *ἐπίθεμα* lässt sich jedoch bloss aus dem unbefristeten Pachtverhältnis erklären und steht mit dem befristeten Verhältnis in keinem inneren Zusammenhang, widerspricht ihm vielmehr, was ja auch von *Rostowzew*, S. 172, anerkannt wird. Dass feste Tarife für das *ὑπερβάλλειν* kein Hindernis abgeben, lehrt der besprochene *P. SB* 5673. Für das Mehrgebot auf vollwertiges, zu unbefristeter Nutzung vergebenes Staatsland besitzen wir freilich keine sicheren Belege, doch lässt sich auch sonst über die Art der Vergebung dieses Landes und das hier bestehende rechtliche Verhältnis nur schwer etwas aussagen. Es scheint kein Zufall zu sein, dass unter der grossen Anzahl von Texten, die die

Auch das ptolemäische Auktionsverfahren, wie es sich vornehmlich aus Par. 62 (= UPZ 112) und Eleph. 14 (= W. Chr. 340) rekonstruieren lässt, bietet eine nur schwache Analogie. Nach Wilckens Interpretation von Par. 62²⁹⁾ wird bei der Steuerverpachtung das am Auktionstage erzielte höchste Angebot zehn Tage zwecks Überbietung ausgehängt, und nachdem der Zuschlag dem Meistbietenden erteilt worden ist, sind dann noch weitere Mehrgebote möglich, doch muss das Mehrgebot im Vergleich mit der Zuschlagsumme ein Plus von wenigstens einem Zehntel enthalten, wobei nach Par. 62 nur noch im *πρατήριον* geboten werden darf und nach der Auktionsordnung für Erbpachten in Eleph. 14 nur noch bis zur Zahlung der ersten Rate. Das Verfahren hat mit dem unserer Texte das gemein, dass ein Mehrgebot auch noch nach dem Zuschlag möglich ist, doch könnte man angesichts der Tatsache, dass dabei nur noch im Auktionslokal oder vor der Preiszahlung geboten werden darf³⁰⁾, Zweifel hegen, ob hier der Zuschlag rechtlich schon Abschluss des Geschäfts bedeutet, um so mehr als eine *ἐπανάπρασις*, wie auch sonst in hellenistischen Pacht- und Werkverträgen, nur für den Fall vorgesehen wird, dass gewisse Bedingungen des Vertrages unerfüllt bleiben.

Dagegen ist uns aus den römischen Rechtsquellen in der *in diem addictio* eine Gestaltung des Kaufes bekannt, die sich mit dem ägyptischen Fiskalkauf gut vergleichen lässt und in ihrer Anwendung auf staatliche Veräußerungen zweifellos das Vorbild auch für die ägyptische Praxis abgegeben hat. Auch

staatliche Bodenpacht zum Gegenstand haben, sich kein Pachtangebot findet, das sich auf die normale, *ἐνάρετος γῆ* beziehen liesse (vgl. dagegen Wilcken, Grdz., S. 290 u. Rostowzew, S. 165). Wie aus Sitologenp. I v Kol. III u. IV zu ersehen ist, bilden die gewöhnlichen Verpachtungsmodalitäten — Ausgebot, Angebot, *προκήρυξις*, Zuschlag — eine Ausnahme, denn die *ἐν προκηρύξεως* (sic!) *κατὰ ἀναφόρι(ον) μίσθουμ(ε)ν(αι)* Aruren werden hier besonders vermerkt. (Vgl. BGU 656 = W. Chr. 342, wo jedoch Z. 7 statt *προσχ(. . .) προσ(ό)δον*) >< zu lesen ist.) Man hat ferner zu beachten, dass der Ausdruck *μίσθωσις* im allgemeinen vermieden wird und dass auch Tib. Jul. Alexander OGIS 669, 10 ff. bloss von der *οὐσιακῆ μίσθωσις* spricht, ohne auf die *γῆ βασιλική* einzugehen, offenbar weil die normale Vergebung von *γῆ βασιλική* etwas anderes als eine gewöhnliche *μίσθωσις* ist: nur mit der *μίσθωσις* ist der Zwang unvereinbar.

29) UPZ I, S. 514—5.

30) Auch das Mehrgebot in Eleph. 19 lässt sich hier einordnen. Vgl. Wilcken, Arch. V, S. 215.

die *in diem addictio*³¹⁾ ist eine eigentümlich gestaltete Auktion, ein Kauf, dessen Gültigkeit an die Bedingung geknüpft wird, dass ein dem Verkäufer günstigeres Angebot ausbleibt. Die Definition gibt Paulus, Dig. 18, 2, 5: *In diem addictio ita fit: ille fundus centum esto tibi emptus, nisi [si]³²⁾ quis intra kalendas Januariarum proximas meliorem condicionem fecerit, [quo res a domino abeat]³²⁾. Bei der resolutiven Form des Kaufes, die hier allein in Betracht kommt, genießt der Käufer nach Abschluss des Vertrages in vollem Masse alle darin vorgesehenen Rechte, jedoch nur so lange, bis sich innerhalb einer festgesetzten Zeit ein neuer Käufer meldet, der eine *melior condicio* bietet. Wenn dieser Fall eintritt und der erste Käufer nicht selber auf die neuen Bedingungen eingeht, ist er genötigt, die Sache dem Mehrbietenden abzutreten. Dabei erhält er den Kaufpreis und sonstige Auslagen zurückgezahlt und muss seinerseits die inzwischen aus der Sache gewonnenen Früchte dem Verkäufer überlassen.*

Es ist, wie man sieht, im wesentlichen dasselbe Verfahren, wie wir es aus den Papyrustexten kennen lernen. Doch wäre es bedenklich, diese dem Privatverkehr entnommene Analogie im einzelnen für die Erklärung verwaltungsrechtlicher Verhältnisse zu verwerten. Wenn man aber auch annehmen darf, dass die *in diem addictio* erst aus der Verwaltungspraxis in den Privatverkehr gedrungen ist, worauf ja auch der Ausdruck *ad-dictio* (Zuschlag, *ζώωσις*) hinzuweisen scheint³³⁾, ist man für die staatliche *in diem addictio* ausserhalb Ägyptens nur auf spärliche Nachrichten angewiesen. Für den ägyptischen Fiskalkauf lässt sich ihnen vielleicht dennoch einiges entnehmen.

Das Reskript der Kaiser Severus und Caracalla Cod. Iust. 11, 32, 1 begegnet der Befürchtung, der im Kauf von einer Gemeinde erworbene Besitz könne im Überbietungsverfahren wieder entzogen werden, mit folgenden Worten: *Si sine ulla conditione praedia vendente re publica comparasti, perfecta venditione nulla ratione vereris, ne adiectione facta auferri tibi dominium possit.*

31) Ihr ist der tit. 2 des 18. Buches der Digesten gewidmet. Die ausführlichste Darstellung geben Glück's Pandektenkommentar Bd. 16, S. 239 ff. und Bechmann, Der Kauf nach gemeinem Recht II, S. 502 ff. Vgl. jedoch C. Longo, Sulla in diem addictio e sulla lex commissoria nella vendita in Bull. Ist. Dir. Rom. a. XXXI (1921), S. 40 ff.

32) Interpoliert (Beseler).

33) Bechmann I, S. 43, II, S. 519, Mitteis, Röm. Privatr., S. 178.

*Tempora enim adiectionibus praestituta ad causas fisci pertinent*³⁴⁾. Die Stelle ist in zwiefacher Hinsicht von Bedeutung. Sie bestätigt das aus den Papyrustexten gewonnene Ergebnis, dass das Überbietungsverfahren für den Fiskus selbstverständlich ist, während die Gemeinden bloss dann in dieser Weise veräussern dürfen, wenn der Vorbehalt (*condicio*) einer eventuellen Auflösung des Vertrages ausdrücklich hervorgehoben wird. Zugleich erhalten wir den Hinweis auf feste und, wie man der Ausdrucksweise entnehmen darf, mit dem Verfahren von vornherein gegebene Termine, nach deren Ablauf eine Rückgängigmachung des Kaufes nicht mehr möglich ist.

Ferner beruft sich die einer späteren Zeit angehörende Verordnung über die Unentziehbarkeit der in Privatbesitz befindlichen *fundi rei publicae* Cod. Iust. 11, 71, 2 auf ein „altes Gesetz“, das beim Verkauf von Staatsländereien nur eine einmalige Zulässigkeit des Mehrgebots nach vollzogenem Kauf vorsieht: *Fundi rei publicae ab his qui nec titulo conductionis eos detinent quique meliores cultu patrocinate reddiderunt ne . . . auferantur, iuxta legem veterem semel tantum licentia faciendae adiectionis indulta*³⁵⁾.

Mit diesen Bestimmungen über das Mehrgebot liessen sich die Papyrustexte nur dann in Einklang bringen, wenn man an sehr weit angesetzte Fristen denken könnte, wobei die Möglichkeit eines mehrfachen Verkaufs bis zum Ablauf der Frist nicht ausgeschlossen wäre. Dem Wortlaut nach wäre das zulässig, da über die Dauer der *tempora* nichts verlautet und die *semel indulta licentia adiectionis* als bloss einmalige Terminansetzung für Mehrgebote, gleichgültig wieviele, verstanden werden könnte. Die Frage, ob man sich für ein einmaliges Mehrgebot oder eine einmalige Zulässigkeit von Mehrgeboten zu entscheiden hat, muss offen bleiben. Dagegen hat es nicht den Anschein, als wären mit den *tempora praestituta* Termine gemeint, die denen gleichkämen, die man für die Fiskalkäufe der Papyri vorauszusetzen hätte. Weite Termine würden nicht unbedeutende rechtliche Konsequenzen haben, und das Schweigen der Quellen wäre kaum verständlich. Es scheint sogar, dass die *tempora*, innerhalb welcher Mehrgebote möglich sind, als ein nicht wesentliches Moment

34) Vgl. Dig. 50, 1, 21, 7 u. Cod. Iust. 10, 3, 4.

35) Vgl. Mitteis, Zur Gesch. der Erbpacht im Altertum in Abh. d. Sächs. Ges. d. Wiss. XX, 4, S. 46.

des Auktionsverfahrens behandelt würden. Etwas Sicheres lässt sich hier freilich nicht sagen.

Angesichts der weiten Zeitintervalle zwischen Kaufabschluss und Mehrgebot in den Papyri — das weiteste beträgt, von unsicheren Fällen abgesehen, zwei Jahre und zwei Monate — wäre die Fragestellung nicht unmöglich, ob vielleicht bei den ägyptischen Käufen überhaupt keine Fristen vorgesehen wären. *De facto* müsste das Überbieten, wenn der höchstmögliche Preis erzielt und ein weiteres Mehrgebot daher sinnlos wäre, dennoch einmal ein Ende finden. In den meisten Fällen würde schon der erste Kauf faktische Sicherheit des Besitzes geben, um so mehr als erst das doppelte oder dreifache Angebot den Vertrag zur Auflösung bringen könnte, und vielleicht dürfte gerade in dieser Regelung ein Gegengewicht gegen die unbefristete Zulässigkeit des Mehrgebots gesehen werden. *De iure* bliebe der Besitz prekär, denn er verdankte seine Entstehung einem Auktionsverfahren ohne Abschluss. Der Satz von der Unentziehbarkeit des durch öffentlichen Zuschlag erworbenen Besitzes, wie er in Ägypten wahrscheinlich nicht nur für die ptolemäische Zeit gegolten hat³⁶⁾, liesse sich auf diesen Besitz nicht anwenden, da der Zuschlag immer bloss einen Akt innerhalb des unbeendeten Verfahrens bilden würde. Andererseits aber hätte man in dieser unbefristeten *in diem addictio* schon nicht mehr eine Kaufmodalität zu sehen, sondern nur noch den Ausdruck für die rechtliche Minderwertigkeit der durch den Kauf aus dem Fiskus begründeten Besitzart.

Noch eine andere Schwierigkeit wäre hier zu betonen. Es ist nicht denkbar, dass der Besitzer das Recht hätte, die Sache mit einem Gewinn für sich zu verkaufen, solange die Geltungsdauer des Vertrages in der Schwebe bleibt. Denn da der Käufer, der den mehrfachen Kaufpreis bietet, auch für die Vergütung des letzten Inhabers der inzwischen veräusserten Sache aufzukommen hätte, würden für den Fiskus die Aussichten auf einen besseren Käufer noch geringer werden. Sollte daher der Kauf aus dem Staatsschatz nur unveräusserlichen Besitz übertragen?

Freilich scheint die Unveräusserlichkeit der Prophetenstellen für die Ptolemäerzeit durch Teb. 5 bezeugt zu sein³⁷⁾, doch handelt

36) Mitteis zu Lips. 4 (S. 18) und Röm. Privatr., S. 17—8, Partsch, GGA 1910, S. 739 f., Naber, Mnemos. LVI, S. 127.

37) Z. 81: τὰντας δὲ [μὴ] ἐξ[ε]ί[ναι] [τοῖς] ἱερεῦσι παραχωρεῖν τοῖς ἄλλοις. Vgl. die Herausgeber z. St.

es sich dabei um ein staatliches Monopol, das in keiner Beziehung zu der hier untersuchten Erscheinung steht, und da es sicher auch für die römische Zeit voranzusetzen ist, hätten die Prophetenstellen von vornherein auszuschneiden. Soweit andere Besitzobjekte in Frage kommen, liegt für die Veräußerlichkeit in CPR 1 (= Stud. Pal. XX, 1 = M. Chr. 220), einem privaten Kaufvertrage, ein, wenn auch nicht unzweideutiger, Beleg vor. Das Katökengrundstück, auf welches sich der Vertrag bezieht, wurde wegen Verschuldung des Besitzers, eines *οδοία*-Pächters, konfisziert und in einer Auktion der Verkäuferin zugeschlagen. Das geschah im 3. Jahre Domitians, und da der Veranstalter der Auktion dabei als Prokurator desselben Kaisers auftrat, würde sich daraus für die Zeit zwischen der staatlichen und der privaten Veräußerung ein Maximum von keinen vollen drei Jahren errechnen lassen. Vergleicht man nun damit Oxy. 513, wo das ebenfalls konfiszierte und im Auktionsverfahren verkaufte Haus nach zwei Jahren und zwei Monaten auf privatem Wege offenbar noch nicht veräußert werden darf, da es die *διοίκησις* nach Ablauf dieser Zeit für den dreifachen Preis weiterverkauft, so könnte man, vorausgesetzt dass Häuser und Grundstücke in gleicher Weise behandelt werden, als Frist für das Mehrgebot rund zweiundeinhalb Jahre annehmen. Andererseits liesse sich aber auch die Möglichkeit erwägen, ob nicht bei Veräußerungen der Privatbesitz des Kaisers im Gegensatz zu dem von der *διοίκησις* verwalteten Staatseigentum, für welches der Kauf im Überbietungsverfahren unbedingte Geltung hat, in jener Zeit noch denselben Bestimmungen unterworfen wäre, wie sie für den übrigen Grundbesitz massgebend sind³⁸⁾, so dass für CPR 1 die *in diem addictio* gar nicht in Frage zu kommen brauchte.

Über blosse Vermutungen lässt sich hier wie auch in der Frage nach den Terminen des ägyptischen Fiskalkaufs nicht hinauskommen. Wir müssen uns damit begnügen, die Richtung festgestellt zu haben, in der man die Erklärung für die scheinbar widerrechtliche Praxis des Mehrgebots zu suchen hat.

38) Doch schon Ulpian, Dig. 49, 14, 6, 1: *Quodcumque privilegii fisco competit, hoc idem et Caesaris ratio et Augustae habere solet.* Vgl. Cod. Iust. 7, 37, 3.

Eelmiste köidete sisu. — Contenu des volumes précédents.

A I (1921). 1. A. Paldrock. Ein Beitrag zur Statistik der Geschlechtskrankheiten in Dorpat während der Jahre 1909—1918. — 2. K. Väisälä. Verallgemeinerung des Begriffes der Dirichletschen Reihen. — 3. C. Schlossmann. Hapete mõju kolloidide peale ja selle tähtsus patoloogias. (L'action des acides sur les colloïdes et son rôle dans la pathologie.) — 4. K. Regel. Statistische und physiognomische Studien an Wiesen. Ein Beitrag zur Methodik der Wiesenuntersuchung. — 5. H. Reichenbach. Notes sur les microorganismes trouvés dans les pêches planctoniques des environs de Covda (gouv. d'Archangel) en été 1917. — **Misc.** F. Bucholtz. Der gegenwärtige Zustand des Botanischen Gartens zu Dorpat und Richtlinien für die Zukunft.

A II (1921). 1. H. Bekker. The Kuckers stage of the ordovician rocks of NE Estonia. — 2. C. Schlossmann. Über die Darmspirochäten beim Menschen. — 3. J. Letzmann. Die Höhe der Schneedecke im Ostbaltischen Gebiet. — 4. H. Kaho. Neutraalsoolade mõjust ultramaksimum-temperatuuri peale *Tradescantia zebrina* juures. (Über den Einfluss der Neutralsalze auf die Temperatur des Ultramaximums bei *Tradescantia zebrina*.)

A III (1922). 1. J. Narbutt. Von den Kurven für die freie und die innere Energie bei Schmelz- und Umwandlungsvorgängen. — 2. A. Томсонъ (A. Thomson). Значение аммонийныхъ солей для питания высшихъ культурныхъ растений. (Der Wert der Ammonsalze für die Ernährung der höheren Kulturpflanzen.) — 3. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. I. Hälfte (S. I—VII und 1—96). — 4. A. Lüüs. Ein Beitrag zum Studium der Wirkung künstlicher Wildunger Helenenquellensalze auf die Diurese nierenkranker Kinder. — 5. E. Öpik. A statistical method of counting shooting stars and its application to the Perseid shower of 1920. — 6. P. N. Kogerman. The chemical composition of the Esthonian M.-Ordovician oil-bearing mineral „Kuckersite“. — 7. M. Wittlich und S. Weshnjakow. Beitrag zur Kenntnis des estländischen Ölschiefers, genannt Kuckersit. — **Misc.** J. Letzmann. Die Trombe von Odenpäh am 10. Mai 1920.

A IV (1922). 1. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. II. Hälfte (S. 97—188). — 2. A. Valdes. Glükogeeni hulka vähendavate tegurite mõju üle südame spetsiifilise lihassüsteemi glükogeeni peale. (Über den Einfluss der die Glykogenmenge vermindernenden Faktoren auf das Glykogen des spezifischen Muskelsystems des Herzens.) — 3. E. Öpik. Notes on stellar statistics and stellar evolution. — 4. H. Kaho. Raskemetallsoolade kihvtisusest taimeplasma kohta. (Über die Schwermetallgiftwirkung in bezug auf das Pflanzenplasma.) — 5. J. Piiper und M. Härms. Der Kiefernkreuzschnabel der Insel Ösel *Loxia pityopsittacus estiae* subsp. nov. — 6. L. Poska-Teiss. Zur Frage über die vielkernigen Zellen des einschichtigen Plattenepithels.

A V (1924). 1. E. Öpik. Photographic observations of the brightness of Neptune. Method and preliminary results. — 2. A. L ü ü s. Ergebnisse der Krüppelkinder-Statistik in Eesti. — 3. C. Schloßmann. Culture in vitro des protozoaires de l'intestin humain. — 4. H. K a h o. Über die physiologische Wirkung der Neutralsalze auf das Pflanzenplasma. — 5. Y. K a u k o. Beiträge zur Kenntnis der Torfzersetzung und Vertorfung. — 6. A. T a m m e k a n n. Eesti diktiioneema-kihi uurimine tema tekkimise, vana-duse ja levimise kohta. (Untersuchung des Dictyonema-Schiefers in Estland nach Entstehung, Alter und Verbreitung.) — 7. Y. K a u k o. Zur Bestimmung des Vertorfungsgrades. — 8. N. W e i d e r p a s s. Eesti piparmündi-õli (*Oleum menthae esthicum*). (Das estnische Pfefferminzöl.)

A VI (1924). 1. H. Bekker. Mõned uued andmed Kukruse lademe stratigraafia ja faunast. (Stratigraphical and paleontological supplements on the Kukruse stage of the ordovician rocks of Eesti (Estonia).) — 2. J. Wilip. Experimentelle Studien über die Bestimmung von Isothermen und kritischen Konstanten. — 3. J. Letzmann. Das Bewegungsfeld im Fuss einer fortschreitenden Wind- oder Wasserhose. — 4. H. Scupin. Die Grundlagen paläogeographischer Karten. — 5. E. Öpik. Photometric measures on the moon and the earth-shine. — 6. Y. Kauko. Über die Vertorfungswärme. — 7. Y. Kauko. Eigentümlichkeiten der H_2O - und CO_2 -Gehalte bei der unvollständigen Verbrennung. — 8. M. Tilzen und Y. Kauko. Die wirtschaftlichen Möglichkeiten der Anwendung von Spiritus als Brennstoff. — 9. M. Wittlich. Beitrag zur Untersuchung des Öles aus estländischem Ölschiefer. — 10. J. Wilip. Emergenzwinkel, Unstetigkeitsflächen, Laufzeit. — 11. H. Scupin. Zur Petroleumfrage in den baltischen Ländern. — 12. H. Richter. Zwei Grundgesetze (Funktion- und Strukturprinzip) der lebendigen Masse.

A VII (1925). 1. J. Vilms. Kõhreglükogeeni püsivusest mõne-suguste glükogeeni vändavate tegurite puhul. (Über die Stabilität des Knorpelglykogens unter verschiedenen das Glykogen zum Verschwinden bringenden Umständen.) — 2. E. Blessig. Ophthalmologische Bibliographie Russlands 1870—1920. Nachtrag. — 3. O. Kuriks. Trachoma Eestis (eriti Tartus) möödunud ajal ja praegu. (Das Trachom in Estland (insbesondere in Dorpat) einst und jetzt.) — 4. A. Brandt. Sexualität. Eine biologische Studie. — 5. M. Haltenberger. Gehört das Baltikum zu Ost-, Nord- oder zu Mitteleuropa? — 6. M. Haltenberger. Recent geographical work in Estonia.

A VIII (1925). 1. H. Jaakson. Sur certains types de systèmes d'équations linéaires à une infinité d'inconnues. Sur l'interpolation. — 2. K. Frisch. Die Temperaturabweichungen in Tartu (Dorpat) und ihre Bedeutung für die Witterungsprognose. — 3. O. Kuriks. Muutused leeprahaigete silmas Eesti leprosooriumide haigete läbivaatamise põhjal. (Die Lepra des Auges.) — 4. A. Paldrock. Die Senkungsreaktion und ihr praktischer Wert. — 5. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse- (C_2 -) Stufe in Eesti. I. — 6. M. Wittlich. Einiges über den Schwefel im estländischen Ölschiefer (Kukersit)

und dessen Verschmelzungsprodukten. — 7. H. Kaho. Orientierende Versuche über die stimulierende Wirkung einiger Salze auf das Wachstum der Getreidepflanzen. I.

A IX (1926). 1. E. Krahn. Über Minimaleigenschaften der Kugel in drei und mehr Dimensionen. — 2. A. Mieler. Ein Beitrag zur Frage des Vorrückens des Peipus an der Embachmündung und auf der Peipusinsel Pirisaar in dem Zeitraum von 1682 bis 1900. — 3. M. Haltenberger. Der wirtschaftsgeographische Charakter der Städte der Republik Eesti. — 4. J. Rumma. Die Heimattforschung in Eesti. — 5. M. Haltenberger. Der Stand des Aufnahme- und Kartenwesens in Eesti. — 6. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. I. — 7. A. Tammekann. Die Oberflächengestaltung des nordostestländischen Küstentafellandes. — 8. K. Frisch. Ein Versuch das Embachhochwasser im Frühling für Tartu (Dorpat) vorherzubestimmen.

A X (1926). 1. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. II—III. — 2. H. Scupin. Alter und Herkunft der ostbaltischen Solquellen und ihre Bedeutung für die Frage nach dem Vorkommen von Steinsalz im baltischen Obersilur. — 3. Th. Lippmaa. Floristische Notizen aus dem Nord-Altai nebst Beschreibung einer neuen *Cardamine*-Art aus der Sektion *Dentaria*. — 4. Th. Lippmaa. Pigmenttypen bei Pteridophyta und Anthophyta. I. Allgemeiner Teil. — 5. E. Pipenberg. Eine städtemorphographische Skizze der estländischen Hafenstadt Pärnu (Pernau). — 6. E. Spöhr. Über das Vorkommen von *Sium erectum* Huds. und *Lemna gibba* L. in Estland und über deren nordöstliche Verbreitungsgrenzen in Europa. — 7. J. Wilip. On new precision-seismographs.

A XI (1927). 1. Th. Lippmaa. Pigmenttypen bei Pteridophyta und Anthophyta. II. Spezieller Teil. — 2. M. Haltenberger. Landeskunde von Eesti. IV—V. — 3. H. Scupin. Epirogenese und Orogenese im Ostbaltikum. — 4. K. Schlossmann. Mikroorganismide kui bioloogiliste reaktiivide tähtsusest keemias. (Le rôle des ferments microbiens dans la chimie.) — 5. J. Sarv. Ahmese geomeetriselised joonised. (Die geometrischen Figuren des Ahmes.) — 6. K. Jaanson-Orvika. Beiträge zur Kenntnis der Aseri- und der Tallinna-Stufe in Eesti. I.

A XII (1927). 1. E. Reinwaldt. Beiträge zur Muriden-Fauna Estlands mit Berücksichtigung der Nachbargebiete. — 2. A. Öpik. Die Inseln Odensholm und Rogö. Ein Beitrag zur Geologie von NW-Estland. — 3. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse-(C₂-)Stufe in Eesti. II. — 4. Th. Lippmaa. Beobachtungen über durch Pilzinfektion verursachte Anthocyaninbildung. — 5. A. Laur. Die Titration des Ammoniumhydrosulfides mit Ferricyankalium. — 6. N. King. Über die rhythmischen Niederschläge von PbJ₂, Ag₂CrO₄ und AgCl im kapillaren Raume. — 7. P. N. Kogerman and J. Kranig. Physical constants of some alkyl carbonates. — 8. E. Spöhr. Über brunsterzeugende Stoffe im Pflanzenreich. Vorläufige Mitteilung.

A XIII (1928). 1. J. Sarv. Zum Beweis des Vierfarbensatzes. — 2. H. Scupin. Die stratigraphische Stellung der Devonschichten im Südosten Estlands. — 3. H. Perlit. On the parallelism between

the rate of change in electric resistance at fusion and the degree of closeness of packing of mealltie atoms in crystals. — 4. K. Frisch. Zur Frage der Luftdruckperioden. — 5. J. Port. Untersuchungen über die Plasmakoagulation von *Paramaecium caudatum*. — 6. J. Sarw. Direkte Herleitung der Lichtgeschwindigkeitsformeln. — 7. K. Frisch. Zur Frage des Temperaturanstiegens im Winter. — 8. E. Spöhr. Über die Verbreitung einiger bemerkenswerter und schutzbedürftiger Pflanzen im Ostbaltischen Gebiet. — 9. N. Rägo. Beiträge zur Kenntnis des estländischen Dictyonemaschiefers. — 10. C. Schlossmann. Études sur le rôle de la barrière hémato-encéphalique dans la genèse et le traitement des maladies infectieuses. — 11. A. Öpik. Beiträge zur Kenntnis der Kukruse- (C_2-C_3) Stufe in Eesti. III.

A XIV (1929). 1. J. Rives. Über die histopathologischen Veränderungen im Zentralnervensystem bei experimenteller Nebenniereninsuffizienz. — 2. W. Wadi. Kopsutuberkuloosi areng ja kliinilised vormid. (Der Entwicklungsgang und die klinischen Formen der Lungentuberkulose.) — 3. E. Markus. Die Grenzverschiebung des Waldes und des Moores in Alatskivi. — 4. K. Frisch. Zur Frage über die Beziehung zwischen der Getreideernte und einigen meteorologischen Faktoren in Eesti.

A XV (1929). 1. A. Nõmmik. The influence of ground limestone on acid soils and on the availability of nitrogen from several mineral nitrogenous fertilizers. — 2. A. Öpik. Studien über das estnische Unterkambrium (Estonium). I—IV. — 3. J. Nuut. Über die Anzahl der Lösungen der Vierfarbenaufgabe. — 4. J. Nuut. Über die Vierfarbenformel. — 5. J. Nuut. Topologische Grundlagen des Zahlbegriffs. — 6. Th. Lippmaa. Pflanzenökologische Untersuchungen aus Norwegisch- und Finnisch-Lappland unter besonderer Berücksichtigung der Lichtfrage.

A XVI (1930). 1. A. Paris. Über die Hydratation der Terpene des Terpentins zu Terpinhydrat durch Einwirkung von Mineralsäuren. — 2. A. Laur. Die Anwendung der Umschlags Elektroden bei der potentiometrischen Massanalyse. Die potentiometrische Bestimmung des Kaliums. — 3. A. Paris. Zur Theorie der Strömungsdoppelbrechung. — 4. O. Kuriks. Pisarate toimest silma mikrofloorasse. (Über die Wirkung der Tränen auf die Mikroflora des Auges.) — 5. K. Orviku. Keskevoni põhikihid Eestis. (Die untersten Schichten des Mitteldevons in Eesti.) — 6. J. Kopwille. Über die thermale Zersetzung von estländischem Ölschiefer Kukersit.

A XVII (1930). 1. A. Öpik. Brachiopoda Protremata der estländischen ordovizischen Kukruse-Stufe. — 2. P. W. Thomson. Die regionale Entwicklungsgeschichte der Wälder Estlands.

A XVIII (1930). 1. G. Vilberg. Erneuerung der Loovegetation durch Keimlinge in Ost-Harrien (Estland). — 2. A. Parts. Über die Neutralsalzwirkung auf die Geschwindigkeit der Ionenreaktionen. — 3. Ch. R. Schlossmann. On two strains of yeast-like organisms cultured from diseased human throats. — 4. H. Richter. Die Relation zwischen Form und Funktion und das teleologische Prinzip in den Naturphänomenen. — 5. H. Arro. Die Metalloxyde als photo-

chemische Sensibilatoren beim Bleichen von Methylenblaulösung. — 6. A. Luha. Über Ergebnisse stratigraphischer Untersuchungen im Gebiete der Saaremaa-(Ösel-)Schichten in Eesti (Unterösel und Eurypterusschichten). — 7. K. Frisch. Zur Frage der Zyklonenvertiefung. — 8. E. Markus. Naturkomplexe von Alatskivi.

B I (1921). 1. M. Vasmer. Studien zur albanesischen Wortforschung. I. — 2. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 1. — 3. M. Vasmer. Osteuropäische Ortsnamen. — 4. W. Anderson. Der Schwank von Kaiser und Abt bei den Minsker Juden. — 5. J. Bergman. Quaestiunculæ Horatianæ.

B II (1922). 1. J. Bergman. Aurelius Prudentius Clemens, der grösste christliche Dichter des Altertums. I. — 2. L. Kettunen. Lõunavepsa häälik-ajalugu. I. Konsonandid. (Südwepsische Lautgeschichte. I. Konsonantismus.) — 3. W. Wiget. Altgermanische Lautuntersuchungen.

B III (1922). 1. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 2. — 2. M. A. Курчинский (M. A. Kurtshinsky). Социальный законъ, случай и свобода. (Das soziale Gesetz, Zufall und Freiheit.) — 3. A. R. Cederberg. Die Erstlinge der estländischen Zeitungsliteratur. — 4. L. Kettunen. Lõunavepsa häälik-ajalugu. II. Vokaalid. (Südwepsische Lautgeschichte. II. Vokalismus.) — 5. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. [I.] — 6. A. M. Tallgren. Zur Archäologie Estis. I.

B IV (1923). 1. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. II. — 2. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 3. — 3. W. Anderson. Nordasiatische Flutsagen. — 4. A. M. Tallgren. L'ethnographie préhistorique de la Russie du nord et des États Baltiques du nord. — 5. R. Gutmann. Eine unklare Stelle in der Oxforder Handschrift des Rolandsliedes.

B V (1924). 1. H. Mutschmann. Milton's eyesight and the chronology of his works. — 2. A. Pridik. Mut-em-wija, die Mutter Amenhotep's (Amenophis') III. — 3. A. Pridik. Der Mitregent des Königs Ptolemaios II Philadelphos. — 4. G. Suess. De Graecorum fabulis satyricis. — 5. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. I. Teil (S. 1—160). — 6. H. Mutschmann. Studies concerning the origin of „Paradise Lost“.

B VI (1925). 1. A. Saareste. Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes. I. Analüüs. (Du sectionnement lexicologique dans les patois estoniens. I. Analyse.) — 2. A. Bjerre. Zur Psychologie des Mordes.

B VII (1926). 1. A. v. Bulmerincq. Einleitung in das Buch des Propheten Maleachi. 4. — 2. W. Anderson. Der Chalfenmünzfund von Kochtel. (Mit Beiträgen von R. Vasmer.) — 3. J. Mägiste. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. (Die Haupt-

züge der Mundart von Rosona). — 4. М. А. Курчинский (М. А. Kurtschinsky). Европейский хаосъ. Экономическія послѣдствія великой войны. (Das europäische Chaos.)

B VIII (1926). 1. А. М. Tallgren. Zur Archäologie Eestis. II. — 2. H. Mutschmann. The secret of John Milton. — 3. L. Kettunen. Untersuchung über die livische Sprache. I. Phonetische Einführung. Sprachproben.

B IX (1926). 1. N. Maim. Parlamentarismist Prantsuse restauratsiooniajal (1814—1830). (Du parlementarisme en France pendant la Restauration.) — 2. S. v. Csekey. Die Quellen des estnischen Verwaltungsrechts. I. Teil (S. 1—102). — 3. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. II. Teil (S. 161—288). — 4. G. Suess. De eo quem dicunt inesse Trimalchionis cenae sermone vulgari. — 5. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. III. — 6. C. Vilhelmsen. De ostraco quod Revaliae in museo provinciali servatur.

B X (1927). 1. H. B. Rahamägi. Eesti Evangeeliumi Luteri usu vaba rahvakirik vabas Eestis. (Die evangelisch-lutherische freie Volkskirche im freien Eesti. Anhang: Das Gesetz betreffend die religiösen Gemeinschaften und ihre Verbände.) — 2. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. IV. — 3. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. III. Teil (S. 289—416). — 4. W. Schmied-Kowarzik. Die Objektivation des Geistigen. (Der objektive Geist und seine Formen.) — 5. W. Anderson. Novelline popolari sammarinesi. I.

B XI (1927). 1. O. Loorits. Liivi rahva usund. (Der Volksglaube der Liven.) I. — 2. A. Berendts und K. Grass. Flavius Josephus: Vom jüdischen Kriege, Buch I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen. IV. Teil (S. 417—512). — 3. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. V.

B XII (1928). 1. O. Loorits. Liivi rahva usund. (Der Volksglaube der Liven.) II. — 2. J. Mägiste. *oi*-, *ei*-deminutiivid läänemeresoome keelis. (Die *oi*-, *ei*-Deminutiva der ostseefinnischen Sprachen).

B XIII (1928). 1. G. Suess. Petronii imitatio sermonis plebei qua necessitate coniungatur cum grammatica illius aetatis doctrina. — 2. С. Штейн (S. v. Stein). Пушкин и Гофман. (Puschkin und E. T. A. Hoffmann.) — 3. A. V. Kõrv. Värsimõõt Veske „Eesti rahvalauludes“. (Le mètre des „Chansons populaires estoniennes“ de Veske.)

B XIV (1929). 1. Н. Майм (N. Maim). Парламентаризм и суверенное государство. (Der Parlamentarismus und der souveräne Staat.) — 2. S. v. Csekey. Die Quellen des estnischen Verwaltungsrechts. II. Teil (S. 103—134). — 3. E. Virányi. Thalès Bernard, littérateur français, et ses relations avec la poésie populaire estonienne et finnoise.

B XV (1929). 1. A. v. Bulmerincq. Kommentar zum Buche des Propheten Maleachi. 1 (1, 2—11). — 2. W. E. Peters. Benito Mussolini und Leo Tolstoi. Eine Studie über europäische Menschheitstypen. — 3. W. E. Peters. Die stimmanalytische Methode. — 4. W. Freymann. Platons Suchen nach einer Grundlegung aller Philosophie.

B XVI (1929). 1. O. Loorits. Liivi rahva usund. (Der Volksglaube der Liven.) III. — 2. W. Süßs. Karl Morgenstern (1770—1852). I. Teil (S. 1—160).

B XVII (1930). 1. A. R. Cederberg. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. — 2. E. Kieckers. Sprachwissenschaftliche Miscellen. VI. — 3. W. E. Peters. Wilson, Roosevelt, Taft und Harding. Eine Studie über nordamerikanisch-englische Menschheitstypen nach stimmanalytischer Methode. — 4. N. Maim. Parlamentarism ja fašism. (Parliamentarism and fascism.)

B XVIII (1930). 1. J. Vasar. Taani püüded Eestimaa taasvallutamiseks 1411—1422. (Dänemarks Bemühungen Estland zurückzugewinnen 1411—1422.) — 2. L. Leesment. Über die livländischen Gerichtssachen im Reichskammergericht und im Reichshofrat. — 3. А. И. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen). О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском. (Über rudimentäre Reste des Aorists in den slavischen Sprachen, vorzüglich im Russischen.) — 4. М. Курчинский (M. Kourtschinsky). Соединенные Штаты Европы. (Les États-Unis de l'Europe.) — 5. K. Wilhelmson. Zum römischen Fiskalkauf in Ägypten.

B XIX (1930). 1. A. v. Bulmerincq. Kommentar zum Buche des Propheten Maleachi. 2 (1, 11—2, 9). — 2. W. Süßs. Karl Morgenstern (1770—1852). II. Teil (S. 161—330). — 3. W. Anderson. Novelline popolari sammarinesi. II.

C I—III (1929). I 1. Ettelugemiste kava 1921. aasta I poolaastal. — I 2. Ettelugemiste kava 1921. aasta II poolaastal. — I 3. Dante pidu 14. IX. 1921. (Dantefeier 14. IX. 1921.) R. Gutmann. Dante Alighieri. W. Schmied-Kowarzik. Dantes Weltanschauung. — II 1. Ettelugemiste kava 1922. aasta I poolaastal. — II 2. Ettelugemiste kava 1922. aasta II poolaastal. — III 1. Ettelugemiste kava 1923. aasta I poolaastal. — III 2. Ettelugemiste kava 1923. aasta II poolaastal.

C IV—VI (1929). IV 1. Ettelugemiste kava 1924. aasta I poolaastal. — IV 2. Ettelugemiste kava 1924. aasta II poolaastal. — V 1. Ettelugemiste kava 1925. aasta I poolaastal. — V 2. Ettelugemiste kava 1925. aasta II poolaastal. — VI 1. Ettelugemiste kava 1926. aasta I poolaastal. — VI 2. Ettelugemiste kava 1926. aasta II poolaastal.

C VII—IX (1929). VII 1. Ettelugemiste kava 1927. aasta I poolaastal. — VII 2. Ettelugemiste kava 1927. aasta II poolaastal. — VIII 1.

Ettelugemiste kava 1928. aasta I poolaastal. — **VIII 2.** Ettelugemiste kava 1928. aasta II poolaastal. — **IX 1.** Ettelugemiste kava 1929. aasta I poolaastal. — **IX 2.** Ettelugemiste kava 1929. aasta II poolaastal. — **IX 3.** Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli isiklik koosseis 1. detsembril 1929.

C X (1929). Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919—1929.

TARTU ÜLIKOOI TOIMETUSED ilmuvad kolmes seerias:

A: Mathematica, physica, medica. (Matemaatika-loodusteaduskonna, arstiteaduskonna, loomaarstiteaduskonna ja põllumajandusteaduskonna tööd.)

B: Humaniora. (Usuteaduskonna, filosoofiateaduskonna ja õigusteaduskonna tööd.)

C: Annales. (Aastaruanded.)

Ladu: Ülikooli Raamatukogus, Tartus.

LES PUBLICATIONS DE L'UNIVERSITÉ DE TARTU (DORPAT) se font en trois séries:

A: Mathematica, physica, medica. (Mathématiques, sciences naturelles, médecine, sciences vétérinaires, agronomie.)

B: Humaniora. (Théologie, philosophie, philologie, histoire, jurisprudence.)

C: Annales.

Dépôt: La Bibliothèque de l'Université de Tartu, Estonie.
